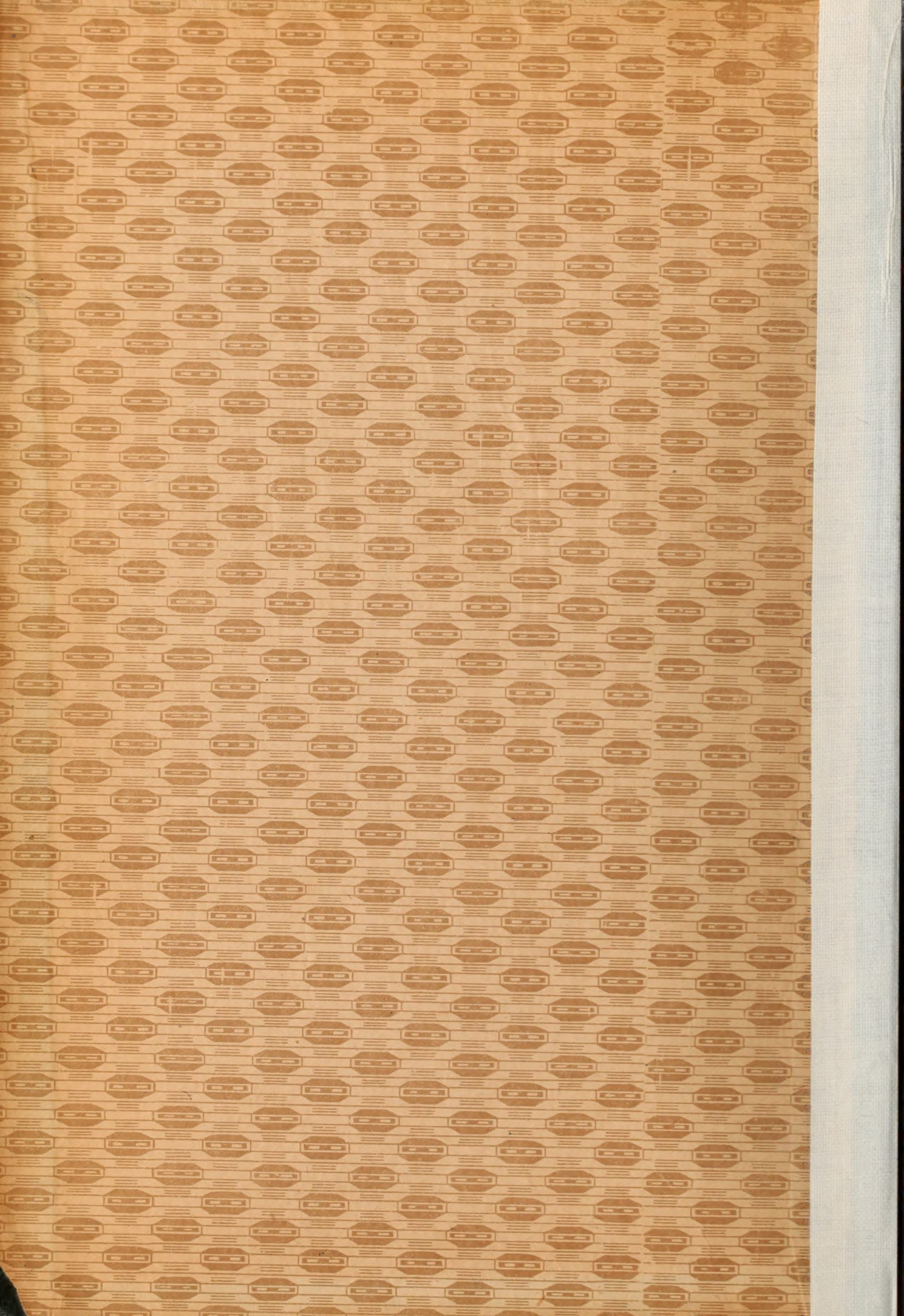
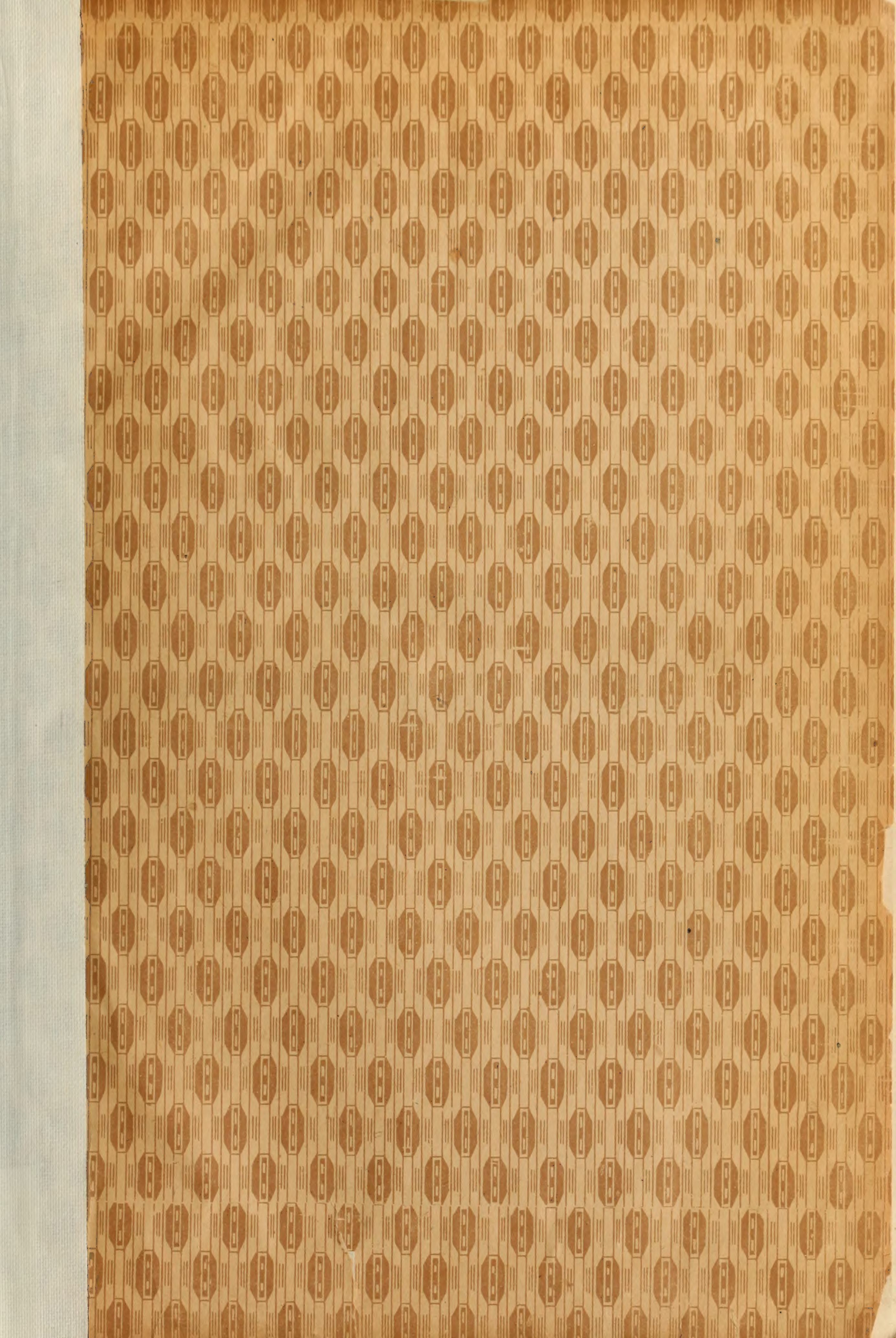
П. Н. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Polevoi Petr Nikolaevich

П. Н. Полевой.

Istoriia russkoi slovesnosti

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

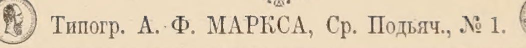
t. 1
[ch. 1]

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1900.

Типогр. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подьяч., № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 13 декабря 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

И

ВВЕДЕНІЕ.

„Словесность есть не что иное, какъ шнуровая книга современнаго капитала идей и знаній...“

Н. Надеждинъ.

Предисловіе.

Издавая въ свѣтъ нашъ настоящій трудъ по Исторіи Русской Словесности, мы задавались одною, главною цѣлью: — въ общедоступной формѣ изложенія дать возможно-полную картину умственной и духовной жизни русскаго народа, насколько она проявилась въ словѣ устномъ, писанномъ или печатномъ, начиная съ древнѣйшихъ произведеній народной словесности, еще полныхъ наивной грубости и простоты, до совершеннѣйшихъ твореній нашихъ классическихъ писателей и поэтовъ, ученыхъ и публицистовъ. Но наша „Исторія Русской Словесности“ была бы далеко не полною и не законченною, если бы мы ограничились однимъ общимъ обзоромъ произведеній русской словесности во всемъ ихъ объемѣ, или изложеніемъ біографическихъ фактовъ, рисующихъ намъ личную жизнь и дѣятельность русскихъ писателей...

Исторія Словесности, на нашъ взглядъ, можетъ явиться полною и законченною лишь въ томъ случаѣ, если она, занимаясь фактами *литературной жизни писателей* и обзоромъ ихъ произведеній, въ то же время дастъ понятіе и объ обществѣ, среди котораго писатели жили и дѣйствовали. Безъ этого необходимаго дополненія, Исторія Словесности будетъ представлять собою сухой и скучный перечень именъ и заглавій, не имѣющій серьезнаго образовательнаго значенія: да и самая „исторія писателей“, помимо своей связи съ исторіей общества, обратится въ текстъ біографическаго словаря, пригодный для справокъ, но неудобный для чтенія...

Не слѣдуетъ забывать, что писатель настолько же немыслимъ безъ общества, насколько развитое, образованное обще-

ство немыслимо безъ писателей. Писателю нужна публика, читающая и сочувствующая, публика способная его понять, поднять его энергію, оцѣнить его убѣжденія и направленіе, его нравственныя цѣли. Вотъ почему одною изъ важнѣйшихъ задачъ Исторіи Словесности должно быть выясненіе степени вліянія писателей на современное поколѣніе и вся дѣятельность ихъ должна быть разсматриваема не иначе, какъ въ тѣсной связи съ современными условіями общественной жизни и господствовавшими въ ней воззрѣніями, понятіями и нравами. Нельзя упускать изъ виду, что писатели, среди современнаго имъ общества, являются лишь избранными представителями и провозвѣстниками того общественнаго движенія, которое, незримо для всѣхъ насъ, совершается непрерывно среди послѣдовательно - смѣняющихся, наростающихъ поколѣній...

При такомъ взглядѣ на значеніе дѣятельности писателя, мы, конечно, должны были въ нашей Исторіи Русской Словесности отвести видное мѣсто и исторіи русскаго просвѣщенія, и обзору поступательнаго движенія русской исторической и словесной науки вообще, насколько она можетъ и должна входить въ область Русской Словесности.

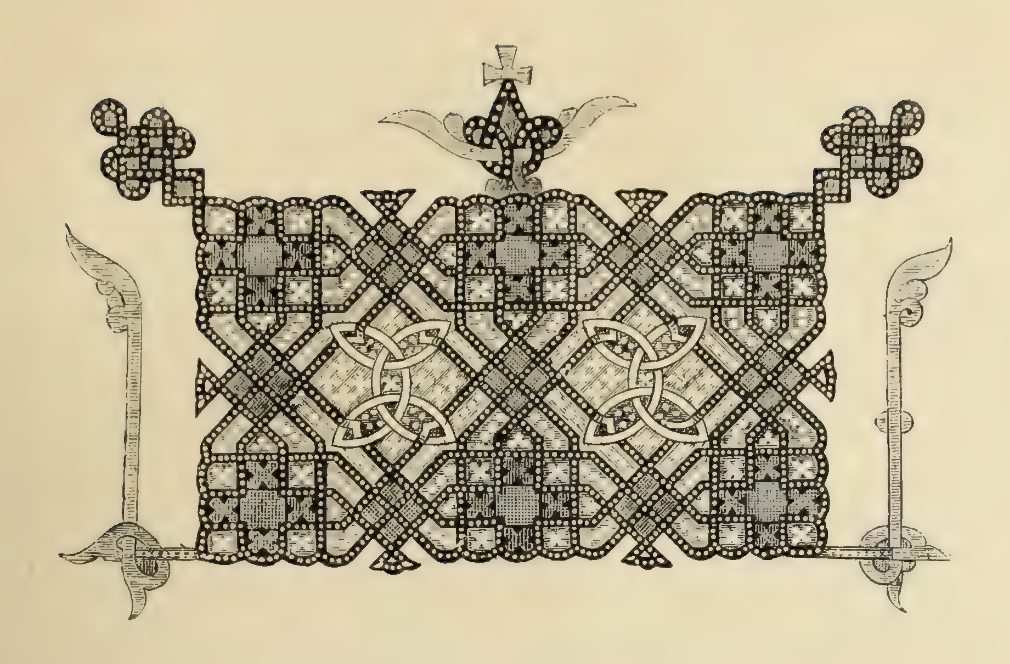
Излагая Исторію Русской Словесности въ тѣсной связи съ тѣми различными условіями и вліяніями, которыя въ разное время способствовали ея развитію или задерживали ея ростъ, мы стараемся дать читателю, при каждомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторое представленіе о томъ, какъ постепенно, въ различныя эпохи, видоизмѣнялся и развивался русскій книжно - литературный языкъ. Въ этихъ видахъ мы даемъ возможность читателю ознакомиться съ нашимъ литературнымъ языкомъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Іоаннъ Вишенскій писалъ къ князю Острожскому о русско-славянскомъ языкѣ, что онъ есть „плодоноснѣйшій и Богу любимѣйшій“, когда Ломоносовъ наивно восхвалялъ качества и достоинства современнаго ему русскаго литературнаго языка и превозносилъ его предъ всѣми европейскими языками—и до нашего времени, избалованнаго гармоническими стихами Пушкина и Лермонтова и высоко художественною прозою Тургенева и Гончарова.

Въ какой степени удалось намъ выполнить нашу трудную задачу—судить не намъ...

П. Полевой.

10 декабря 1899 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Ἐν ἀρχῇ ἦν λόγος...

„*Въ началѣ бѣ Слово*“ — такъ вдохновенный Евангелистъ начинаетъ свое благовѣствованіе. Такъ всего справедливѣе будетъ и намъ, именно этими словами Евангелиста, начать введеніе къ нашему труду по Русской словесности. Начать съ тѣхъ завѣтныхъ словъ, которыя должны быть намъ вдвойнѣ дороги, потому что они были, вѣроятно, первыми, начертанными на церковно-славянскомъ языкѣ въ переводѣ братьевъ-первоучителей славянскихъ.

Да, въ основѣ всякой словесности, несомнѣнно, лежитъ *слово*—это чудное дѣтище пытливаго разума и творческой силы, вложенной Богомъ въ душу человѣка; *слово,* служащее выраженіемъ всей внутренней жизни человѣка и всѣхъ его многообразныхъ отношеній къ окружающей природѣ. Безъ *слова* не было бы словесности, которая представляетъ собою общую сложность всѣхъ произведеній ума и души человѣка, выраженныхъ словомъ; однакоже смѣло можно сказать, что самую обширную и самую богатую словесность, устную и письменную, было гораздо легче создать каждому народу, нежели создать массу словъ, необходимыхъ ему для воплощенія всей совокупности понятій, которыя служатъ для выраженія внутренней дѣятельности человѣка и являются мощнымъ орудіемъ для поддержанія его внѣшнихъ отношеній ко всему міру. Если для созданія той или другой богатѣйшей и разнообразнѣйшей словесности народу нужно было прожить разумною жизнью нѣсколько столѣтій, то не слѣдуетъ забывать, что

на созданіе словъ, составляющихъ языкъ, на созданіе того грамматическаго и логическаго строя, при помощи котораго отдѣльныя слова становятся способными выражать опредѣленную мысль— на эту тяжкую работу ушли тысячелѣтія... Тысячелѣтія эти протекли между тѣмъ первобытнымъ періодомъ, когда человѣкъ каменнаго и пещернаго періода, пользуясь своею природною способностью произносить членораздѣльные звуки, сталъ создавать первыя, быть-можетъ, звукоподражательныя слова, — и до того времени, когда онъ выступилъ, наконецъ, на поприще исторической жизни, хотя бы даже и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова...

Языкъ, какъ живое цѣлое, какъ духовное созданіе творческой силы человѣка, обладаетъ способностью жить и развиваться, и совершенствоваться, и, въ такой же мѣрѣ—слабѣть, утрачивать силу и значеніе, и окончательно вымирать, заодно съ создавшимъ его народомъ. Если народъ не одаренъ отъ природы богатыми задатками къ развитію въ будущемъ, если онъ не выказываетъ способности подняться выше уровня бытовыхъ условій бродячаго дикаря-охотника или полудикаго кочевника, то и жизнь его остается постоянно на одной и той же стадіи развитія, и языкъ обладаетъ лишь существенно-необходимымъ ему запасомъ словъ, для выраженія ограниченнаго круга понятій, доступныхъ малоразвитому народу. И, въ этомъ случаѣ, языкъ можетъ тысячелѣтія оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, не развиваясь, не усиливаясь, не дополняя запаса своихъ словъ — и тысячелѣтія пройдутъ для него безслѣдно и безплодно. Если же народъ одаренъ отъ природы способностью къ дальнѣйшему развитію, благодаря которой ищетъ себѣ все лучшихъ и лучшихъ условій жизни, то онъ постепенно переходитъ отъ однѣхъ формъ быта къ другимъ и, наконецъ, доживаетъ до первыхъ стадій гражданскаго строя жизни. Сообразно съ этими переходами и языкъ такого народа постепенно развивается, богатѣетъ запасомъ словъ и достигаетъ бо́льшей гибкости и выразительности. Однимъ словомъ, языкъ служитъ самымъ живымъ и самымъ непосредственнымъ отраженіемъ жизни каждаго народа.

Но, собственно говоря, развиваться настоящимъ образомъ языкъ начинаетъ только тогда, когда народъ выступитъ на поприще исторической жизни и начнетъ переживать ея различные фазисы: когда бытъ его уже не ограничивается однѣми обыденными потребностями первой необходимости, а, напротивъ того, начинаетъ подчиняться высшимъ побужденіямъ и цѣлямъ общественнаго строя жизни. И, по мѣрѣ того, какъ жизнь народа развивается, становится разнообразнѣе и сложнѣе — развивается и языкъ его, и даетъ ему полную возможность выразить, обозначить

особымъ словомъ всѣ разнообразныя и сложныя явленія новаго строя его быстро-развивающейся жизни.

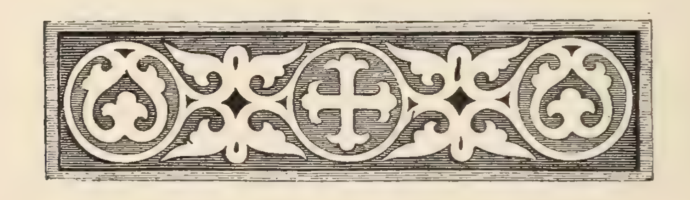
Обыкновенно, въ томъ періодѣ, когда народъ выступаетъ на поприще исторической жизни, онъ уже обладаетъ болѣе или менѣе развитою письменностью. Возрастающія потребности жизни усложняются уже настолько, что одного словеснаго выраженія мысли бываетъ недостаточно: является необходимость письменнаго закрѣпленія выраженной мысли, необходимость облеченія въ письменную форму многихъ явленій и фактовъ жизни, является высшая потребность вполнѣ созрѣвшаго въ своемъ развитіи человѣка—потребность записывать факты для памяти или же для того, чтобы подѣлиться съ другими своею мыслью, своимъ впечатлѣніемъ, своимъ наблюденіемъ и опытомъ... Зарождается литература, и тогда уже наступаетъ новый періодъ въ развитіи языка, путемъ постепенной научной разработки его и путемъ всесторонняго изученія различныхъ его элементовъ.

Сообразно съ ходомъ развитія жизни народа, въ тѣсной связи съ нею, развивается, какъ мы видѣли, и языкъ... И по мѣрѣ того, какъ онъ становится вполнѣ пригоднымъ для выраженія мысли, чувства, впечатлѣнія—народъ, даже и далеко еще не достигнувшій высшихъ ступеней развитія, пользуется имъ для удовлетворенія различныхъ потребностей, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, и нравственныхъ: складываетъ пѣсни, въ которыхъ выражаетъ свои чувства, создаетъ обширный запасъ сказокъ, въ которыхъ дѣйствительность такъ игриво и такъ неразрывно сливается съ вымысломъ, проявляетъ свою практическую мудрость, свое остроуміе и наблюдательность въ загадкѣ и въ заговорѣ, въ пословицѣ и поговоркѣ. Этими произведеніями бываетъ богата словесность каждаго, даже и весьма юнаго народа, и очень часто случается, что вся умственная жизнь и дѣятельность народа только этими произведеніями и выражается, и ограничивается. Народъ, создавшій массу пѣсенъ и сказокъ, сходитъ со сцены, не оставивъ по себѣ никакихъ болѣе прочныхъ памятниковъ, и все, созданное имъ, пропадаетъ безслѣдно. Случается и наоборотъ: народъ, достигающій возможности жить историческою жизнью, при посредствѣ письменности, переходитъ отъ этихъ наивныхъ произведеній устной словесности къ произведеніямъ письменной литературы; отъ творчества, въ которомъ, болѣе или менѣе, *принимаетъ участіе весь народъ* (такъ какъ произведенія народной словесности передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію) — къ *творчеству личному*, которое уже отражаетъ на себѣ народность лишь настолько, насколько та или другая личность олицетворяетъ собою общій характеръ народа. Случается нерѣдко, что письменность въ народѣ является очень рано, развивается при

такихъ условіяхъ, при такихъ господствующихъ вліяніяхъ, которыя сосредоточиваютъ умственную дѣятельность народа въ рукахъ высшаго слоя общества, въ рукахъ ограниченнаго меньшинства; и тогда письменная литература начинаетъ развиваться и расти по готовой программѣ, по чуждымъ образцамъ, и не только забываетъ свою народную основу, въ видѣ устной словесности, но даже относится къ ней съ пренебреженіемъ и порицаніемъ. Нарождается письменная литература и забывается устная народная словесность.

Вслѣдствіе такихъ различныхъ условій развитія народной жизни, могутъ существовать народы, не имѣющіе никакой письменной литературы и обладающіе обширной и богатой устной народной поэзіей; и, наоборотъ, народы, стоящіе на высшей ступени развитія и образованности, обладающіе обширной и разнообразной литературой, чаще всего не имѣютъ никакой устной, народной словесности — уже давно изсякнувшей и забытой всѣми.

Мы, русскіе, были, въ этомъ отношеніи, счастливѣе весьма многихъ европейскихъ народовъ. Обладая обширною и разнообразною устною словесностью, мы перешли къ письменной литературѣ при весьма благопріятныхъ условіяхъ, благодаря которымъ высшіе образованные классы общества не отдѣлялись рѣзкою гранью отъ народа, какъ это было на Западѣ; а потому и письменная литература наша ужъ очень рано стала не только воспринимать и допускать вліяніе устной народной словесности, но и стремиться къ воплощенію лучшихъ элементовъ народной жизни въ формѣ литературныхъ произведеній.

Древнѣйшія времена.

Періодъ устной народной словесности.

I.

Обще-арійское происхожденіе славянскихъ народовъ.—Отголоски обще-арійскаго прошлаго. — Языки славянскіе и языкъ русскій. — Вліянія на него иноземныя и иноплеменныя.

Русскій народъ является въ настоящее время наиболѣе могущественнымъ въ политическомъ смыслѣ и подавляющимъ по численности представителемъ обширной семьи народовъ славянскихъ, которые только еще начинаютъ выступать на поприще самостоятельной политической жизни. Семья народовъ славянскихъ, въ свою очередь, принадлежитъ къ обширному древнѣйшему Арійскому или Индо-Европейскому племени, отъ котораго ведутъ свое начало почти всѣ народы, населяющіе Европу.

Въ новѣйшее время, путемъ сравнительнаго изученія всей обширной группы языковъ *Арійскаго или Индо-Европейскаго племени*, ученые пришли къ тому заключенію, что всѣ Арійцы, когда-то, въ весьма отдаленное время, жили въ одной общей прародинѣ и говорили однимъ общимъ языкомъ. Арійскія преданія указываютъ, какъ на мѣсто этой общей прародины, на ту возвышенную часть Азіи, откуда берутъ начало рѣки Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, съ одной стороны, и рѣки, текущія въ Индійскій океанъ — съ другой. Съ теченіемъ времени, однакоже, этотъ народъ арійскій сталъ распадаться на отдѣльныя вѣтви, по мѣрѣ того, какъ арійцы выселялись изъ прародины и осѣдали на новыхъ поселеньяхъ.

Сообразно этому распаденію и этимъ выселеніямъ, и первоначальный, общій всѣмъ арійцамъ языкъ-праотецъ тоже распадался на новые, отдѣльные другъ отъ друга языки, нарѣчія и поднарѣчія.

Ученые предполагаютъ, что сначала арійцы распались на двѣ главныя вѣтви: *восточную* и *западную*. Восточная вѣтвь выдѣлила изъ себя впослѣдствіи два племени: *Иранское* и *Индійское*, населившія Иранъ и Индію. Западная вѣтвь, въ разное время, выселилась постепенно въ Европу и здѣсь распалась также на двѣ вѣтви: на *сѣверно-европейскую* или *славяно-германскую* вѣтвь, и на *южно-европейскую* или *греко-итало-кельтійскую*.

Обще-арійское прошлое.

Впослѣдствіи, славяно-германская вѣтвь, въ свою очередь, распалась — на *германскую и славяно-литовскую*. Отъ первой произошли германцы, отъ второй—славяне и литовцы.

Объ этомъ отдаленномъ общеарійскомъ прошломъ народовъ арійскихъ были добыты данныя опять-таки путемъ сравнительнаго языкознанія. Ученые, въ этой области наблюденія, пришли къ убѣжденію, что арійцы, даже и въ обще-арійскомъ періодѣ, стояли на степени развитія, весьма далекой отъ первобытнаго дикаго состоянія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ языка, арійцы, въ этомъ обще-арійскомъ періодѣ, были племенемъ кочующимъ, пастушескимъ, но уже знакомымъ съ нѣкоторыми отраслями земледѣлія, хотя и въ весьма первобытной формѣ. Сравнительное языкознаніе указываетъ на существованіе у нихъ семьи и весьма опредѣленныхъ степеней родства. Любопытною чертою этого весьма отдаленнаго періода является то, что въ обще-арійскомъ запасѣ словъ не существуетъ словъ и выраженій, относящихся къ быту военному и морскому.

Періодъ странствованіи.

За этимъ обще-арійскимъ періодомъ наступилъ для всѣхъ арійскихъ народовъ періодъ долгихъ странствованій и переселеній, пока они не осѣли на опредѣленной территоріи. И даже послѣ того, какъ они осѣли и обособились въ отдѣльныя племена, странствованія и передвиженія ихъ, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, все еще продолжались. Такъ, напримѣръ, древнѣйшія славянскія преданія указываютъ намъ на Дунай и придунайскія мѣстности, какъ на исконную родину славянъ. Есть основаніе вѣрить этимъ преданіямъ и предполагать, что славяне, много вѣковъ сряду, пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, гдѣ память о нихъ сохранилась въ названіи мѣстностей даже и тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ славянскаго поселенія. Въ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе и о послѣдующемъ движеніи славянъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Объ этомъ обще-славянскомъ періодѣ, изъ сравнительнаго изученія языковъ славянскихъ, узнаемъ, что въ теченіе его сла-

вяне были уже племенемъ вполнѣ осѣдлымъ и земледѣльческимъ, что они жили въ селеніяхъ и въ городахъ, что имъ извѣстны были и первыя основы общественности, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ словъ: *право*, *судъ*, *правда;* замѣтимъ, однакоже, что изъ того же сравненія языковъ выясняется, насколько были слабы понятія о собственности и какъ малоопытны были славяне въ торговлѣ: у нихъ нѣтъ общихъ всѣмъ славянскимъ народамъ терминовъ для обозначенія „наслѣдованья“, „имущества“ и „денегъ“ (какъ единицы извѣстнаго рода цѣнности).

Распаденіе славянъ на двѣ вѣтви.

Изъ тѣхъ же фактовъ, доставляемыхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ, узнаемъ, что славяне, уже задолго до начала нашей исторической эры, еще въ то время, когда пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, распались на двѣ вѣтви: *сѣверо-восточно-южную* и *западную*. По мѣрѣ разселенія славянскихъ племенъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и югъ, и всѣ нарѣчія славянскія, принадлежавшія къ этимъ двумъ вѣтвямъ, начинали все болѣе и болѣе другъ отъ друга отдаляться и разъединяться и, въ первой вѣтви, опредѣлились три языка: а) *древне-болгарскій* [1]), въ составъ его входитъ *церковно-славянскій* языкъ нашей древней письменности, и отъ него произошелъ нынѣшній *ново-болгарскій;* б) *сербскій* языкъ, съ нарѣчіемъ хорутанскимъ, и в) *русскій* языкъ, съ его важнѣйшими нарѣчіями.

Во второй вѣтви опредѣлились четыре языка: а) *чешскій*, съ нарѣчіемъ словацкимъ; б) *польскій*; в) *лужицкій* и г) *полабскій* — уже давно и безслѣдно исчезнувшій и вымершій; на немъ говорили славянскія племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря и прибрежнымъ его островамъ.

Русскій народъ и русскій языкъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто русскаго языка въ семьѣ языковъ славянскихъ, замѣтимъ кстати, что *собственно русскимъ* онъ сталъ называться весьма поздно (не ранѣе, какъ съ половины IX вѣка по Р. Х.), потому что ни византійцамъ, ни другимъ западнымъ своимъ сосѣдямъ русскій народъ не былъ извѣстенъ ранѣе подъ своимъ настоящимъ именемъ, подъ именемъ *Руси* и *русскихъ* [2]), и только съ X вѣка это имя начинаетъ поглощать всѣ частныя, видовыя названія славянскихъ племенъ, посе-

[1]) Говоря «древне-болгарскій», мы вовсе не хотимъ этимъ сказать: языкъ древняго финско-тюркскаго племени тѣхъ болгаръ, которые въ VII в. по Р. Хр. перешли съ Волги на Дунай, насѣли на славянъ дунайскихъ и создали болгарское царство. Дѣло въ томъ, что эти болгары, завоевавъ славянское племя, болѣе ихъ образованное и развитое, очень скоро подчинились его нравственному вліянію, т.-е. приняли его языкъ, нравы и вѣрованія и совершенно съ нимъ ассимилировались, передавъ ему только свое имя.

[2]) Варяги-Русь, призванные «княжить и володѣть» славянскими и финскими племенами, представляли собою горсть дружинниковъ, сгруппированныхъ около одного княжескаго рода. Понятно, что они еще скорѣе, чѣмъ болгары среди славянъ дунайскихъ, растаяли въ общей славянской массѣ, и еще быстрѣе утратили свои отличительныя черты и усвоили себѣ языкъ и нравы добровольно покорившихся имъ славянъ.

лившихся на территоріи нынѣшней Россіи. Даже и нашъ древній лѣтописецъ, подробно излагая, гдѣ и какъ расселились славянскія племена на этой территоріи, говоритъ о тѣхъ, которыя поселились на озерѣ Ильменѣ, что они сохранили свое исконное названіе славянъ:—„прозвались своимъ именемъ“, и этимъ какъ бы противополагаетъ славянъ ильменскихъ (будущихъ новгородцевъ) всѣмъ остальнымъ племенамъ, будто бы получившимъ прозвища отъ своихъ новыхъ поселій.

Русскій языкъ и различныя вліянія на него.

Отдѣлившись отъ общей семьи языковъ славянскихъ, русскій языкъ сталъ развиваться самостоятельно, но сохранилъ нѣкоторую. бо̀льшую близость къ языкамъ сербскому и болгарскому. Вліяніе, оказанное послѣднимъ изъ этихъ языковъ на языкъ русскій, было даже весьма значительно, такъ какъ многія книги богослужебныя и Св. Писаніе мы получили, при введеніи у насъ христіанства, изъ Византіи, въ переводахъ съ греческаго языка на древне-болгарскій.

Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго разселенія русскаго племени, вслѣдствіе сношеній и болѣе тѣснаго сближенія съ сосѣдними племенами, а отчасти и вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, въ языкѣ русскомъ происходили постепенно нѣкоторыя видоизмѣненія въ формахъ и произношеніи, а отчасти и въ томъ, что въ запасъ словъ входило много новаго лексическаго матеріала. Такъ, на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и востокѣ сильно было вліяніе племенъ финскихъ и финско-тюркскихъ, а впослѣдствіи—вліяніе татарскаго языка: на сѣверо-западѣ и западѣ—вліяніе литовскаго и польскаго языковъ. Послѣднее вліяніе было настолько сильно, что развились даже два самостоятельныхъ нарѣчія: *бѣлорусское* на сѣверо-западѣ, *южно-русское* или *малорусское* на юго-западѣ. Сѣверно-русское нарѣчіе, господствовавшее въ сѣверныхъ областяхъ Руси, въ связи съ болѣе мягкимъ нарѣчіемъ центральныхъ областей, господствовавшимъ въ Москвѣ и Владимірѣ, съ теченіемъ времени сложилось въ одно цѣлое — въ такъ-называемое *великорусское* нарѣчіе, которое постепенно вошло въ офиціальные документы и, съ теченіемъ времени, явилось языкомъ государственнымъ.

Иноземное вліяніе книжное началось во времена введенія на Руси христіанства съ того, что въ русскій языкъ внесено было весьма много словъ греческихъ, и внесеніе ихъ не прекращается понынѣ (въ области научныхъ терминовъ); гораздо менѣе замѣтно было временное вліяніе скандинавское, внесенное пришлыми варягами, которые были быстро поглощены и вполнѣ ассимилированы русскою народностью.

Татарское иго и долгія сношенія съ народами азіатскими, въ свою очередь, внесли въ нашъ языкъ много словъ изъ языковъ

восточныхъ, и эти слова остаются и въ наше время въ общемъ употребленіи. Въ XVII столѣтіи, наканунѣ эпохи преобразованій, русскій книжный языкъ воспринялъ много словъ латинскихъ и польскихъ; и затѣмъ, въ эпоху преобразованій и въ теченіе первой половины XVIII вѣка, въ русскій языкъ—разговорный, книжный и офиціальный—внесена была масса словъ голландскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ. Эти внесенія, при нынѣшнихъ, непрерывныхъ сношеніяхъ Россіи съ Западомъ, хотя и въ меньшей степени, но продолжаются непрерывно и, вѣроятно, будутъ продолжаться, пока будетъ поддерживаться живая духовная связь между народами цивилизованнаго міра.

II.

Народная поэзія въ связи съ языческими вѣрованіями, преданіями и условіями быта.—Какъ слагались народныя пѣсни?—Живучесть народной поэзіи.—Вліяніе, оказанное христіанствомъ на поэзію народную.—Періодъ двоевѣрія.—Поэзія народная въ соотношеніи съ дѣйствительностью.

Съ той поры, когда народъ начинаетъ жить сознательною жизнью, въ немъ, весьма естественно, проявляется желаніе выражать свои мысли и впечатлѣнія—дѣлиться своею внутреннею жизнью съ окружающими. Одновременно является желаніе закрѣпить, такъ или иначе, эти мысли и впечатлѣнія, и для этой цѣли слагается такая форма рѣчи, которая облегчала бы запоминаніе. Такою формою, предпочтительно передъ другими, является форма ритмическая, тѣсно связующая слово съ музыкой и пѣніемъ — форма *пѣсни*.

Пѣсня. Живучесть пѣсни.

Народъ, въ первоначальной пѣснѣ своей, вѣроятно, прославлялъ древнихъ языческихъ боговъ, величалъ, привѣтствовалъ и воспѣвалъ своихъ богатырей и героевъ, пѣснью сопровождалъ свои празднества и освѣщалъ важнѣйшія событія своей обыденной жизни. Вслѣдствіе этого и явились въ народѣ пѣсни *обрядныя* и *былевыя, бытовыя* или *семейныя*.

Само собою разумѣется, что, первоначально, у такихъ пѣсенъ были личные авторы; но особенности и признаки ихъ личнаго творчества, никѣмъ не признаваемаго, какъ исключительное право, при одинаковомъ уровнѣ въ развитіи массы, быстро стирались, по мѣрѣ того, какъ произведеніе переходило изъ устъ въ уста и, такимъ образомъ, становилось общимъ достояніемъ массы. Конечно, при передачѣ подобнаго произведенія, многое въ немъ передѣлывалось и измѣнялось, многое примѣнялось къ извѣстнымъ условіямъ быта, иногда даже къ вкусамъ слушателей; но оно становилось извѣстно всѣмъ, и, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, переживало вѣка. Такою живучестью пѣсня была,

главнымъ образомъ, обязана тому, что память народная твердо и свободно удерживала въ себѣ сотни стиховъ и десятки пѣсенъ. Постоянно повторяя старыя, и вытверживая новыя пѣсни съ общаго народнаго голоса, народъ примѣнялъ пѣсню и къ обрядовымъ дѣйствіямъ и къ обыденнымъ явленіямъ жизни своей, наполняя ею свои долгіе зимніе досуги и сопровождая труды лѣтней страдной поры, привѣтствуя ею первыя вѣянія наступающей весны, напутствуя ею же, при проводахъ зимы, морозы и вьюги, ослабѣвающіе съ наступленіемъ весеннихъ пригрѣвовъ. Еще будучи ребенкомъ, выслушивалъ и запоминалъ каждый эти пѣсни, которыя потомъ связывалъ и самъ съ опредѣленнымъ обрядомъ, съ извѣстными эпохами своей жизни: а въ старости—научалъ имъ сыновей и внучатъ своихъ, передавая имъ преданія отдаленной старины, влагая имъ въ уста тѣ слова пѣсни, которымъ самъ придавалъ вѣщее значеніе... И пѣсня, переходя такимъ образомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, переживала вѣка, оставаясь священнымъ достояніемъ души народной...

Вліяніе христіанства.

Но старые боги отжили свой вѣкъ; наступившія новыя времена принесли съ собою новую вѣру въ Бога Всемогущаго и Всевѣдущаго, и эту новую вѣру стали усердно распространять въ народѣ разные проповѣдники, проникнутые высокою идеею своего призванія, далекіе отъ міра, отъ его соблазновъ и радостей. Отрицая всѣ языческія вѣрованья, всѣ обряды и повѣрья, эти провозвѣстники слова Божія стали сурово порицать и мірское веселье, и игры „на полянахъ между селами“, и пѣсни, унаслѣдованныя отъ старины, и „пляски съ топотомъ и свистомъ“ подъ звукъ гудка и сопѣли и первобытныхъ звончатыхъ гуслей. Пѣсни подверглись гоненію, какъ плоды „бѣсовской“ игры ума, празднества языческія замѣнились новыми празднествами—христіанскими; обряды прежніе—обрядами новыми.

Періодъ двоевѣрія.

Но—какъ забыть пѣсню, которая шла изъ вѣковъ отдаленныхъ, которая жила съ народомъ и дожила до новой вѣры и во всей своей цѣлости сохранилась народною памятью? Обряды измѣнились, отъ обычаевъ пришлось отстать,—но съ пѣсnью народъ не разстался; онъ перенесъ ее въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на празднества христіанскія, пріурочивая ее, какъ умѣлъ, къ новымъ обрядамъ и новымъ обычаямъ—и вотъ, наступилъ *періодъ двоевѣрія*. Въ этотъ періодъ старыя начала, языческія, еще борются въ его душѣ съ новыми, христіанскими, а новыя понятія, даже и противъ воли его, мѣшаются со старыми; и новыя имена святыхъ, неизвѣстныхъ и потому именно грозныхъ, насильственно вносятся въ его память, изгоняя изъ нея старыхъ боговъ, отъ которыхъ ему трудно отстать, которымъ мудрено отучиться вѣрить. И вотъ, измѣненная, приноровленная къ новымъ

условіямъ жизни, пѣсня переживаетъ и новую вѣру, и переходитъ въ послѣдующіе вѣка, къ грядущимъ поколѣніямъ. Почти также, какъ съ пѣснью обрядовой, народъ поступаетъ и съ пѣснью былевою, которая также не даромъ переживаетъ вѣка...

Въ отдаленномъ періодѣ сѣдой древности, еще полной вѣрою въ древнихъ боговъ, еще полной страха передъ могущественными силами природы, народъ видитъ во всемъ сверхъестественное, необычайное, и даже всѣ качества и свойства человѣка возводитъ до чрезвычайныхъ, преувеличенныхъ размѣровъ. Выше всего цѣня силу физическую и твердое мужество, народъ представляетъ своихъ богатырей гигантами, способными совершать подвиги, невозможные для простого смертнаго. Но, переживая вѣка, обогащаясь житейскимъ опытомъ, убѣждаясь мало-по-малу въ ничтожествѣ силъ человѣческихъ и въ великомъ значеніи благого Промысла Божія, народъ начинаетъ сводить своихъ героевъ съ той высоты, на которую его вознесло непомѣрно-развитое воображеніе первобытной эпохи, и болѣе и болѣе приравнивать ихъ къ общему уровню смертныхъ... Богатыри, въ пѣсняхъ ближайшей къ намъ эпохи, обращаются въ простыхъ казаковъ, и борются они не противъ Змѣевъ-Горыничей, а противъ разбойниковъ или противъ татаръ; и перевѣсъ надъ противникомъ часто беретъ уже не сила, а хитрость и умѣнье. Одновременно съ такимъ перерожденіемъ героевъ въ простыхъ смертныхъ, въ былевой пѣснѣ измѣняются и упоминаемыя въ ней бытовыя условія, уже не вполнѣ понятныя для людей позднѣйшей эпохи: *воевода* обращается въ *генерала*, *теремъ* и *гридница* — въ *комнату*, *палица* семипудовая — замѣняется *ружьемъ* и *саблей*. Пѣсня, постепенно, низводится до дѣйствительности, а случайно уцѣлѣвшіе отрывки древняго былевого эпоса сохраняются лишь въ немногихъ дальнихъ и глухихъ углахъ на память о старинѣ стародавней... Вырожденіе пѣсни.

III.

Религіозныя вѣрованія и повѣрья восточной вѣтви славянъ.—Остатки древнихъ языческихъ празднествъ и обрядовъ, и соединенныя съ ними обрядовыя пѣсни.—Пѣсни бытовыя.

Наши свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ у славянъ вообще очень скудны и неполны; особенно скудны они по отношенію къ восточной вѣтви славянъ, разселившихся въ предѣлахъ древней Руси. Мы почти вынуждены придти къ тому убѣжденію, что отличительною чертою вѣрованій у славянъ восточныхъ являлась крайняя простота и немногосложность ихъ религіозныхъ воззрѣній, не только по сравненію съ остальными народами арійскаго племени, но даже и по сравненію съ нѣкоторыми изъ остальныхъ племенъ

славянскихъ. Такъ, напр., у славянъ балтійскихъ (можетъ-быть, подъ вліяніемъ сосѣднихъ германцевъ) видимъ много боговъ, опредѣленныя формы богослуженія, установившееся сословіе жрецовъ, богато разукрашенные и красиво-отстроенные храмы, полные идоловъ. А у славянъ восточныхъ не видимъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни правильнаго идолослуженія, ни даже рѣзко-опредѣленныхъ типовъ божествъ. Простыя вѣрованія восточныхъ славянъ носили на себѣ характеръ первобытнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы, которыхъ вліяніе и значеніе сознавалось, но представлялось въ образахъ блѣдныхъ, неясныхъ, еще не носившихъ на себѣ печати вполнѣ сознательнаго типическаго представленія.

Свѣдѣнія о древнихъ богахъ.

Древнѣйшій лѣтописецъ опредѣленно упоминаетъ только о двухъ богахъ: Перунѣ и Волосѣ (или Велесѣ), котораго называетъ *скотьимъ богомъ* (т.-е. богомъ, покровителемъ стадъ). Изъ договоровъ русскихъ съ греками знаемъ, что имена этихъ боговъ упоминались при клятвахъ и при заключеніи договоровъ, и это указываетъ ясно на то, что поклоненіе имъ было весьма распространеннымъ и даже имѣло довольно важное значеніе. Изъ другихъ памятниковъ узнаемъ о другихъ, второстепенныхъ богахъ: о Стрибогѣ, который имѣлъ какое-то отношеніе къ вѣтрамъ и къ погодѣ, о Хорсѣ, о Родѣ и Роженицахъ, значеніе которыхъ весьма темно и запутанно, несмотря на толкованія нашихъ ученыхъ. Византійскіе писатели утверждаютъ, однакоже, что между всѣми славянами распространено было вѣрованіе въ единое, Верховное Существо, правившее всѣмъ міромъ. Можно догадываться, по нѣкоторымъ намекамъ русскихъ памятниковъ, что у восточныхъ славянъ это Верховное Существо называлось *Сварогомъ*, и что оно было олицетвореніемъ свѣта и неба, надъ которымъ этотъ богъ властвовалъ. Соотвѣтствующимъ Сварогу божествомъ женскаго пола являлась *мать-сыра-земля*, производящая все видимое человѣку и питающая его. Сыновьями этого вышняго бога почитались *солнце* (подъ именемъ *Даждьбога*) и *огонь*, которые, по свидѣтельству этого древняго памятника, даже и величались *Сварожичами*.

Поклоненіе солнцу и огню.

Красному солнышку, оживлявшему всю природу своими лучами, пробуждавшему ее отъ зимняго сна, посвящались особыя празднества, сопровождавшіяся обрядовыми играми, плясками и пѣснями, въ которыхъ прославляли солнце и его благодѣянія, просили вёдра и урожая.

Огню также молились, приписывая ему вѣщее священное значеніе, на которомъ основывалось самое уваженіе славянина къ его домашнему очагу, также выражавшееся особыми обрядами и чествованіемъ того существа, которое носило характерное на-

званіе „дѣдушки домового“ и являлось духомъ-покровителемъ семьи и семейнаго очага.

Не подлежитъ сомнѣнію, что славяне поклонялись еще и *водамъ*, видимо ставя воды земныя—рѣки, озера и ручьи въ тѣсную связь съ водами небесными. Поклонялись и вѣковымъ дремучимъ *лѣсамъ*, среди которыхъ устраивали свои поселки. Пылкое воображеніе славянина населяло и воды, и лѣса особыми миѳическими существами—*водяными* и *лѣшими*,—отъ которыхъ въ тѣсной зависимости находились различныя условія быта; поэтому славянинъ старался умилостивить эти существа, принося жертвы „кладязямъ, источникамъ и рощеніямъ“, развѣшивая свои скромныя приношенія по вѣтвямъ деревьевъ, опуская краюху хлѣба съ солью или иныя жертвы въ рѣки и озера. Обоготвореніе воды и лѣсовъ.

Вода и огонь—благодѣтельныя и вмѣстѣ губительныя стихіи—стояли въ сознаніи славянъ, какъ и прочихъ арійскихъ народовъ, очень близко къ представленію о *смерти*. Огонь пожиралъ и уничтожалъ; вода тоже поглощала и губила; вотъ почему, вѣроятно, представленіе о смерти, о загробной жизни тѣсно связывалось, въ славянской древности, съ огнемъ и водою. По водѣ приплывали весною и выходили на землю—насладиться земною жизнью, полюбоваться оживленною природою—тѣни усопшихъ, олицетворявшіяся въ образѣ *русалокъ*; съ другой стороны, огню предавались тѣла усопшихъ, въ томъ убѣжденіи, что этимъ облегчается имъ переходъ въ иной невѣдомый міръ, въ царство мертвыхъ. Въ связи съ этими и подобными имъ воззрѣніями на смерть и загробную жизнь стояли и самые обряды погребенія, обычные у славянъ.

На основаніи этихъ обрядовъ, византійскіе писатели утверждали, что славяне, вѣрующіе въ единое, могущественное Верховное Существо, вѣрили также и въ *безсмертіе души*. Но это вовсе не подтверждается тѣмъ, что намъ извѣстно о похоронныхъ обрядахъ славянъ: изъ нихъ скорѣе можно вывести тотъ выводъ, что у славянъ понятіе о загробной жизни было самое матеріальное, и эта жизнь представлялась имъ не болѣе, какъ продолженіемъ ихъ земного существованія, въ той недальней сторонушкѣ безызвѣстной, куда „вѣтрышки не провѣвываютъ, люто звѣрьё не прорыскиваетъ, малая птичка не пролётываетъ“—какъ говорится въ одномъ старинномъ причитаніи [1]). Понятіе о безсмертіи души.

Язычество отжило свой вѣкъ и уступило мѣсто христіанству; но напрасно было бы думать, что этотъ переходъ отъ однихъ рели-

[1]) На эту матеріальность воззрѣній, въ особенности, указываетъ то, что вмѣстѣ съ покойникомъ сожигались (или погребались) и рабы его, и домашнія животныя, и оружіе, и домашняя утварь—и даже запасъ пищи... Очевидно, все это дѣлалось для того, чтобы доставить усопшему и въ загробной жизни тѣ же удобства, какими онъ пользовался въ своей земной жизни.

гіозныхъ воззрѣній къ другимъ совершился легко и быстро. Христіанство вступило въ свои права, а язычество боролось и отстаивало свою старину, свои преданья и повѣрья, свой обычай. Проповѣдникамъ новаго ученія, какъ мы уже видѣли выше, приходилось рѣшаться на уступки, вступать въ нѣкотораго рода соглашенія со своею упорною паствою. Приходилось убѣждать язычниковъ въ томъ, что ихъ боги могутъ быть приравнены къ нѣкоторымъ святымъ, что и самые ихъ праздники, совпадавшіе, по времени, съ праздниками христіанскими, легко могутъ быть замѣнены послѣдними; временно допускались даже въ подобныя празднества языческія игрища, языческіе обряды, и пѣсни, которыя христіанамъ представлялись „бѣсовскими“ и „богомерзкими“. Такимъ образомъ, Перунъ, богъ грома и молніи, отождествленъ былъ съ пророкомъ Ильею, въ праздникъ котораго народъ и доселѣ еще ждетъ грозы и грома; бога Волоса замѣнили святые: Власій, Флоръ и Лавръ, и понынѣ почитаемые народомъ, какъ покровители стадъ. Отличительныя черты какого-то третьяго бога были перенесены на Св. Георгія... Такимъ же образомъ и нѣкоторыя празднества въ честь солнечныхъ божествъ были соединены съ праздникомъ Рождества Христова и съ Ивановымъ днемъ (24 іюня) и съ Юрьевымъ днемъ (23 апрѣля); а празднества въ память усопшихъ отнесены къ празднику Св. Троицы.

Перерожденіе боговъ.

Остатки древнихъ вѣрованій.

Праздники эти сохранили за собою даже кое-какіе темные намеки на издавна-существовавшіе обычаи, кое-какія упоминанія такихъ пѣсенъ и такихъ названій и возгласовъ, которые уже давно утратили всякій смыслъ и значеніе въ существующей дѣйствительности. Такъ, напр., на Рождествѣ, деревенская молодежь въ различныхъ концахъ Россіи ходитъ по дворамъ съ пѣснями, въ которыхъ величаетъ какую-то *Коляду*, *Колядушку*, и за это собираетъ съ домохозяевъ угощенье... Это называется „колядовать“. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ (которыя называютъ *колядскими*) эта никому неизвѣстная *Коляда* называется даже „святою“:

«Наканунѣ Рождества
Мы ходили, мы искали
Коляду святую».

Одна изъ этихъ пѣсенъ весьма замѣчательна по тѣмъ подробностямъ, которыя въ ней упоминаются, и, видимо, сохраняетъ смутное, отдаленное воспоминаніе о чемъ то въ родѣ языческаго жертвоприношенія:

«За рѣкою, за быстрòю,
Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣсà стоятъ дремучіе.
Въ лѣсахъ огни горятъ,

Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ-то молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни-Колядушки.
Ой Колядушка, ой Колядушка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ:
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.
Хотятъ козла зарѣзати...»

Точно такимъ же отпечаткомъ сѣдой языческой старины отличаются обрядовыя пѣсни, которыя поются въ Юрьевъ день весенній (23 апрѣля). Въ нихъ слышится отголосокъ былого обращенія къ божеству:

«Юрій, вставай рано.
Отмыкай землю,
Выпущай росу—
На теплое лѣто
На буйное жито и т. д.»

Въ обрядовыхъ пѣсняхъ (веснянкахъ) и хороводныхъ плясках, которыми во многихъ мѣстахъ встрѣчаютъ крестьяне весну, постоянно повторяется припѣвъ:

«Ой, Дидъ, ой Ладо»—

который также имѣетъ какое-то отношеніе къ языческой старинѣ, хотя въ настоящее время утратилъ всякій смыслъ.

Особенно богатъ всякими обрядовыми пѣснями и обрядовыми дѣйствіями день *Ивана Купала*, какъ называетъ народъ день св *Іоанна Крестителя* (24 іюня). Это, очевидно, было одно изъ самыхъ важныхъ языческихъ празднествъ въ честь солнца, совпадавшее съ самою жаркою порою лѣтняго времени. И вся обстановка этого празднества въ народѣ, до настоящаго времени, полна такихъ подробностей, которыя нѣкогда могли собою представлять обряды солнечнаго культа. Такъ, въ канунъ Иванова дня, почти повсемѣстно зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ или водятъ около нихъ хороводы. Въ иныхъ мѣстахъ, зажигаютъ колесо, обвитое по ободу соломой—несомнѣнно символическое изображеніе солнца —и скатываютъ его въ рѣку, какъ бы желая этимъ показать, что оно уже теряетъ съ этого дня свою жгучую силу и поворачиваетъ къ холоду. При этомъ, въ особыхъ купальскихъ пѣсняхъ, воспѣвается какой-то *Купало*, у котораго „голова вся въ золотѣ“, и котораго просятъ, чтобы онъ „далъ котлы золота“—вѣроятно намекая на то, что въ этотъ день ищутъ кладовъ и собираютъ всякіе цвѣты и травы, разыскивая между прочимъ несуществующій цвѣтокъ

папортника, который долженъ указывать путь къ золоту, скрытому подъ землею.

Остатки древнихъ обычаевъ.

Не менѣе этихъ празднествъ богаты обрядовыми пѣснями русскія народныя свадьбы. Эти пѣсни, которыми сопровождаются всѣ дѣйствія свадебнаго торжества, въ большей своей части, представляютъ собою напоминанія о такихъ дѣйствіяхъ и условіяхъ, которыя когда-то были необходимою принадлежностью всякой свадьбы, а теперь представляютъ собою только прикрасу ея, не вполнѣ понятную и не объяснимую на основаніи современныхъ условій быта. Такъ, напр., въ современной народной свадьбѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ земли русской, видимъ, въ сопровождающихъ свадьбу обрядахъ, подобіе *похищенія невѣстъ* (древняго *умыканія*), подобіе выкупа ея у родныхъ и односельцевъ (т.-е. у рода и племени), видимъ, какъ подруги невѣсты прячутъ и ее, и ея приданое отъ жениха и его поѣзжанъ, и какъ потомъ выдаютъ и то, и другое, по особому уговору съ женихомъ... Все это становится для насъ ясно только въ томъ случаѣ, когда мы припомнимъ разсказъ нашего древнѣйшаго лѣтописца о свадебныхъ обычаяхъ у славянъ въ языческія времена. Изъ этого разсказа узнаемъ, что уже и тогда существовали двѣ формы въ заключеніи брака: одна изъ нихъ состояла въ томъ, что „молодые люди сходились на игрищахъ между селами, и женихъ, по предварительному уговору, умыкалъ (похищалъ) свою невѣсту“; другая форма была проще: „женихъ не ходилъ по невѣсту; невѣсту вводили подъ вечеръ въ его домъ, а на утро приносили ему то, что за нею давали (т.-е. приданое)“. Любопытное напоминаніе о первой формѣ браковъ видимъ даже и въ самомъ выраженіи „играть свадьбу“ [1]), такъ какъ ей предшествовали игрища.

Не станемъ здѣсь приводить образцы *свадебныхъ* пѣсенъ, которыхъ извѣстно (т.-е. собрано и записано уже) нѣсколько сотъ; скажемъ только, что въ общемъ онѣ представляютъ собою полную картину весьма сложной обрядовой стороны русской свадьбы. Замѣтимъ, однакоже, очень любопытную и важную общую черту всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ русскихъ: и по музыкѣ, и по словамъ, онѣ являются невеселыми, заунывными, въ особенности тѣ, которыя поются на дѣвичникѣ: въ нихъ невѣста горько оплакиваетъ свою дѣвическую беззаботную жизнь съ подругами, и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуется неволя, ожидающая ее въ семьѣ мужа.

Къ бытовымъ или семейнымъ пѣснямъ слѣдуетъ отнести и похоронные плачи и причитанія, чрезвычайно богатые по содержанію, по глубокому чувству, которымъ они проникнуты, и по

[1]) Въ этомъ же смыслѣ любопытно выраженіе: «играть пѣсни», намекающее на связь многихъ пѣсенъ съ древними обрядовыми играми.

обилію картинныхъ подробностей, при описаніи разставанія души съ тѣломъ, или при описаніи той „недальней сторонушки"—куда „и не колоденъ путь, да безповоротный". Всѣ эти „плачи" и „причитанія", полные потрясающаго лиризма, чрезвычайно разнообразны по формѣ и характеру своему, и нерѣдко представляютъ весьма удобную почву для импровизаціи со стороны талантливой плачеи.

Заставка, заимствованная изъ рукописныхъ памятниковъ XIV—XV вѣка.

IV.

Пѣсни былевыя.—Древнѣйшее наслоеніе былинъ.—Два цикла былинъ: кіевскій и новгородскій.—Богатыри и ихъ подвиги.—Сказители былинъ.—Историческая дѣйствительность въ пѣснѣ.

Творческая сила народа, по мѣрѣ вступленія его въ жизнь общественную и на переходѣ къ исторической эпохѣ, сказалась не въ однѣхъ только пѣсняхъ обрядовыхъ и семейныхъ. Очень рано пробудилась въ народѣ и другая потребность: передавать въ формѣ эпической пѣсни преданія отдаленной старины и прославлять выдающихся дѣятелей живой современности или недавняго прошлаго, поразившихъ воображеніе народа своими подвигами, или, вообще, характеромъ своей дѣятельности. Эти эпическія пѣсни, несмотря на свой гиперболическій характеръ, несмотря на всѣ преувеличенія и фантастическіе вымыслы, которыми онѣ украшались, представлялись народу *былью*, потому что онѣ дѣйствительно могли быть, въ древнѣйшей основѣ своей, пріурочены къ живымъ лицамъ и дѣйствительнымъ событіямъ. Въ этомъ именно смыслѣ эти эпическія пѣсни и называются въ народѣ *былинами* и противополагаются *сказкамъ* — разсказамъ чисто-фантастическаго характера; отсюда и народное присловье: „сказка—складка, а пѣсня—быль". Пѣсня-быль.

Главное содержаніе эпическихъ пѣсенъ или былинъ, которыми очень богата русская народная поэзія, составляетъ разсказъ о подвигахъ русскихъ богатырей стародавняго времени, которые группируются въ народной памяти около личности князя Владиміра Краснаго Солнышка, какъ рыцари средне-вѣковыхъ сказаній около Карла Великаго или „добраго короля Артура". Какъ тѣ собирались нѣкогда за его знаменитымъ „круглымъ столомъ", такъ и богатыри Владиміра Краснаго Солнышка собираются на „пированье" Богатыри кіевскіе.

за его „почестный столъ“, въ „славномъ городѣ стольномъ Кіевѣ“, который въ былинахъ представляется не только центромъ „земли Свято-Русской“, но чуть ли не центромъ всего свѣта бѣлаго. Сюда-то, въ Кіевъ, къ „ласкову князю Владиміру“ отовсюду съѣзжаются всякіе удальцы и богатыри „силушкой помѣряться“, на людей посмотрѣть и себя показать. Здѣсь всѣ они образуютъ около князя Владиміра нѣчто цѣлое—входятъ въ составъ его дружины, и, вступая, по его приказанію или просьбѣ, въ борьбу съ иноплеменниками, грудью отстаиваютъ отъ нихъ землю русскую. Эти иноплеменники и всякіе враги земли русской олицетворяются въ видѣ страшныхъ великановъ, въ родѣ Жидовина или Идолища Поганаго, или въ видѣ чудовищныхъ змѣевъ—Горыничей, Тугариновъ-Змѣевичей—или въ видѣ Соловья-Разбойника, который свистомъ своимъ валитъ съ ногъ и коня, и всадника... Важнѣйшими изъ этихъ богатырей, — наиболѣе близкими къ князю Владиміру, изображаются въ былинахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алёша Поповичъ и Потокъ Михайло Ивановичъ. Около каждаго изъ подобныхъ былинныхъ героевъ скопляется цѣлый рядъ сказаній, составляющихъ тэмы отдѣльныхъ былинъ; и въ этихъ былинахъ каждый изъ поименованныхъ нами богатырей является цѣльною, вполнѣ опредѣленною, типическою личностью.

Илья Муромецъ.

Илья Муромецъ рисуется въ былинахъ прямодушнымъ и неподкупно-честнымъ въ своихъ отношеніяхъ и къ князю Владиміру, и ко всѣмъ богатырямъ, своимъ сотоварищамъ. Какъ истый крестьянскій сынъ, онъ нѣсколько грубоватъ въ своихъ пріемахъ и рѣчахъ, невоздерженъ въ пированьи и не прочь пошумѣть и подраться во хмѣлю; но спокоенъ и справедливъ даже и въ порывѣ гнѣва. Онъ сильнѣе всѣхъ богатырей кіевскихъ, и отличенъ при этомъ нѣкоторыми особенностями, которыхъ не видимъ ни въ одномъ изъ остальныхъ богатырей, его товарищей; такъ мы знаемъ, что онъ получаетъ силу отъ трехъ вѣщихъ старцевъ, которые предсказываютъ ему, что „смерть ему на бою не писана“— т.-е. другими словами, даютъ ему право безстрашно и увѣренно вступать въ битву съ кѣмъ бы то ни было... И Илья свято хранитъ ихъ завѣтъ и не щадитъ ни поту, ни крови въ борьбѣ съ врагами земли русской...

Добрыня.

Прямою противоположностью Ильѣ Муромцу является другой любимецъ князя Владиміра Краснаго Солнышка—Добрыня Никитичъ, по роду принадлежащій къ дружинной средѣ. Отличительною чертою Добрыни, кромѣ мужества и храбрости, является особая черта его характера — прирожденное *вѣжество*, умѣнье говорить красиво и умно, умѣнье очаровывать своею любезностью. Высоко-поэтическимъ и глубоко-нравственнымъ настроеніемъ отзывается одна изъ былинъ о Добрынѣ, въ которой разсказывается, какъ

онъ, уѣзжая въ дальній походъ, далъ женѣ своей волю, по истеченіи извѣстнаго срока, выйти замужъ за кого ей вздумается, съ однимъ исключеніемъ: „не выходи только за смѣлаго Алёшу Поповича“. Вѣрная жена ждала своего мужа и долѣе назначеннаго срока, и всѣмъ отказывала; но, наконецъ, сдалась на уговоры князя Владиміра и его супруги-княгини, которые и просватали ее именно за Алёшу Поповича. Въ самый день свадьбы возвращается Добрыня изъ дальняго похода, узнаетъ обо всемъ, переряжается „удалымъ скоморошиной“ [1]), беретъ въ руки гуселки-яворчатыя, и является на свадебное пиршество. Никѣмъ не узнанный, онъ садится сначала „на печкѣ на запечьи, гдѣ есть мѣсто скоморошеское“, и начинаетъ наигрывать на своихъ гусляхъ. Его игра нравится, ее хвалятъ и оцѣниваютъ по достоинству и приглашаютъ „скоморошину“ сѣсть поближе; потомъ приглашаютъ сѣсть за столъ. Онъ соглашается только съ тѣмъ уговоромъ, что ему предоставленъ будетъ выборъ мѣста по его вкусу—и выбираетъ мѣсто какъ разъ противъ своей жены. Подготовивъ ее темными намеками и иносказаніями, онъ, наконецъ, подаетъ ей кубокъ, въ который опустилъ свой перстень, и жена, узнавъ его по перстню, бросается къ его ногамъ съ мольбою о прощеніи... Жену онъ прощаетъ, но обращается съ горькою, укоризненною рѣчью къ князю Владиміру и его княгинѣ, и эта рѣчь проникнута глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства... Приводимъ ее по одному изъ варьянтовъ этой прекрасной былины:

Говорилъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дóлогъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку-Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко-Владиміръ, тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою—
Они у живого мужа жену просватали».
Тутъ солнышку-Владиміру ко стыду пришло...

И только уже закончивъ эту рѣчь, Добрыня рѣшается „поучить“ Алёшу Поповича: беретъ его за „желты кудри, бьетъ о кирпиченъ полъ“, но и тутъ довольствуется лишь весьма снисходительною расправою, благодаря заступничеству Ильи Муромца, который является миротворцемъ между обоими богатырями.

Алёша Поповичъ.

Алёша Поповичъ (слѣдовательно, происходящій изъ духовнаго сословія) опять-таки живая противоположность и Добрынѣ,

[1]) *Скоморохами* назывались народные пѣвцы, потѣшавшіе толпу своими шутовскими играми, пѣснями и потѣхами; сохранившееся намъ древнее изображеніе этихъ потѣхъ мы помѣстили на стр. 21.

и Ильѣ Муромцу. Отличительною чертою его нравственнаго типа является непомѣрная — и часто даже излишняя и неумѣстная — смѣлость, молодечество, хвастовство своею удалью. При этомъ онъ неразборчивъ и въ средствахъ, избираемыхъ для достиженія извѣстной цѣли, и нерѣдко прибѣгаетъ къ уловкамъ и даже къ обману. „Не возьметъ гдѣ силою, такъ возьметъ хитростью"—говоритъ о немъ Илья Муромецъ. Въ то же время Алёша и женолюбивъ, и не твердъ въ своемъ словѣ...

Потокъ и Дюкъ.

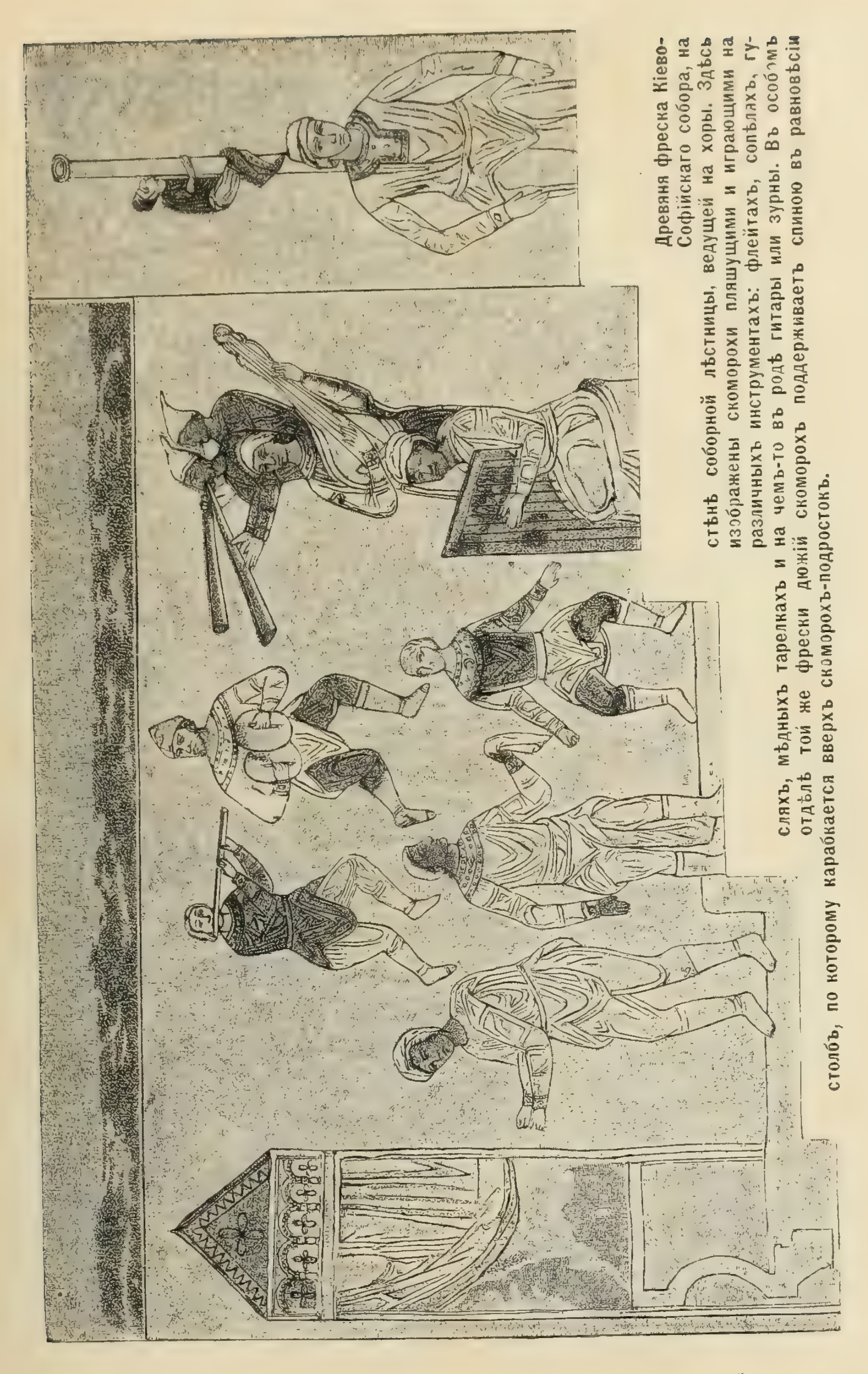
Не таковъ Потокъ Михайло Ивановичъ,—этотъ истый рыцарь „безъ страха и упрека". Полюбивши Марью — Лебедь Бѣлую,—онъ женится на ней, и они полагаютъ между собою такой завѣтъ: „когда одинъ изъ нихъ умретъ, тогда и другому за нимъ живому въ гробъ лечь"... И Потокъ, вѣрный данному слову, приказываетъ себя, живого, опустить въ могилу жены, которая умираетъ раньше его... [1])

Около этихъ избранныхъ и важнѣйшихъ богатырей—цѣлая фаланга второстепенныхъ и третьестепенныхъ лицъ, такъ или иначе примыкающихъ къ этому циклу сказаній о богатыряхъ кіевскихъ, группирующихся вокругъ Владиміра Краснаго Солнышка. Изо всѣхъ этихъ Василіевъ Казнеровичей, Чурилъ Пленковичей и Ивановъ Гостиныхъ сыновей, выдвигаются, въ особенности, двѣ личности,—Дюкъ Степановичъ и Соловей Будиміровичъ: одинъ—богачъ-бояринъ, другой — заѣзжій гость изъ-за моря. Былины о нихъ отличаются удивительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ красокъ и мѣстами достигаютъ замѣчательной образности и красоты въ эпическихъ подробностяхъ и описаніяхъ.

Дюка Степановича выхваляютъ былины за несмѣтное богатство его и за красоту, о которой онъ очень заботится, прихорашиваясь и принаряжаясь во всякія дорогія ткани и цѣнные уборы. Богатству и казнѣ Дюковой, по описанію былины, „нѣтъ ни счета, ни смѣты". Попытался-было Владиміръ-князь послать въ домъ къ Дюку оцѣнщиковъ, но оказалось, что у нихъ на это описаніе не хватило ни чернилъ, ни перьевъ. На покупку одного этого матеріала придется продать и Кіевъ, и Черниговъ... И настроенное на этотъ ладъ воображеніе пѣвца былины даетъ намъ такое восторженное описаніе вооруженія Дюкова, что приведенный выше отзывъ о его богатствахъ уже не представляется намъ преувеличеннымъ...

«Самъ-то Дюкъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ;
Немного съ Дюкомъ живота пошло,

[1]) Въ могилу опускаютъ Потока «съ копіемъ и оружіемъ...» И въ этой любопытной чертѣ былины мы не можемъ не видѣть отдаленнаго воспоминанія о томъ древнемъ обычаѣ погребенія, который существовалъ въ до-христіанскую эпоху на Руси.

Древняя фреска Кіево-Софійскаго собора, на стѣнѣ соборной лѣстницы, ведущей на хоры. Здѣсь изображены скоморохи пляшущими и играющими на различныхъ инструментахъ: флейтахъ, сопѣлахъ, гусляхъ, мѣдныхъ тарелкахъ и на чемъ-то въ родѣ гитары или зурны. Въ особомъ отдѣлѣ той же фрески дюжій скоморохъ поддерживаетъ спиною въ равновѣсіи столбъ, по которому карабкается вверхъ скоморохъ-подростокъ.

Объяснительное примѣчаніе. О скоморохахъ, какъ объ особомъ классѣ народныхъ пѣвцовъ и потѣшниковъ, упоминаютъ уже и древнѣйшіе наши памятники. Такъ въ житіи Өеодосія Печерскаго, которое написано Несторомъ, видимъ, что скоморохи потѣшаютъ пѣснями, играми и плясками князя Святослава Кіевскаго, который сидитъ на пиру со своею дружиною. Преподобный Өеодосій застаетъ скоморошескія игры и веселье въ самомъ разгарѣ и останавливаетъ его шумъ и разгулъ, обращаясь къ князю съ простымъ вопросомъ: «Тако-же будетъ на томъ свѣтѣ?»—Позднѣе, въ XV—XVI столѣтіи скоморохи вызываютъ противъ себя царскіе указы и строгія мѣры взысканія со стороны властей духовныхъ и свѣтскихъ.

Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчуга на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей.
...Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи.
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шемаханскаго;
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ.
А и еще есть во колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и несвѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ;
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены̀ онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,—
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синѝмъ моремъ,—
Своимъ устьемъ впала въ синё-море.
...Леталъ орелъ надъ синѝмъ моремъ,
А ронилъ онъ перьице во синё-море...
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублей, во тысячу.—
Почему тѣ три стрѣлки до̀роги?
Потому онѣ до̀роги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю, по до̀рогу самоцвѣтному;
...Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночѝ тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ—
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки до̀роги».

Съ такою же любовью и эпической подробностью описываются златоверхіе терема, построенные Соловьемъ Будиміровичемъ въ саду племянницы князя Владиміра, Запавы Путятишны, за которую Соловей пріѣхалъ свататься, и еще тотъ чудный, разукрашенный всякими прикрасами „Соколъ-Корабль“, на кото-

ромъ богатый гость прибылъ въ Кіевъ изъ-за моря, приведя съ собою еще тридцать кораблей съ товаромъ.

«Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухо̀морья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль,
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля,
Вмѣсто очей было вставлено
По до̀рогу каменю, по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
И Якутскому, вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса̀ было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра̀ копья Мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
Два горностая, два зимніе;
У того было Сокола корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по-тури̇ному,
Бока взведены по-звѣри̇ному» [1]).

Богатыри старшіе: Святогоръ и Микула.

Изъ-за этой пестрой толпы богатырей и иноземныхъ заѣзжихъ-гостей, примкнувшихъ къ удалой дружинѣ князя Владиміра Кіевскаго, изъ-за мощныхъ плечъ Ильи Муромца и Добрыни, смотрятъ на насъ, однакоже, еще болѣе крупныя фигуры другихъ богатырей, относящихся, очевидно, къ иной, болѣе отдаленной, болѣе первобытной эпохѣ, когда человѣку, ничтожному силами и скуднному средствами для борьбы со стихійными силами природы, приходилось безропотно передъ ними склоняться и считать ихъ неодолимыми.

Къ такимъ колоссальнымъ типамъ богатырей принадлежатъ въ нашихъ былинахъ двое: *Святогоръ-богатырь* и *Микула Селяниновичъ*. Первый изъ нихъ представляется въ былинахъ ве-

---

[1]) Обычай придавать кораблямъ видъ оживленныхъ существъ—звѣрей или птицъ—стоялъ въ тѣсной связи съ весьма древними представленіями о кораблѣ, какъ о существѣ одушевленномъ.

ликаномъ и обладателемъ такой страшной силы, отъ которой ему самому тяжело, потому что его уже и земля на себѣ не держитъ:

«Грузно (ему) отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени..»

такъ поется о немъ въ былинахъ.

Въ одномъ изъ сказаній о Святогорѣ, мы видимъ, что онъ поражаетъ своею громадностью даже самого Илью Муромца: „лежитъ на горѣ, и самъ какъ гора“. Къ людямъ, даже и одареннымъ такою сверхъестественною силою, какою обладаетъ Илья Муромецъ, Святогоръ можетъ относиться только съ снисходительнымъ пренебреженіемъ.

Но и Святогоръ уступаетъ въ силѣ Микулѣ Селяниновичу—богатырю-пахарю. Тотъ свободно носитъ въ сумочкѣ при себѣ *тягу земную*, которую еле-еле можетъ приподнять Святогоръ. И пашню пашетъ онъ такою сохою, которую вся дружина мимоѣзжаго князя Вольги Святославича не можетъ вывернуть изъ земли, а онъ самъ, Микула, одною рукою бросаетъ за ракитовъ кустъ. Широкими и яркими чертами набросана намъ въ былинѣ о Микулѣ могучая трудовая дѣятельность этого богатыря-пахаря:

«Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать;
Каменья, коренья вывертываетъ...»

Или далѣе, когда онъ самъ говоритъ о предстоящемъ урожаѣ и радуется ему заранѣе:

«А я ржи напашу, да во скирды складу,
Во скирды складу, да домой выволочу;
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да пива наварю,
Пива наварю, да мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ».

Въ этихъ немногихъ фразахъ чрезвычайно сильно высказывается не только та преданность, которую народъ питаетъ къ своему исконному труду, но еще и глубокое пониманіе высокаго значенія, которое онъ придаетъ пахарю [1]).

---

[1]) Эта былина о богатырѣ-пахарѣ принадлежитъ, по мнѣнію нашихъ ученыхъ, къ древнѣйшему наслоенію нашего народнаго эпоса. Она стоитъ въ связи съ народными преданіями о томъ, что хлѣбопашество было введено на землѣ богами, что первое *рало* (т.-е. плугъ) упало на землю съ неба и т. п. Не даромъ ученые наши относятъ Микулу Селяниновича, вмѣстѣ съ Ильею Муромцемъ и Святогоромъ-богатыремъ, къ богатырямъ *старшимъ*, т.-е. принадлежащимъ въ области вымысла къ болѣе отдаленному времени, нежели всѣ остальные богатыри.

Богатыри новгородскіе.

Въ сторонѣ отъ кіевскаго цикла былинъ, совершенно отдѣльно отъ него и внѣ всякой связи съ его содержаніемъ, стоитъ циклъ былинъ *новгородскихъ*, которыя воспѣваютъ намъ только двоихъ героевъ: Садко богатаго *гостя* (т.-е. купца, торгующаго за моремъ), гордаго своимъ богатствомъ и обиліемъ товаровъ, и *Василія Буслаева* — буйнаго и разудалаго боярскаго сына, который ведетъ постоянную борьбу съ „мужиками новгородскими". Эти два типа, цѣликомъ взятые изъ живой новгородской дѣйствительности, набросаны въ былинахъ бойкою кистью; можно почти сказать, что былины о Садкѣ и о Василіи Буслаевѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дополняютъ исторію вольнолюбиваго Новгорода нѣсколькими живыми чертами, тогда какъ въ большей части кіевскихъ былинъ историческая правда является только случайнымъ отголоскомъ дѣйствительности.

Садко, богатый гость.

Былины о Садкѣ въ особенности богаты фантастическимъ элементомъ; для него превосходнымъ фономъ является то бурное море, съ которымъ богатому гостю постоянно приходилось вѣдаться. Удивительно живо и ярко описывается въ былинѣ пребываніе Садки въ подводныхъ палатахъ Морского Царя, который собирается за него выдать одну изъ своихъ дочерей, и очень охотно пускается въ пляску, подъ музыку звончатыхъ гусель, на которыхъ Садко мастерски умѣетъ играть. Но пляска Морского Царя не на радость людямъ:

«Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода сомутилася;
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много тонуть имѣньица,
Стало много тонуть людей праведныхъ...»

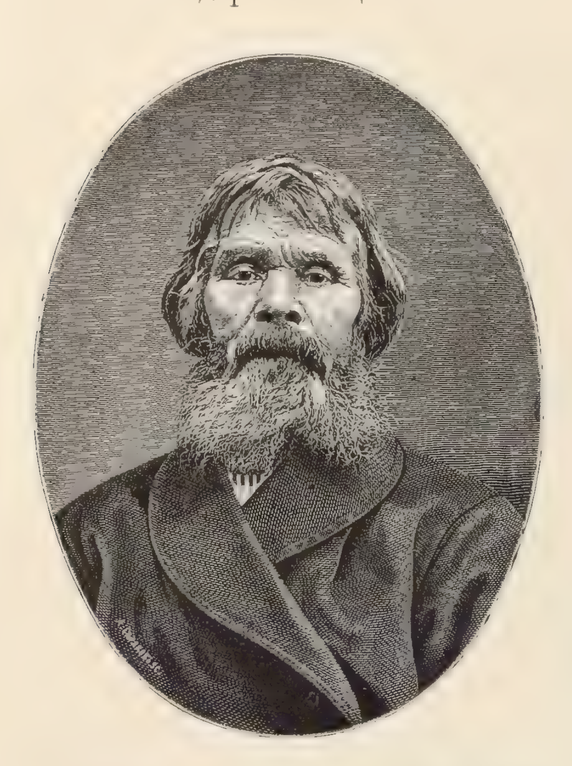
Тогда народъ взмолился къ Николѣ Угоднику, и тотъ, явившись Садкѣ во снѣ, запретилъ ему играть передъ Морскимъ Царемъ на гусляхъ — и указалъ ему путь изъ подводнаго царства на родину.

Не менѣе этой былины, описывающей странствованія Садки по морской пучинѣ, любопытна и другая былина о немъ же, по которой мы знакомимся съ Садкой, какъ съ зазнавшимся богачомъ. Былина очень картинно описываетъ намъ, какъ онъ на пиру похвасталъ своей „безсчетной золотой казной" и побился объ закладъ, что выкупитъ на нее всѣ товары новгородскіе; и какъ потомъ постепенно приходилъ къ убѣжденію, что ничтожны богатства одного лица передъ богатствами цѣлой страны, и что жалкà и смѣшнà была его похвальба. Онъ прямо приходитъ, наконецъ, къ такому — вполнѣ разумному и естественному — выводу:

«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ».

Васька Буслаевъ.

Былины о Васькѣ Буслаевѣ — этомъ беззавѣтномъ удальцѣ новгородскомъ — нѣсколько грубѣе по содержанію, но за то еще ближе къ дѣйствительности, нежели былины о Садкѣ, въ которыхъ фантазія преобладаетъ надъ дѣйствительностью. Съ поражающимъ реализмомъ рисуется намъ въ нихъ весьма непривлекательная картина внутренней жизни Великаго-Новгорода, дикая необузданность разгулявшагося молодца, который все бьетъ и крушитъ вокругъ себя, не признавая надъ собою никакой власти, никакого сдерживающаго начала... Бьетъ и крушитъ онъ не одинъ, а заодно съ дружиною такихъ же безшабашныхъ удальцовъ, какъ онъ самъ, задорныхъ, необузданныхъ и безпощадныхъ въ своемъ задорѣ. Несчастные, побитые Василіемъ Буслаевымъ мужики новгородскіе, чтобы избавиться отъ страшнаго буяна, не находятъ ничего лучше, какъ пойти съ жалобою къ Васильевой матери, „матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ", и мать, во вниманіе къ ихъ просьбамъ, идетъ унимать свое расходившееся дѣтище. И вотъ, тотъ самый буянъ, который никого не хотѣлъ уважить, который и на убѣжденія старца-Пилигримища отвѣчалъ ударомъ тележной оси—склоняется на первое слово своей матери и даетъ ей отвести себя домой, какъ расшалившагося ребенка... Черта наивная и вѣрная по отношенію къ древне-русскимъ нравамъ!

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ—сказитель былинъ, крестьянинъ Олонецкой губ.

Само собою разумѣется, что былины, сложенныя, вѣроятно, очень давно (многія изъ нихъ, можетъ-быть, даже восходятъ, по времени происхожденія, къ эпохѣ первыхъ князей русскихъ), дошли до насъ не въ своей первоначальной редакціи, а во множествѣ варьянтовъ; многое въ нихъ забылось, многое измѣнилось или примѣнилось къ условіямъ жизни послѣдующихъ вѣковъ, но основа ихъ осталась та же, прежняя, рисующая намъ и бытъ, и нравы временъ весьма отдаленныхъ.

Одинъ изъ большихъ знатоковъ нашей народной былевой поэзіи, извѣстный собиратель былинъ, П. Н. Рыбниковъ, очень

вѣрно опредѣляетъ значеніе и свойство былевой поэзіи, уцѣлѣвшей до нашего времени:

„Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія — *былинахъ*, и не успѣла перейти въ эпопею. Но за то многія былины, смотря по тожеству изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою группируются въ циклы: *старшихъ богатырей, Владиміровъ, Новгородскій, Московскій, казацкій* и т. д." Но устная передача, конечно, повліяла на содержаніе и на изложеніе былинъ и привела къ измѣненіямъ, изъ которыхъ иныя представляютъ собою только естественное развитіе былинъ. Такъ, напр., нѣкоторыя „старины" (прозаическія изложенія былинъ) дошли до насъ и въ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ отдѣльныя пѣсни являются эпизодами. Въ противуположность этому, нѣкоторые варьянты объ Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и захватили въ свой составъ почти всѣ подвиги воспѣваемыхъ ими богатырей. Другое измѣненіе въ былинахъ: всякаго рода анахронизмы и подновленія, въ родѣ, напр., замѣны старшихъ богатырей младшими, или пріурочиванье новыхъ чертъ къ древнѣйшему времени. Третье измѣненіе: — ослабленіе эпическаго склада (подвиги богатырей стушевываются и богатыри приравниваются къ обыкновеннымъ смертнымъ), при чемъ былины переходятъ иногда въ побывальщину или даже сказку..."

П. Н. Рыбниковъ о былинахъ.

Василій Петровичъ Щеголёнокъ — сказитель былинъ, крестьянинъ Олонецкой губерніи.

П. Н. Рыбниковъ приходитъ къ тому заключенію, что „наше поколѣніе застало былевую поэзію уже *совсѣмъ сложившеюся*". Теперь слагаются еще только историческія пѣсни, а новыя былины не слагаются болѣе... „Я имѣлъ случай неоднократно наблюдать, какъ напрасны были усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былину, забытую ими... Если возстановить былину трудно, то сложить ее вновь, въ пору ослабленія эпическаго настроенія, почти невозможно..."

„Пѣсня-быль“ осталась въ памяти народной, какъ дорогой завѣтъ старины, и хранилась, какъ святыня, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе особыми сказителями и сказительницами, которые къ эпическому складу пѣсни приноровили извѣстный протяжный ладъ и не-то „поютъ“, не-то „сказываютъ“ былины. Многіе изъ такихъ народныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ (какъ убѣдились въ этомъ въ недавнее время) обладаютъ и теперь счастливою способностью запоминать и хранить въ своей памяти по нѣскольку тысячъ стиховъ эпической поэзіи, и повторять одну и ту же пѣсню много и много разъ подъ рядъ, не измѣняя въ ней ни одного слова [1]).

Сказители и калики.

Въ заключеніе того, что сказано нами выше о былинахъ, необходимо добавить, что онѣ сохранились у насъ въ народѣ только на дальнихъ окраинахъ Земли Русской: въ Сибири, въ Пермскомъ краѣ, на Сѣверѣ, въ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерніи. Главными хранителями былинъ въ Олонецкомъ краѣ, какъ болѣе изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, являются *сказители и калики-нищіе*. Первые изъ нихъ, люди по большей части состоятельные и степенные, поютъ „по охотѣ“ и хранятъ былины по любви къ этого рода поэзіи; вторые — пѣвцы по ремеслу и поютъ за деньги. Переходную стадію между тѣми и другими составляютъ странствующіе пѣвцы-портные, которые зимою переходятъ изъ деревни въ деревню, занимаясь своимъ мастерствомъ.

Сказители, на вопросъ о томъ, откуда они научились своимъ былинамъ и старинамъ, отвѣчаютъ, что они научились былинамъ, „наслушали“ ихъ отъ „великихъ, досюльныхъ“ сказителей, и называютъ (напр., въ Олонецкой губ.) имена Ильи Елустафьева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳеодора Яковлева и другихъ, давно-умершихъ—еще доселѣ живущія въ народной памяти. Выше помѣстили мы портреты двухъ такихъ прославленныхъ сказителей, отъ которыхъ наши собиратели былинъ, П. Н. Рыбниковъ и А. Ѳ. Гильфердингъ, записали лучшіе варьянты былинъ.

Историческія пѣсни.

Есть, однакоже, основаніе предполагать, что народное творчество, въ различныя эпохи, также подчинялось извѣстнаго рода требованіямъ вкуса и новизны; и потому, въ то самое время, когда старая былевая поэзія забывалась и исчезала или вырождалась въ форму сказки о богатыряхъ или такъ-называемой бывальщины,—нарождалась новая былевая поэзія, но уже въ видѣ *исторической пѣсни*, т.-е. такой, которая, подражая въ тонѣ и складѣ стариннымъ былинамъ, почерпала, однакоже, содержаніе изъ живой

[1]) Только этою способностью запоминанія и можетъ быть объяснено то любопытное явленіе, что записи былинъ XVII и XVIII вѣковъ почти не отличаются отъ многихъ варьянтовъ тѣхъ же былинъ, записанныхъ въ наше время: — такъ мало пострадали эти варьянты отъ времени!

современности, излагала событія и упоминала лица, которыя еще у всѣхъ были въ памяти. Чѣмъ болѣе яркій слѣдъ оставляла по себѣ та или другая эпоха, чѣмъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ пользовался въ извѣстную эпоху тотъ или другой дѣятель, тѣмъ большее количество пѣсенъ слагалось о немъ въ народѣ. Такимъ образомъ многія важнѣйшія эпохи русской исторіи и многіе изъ важнѣйшихъ ея дѣятелей были увѣковѣчены въ народѣ историческими пѣснями: Татарскій погромъ, времена Грознаго, завоеваніе Сибири, Скопинъ-Шуйскій — народный любимецъ въ Смутное время, — Стенька Разинъ, выказывавшій себя защитникомъ правъ народныхъ, борьба за старую вѣру, колоссальная личность Петра Великаго съ его сподвижниками, Отечественная война — все это нашло себѣ отголосокъ въ народной поэзіи...

Остапъ Вересай, знаменитый пѣвецъ-бандуристъ.

Малороссійскія думы.

Къ этому же кругу историческихъ пѣсенъ примыкаетъ обширный и богатѣйшій кругъ малороссійскихъ *историческихъ думъ*, живописующій намъ въ лицахъ и событіяхъ весь долгій періодъ кровавой борьбы, которую въ теченіе двухъ вѣковъ Малороссія вела то съ татарами, то съ Польшей за свою вѣру и независимость. *Думы* эти поются особымъ классомъ пѣвцовъ-бандуристовъ (большею частью слѣпцовъ), которые хранятъ ихъ въ своей памяти и, какъ священный завѣтъ прошлаго, передаютъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Особый, весьма богатый отдѣлъ пѣсенъ полу-историческихъ,

полу-бытовыхъ составляютъ пѣсни *разбойничьи, казацкія и солдатскія.* Хотя бóльшая часть ихъ не имѣетъ прямого отношенія ни къ какимъ историческимъ лицамъ и событіямъ, однакоже, всѣ онѣ относятся къ опредѣленнымъ эпохамъ, въ теченіе которыхъ казачество и разбойничество составляли обычныя явленія русской дѣйствительности и играли въ ней немаловажную роль; точно такъ же, какъ и солдатство съ рекрутчиной, въ теченіе долгаго времени тяготѣвшей надъ русскимъ народомъ, какъ великое бѣдствіе, оставили по себѣ такіе глубокіе слѣды въ народномъ быту, что не могли не отразиться въ народной поэзіи. Чрезвычайно любопытно то отношеніе къ разбойничеству и казачеству, которое выказывается въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи: разбойникъ и казакъ—по представленію народному,—одинаково вольные люди, удальцы, добрые молодцы, живущіе *своимъ ремесломъ.* Народъ не чуждается ихъ: — они возбуждаютъ даже зависть къ себѣ, а иногда внушаютъ и уваженіе своею отвагою и смѣлостью. Атаманы и есаулы—казацкіе и разбойничьи—пользуются большимъ значеніемъ, возводятся иногда въ этихъ пѣсняхъ въ народные герои: они украшаются фантастическимъ вымысломъ, имъ приписываются даже сверхъестественныя свойства, ихъ выставляютъ хитрыми вѣдунами и волшебниками, опытными въ чарахъ...

Отъ всѣхъ этихъ пѣсенъ вѣетъ стариною XVI и XVII вѣка, когда тяжело жилось русскому человѣку въ тѣсныхъ рамкахъ новыхъ, недавно народившихся формъ жизни, и невольно влекло его въ дикую степь, на славный тихій Донъ, на раздольную Волгу-матушку, или въ непроходимую глушь лѣсовъ заволжскихъ—лишь бы унести свою голову отъ тяжелыхъ поборовъ, отъ невыносимаго гнета властей и необузданнаго произвола помѣщиковъ.

V.

Сказка, въ соотношеніи съ пѣсней.—Древній видъ сказки въ животномъ эпосѣ.—Общая индо-европейская основа сказокъ.—Бытъ и нравы, изображаемые въ сказкѣ.—Фантастическій элементъ; элементъ назидательный и сатирическій.

Сказка принадлежитъ къ древнѣйшимъ родамъ народной поэзіи, и, вѣроятно, ранѣе пѣсни, служила человѣку выраженіемъ для его первоначальныхъ впечатлѣній и наблюденій надъ окружающей природой и свойствами человѣка. Сказка, какъ по формѣ, такъ и по внутреннему содержанію своему, очевидно, древнѣе бытовой пѣсни, которая принадлежитъ уже (даже и въ древнѣйшихъ образцахъ своихъ) къ болѣе позднему и болѣе сознательному періоду творчества, когда область фантазіи была уже ограничена и житейскимъ опытомъ, и новыми условіями жизни. Вѣроятно, въ этотъ, бо-

лѣе поздній періодъ народной жизни, и сложилась извѣстная пословица—„сказка складка, а пѣсня быль“... На этотъ болѣе поздній періодъ отчасти указываетъ и самый складъ пѣсни —мѣрныя строки, строго-опредѣленные эпитеты, тщательно выработанный стиль—противоположностью которымъ служитъ простое, свободное, иногда весьма лаконическое, иногда крайне расплывчатое изложеніе сказки...

Сказки о животныхъ.

Едва-ли не первообразомъ сказокъ являются тѣ краткіе, сжатые разсказы о животныхъ, въ которыхъ человѣкъ надѣляетъ ихъ своими свойствами, своею душою, своимъ умомъ, своимъ характеромъ, даже навязываетъ имъ свой языкъ и свои обычныя условія жизни... Эти краткіе разсказцы о животныхъ, то поучительнаго, то шутливаго содержанія, извѣстные подъ названіемъ *животнаго эпоса* (вѣрнѣе было-бы сказать: *эпоса о животныхъ*), встрѣчаются у всѣхъ народовъ, и древнихъ, и новѣйшихъ, и притомъ почти съ одинаковымъ содержаніемъ... Мало того, самыя свойства звѣрей, участвующихъ въ этихъ разсказахъ, неизмѣнно и одинаково приписываются имъ и въ древнѣйшей индійской сказкѣ, и въ новѣйшей,—греческой, русской, нѣмецкой—какъ если бы объ этихъ звѣряхъ разсказывало одно и то же лицо, передавая одни и тѣ же наблюденія надъ ихъ нравами, приписывая имъ тѣ же личныя свойства и повторяя тѣ же эпизоды. Въ теченіе долгаго времени это сходство „сказокъ о животныхъ“ истолковывалось, совершенно естественно, простымъ заимствованіемъ и непосредственною передачею ихъ отъ народа къ народу. Но сравнительное изученіе языковъ, которое привело и къ сравнительному изученію произведеній народной словесности у различныхъ народовъ — побудило ученыхъ придти къ иному и весьма любопытному выводу...

Общая основа сказокъ.

Изъ сравненія сказокъ у различныхъ народовъ индо-европейскаго племени, оказалось, что бо́льшая часть сказочнаго запаса у всѣхъ народовъ чрезвычайно близка, какъ по главнымъ, преобладающимъ тэмамъ своего внутренняго содержанія, такъ и по пріемамъ изложенія, и по множеству подробностей, постоянно вводимыхъ въ сказочный разсказъ. Сходство это было настолько поразительно и настолько явно, что уже о заимствованіяхъ и преемствѣ не могло быть рѣчи, и ученые пришли постепенно къ тому заключенію, что сказки у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени исходятъ изъ одной общей основы и, вѣроятно, въ первоначальномъ своемъ видѣ, относятся къ той отдаленной эпохѣ, когда народы этого племени еще пребывали въ своей прародинѣ и составляли одинъ народъ.

Бытовая сторона сказокъ.

На эту отдаленную, обще-арійскую эпоху иногда прямо, иногда косвенно и намекомъ, указываетъ и самое содержаніе сказокъ, кото-

рыя могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ памятникамъ, имѣющимъ обще-арійское происхожденіе. Мы видимъ, что выводимые въ нихъ герои постоянно странствуютъ по дремучимъ лѣсамъ, черезъ которые проложены чуть примѣтныя тропы; что на этихъ тропахъ, по которымъ они ѣдутъ почти на-угадъ, имъ безпрестанно встрѣчаются всевозможныя препятствія, полагаемыя имъ враждебными силами природы и стихій, которымъ боязливо-настроенное воображеніе пробуждающагося народа придаетъ страшные, чудовищные образы, иногда олицетворяя ихъ въ видѣ уродливыхъ и злобныхъ карликовъ, или-же въ видѣ могущественныхъ великановъ, иногда въ видѣ громадныхъ, крылатыхъ и многоглавыхъ змѣевъ, пышущихъ огнемъ и покрытыхъ непроницаемою чешуею. Лишь изрѣдка, мѣстами, рѣдкими оазами, въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, являются избушки, въ которыхъ старыя вѣдуньи, принимающія на себя видъ полу-миѳической бабы-яги, указываютъ добрымъ молодцамъ путь по лѣснымъ трущобамъ и даютъ имъ у себя ночлегъ. Каждый перекрестокъ на дорогѣ представляетъ путнику почти непреодолимое затрудненіе: по одной дорогѣ ѣхать—коня голодомъ заморить; по другой—самому съ голоду сгинуть. Все въ этихъ сказкахъ указываетъ на крайнюю пустынность и безлюдность земли, на рѣдкое населеніе, раздѣленное большими пространствами пустынь, на неизбѣжность постоянныхъ скитаній и странствованій—несомнѣнный отголосокъ кочевого, бродячаго быта. Любопытна и самая цѣль странствованій этихъ героевъ изъ конца въ конецъ извѣстнаго имъ „свѣта бѣлаго“, кстати сказать, очень не обширнаго. Большею частью, цѣлью такихъ странствованій въ тридесятое царство или даже въ царства подземныя и подводныя, бываетъ *добываніе дѣвицы себѣ въ невѣсты* или *добываніе какой-нибудь диковинки* въ родѣ необыкновенной птицы и рѣдкаго растенія, или *воды,* обладающей цѣлебными свойствами... И въ этомъ нельзя не видѣть слѣда той эпохи, когда человѣкъ еще только обзаводился первыми, необходимѣйшими удобствами своей домашней осѣдлости, по переходѣ отъ охотничьяго и кочевого быта къ земледѣльческому. Въ самомъ добываніи этихъ вѣщихъ и диковинныхъ коней, которые приходятъ, невѣдомо откуда, топтать посѣвы бѣлояровой пшеницы, въ самомъ обузданіи ихъ — нельзя не видѣть первыхъ опытовъ знакомства съ коневодствомъ, въ видѣ прирученія дикихъ косячныхъ жеребцовъ и кобылицъ, громадными стадами бродившихъ по степи. Нравы людей въ этихъ древнихъ сказкахъ представляются дикими и жестокими: всѣ эти человѣкообразныя чудовища, бабы-яги и великаны, пожирающіе маленькихъ дѣтей и похищающіе молодыхъ дѣвушекъ, представляются намъ отголосками воспоминаній о каннибализмѣ какой-нибудь отдаленной эпохи; а жестокія наказанія, въ родѣ сдира-

нія кожи, вырѣзанія ремней изъ спины и т. п., свидѣтельствуютъ о томъ, что эти сказки сложились въ эпоху преобладанія полнѣйшаго произвола, въ которую, собственно говоря, право на существованіе имѣли только счастливые избранники, одаренные тою физическою мощью, какою сказки въ избыткѣ надѣляютъ своихъ любимыхъ героевъ. Единственною защитою слабаго являлись *обманъ* и хитрая уловка (большею частью очень злая), къ которымъ слабый вынужденъ былъ прибѣгать для своего спасенія. Вся эта основа переплетена старинными, давно отжившими вѣрованіями и повѣрьями, проникнута міровоззрѣніемъ, которое теперь представляется намъ чуждымъ и непонятнымъ, и ярко рисуетъ намъ ту первобытную эпоху, когда человѣкъ еще жилъ жизнью, близкою къ природѣ, непосредственно подчиненною ея законамъ, когда онъ часто прислушивался къ ея голосу и истолковывалъ по-своему ея явленія, побужденія и призывы.

Благодаря простотѣ и немногосложности своей внѣшней формы—свободнаго, простого разсказа—сказка оказалась наиболѣе живучимъ изъ всѣхъ произведеній народной поэзіи. Въ то время, когда древняя обрядовая и былевая пѣсни забывались и терялись, отживая свой вѣкъ, сказка продолжала жить и дожила до нашего времени, постепенно видоизмѣняясь, пополняясь новыми нарощеніями и легко примѣняясь къ измѣнившимся условіямъ быта. Древняя основа, представляющаяся намъ теперь чисто-фантастическимъ эпосомъ странствованій и приключеній—осталась и уцѣлѣла въ массѣ дошедшихъ до насъ сказокъ; но на этой основѣ выросли и совершенно новыя произведенія, въ которыхъ мѣсто сказочныхъ героевъ занимаютъ уже вполнѣ обыкновенные смертные—люди изъ общей массы народа: крестьяне, солдаты, батраки, мельники, купцы, попы; мѣсто сказочныхъ царевенъ заступили простыя дѣвушки; мѣсто страшныхъ вѣдьмъ и людоѣдовъ—злыя мачехи, которымъ иногда еще приписываются всякія сверхъестественныя свойства и даже опытность въ волшебствѣ... На мѣсто всемогущихъ чародѣевъ явились дѣятелями въ сказкѣ простые деревенскіе колдуны, которыхъ каждый смышленый солдатъ или прохожій умѣетъ провести и образумить. Сказка понизила тонъ своего разсказа и изъ области фантазіи спустилась въ область практической жизни и дѣйствительности.

Живучесть сказокъ и ихъ перерожденіе.

И это перерожденіе сказки началось уже давно. Подъ вліяніемъ христіанства, глубже и глубже проникавшаго въ массу народа, сказка внесла въ свое содержаніе элементъ нравственно-назидательный: добро торжествуетъ надъ зломъ, слабый находитъ защиту отъ сильнаго въ молитвѣ или въ скоро явившейся помощи свыше, и, вообще говоря, сказка, въ большей части случаевъ, приводитъ къ утѣшительному нравственному выводу. Подъ вліянія-

ніемъ плохихъ общественныхъ порядковъ, подкупности судей, судебной ябеды и волокиты, сказка обращается иногда въ настоящую сатиру и излагается, при соблюденіи всякихъ судейскихъ формальностей и современнаго юридическаго языка, въ видѣ „*Суднаго дѣла Леща съ Ершомъ*“, или забавнаго сказанія о „*Судьѣ Шемякѣ*“.

Историческія личности въ сказкахъ.

Съ равною готовностью и умѣньемъ, сказка пользуется и историческими личностями и событіями для пополненія своего богатаго матеріала—вводитъ въ свое дѣйствіе и Іоанна Грознаго, и Петра Великаго, и рисуетъ ихъ намъ благодушными покровителями народа и правдивыми цѣнителями русскаго ума и находчивости. Наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени, полному всякихъ техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній, практическихъ сдѣлокъ и хитроумныхъ вымысловъ, сказка, мало-по-малу, начинаетъ обращаться въ простой разсказъ бытового характера, который хотя и начинается попрежнему, съ неизбѣжнаго „жилъ да былъ“, но въ которомъ, однакоже, весь интересъ разсказа сводится къ вопросамъ простой наживы или убытка...

Но живучесть сказки, какъ произведенія народнаго духа, изумительна!.. Начиная отъ сѣдой древности и до нашихъ дней, она, постепенно развиваясь и видоизмѣняясь, идетъ почти непрерывною чередою, связывая первыя попытки необузданной фантазіи людей съ первыми начатками повѣстей и сказокъ уже чисто литературнаго характера, явившимися въ нашей древней письменности XIV и XV вѣковъ и въ печатной литературѣ конца XVII и начала XVIII вѣковъ. И до сихъ поръ та же наивная сказка, которая была постоянной утѣхой полудикаго арійца и служила одинаковой забавой дѣда, разсказывавшаго ее, и внука, внимательно ее слушавшаго, — тѣшитъ, попрежнему, стараго и малаго, даетъ и теперь матеріалъ для поэтическаго вымысла и для литературной обработки, и освѣжаетъ утомленный умъ и воображеніе современнаго человѣка наивною прелестью своего разсказа.

VI.

Загадка—одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народнаго устнаго творчества. — Загадка и сказка. — Загадка, какъ забава. — Пословица. — Чрезвычайное богатство русскихъ пословицъ. — Поговорки и присловья.

Глубокая древность загадки.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что первыя загадки были первыми опытами ума и наблюдательности человѣка, выраженными въ словѣ, и что основы многихъ народныхъ загадокъ явились еще въ ту пору, когда народъ создавалъ свой языкъ, руководясь въ своемъ творчествѣ то сравненіемъ, то звукоподражаніемъ, то внѣшнимъ и случайнымъ сходствомъ признаковъ въ двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Создать умную, кратко и ловко выраженную въ словѣ загадку и теперь не легко;

тѣмъ болѣе мудреною должна была представляться эта умственная задача въ наивный первобытный періодъ народной жизни, полный яркихъ впечатлѣній и туманныхъ образовъ. Человѣкъ, способный создать загадку, долженъ былъ представляться, для всѣхъ окружающихъ, мудрецомъ, свыше одареннымъ свойствами, которыя даются отъ Бога немногимъ избранникамъ. Вотъ почему загадываніе загадокъ въ глубокой древности являлось не просто забавою, и не игрою ума, а испытаніемъ мудрости. Загадки загадывались взрослыми и серьезными людьми взрослымъ-же людямъ: съ разгадкою загадокъ связывались, въ народныхъ преданіяхъ, крупные заклады... Если вѣрить древнимъ арійскимъ сказаніямъ, разгадыванье загадокъ являлось иногда вопросомъ жизни и смерти: неразгадавшій загадку платился жизнью; въ свою очередь, платился жизнью и тотъ загадчикъ, загадка котораго была разгадана.

Вѣщее значен е загадки.

Отголоски этихъ древнихъ сказаній и этого вѣщаго и важнаго значенія загадокъ видимъ во многихъ нашихъ сказкахъ. Загадываютъ загадки вѣщія дѣвы-царевны, испытывая разумъ добрыхъ молодцовъ, и предлагаютъ имъ, въ случаѣ удачи—свою руку, въ случаѣ неудачи, требуютъ, чтобы смѣльчаки поплатились головою. Загадываютъ загадки и могущественные сказочные цари, и отгадавшихъ загадку награждаютъ золотою казною, а неотгадавшихъ—сажаютъ въ темницу. Загадываютъ загадки смертнымъ и разныя сказочныя чудовища, бабы-яги и Кощеи, и позднѣе заступившіе ихъ мѣсто—бѣсы. Многія сказки только на разгадываніи загадокъ и основаны; въ этомъ разгадываніи заключается вся суть ихъ содержанія, а всѣ остальныя подробности составляютъ не болѣе, какъ необходимую рамку, — обстановку разсказа. Иногда, въ тѣхъ же сказкахъ, мудрый совѣтъ, покупаемый дорогою цѣною, дается въ загадочной формѣ завѣта или условнаго указанія; напримѣръ: „подыми да не опусти", а въ дальнѣйшемъ теченіи сказочнаго разсказа, сложныя обстоятельства даютъ почерпнутый изъ опыта отвѣтъ, какъ разгадку этого завѣта.

Загадки-забавы.

Даже и въ формѣ забавы, какою теперь загадка обычно является въ народѣ на вечеринкахъ, бесѣдахъ и посидѣлкахъ, она все еще не утратила до нѣкоторой степени своего серьезнаго значенія, и остается испытаніемъ, если не ума, то, по крайней мѣрѣ, находчивости и умѣнья быть забавнымъ въ обществѣ... Чѣмъ больше парень или дѣвушка знаютъ загадокъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ они значеніе пріятныхъ собесѣдниковъ, бывалыхъ и опытныхъ въ обращеніи съ людьми.

Различные виды загадокъ.

Многія изъ загадокъ чрезвычайно художественны по формѣ и складу своему; многія другія весьма древни, и встрѣчаемыя въ нихъ сравненія и уподобленія являются, видимо, отголосками воззрѣній на природу, унаслѣдованныхъ отъ сѣдой старины. Такъ

напримѣръ: „Стоитъ дубъ, а на дубу 12 гнѣздъ; въ каждомъ гнѣздѣ по 4 синицы; у каждой синицы по 14 яицъ — семь бѣленькихъ и семь черненькихъ“. (*Годъ, мѣсяцъ, недѣли, дни и ночи*).

Другія загадки забавны по сопоставленію такихъ свойствъ и признаковъ различныхъ предметовъ, которые, повидимому, ничего не имѣютъ между собою общаго; однакоже, народное остроуміе умѣетъ ихъ сблизить и привести къ опредѣленному выводу. Напримѣръ: „быкъ желѣзный, а хвостъ льняной“ *(Игла съ ниткой)*;— „въ потемкахъ родится, съ огнемъ помираетъ“ *(Воскъ)*; — „крыльями машетъ, а улетѣть не можетъ“ *(Вѣтряная мельница)*.

Третьи, наконецъ, не могутъ быть вполнѣ понятны каждому, безъ знанія народнаго быта, потому что основываются на сличеніи мелочныхъ подробностей бытовой обстановки народа.

Болѣе всего неудачными и неуклюжими оказываются тѣ загадки, которыя сложились подъ вліяніемъ книжнымъ, преимущественно библейскимъ.

Пословицы.

Рядомъ съ загадкою слѣдуетъ поставить еще одинъ весьма распространенный и важный родъ народной словесности: *пословицу*. Такъ называются краткія изреченія, заключающія въ себѣ одну мысль, одинъ выводъ или наблюденіе, извлеченные народомъ изъ долгаго многовѣкового опыта жизни. Пословицу справедливо называютъ „плодомъ народной мудрости“, потому что высказанная въ ней мысль, переходя изъ устъ въ уста, обходя весь народъ, должна была подчиняться общей провѣркѣ и оцѣнкѣ, и, конечно, оставалась въ памяти у всѣхъ только тогда, когда она всѣмъ нравилась, всѣмъ приходилась по вкусу и всѣмъ казалась равно мѣткой и справедливой.

Внѣшняя форма пословицы.

По отношенію къ формѣ, настоящая пословица постоянно распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ собою какъ бы условіе („если . . . “), а другая—выводъ, заключеніе („то и . . . . “). Напримѣръ: „за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“, „у семи нянекъ, дитя безъ глазъ“, „тише ѣдешь, дальше будешь“ и т. п. Кромѣ этого внѣшняго отличія, пословицы, по большей части, подчиняются нѣкотораго рода ритму: въ нихъ слышится какой-то особый складъ, двѣ составныя части ихъ большею частью заканчиваются созвучіями, а иногда и въ срединѣ каждой изъ нихъ вставляются однозвучныя слова. Напримѣръ „богатому жаль корабля, бѣдному— кошеля“, „богатаго отъ тароватаго не разберешь“. Эта форма, конечно, выработалась временемъ, какъ бы въ облегченіе запоминанью; и самая сущность пословицъ, конечно, не создавалась сознательно и послѣдовательно, какъ слагались пѣсни или сказки, какъ создаются произведенія народнаго творчества... Каждая пословица въ началѣ своемъ была непремѣнно случайнымъ созданіемъ одного человѣка, была не болѣе какъ однимъ изъ тѣхъ удачныхъ „кры-

латыхъ" словъ, которыя въ-пору и во-время срываются съ языка... Мѣткое замѣчаніе, удачная характеристика, рѣзкое и справедливое сужденіе, подхваченныя со стороны, притомъ же людьми умѣлыми, съ бойкою, краткою и сильною рѣчью,—обращается въ пословицу: „то хвалитъ, то сразу съ ногъ валитъ", „вершочекъ на землѣ, саженька подъ землей", „птичка не величка, ноготокъ востеръ", „много желать—добра не видать", „горька работа, да хлѣбъ сладокъ".

Пословицы историческія и бытовыя.

Пословицы принадлежатъ, какъ видно изо всего предыдущаго, къ такого рода памятникамъ народной словесности, которые живутъ вмѣстѣ съ народомъ, постоянно нарождаясь и пополняясь и, отъ вѣка до вѣка, возрастая въ количествѣ, иногда даже отражая собою различныя явленія народной жизни. Такъ, многія пословицы вызваны были историческими событіями, а другія явились естественнымъ отраженіемъ извѣстныхъ условій быта въ опредѣленную эпоху, напр. „посла не сѣкутъ, не рубятъ, а жалуютъ". Очень многія пословицы остались намъ, напримѣръ, живымъ напоминаніемъ татарскаго ига („не въ пору гость хуже татарина", „жилъ бы въ ордѣ да въ добрѣ"); другія произошли подъ впечатлѣніемъ вѣчевыхъ порядковъ, третьи напоминаютъ о временахъ боярщины, о старинныхъ судейскихъ порядкахъ, напр. „таковъ-сяковъ, а все лучше приказныхъ дьяковъ"; извѣстная поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день"—даже и прямо произошла подъ впечатлѣніемъ царскаго указа о закрѣпленіи крестьянъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ они жили, и о лишеніи ихъ права перехода (въ Юрьевъ день) отъ помѣщика къ помѣщику. Другое присловье: „погибъ какъ шведъ подъ Полтавой" — не требуетъ даже и объясненія, прямо указывая на вызвавшее ее событіе.

Пословицы книжныя и литературныя.

Пословица, какъ и загадка, рано уже стала пополняться книжнымъ путемъ, сначала почерпая содержаніе изъ Св. Писанія, а затѣмъ, и изъ свѣтскихъ произведеній книжной литературы; пополненіе это продолжается и донынѣ, и даже на нашей памяти, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, въ весьма богатый и обильный запасъ русскихъ пословицъ внесено очень много новыхъ, созданныхъ нашими классическими писателями (преимущественно Грибоѣдовымъ и Крыловымъ); напримѣръ, „грѣхъ не бѣда, молва не хороша",—„слона и не примѣтилъ",—„въ сердцѣ лжецъ всегда отыщетъ уголокъ",—„а возъ и нынѣ тамъ".

Присловье и поговорки.

Пополняясь съ одной стороны, пословица, съ другой стороны, вырождалась въ *присловье* и въ *поговорку*, причемъ утрачивался и основной ея смыслъ, а иногда даже и нарушался ея строй, ея внѣшняя форма, такъ какъ выводъ отпадалъ... Напримѣръ: „не до жиру, быть бы живу"; „сухая ложка ротъ деретъ"; „на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ"; „отставной козы барабанщикъ"; „глаза какъ плошки, не видятъ ни крошки".

Напрасно было бы думать, однакоже, что пословица — этотъ „плодъ народной мудрости"—служитъ выраженіемъ только лучшихъ сторонъ человѣческой природы. Въ созданіи ея участвуетъ весь народъ, со всѣми, заключающимися въ немъ дурными и хорошими элементами, потому и создаваемая имъ пословица должна одинаково отражать всѣ стороны народнаго типа: одно настроеніе производитъ одну, глубокую по смыслу и высоконравственную по настроенію, пословицу; другое — другую, противоположную первой во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ этого, конечно, еще никакъ нельзя придти къ тому выводу, къ которому приходятъ нѣкоторые моралисты, утверждая, что „есть много пословицъ грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственнаго чувства"... Пословица тутъ ни при чемъ: есть много грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственнаго чувства сторонъ и чертъ въ народномъ быту, и пословица служитъ только ихъ живымъ отраженіемъ...

Нужно-ли упоминать о томъ, что пословицы относятся, по первоначальному своему происхожденію, къ эпохѣ весьма отдаленной, и что уже древнѣйшій нашъ лѣтописецъ приводитъ въ текстѣ своей лѣтописи многія пословицы, обращавшіяся въ современной ему массѣ народа (напр., „туго аки въ Роднѣ", „погибоша яко Обри" и т. д.); пословицы эти, отчасти, весьма древни, отчасти же имѣютъ прямое отношеніе къ живой современности.

Исторія Русской Словесности.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ начала письменности до татарщины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дунайскіе славяне и Византія.—Крестъ, вмѣсто меча.—Братья-первоучители, изобрѣтающіе славянскую азбуку.—Два алфавита.—Возникающая Русь.—Связи ея съ Болгаріею.—Внесеніе на Русь первыхъ начатковъ грамотности и письменности.

Византія, въ половинѣ IX вѣка, представляла собою странное зрѣлище могущественнаго, обширнаго и просвѣщеннаго государства, которое, порвавъ окончательно свои связи съ Западомъ, увидѣло себя лицомъ къ лицу съ варварскими народами, грозною тучею наступавшими и съ востока, и съ сѣвера. Предстояла несомнѣнная, неизбѣжная необходимость борьбы, къ которой Византія была не готова, къ которой у нея не было ни силъ, ни охоты. Приходилось вступать въ нескончаемые переговоры, входить въ соглашенія, ослѣпляя варваровъ внѣшнимъ блескомъ своего величія, привлекая чарами своей образованности и роскоши, посылая къ нимъ проповѣдниковъ и учителей.

Крестъ Христовъ былъ мощнымъ орудіемъ въ рукахъ Византіи и ограждалъ ее, вѣрнѣе всякаго меча, отъ натиска молодыхъ народовъ, выступавшихъ постепенно на историческую сцену изъ глубины еще недавно окружавшаго ихъ „киммерійскаго“

мрака. Проповѣдники, высланные изъ Византіи, неутомимо проповѣдывали и крестили, и всюду указывали на столицу имперіи, какъ на центръ распространяемой ими религіи, а на патріарха и императора, какъ на двухъ главныхъ представителей и защитниковъ христіанской Церкви; и этимъ путемъ они способствовали установленію живой связи между отживающею Византіею и новообращенными варварами.

Братья первоучители.

Въ числѣ такихъ миссіонеровъ, постоянно и ревностно подготовлявшихся въ Византіи къ выполненію своего тяжелаго призванія, въ первой половинѣ IX вѣка, явились два человѣка, которымъ суждено было пріобрѣсти всемірную извѣстность и навѣки обезсмертить свое имя тою дивною, неоцѣненною услугою, которую они оказали всему славянству.

То были два грека, уроженцы города Солуни, *Константинъ* и *Меѳодій*, родные братья и сыновья вельможи (патриція) Льва. Замѣтимъ прежде всего, что Солунь (иначе, Ѳессалоника) лежалъ въ самомъ центрѣ Македоніи и былъ окруженъ славянскими поселеніями, такъ что всѣ жители Солуни были съ дѣтства знакомы съ мѣстнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Затѣмъ, не вдаваясь далѣе въ подробности біографіи братьевъ-первоучителей, которая слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, мы выдѣлимъ изъ нея только тѣ факты, которые могутъ имѣть существенное значеніе для нашей задачи.

Азбука славянская.

По древнему и вполнѣ достовѣрному свидѣтельству, азбука славянская (вѣроятно, по звукамъ своимъ, приспособленная къ потребностямъ того славянскаго нарѣчія, которое было господствующимъ въ Македоніи, около Солуни) была составлена братьями-первоучителями около 855 года [1]). Около того же времени были переведены ими на славянскій языкъ Св. Писаніе и богослужебныя книги. Есть возможность предположить, что съ этими письменами и книгами направились они, для проповѣди, въ Хазарію въ 858 году, тѣмъ болѣе, что должны были знать, какъ много славянскихъ племенъ живетъ по пути въ Хазарскую землю и даже подчинены власти хазарскаго хакана [2]).

Четыре года спустя (въ 862 г.), братья-первоучители направились въ Моравію, несомнѣнно уже съ готовыми переводами священныхъ книгъ. Всѣмъ извѣстно, что̀ именно побудило ихъ туда отправиться, и какъ быстро, какъ успѣшно пошла тамъ ихъ пропо-

---

[1]) Свидѣтельство черноризца Храбро, жившаго въ концѣ IX или началѣ X вѣка, недолго спустя послѣ Кирилла и Меѳодія.

[2]) Путь братьямъ-первоучителямъ въ Хазарію лежалъ черезъ Херсонесъ въ Тавридѣ. И вотъ, въ одномъ изъ ихъ житій находимъ извѣстіе странное и маловѣроятное, изъ котораго узнаемъ, будто Константинъ нашелъ въ Корсуни «русскія книги», Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго «русскимъ языкомъ»...

вѣдь, благодаря тому, что они проповѣдывали слово Божіе „на языкѣ, понятномъ для славянъ". Но далеко не всѣ знакомы съ весьма важнымъ свидѣтельствомъ житія братьевъ-первоучителей, по которому императоръ Михаилъ, отправляя лично-извѣстныхъ ему Константина и Меѳодія въ Моравію, сказалъ имъ: „вы оба солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ по-славянски". Совершивъ великое дѣло проповѣди на языкѣ славянскомъ въ Моравіи и введя въ тамошней церкви славянское богослуженіе, Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) удалился въ Римъ, гдѣ и скончался 14 февраля 869 г. Меѳодій пережилъ его на 16 лѣтъ [1]) и неусыпными трудами своими способствовалъ тому, что славянская проповѣдь, славянское богослуженіе и славянскія богослужебныя книги укоренились въ прилегающихъ къ Моравіи земляхъ славянскихъ, и преимущественно въ Болгаріи. Сюда были изгнаны изъ Моравіи, послѣ смерти Меѳодія, ближайшіе ученики его—Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларъ и Гораздъ—и всѣ сторонники ихъ (въ томъ числѣ около двухсотъ священниковъ). Здѣсь, въ особенности въ царствованіе просвѣщеннаго болгарскаго царя Симеона (892 г. по 927 г.), письменность славянская сдѣлала большіе успѣхи, такъ какъ на славянскій языкъ переведено было съ греческаго много книгъ не только церковныхъ и духовнаго содержанія, но и научныхъ, и назидательныхъ, вслѣдствіе чего количество рукописей славянскихъ въ короткое время возросло весьма значительно.

Составъ новаго алфавита.

Подъ именемъ славянской письменности и славянскихъ рукописей, мы разумѣемъ *все написанное новымъ алфавитомъ*, который былъ изобрѣтенъ братьями-первоучителями, и преимущественно младшимъ изъ нихъ, Константиномъ или (въ иночествѣ) Кирилломъ. Онъ былъ человѣкъ высокоразвитой и образованный, даже ученый лингвистъ, такъ какъ зналъ нѣсколько языковъ, и потому, вѣроятно, принялъ на себя, главнымъ образомъ, трудъ составленія алфавита, приспособленнаго къ потребностямъ славянской фонетики. Этотъ алфавитъ, за которымъ сохранилось названіе *кириллицы*, составленъ былъ весьма искусно, и, по современному свидѣтельству, заключалъ въ себѣ первоначально 38 буквъ; для изображенія всѣхъ звуковъ, какіе имѣются въ греческомъ языкѣ и въ языкѣ славянскомъ, взяты были буквы изъ греческаго алфавита; для тѣхъ звуковъ славянскихъ, которыхъ не имѣется въ греческомъ языкѣ, заимствованы были буквы изъ восточныхъ алфавитовъ — коптскаго, армянскаго и еврейскаго; а для носовыхъ звуковъ придуманы изобрѣтателемъ славянскаго алфавита особые знаки (юсы Ѫ, Ѧ).

Значительно позже, въ эпоху наибольшихъ гоненій, воздвиг-

---

[1]) Скончался въ 885 г., 6 апрѣля, въ Велеградѣ.

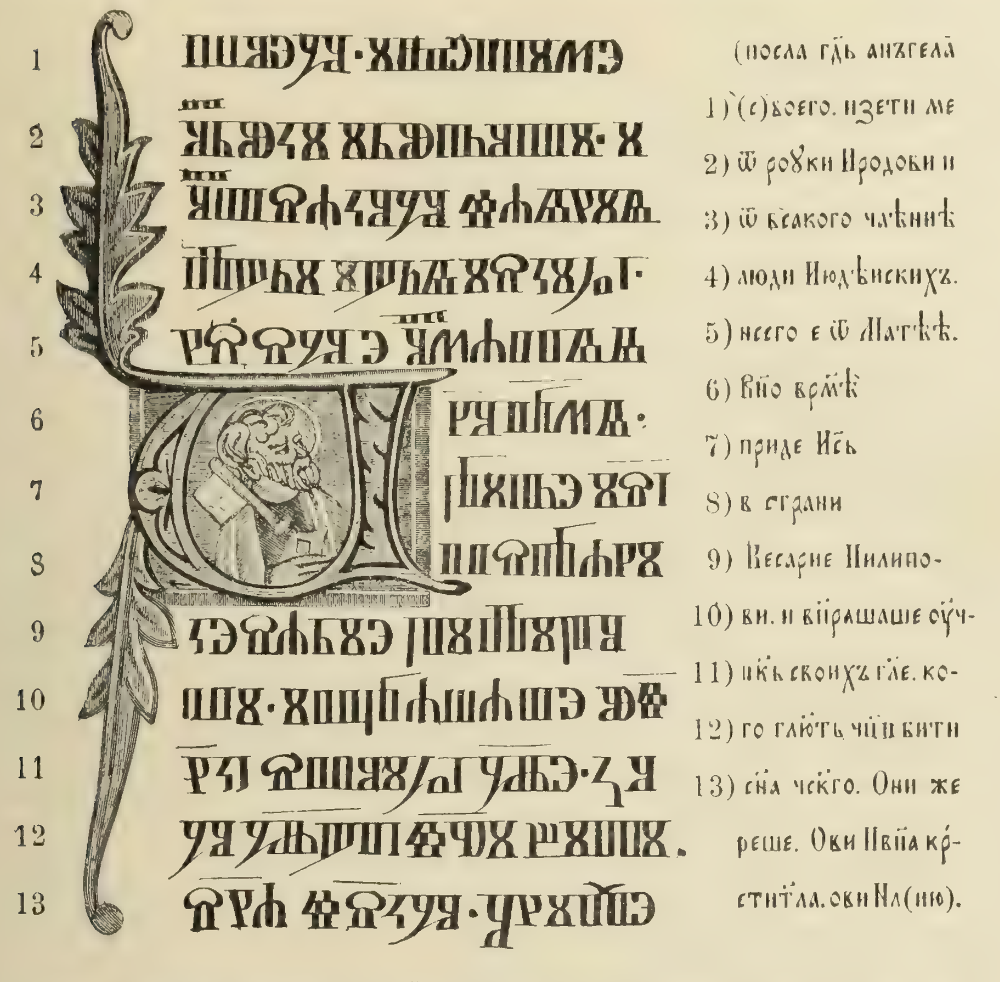
пугыхъ папами противъ славянскаго богослуженія, среди нѣкоторыхъ западныхъ славянъ (главнымъ образомъ въ приморской Хорватіи) возникъ еще другой алфавитъ, получившій названіе *глаголицы* (или *глаголиты*). Изобрѣтеніе его приписываютъ блаженному Августину, весьма уважаемому Римскою Церковью; а цѣль

шанхъ овьцѧ азъ несмь двьры и
ножаще къто вънидеть спсетьсѧ
и вънидеть· и изидеть· и пажить
обрѧщеть :·
ВЪПѦТЪК Є НЄ ЄВА
ѿ иоана· глава ?ѕ —
Рече гь къ пришьдъшиимъ къ ни
моу июдеомъ· сего ради мѧ оць люб
гь ꙗко азъ полагаѭ дшѫ моѭ да па
кы прииму ѭ· никъто же възьм
ть неѩ ѿ мене· нъ азъ полагаѭ о себѣ
о власть оимамъ положити ѭ· и о
власть имамъ пакы приѩти ѭ· с
ѭ заповѣдь приѩтъ оца моего
распьра же пакы бысть въ июден
хъ за словеса си· глаахѫ же мно
зи ѿ ниихъ бѣсъ имать и неисто

Образецъ кириллицы. Листокъ изъ Туровскаго Евангелія XI вѣка, хранящагося въ Виленской публичной библіотекѣ.

изобрѣтенія этой азбуки объясняютъ различно: одни видятъ въ созданіи этой азбуки попытку скрыть подъ ея своеобразными и замысловатыми начертаніями столь дорогую для славянства нарождающуюся славянскую письменность; другіе, едва-ли не съ большею справедливостью, предполагаютъ, что глаголица была изобрѣтена въ противодѣйствіе кириллицѣ и какъ бы въ подрывъ

ся быстрому и успѣшному распространенію. Какъ бы то ни было, но эта новая азбука (глаголица) успѣха не имѣла и нашла себѣ примѣненіе лишь среди весьма ограниченной части славянскихъ племенъ, тогда какъ кириллица сразу пріобрѣла обширное примѣненіе въ Болгаріи и въ другихъ придунайскихъ земляхъ. Позднѣе ей открылось новое и обширное поприще для распространенія, когда Византіи удалось просвѣтить свѣтомъ христіан-

Образецъ глаголицы. Отрывокъ изъ Реймскаго глаголическаго Евангелія (Texte du Sacre) съ подстрочнымъ толкованіемъ академика И. И. Срезневскаго, буква въ букву.

ства ту Русь, которая, словно грозовая туча, начинала собираться въ сильное государство на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго и, быстро сплавляя разрозненныя славянскія племена въ одно цѣлое, грозила Византіи грядущими набѣгами и опустошеніями...

Набѣги Руси на Византію и начались съ половины IX вѣка и нагнали страхъ на Царьградъ. Ожиданіе варваровъ въ столицѣ Имперіи обратилось въ нѣкотораго рода кошмаръ, и даже слухъ о возможности ожидаемаго набѣга со стороны Руси уже приво-

дилъ въ трепетъ все населеніе столицы. Забыто было даже древнее названіе Понта Эвксинскаго и замѣнилось болѣе современнымъ и болѣе страшнымъ названіемъ „Русскаго моря“ — той коварной стихіи, по которой подъ стѣны Византіи приплывали утлыя ладьи грозныхъ руссовъ.

Начались обычныя попытки Византіи къ обузданію варваровъ мирнымъ путемъ, — торговыя сдѣлки, подарки, подкупы, — и, наконецъ, въ началѣ X вѣка удалось византійскимъ проповѣдникамъ забросить на Русь первыя сѣмена просвѣщенія, вмѣстѣ съ христіанской проповѣдью.

Болгарія и Русь. Въ данномъ случаѣ, конечно, Византія могла успѣшно воздѣйствовать на Русь только при помощи и посредствѣ сосѣднихъ и родственныхъ намъ болгарскихъ славянъ, у которыхъ именно около этого времени (т.-е. въ концѣ IX и началѣ X вв.) было уже много написано книгъ на славянскомъ языкѣ, и еще болѣе было ихъ переведено съ греческаго. А такъ какъ въ то время различіе между языками отдѣльныхъ племенъ славянскихъ чувствовалось менѣе, чѣмъ въ настоящее время, то эта письменность славянская—эти книги Св. Писанія и богослужебныя, надъ переводомъ которыхъ потрудились братья-первоучители,—могли быть съ полнымъ успѣхомъ перенесены греческими и болгарскими миссіонерами на Русь. Здѣсь, языкъ этихъ книгъ, въ отличіе отъ народнаго языка, получилъ названіе „церковно-славянскаго“ [1]), такъ какъ первоначально являлся исключительно языкомъ Церкви и ея потребностей и во многомъ не былъ сходенъ съ языкомъ русскимъ.

Впослѣдствіи, однакоже, изъ смѣси этого церковно-славянскаго языка съ древне-русскимъ, при посредствѣ первыхъ нашихъ писателей, почти безъ исключенія принадлежавшихъ къ русскому племени и, главнымъ образомъ, къ духовному сословію, мало-по-малу, образовался нашъ книжный, литературный языкъ, который и сталъ служить для письменнаго изложенія.

Здѣсь-то, на пространствѣ обширной и непрестанно-возраставшей Руси, и грамота славянская, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ нашли себѣ прочное убѣжище. Кириллица явилась на Руси рукописною азбукою и вплоть до XVI вѣка служила для нуждъ нашей письменности; а потомъ ея же очертанія приняты были въ основу печатнаго алфавита нашихъ первопечатныхъ книгъ. Только уже при Петрѣ Великомъ, подъ вліяніемъ стремленія подражать Западу во всемъ, изобрѣтена была та, несходная съ кириллицею, форма нашихъ печатныхъ буквъ, которою стали печатать у насъ всѣ книги, не относившіяся къ церковному обиходу. Эта новая

[1]) Тотъ же языкъ называется у насъ въ научномъ смыслѣ языкомъ *древне-болгарскимъ*, такъ какъ перенесенныя къ намъ изъ Болгаріи книги богослужебныя и иныя были написаны на языкѣ болгарскихъ славянъ.

азбука получила впослѣдствіи названіе *гражданской*, въ отличіе отъ кирилловской или церковной печати, которою (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) до сихъ поръ печатаются у насъ церковныя и богослужебныя книги, какъ бы во славу безкорыстнымъ, святымъ трудамъ братьевъ-первоучителей, которымъ всѣ мы, въ значительной степени, обязаны своимъ просвѣщеніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

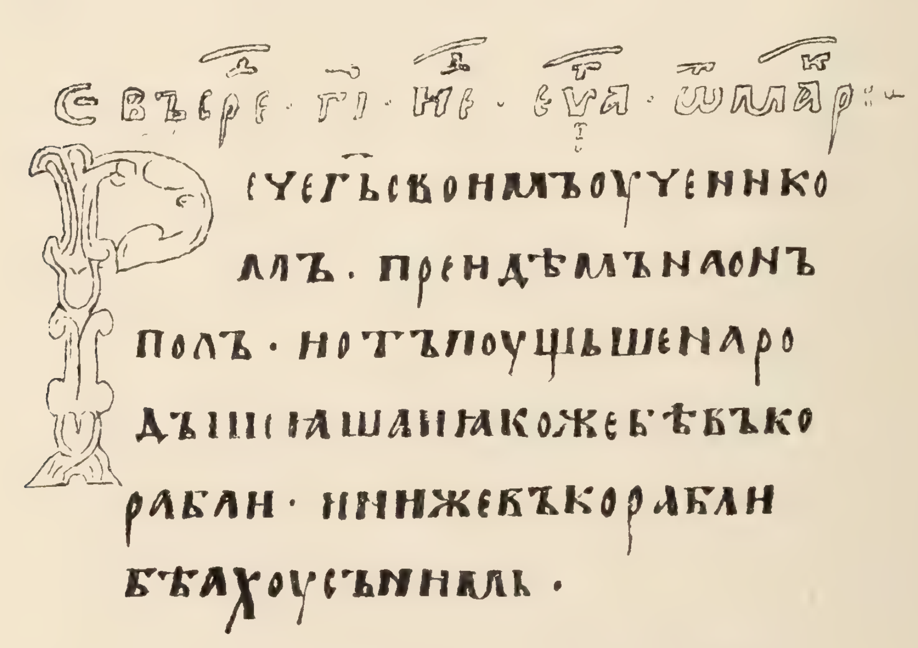
Письменный матеріалъ и писцы въ эпоху внесенія къ намъ грамотности.—Способъ письма и характеръ украшеній рукописи.—Книги и книголюбцы.—Цѣны на книги.—Главные центры письменности.—Древнѣйшій памятникъ русской письменности.

Наши предки, въ эпоху внесенія къ намъ грамотности, научившись этому искусству отъ учителей своихъ, грековъ и болгаръ, писали не совсѣмъ такъ, какъ мы пишемъ въ настоящее время. Еще и теперь всѣмъ памятно, въ нашемъ поколѣніи, то время, когда въ общемъ употребленіи были только гусиныя перья; всѣмъ еще памятны и тѣ затрудненія, тѣ неудобства, которыя связаны были съ этимъ орудіемъ письма (въ особенности съ его очинкою), которое, однакоже, было исключительнымъ въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, и, конечно, придавало особый характеръ и почерку, и самому способу писанія. Но гусиное перо было роскошью и удобствомъ, о которомъ еще почти не имѣли понятія наши предки въ IX вѣкѣ. Они писали, вмѣсто перьевъ, тростями (каламами), которыя привозились на Русь изъ Греціи; вмѣсто нынѣшней бумаги, изготовляемой изъ перемолотыхъ тряпокъ, въ связи со всякими примѣсями, они употребляли только *пергаменъ* — письменный матеріалъ, выдѣлывавшійся изъ свиной или телячьей кожи и также привозившійся съ далекаго Востока. Извѣстный знатокъ нашей древней письменности, академикъ Срезневскій такъ опредѣляетъ намъ свойства письменнаго матеріала въ первые вѣка нашей письменности:

„До половины XIV вѣка книги писались только на пергаменѣ— как говорилось: на „*мѣхѣ*“ или „*кожѣ*“, и пергаменъ для книгъ большею частью употребляемъ былъ безъ скупости. Есть и очень древніе образчики того, что вся или почти вся книга писалась на отборномъ пергаменѣ, такъ что всѣ или почти всѣ листы въ ней безъ зализей и сшивокъ, а на страницахъ оставлены широкія поля („берега̀“) во всѣ стороны. Рукописей, писанныхъ на очень дурномъ пергаменѣ, сравнительно, очень немного; рукописей, писанныхъ на смытомъ или соскобленномъ пергаменѣ (палимпсестовъ), нѣтъ вовсе. — Употребленіе бумаги начинается со второй половины или, лучше сказать, съ послѣдней четверти XIV вѣка, Матеріалъ для письма.

и бумага эта (бомбицина) была большею частью очень хорошаго достоинства.

„Пергаменныя книги *въ листъ* (т.-е. собственно въ ½ листа) и въ восьмую долю листа писались гораздо рѣже, чѣмъ въ четвертую долю; бумажныя — чаще въ листъ. Тетради для писанія приготовлялись впередъ: прочерчивались остріемъ для обозначенія длины и ширины страницы и каждой строки, по одному и тому же размѣру, такъ что во всей книгѣ количество строкъ на страницѣ, ихъ длина и разстояніе между ними оставались одни тѣ же. Писали обыкновенно надъ чертами, проведенными остріемъ. Книги въ листъ писали обыкновенно въ два столбца; книги въ четвертую долю и въ восьмую — обыкновенно въ одинъ столбецъ."

Рече г҃ь своимъ оученико
мъ. преидѣмъ на онъ
полъ. но отъпоущьше наро
ды и пояша и яко же бѣ въ ко
рабли. и инии же въ корабли
бѣахоу съ нимь.

Образецъ устава, заимствованный изъ Мстиславова Евангелія.

Матеріалъ, на которомъ приходилось писать, и орудіе письма опредѣляли способъ письма. Писали широко, толстою чертою; ставили буквы прямо, отдѣльно одна отъ другой, безъ всякой связи съ ближайшими буквами. Каждая буква отдѣлывалась и заканчивалась съ полною отчетливостью. Начальныя буквы и заглавія разрисовывались киноварью (красною краскою) и украшались разнообразными фигурами и узорами; иногда заглавнымъ буквамъ придавали видъ цвѣтовъ, птицъ и звѣрей; изрѣдка покрывали ихъ позолотою и красками. Писецъ былъ въ то же время и художникомъ, и умѣлъ съ равнымъ искусствомъ владѣть и перомъ, и кистью... Чрезвычайно страннымъ представляется намъ то, что, судя по нѣкоторымъ рукописнымъ миніатюрамъ, изображающимъ древнихъ писцовъ, они писали не на

И понеже оубо въжделѣлъ еси нѣкыи питателнк
словоу добро съставлено у тебѣ и извѣстно оуписа
нию изложено оубыти, якоже сказоующе древнѣа
словеса. и которіи обладаша и прѣва, и даже до
гдѣ достигоша. и которіи цр҃ствоваша, и даже до
колико лѣтъ. мы оубо въсприемлемъ тагожде
троуда сего, аще и нѣжно дѣло и троудно. оутѣ
шаютъ бо нашѫ же въ словесех трудъ, велиціи
дарове твои и любоу твоя. и троу наа говара
и болѣзнена го, дарове прохлаждаютъ въдавае

ѡже ѿ матфеа ст҃ое благовѣ
стованіе. глава а҃.
Книга родьства Іс҃ Х҃а сн҃а
Давыдова сн҃а авраамля. авраамъ ро
ди Ісаака, Ісакъ же роди Іакова. Іяковъ же роди
Іоуду и братью его. Іоуда же ро
ди фареса и зарою ѿ фамары.
фаресъ же роди Есрома. Есро
мъ же роди арама. арамъ же ро
ди аминодава. аминадавъ же
роди наассона. наасъсонъ же
роди салмона. салмонъ же
роди вооза ѿ рахавы. воозъ
же роди овида ѿ роуфы. ови
дъ же роди иесеа. иесеи же
роди двд҃а цр҃а. двдъ же цр҃ь ро
ди соломона ѿ оуриевы. соло

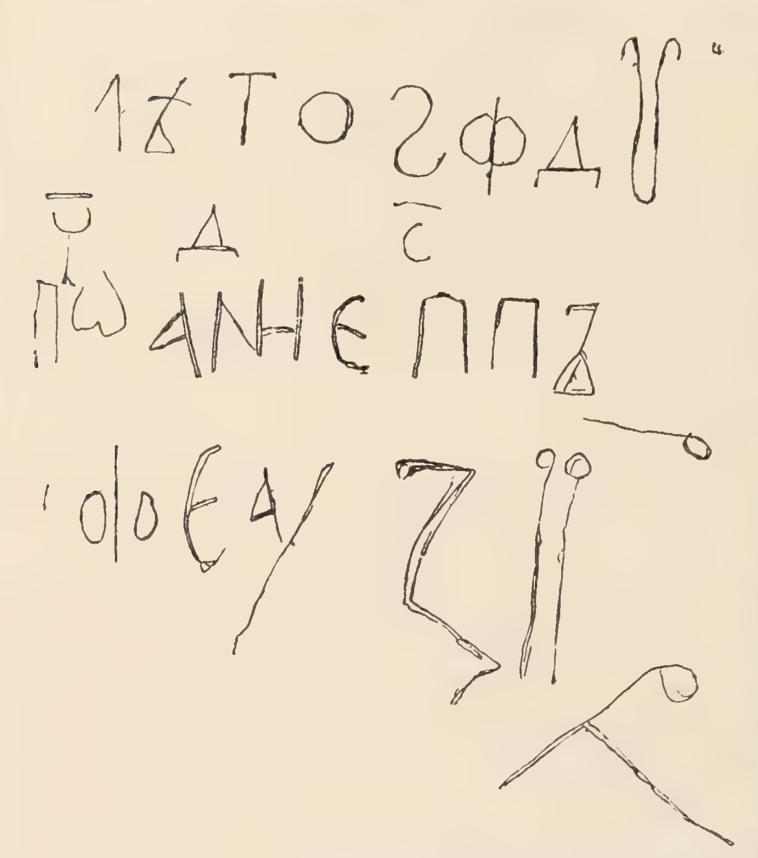
дефтера
пн҃е

Образцы полуустава, заимствованные изъ рукописей XIV—XV вѣка.

столѣ, какъ мы пишемъ, а на разогнутой лѣвой рукѣ, опертой локтемъ о колѣно.

Уставный почеркъ.

Древнѣйшимъ почеркомъ нашихъ харатейныхъ (пергаменныхъ) рукописей былъ почеркъ *уставный* или *уставъ*, почти исключительно господствовавшій на Руси отъ XI до конца XIV вѣка. Каждая буква устава, простая или сложная, писалась отдѣльно и не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ руки. Только съ XIV вѣка рѣзко отдѣлились отъ устава два другіе способа письма: *уставная скоропись* и *связная скоропись*. Первая скоропись была преимущественно отличительнымъ признакомъ письма великорусскаго; вторая скоропись — отличіемъ письма западно-русскаго. При этомъ, постепенно начинаетъ распространяться *вязь*, употребляемая обычно въ тѣхъ написяхъ — на различныхъ предметахъ или на поляхъ рукописей — гдѣ надо было много словъ умѣстить на небольшомъ пространствѣ. Для этой цѣли нѣсколько буквъ, входящихъ въ составъ слова, искусно связывались въ одну фигуру, и эти буквы-фигуры сопоставляли и сплетали между собою такъ ловко, что изъ нихъ выходилъ причудливый и красивый узоръ.

Древнѣйшая (IX вѣка) изъ доселѣ извѣстныхъ написей кириллицею на могильной плитѣ въ Македоніи.

Изъ того, что академикъ Срезневскій называетъ *уставною скорописью*, въ концѣ XIV вѣка выработался новый почеркъ, по сравненію съ уставомъ, менѣе крупный и болѣе связный—такъ-называемый *полууставъ*, который преобладалъ въ нашей письменности до начала XVI вѣка.

Рядомъ съ полууставомъ, по мѣрѣ развитія дѣловой переписки, въ актахъ, грамотахъ и другихъ документахъ, стала пре-

обладать *скоропись*, отличающаяся неправильностью и незаконченностью въ начертаніи буквъ, которыя тѣсно сбиты и снабжены множествомъ излишнихъ крючковъ, росчерковъ и вычурныхъ добавокъ къ буквамъ.

Списыванье книгъ.

Дороговизна письменнаго матеріала, вынуждавшая цѣнить каждый лоскутокъ пергамена или бумаги, побуждала каждаго писца относиться къ списыванію книгъ, какъ къ дѣлу, весьма важному, требующему и большихъ свѣдѣній, и даже особой помощи свыше. Поэтому къ писанію книгъ приступали съ благоговѣйною молитвою; дописанную до конца книгу заканчивали благодареніемъ Всевышнему, обращеніемъ къ читателю съ просьбою о снисхожденіи, а иногда даже и подробнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца, числа и дня, въ который писаніе книги было окончено. Иные писцы добавляли, къ подробному обозначенію времени написанія книги, еще упоминаніе о какомъ-нибудь историческомъ событіи, которое было современно окончанію труда. Такъ какъ списываніе книгъ было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ, то въ нѣкоторыхъ книгахъ находимъ подробное обозначеніе, сколько именно времени была писана та или другая книга [1]).

Трудъ, которому посвящалось нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и годы [2]), конечно, вызывалъ окончаніемъ своимъ весьма понятное чувство радости, которое очень характерно выражено въ концѣ одного изъ лѣтописныхъ нашихъ сборниковъ:

„Какъ радуется женихъ, при видѣ невѣсты своей, такъ радуется писецъ, при видѣ послѣдняго листа, какъ радуется купецъ полученію барыша или кормчій—прибытію въ пристань, или странникъ — возвращенію въ отечество, такъ точно радуется и списатель книги окончанію своего труда...“

Въ другихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются и такія приписки, въ которыхъ „списатель“ выражаетъ надежду на спасеніе

---

[1]) Образцомъ подобныхъ приписокъ къ древнимъ рукописнымъ книгамъ можетъ служить памятная запись, помѣщенная въ концѣ знаменитаго Остромирова Евангелія: «Слава Тебѣ Господи, цесарю небесный, такъ какъ Ты сподобилъ меня написать это Евангеліе. Началъ я его писать въ лѣто 6564-е, а окончилъ его въ лѣто 6565-е. Написалъ же Евангеліе это рабу Божію, нареченному въ крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, родственнику Изяслава князя... который тогда держалъ обѣ волости и отца своего Изяслава и брата своего Владиміра; самъ же Изяславъ-князь правилъ столъ отца своего Ярослава, въ Кіевѣ, а столъ брата своего поручилъ править своему родственнику Остомиру, въ Новѣ-городѣ. Я, Григорій дьяконъ написалъ это Евангеліе... началъ же его писать въ мѣсяца октября 20-го... а окончилъ мѣсяца мая въ 12-е число...» То-есть, писалось почти семь мѣсяцевъ (294 листахъ), т. е. по $1^1/_2$ листка въ день.

[2]) На самое скорое переписываніе книги употреблялось много времени. Апостолъ 1220 г. (240 листовъ въ книгѣ) написанъ въ два мѣсяца безъ нѣсколькихъ дней, т. е. по $4^1/_2$ л. въ день. И это была средняя, общая норма. Рукописи болѣе трудныя и требовавшія большей отчетливости, писались еще медленнѣе. Такъ лѣтопись монаха Лаврентія (въ 1377 г.) была переписана въ 75 дней, т. е. по $2^1/_2$ листка въ день.

души за свой трудъ, очевидно, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что списываніе книгъ есть, въ нѣкоторомъ родѣ, духовный подвигъ; въ другихъ припискахъ списатели книгъ просятъ у читателей извиненія за свои невольныя описки и ошибки, или смиренно молятъ о томъ, чтобы читатели „поминали ихъ въ своихъ молитвахъ.“

При такомъ взглядѣ на книгу, какъ нѣчто священное, конечно, и взглядъ на искусство списыванія книгъ долженъ былъ держаться весьма высокій: переписыванье книгъ считалось занятіемъ до такой степени почтеннымъ, что первѣйшія духовныя лица, а изъ свѣтскихъ—князья и княгини—посвящали свои досуги этому занятію. Даже и самое переплетеніе рукописныхъ книгъ имѣло тогда значеніе занятія важнаго и почтеннаго, такъ какъ переплетать рукописи, толково сопоставляя страницы въ надлежащей послѣдовательности, могъ только человѣкъ грамотный, основательно знакомый съ содержаніемъ переплетаемаго имъ сочиненія.

Уваженіе къ книгѣ выражалось въ томъ, что *книголюбцы* стремились украшать ея внѣшность, не жалѣя денегъ на переплеты книгъ, и не только старались дать имъ переплеты прочные, вѣковые, но и снабжали эти переплеты дорогими застежками, покрывали доски ихъ серебряными, вызолоченными листами, украшали финифтью, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

Не всегда подобные переплеты дѣлались дома: для нихъ не находилось мастеровъ на Руси и потому иногда книга отправлялась для переплета въ Царьградъ. Въ Мстиславовомъ Евангеліи XII вѣка есть приписка нѣкоего Наслава, свидѣтельствующая о томъ, что драгоцѣнный переплетъ этой книги былъ сдѣланъ именно въ Царьградѣ. И дѣйствительно, по образцу этого драгоцѣннаго переплета можно судить, до чего достигали иногда требованія вкуса нашихъ предковъ. Болѣе позднія придѣлки въ немъ не мѣшаютъ угадать, каковъ былъ его древній видъ. Цѣнность дорогихъ переплетовъ не могла быть вѣрно опредѣляема даже и въ то время, когда они приготовлялись, вѣроятно потому, что дорогіе камни выдавались отдѣльно, изъ княжеской сокровищницы, а не покупались нарочно. По этой причинѣ Наславъ о цѣнности Мстиславова Евангелія говоритъ: „цѣну же евангелія сего единъ Богъ вѣдаетъ“.

Уваженіе къ книгѣ, однакоже, и въ XI вѣкѣ выражалось не въ одномъ только движеніи къ ея внѣшности. Оно было весьма разумнымъ, какъ это видимъ изъ одного современнаго отзыва о книгѣ, въ которомъ говорится, что люди „изъ книгъ учатся путямъ покаянія, и въ словахъ книжныхъ обрѣтаютъ мудрость и воздержаніе“... „Въ книгахъ неисчетная глубина: ими утѣшаемся въ печали; онѣ—узда воздержанія...“ Но, съ другой стороны, видимъ, что уваженіе было не только къ книгѣ, а и вообще къ каждому лоскутку писанной бумаги, и что оно, въ значительной

степени, походило на нѣкоторый суевѣрный страхъ, внушаемый грамотой; такъ, напр., одно изъ духовныхъ лицъ, даже въ XII в., обращаясь къ св. Нифонту, епископу новгородскому, за разрѣшеніемъ важныхъ вопросовъ вѣры и обрядности, наивно спрашиваетъ его: „нѣтъ ли грѣха ходить по грамотѣ, которая изрѣзана и брошена, но на которой еще видны слова?“

Намъ сохранились любопытныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что цѣны на книги, въ этотъ начальный періодъ нашей письменности, были чрезвычайно высоки.

Для опредѣленія цѣнности книгъ важно припомнить показанія Русской Правды о цѣнѣ пергамена. При производствѣ дѣла, цѣною въ 12 гривенъ продажи, въ Русской Правдѣ назначено: „*за мѣхъ двѣ ногаты*“. На наши деньги это будетъ 13$^1/_3$ коп., или, считая, что серебро въ средніе вѣка было въ семь разъ дороже, чѣмъ теперь, это будетъ болѣе 90 коп. сер. А такой *мѣхъ*, конечно, не превышалъ по размѣрамъ восьмой доли цѣльнаго листа. Если $^1/_8$ листа пергамена стоила болѣе 90 коп., то цѣлый листъ стоилъ болѣе 7 рублей. По этому расчету небольшая книжка въ 80 листовъ въ 8-ю долю, для которой употреблено было только 10 листовъ пергамена, безъ письма, должна была стоить около 80 рублей (8 гривенъ кунъ). Восемь гривенъ кунъ и заплатилъ князь Владиміръ Волынскій протопопицѣ за молитвенникъ, пожертвованный имъ церкви св. Георгія — по свидѣтельству Волынской лѣтописи. Изъ этого числа, не болѣе половины, т. е. 4-хъ гривенъ, пошло за написаніе.

Первые писцы, явившіеся у насъ на Руси, были, по всѣмъ вѣроятіямъ, родомъ изъ славянъ болгарскихъ. Ранѣе всего явились они, конечно, въ двухъ главныхъ центрахъ русской жизни, преобладавшихъ надъ другими въ начальную эпоху нашей исторіи:—въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, гдѣ, около двухъ первыхъ (Софійскихъ) соборовъ, возникли и первыя училища. Эти два центра современной политической жизни сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главными центрами письменности, изъ которыхъ книги расходились во всѣ концы Русской земли. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу быстрыхъ успѣховъ письменности въ Новгородѣ можетъ служить тотъ фактъ, что уже отъ половины XI вѣка намъ сохранился превосходный списокъ Евангелія, писанный русскимъ писцомъ, дьякономъ Григоріемъ, для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 гг. Отсюда и самое Евангеліе названо „Остромировымъ“.

Это—великолѣпная пергаменная рукопись, въ листъ (длиною 8 вершковъ, шириною безъ малаго 7 вершковъ), содержитъ въ себѣ 294 листа, писанныхъ крупнымъ уставомъ, мѣстами украшенныхъ фигурными заставками и начальными буквами, разрисо-

ванными золотомъ и четырьмя красками: зеленою или голубою, красною и бѣлою. Къ книгѣ приложены три большихъ изображенія Евангелистовъ [1]). Въ этой драгоцѣнной рукописи мы обладаемъ величайшимъ сокровищемъ: какъ въ смыслѣ древности, такъ и въ смыслѣ внѣшней красоты памятника, это замѣчательный образецъ письменнаго искусства нашихъ предковъ. Никому изъ славянъ, кромѣ насъ, русскихъ, не выпало на долю счастье сохранить подобный памятникъ отъ своей рукописной старины.

Извѣстный знатокъ нашихъ древнихъ памятниковъ языка, академикъ И. И. Срезневскій, говоря о значеніи Остромирова Евангелія въ ряду другихъ древнихъ памятниковъ, замѣчаетъ, что „оно важно еще и потому, что представляетъ собою древній славянскій языкъ почти въ ненарушенномъ древнѣйшемъ его строѣ"; сверхъ того, „важно еще Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшая изъ доселѣ открытыхъ русскихъ рукописей, отмѣченныхъ годами" [2]).

По написи, сохранившейся на одной изъ страницъ Остромирова Евангелія, узнаемъ, что оно принадлежало нѣкогда къ библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Неизвѣстно, когда и кѣмъ было оно поднесено императрицѣ Екатеринѣ II, въ покояхъ которой эта рукопись была отыскана Я. А. Дружининымъ и поднесена имъ-же въ 1806 г. императору Александру I, передавшему ее на храненіе въ только-что учрежденную Императорскую Публичную Библіотеку. Въ 1843 году знаменитый нашъ ученый. А. Х. Востоковъ, издалъ эту рукопись съ подробнымъ объясненіемъ текста и тщательно составленною грамматикою самаго памятника. Въ 1883 г. рукопись Остромирова Евангелія была издана fac-simile на иждивеніе купца Савинкова, а нѣсколько ранѣе оно было облечено въ прекрасный и весьма цѣнный окладъ, чеканной работы, въ которомъ оно и хранится, подъ стекломъ, въ особой витринѣ, какъ истинная и великая святыня.

---

[1]) Четвертое—изображеніе св. Матвея, на л. 87, осталось не нарисованнымъ.

[2]) Необходимо обратить здѣсь вниманіе читателя на то, что Остромирово Евангеліе есть древнѣйшая изъ *сохранившихся* рукописей нашихъ (съ обозначеніемъ года), *но не первая наша рукописная книга*. Мы имѣемъ положительныя и вполнѣ достовѣрныя указанія на то, что существовали рукописныя книги, писанныя и ранѣе Остромирова Евангелія — при Владимірѣ I и епископѣ Іоакимѣ († 1030 г.) и при Владимірѣ Ярославичѣ въ 1047 г. («Книги пророковъ съ толкованіями», писанныя попомъ Упиромъ Лихымъ).

Остромирово Евангеліе (1056—1057 гг.).

Образецъ миніатюръ этого памятника.

Изображеніе евангелиста Луки, прилагаемое нами къ первому выпуску «Исторіи Русской Словесности», представляетъ собою одну изъ трехъ миніатюръ, приложенныхъ къ рукописному тексту Остромирова Евангелія. Четвертая, для которой оставлено мѣсто, не была нарисована. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что и художникъ, исполнявшій этотъ рисунокъ, какъ и два остальныхъ, былъ русскій, точно такъ же, какъ и писецъ, писавшій рукопись. Конечно, слѣдуетъ предположить, что художникъ работалъ по готовому византійскому образцу.

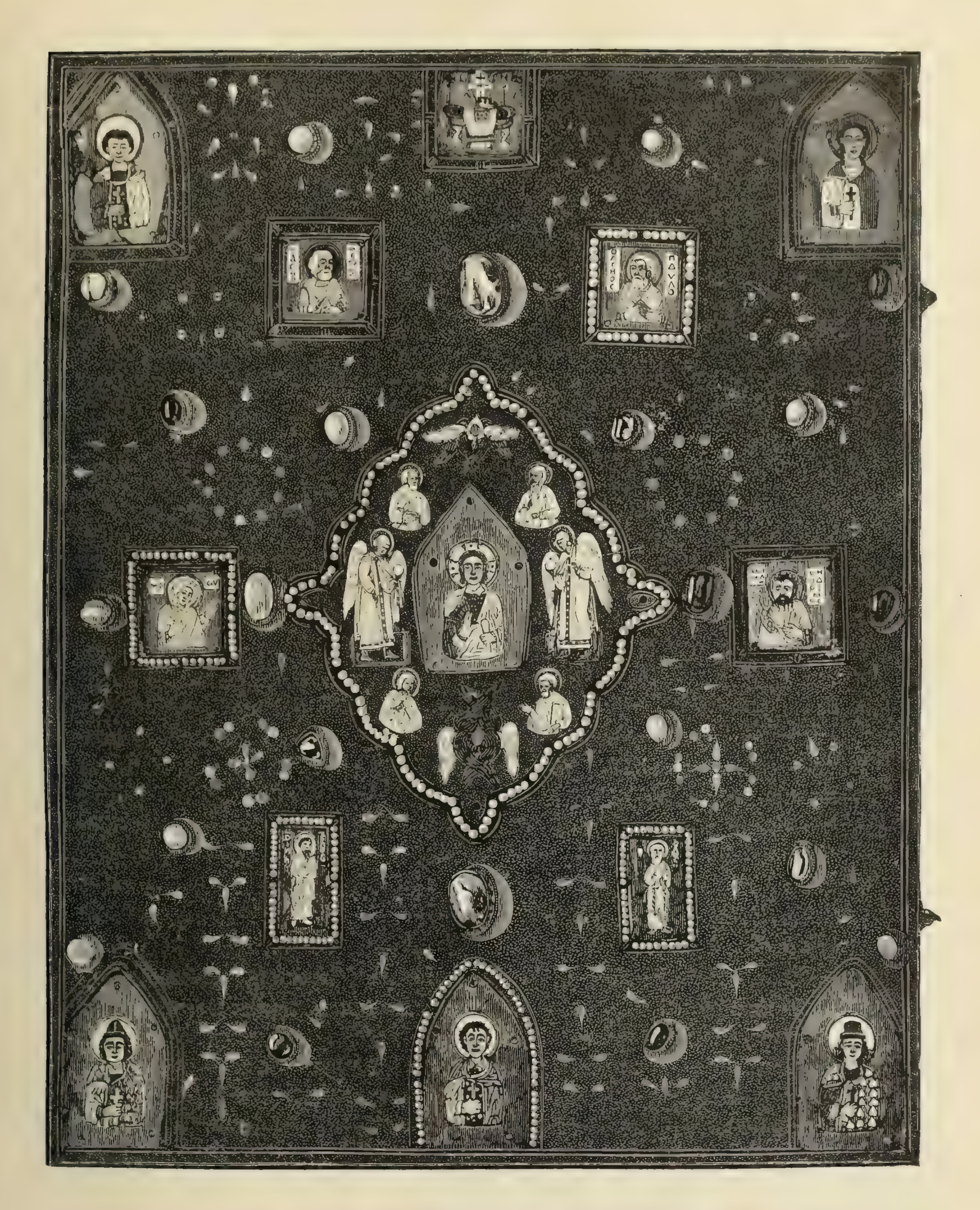
На самомъ рисункѣ двѣ пояснительныя надписи: 1) надъ головою евангелиста: «*А(постолъ) Лукас*». 2) Правѣе, около изображенія тельца: «Симь образомь тельчемь дхъ стый явися Луцѣ»,—т. е. «въ этомъ образѣ тельца Духъ Святый явился Лукѣ».

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ (1056—1057 г.).

(Снимокъ уменьшенъ на 1/3 противъ оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. Зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

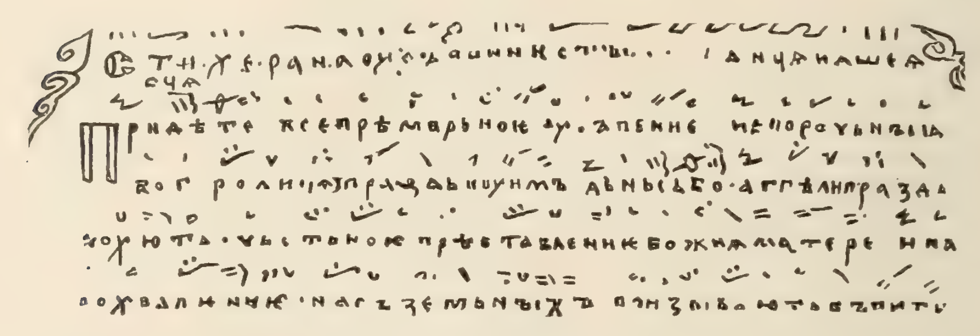

Драгоцѣнный древній окладъ Мстиславова Евангелія (XII вѣка), изготовленный по заказу князя Мстислава въ Царьградѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первыя школы на Руси.—Первыя произведенія литературныя, вызванныя вліяніемъ византійскимъ.—Поученія и проповѣди.—Лука Жидята, Иларіонъ и Ѳеодосій Печерскій.—«Похвалы» и «житія».—Черноризецъ Іаковъ и преподобный Несторъ.

Первые шаги грамотности на Руси были вынужденные, вызываемые настоятельными потребностями новообращенной паствы. По мѣрѣ распространенія христіанства въ обширныхъ областяхъ Руси южной и сѣверной—того духовенства, которое прибыло къ намъ изъ Греціи и Болгаріи, оказалось вскорѣ недостаточно. Это послужило поводомъ къ заботамъ Владиміра и сыновей его о возможномъ распространеніи грамотности, для подготовки людей,

Образецъ рукописи съ нотами.

годныхъ къ поступленію въ духовное сословіе. И вотъ, Владиміръ, по свидѣтельству древней лѣтописи нашей, велитъ отбирать дѣтей у лучшихъ кіевскихъ гражданъ и отдавать ихъ въ ученье по церквамъ, при которыхъ священники и причты обучали ихъ чтенію и письму. Достойный сынъ Владиміра, Ярославъ Мудрый посвятилъ на то же благое дѣло новыя заботы; по его повелѣнію, собрано было въ Новѣгородѣ до 300 дѣтей для обученія грамотѣ—все дѣти священниковъ и важнѣйшихъ гражданъ новгородскихъ. Самъ Ярославъ ревностно заботился о распространеніи грамоты: лѣтопись изображаетъ намъ его великимъ книголюбцемъ, который читалъ книги ночью и днемъ, и, собирая около себя иноковъ и монаховъ (единственныхъ представителей образованности въ современномъ обществѣ), поощрялъ ихъ къ переводу греческихъ книгъ на славянскій языкъ. По желанію и заказу князя, многія книги были писцами переписаны, другія же куплены самимъ княземъ, который положилъ основаніе древнѣйшему изъ нашихъ книгохранилищъ, „сложивъ“ книги эти при новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Заботы этихъ первыхъ поборниковъ просвѣщенія увѣнчались успѣхомъ; почва для грамотности оказалась удобною и вскорѣ принесла плоды... Явилось желаніе учиться и научать другихъ; развилась охота къ чтенію, къ перепискѣ рукописей греческихъ и болгарскихъ на мѣстѣ, т.-е. въ Византіи, въ Болгаріи и на

Кыими хвальныими пѣсньми·
тебе Пантелеимоне въспою· Хри
стоу подобленою· благостынею·
озарена и подающа милость всѣ
мъ просащиимъ· божьствьны
имь тьзоименьствъмь оудобра
има· и твореннимь всемилости
благопоказана· отъ земля при
сно текоущам р кыиьстьныи
ти· водоу живыя потокы· истра
стницѣленнꙗ· проливающа при
текающиимъ·

Другой образецъ рукописи съ нотами.

Аѳонѣ, къ скопленію книжныхъ богатствъ на Руси, а затѣмъ даже къ переводамъ и подражанію подлинникамъ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ состояла современная византійская литература. Даже и то, что, повидимому, являлось на молодой почвѣ русскаго просвѣщенія вполнѣ самостоятельною попыткою, было несомнѣнно вызываемо византійскими образцами и возрастало подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ.

Тѣмъ не менѣе, однакоже, пріятно отмѣтить въ Исторіи Русской Словесности тотъ фактъ, что появившіяся въ первой половинѣ XI вѣка литературныя произведенія принадлежали чисто-русскимъ людямъ, даже и воспитавшимся на русской почвѣ.

Эти первые опыты русскихъ дѣятелей на поприщѣ литературы и истекали прямо изъ тѣхъ обязанностей, которыя они несли на себѣ по отношенію къ своей паствѣ,—какъ пастыри церкви.

Это — рядъ проповѣдей, поученій и посланій, вызываемыхъ современными потребностями недавно внесеннаго на Русь христіанства. Одни изъ этихъ поученій и посланій истолковываютъ важнѣйшія истины христіанской религіи и опровергаютъ ложныя толкованія ея различныхъ догматовъ; другія порицаютъ выказываемую народомъ приверженность къ языческимъ обычаямъ, которые представляются „погаными“ и „бѣсовскими“. Въ нѣкото-

рыхъ поученіяхъ высказывается желаніе защитить, такъ успѣшно принявшееся на Руси православіе отъ вліянія католической и іудейской пропаганды, вѣроятно, уже достаточно сильной и въ ту эпоху.

Первыми русскими писателями были два лица, принадлежавшія къ высшему духовенству: *Лука Жидята*, поставленный епископомъ новгородскимъ въ 1036 г., и *Иларіонъ*, митрополитъ кіевскій съ 1051 года. О первомъ изъ нихъ мы почти ничего не знаемъ; о второмъ — Иларіонѣ, знаемъ, что онъ былъ долгое время священникомъ въ любимомъ княжескомъ селѣ Берестовѣ, близъ Кіева, и прославился своими подвигами благочестія и любовью къ уединенію, побудившею его ископать въ при-днѣпровскомъ лѣсу пещеру, которая впослѣдствіи послужила зачаткомъ знаменитой Кіево-Печерской обители. Впослѣдствіи, по желанію Ярослава Мудраго, онъ былъ поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ въ митрополиты Кіева и всей Руси.

Отъ Луки Жидяты дошло до насъ только одно поученіе; но это поученіе замѣчательно-ясно изображаетъ намъ и положенія автора-проповѣдника среди своей паствы, и нравственный уровень той паствы, къ которой онъ обращался со своею проповѣдью. Это „поученіе къ братіи", любопытное по лаконизму языка и простотѣ своего содержанія, представляетъ собою простое изложеніе заповѣдей и Символа вѣры; а къ этому изложенію присоединено напоминаніе о важнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому. Приводимъ здѣсь этотъ древнѣйшій памятникъ русской литературы цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, и лишь съ весьма незначительными подновленіями языка и слога:

„Вотъ, братія, прежде всего, эту заповѣдь должны мы, христіане, держать: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы, утвердили св. Отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутрени, и къ обѣдни, и къ вечернѣ, и въ своей клѣти прежде Богу помолись, а потомъ уже ложись спать. Въ церкви стойте со страхомъ Божьимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ иномъ; но молите Бога всею мыслью, да отпуститъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ и больше съ братьями, и пусть не будетъ у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ. Не рой брату яму, чтобы тебя Богъ не ввергнулъ въ еще худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло, другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола; помири, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, помная свои грѣхи, — да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и

Остромирово Евангеліе (1056—1057 гг.).

ЄВА҃НГ · ѾТ ИОАНА · ГЛА҃В · А҃

ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БА҃ · И БЪ҃ БѢ
СЛОВО · СЕ БѢ
ИСКОНИ Ꙋ
БА҃ · И ТѢМЬ ВЬСꙖ БꙐ
ША · И БЕЗ НЕГО НИ
ЧЬТО ЖЕ НЕ БꙐСТЬ
ИЖЕ БꙐСТЬ · ВЪ ТО
МЬ ЖИВОТЪ БѢ · И
ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ · И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВЬТИ
ТЬСꙖ · И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБꙖТЪ · И БꙐСТЬ
ЧЛ҃ВКЪ ПОСЪЛАНЪ
ОТЪ БА҃ · ИМꙖ ЕМОꙋ
ИОАНЪ · ТЪ ПРИДЕ
ВЪ СЪВѢДЕТЕЛЬ
СТВО · ДА СЪВѢДѢТЕ

Раздѣливъ слова и уничтоживъ титла, читаемъ тотъ же текстъ такъ:

Заглавіе: Евангеліе отъ Іоанна: глава первая.

Искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
Бога, и Богъ бѣ
слово. Се бѣ
искони у
Бога, и тѣмъ вся бы-
ша, и безъ него ни
что же не бысть
еже бысть. Въ то
мъ животъ бѣ, и
животъ бѣ свѣтъ
человѣкомъ. И свѣ
тъ въ тьмѣ свѣти
тъся, и тьма его
не объятъ. И бысть
человѣкъ посланъ
отъ Бога, имя ему
Іоаннъ. Тотъ приде
въ свидѣтель
ство да свидѣте

Примѣчаніе. О рукописи Остромирова Евангелія такъ подробно говорится въ текстѣ книги нашей, что мы не считаемъ за нужное дополнить здѣсь свѣдѣнія какими бы то ни было подробностями.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ (1056 – 1057 г.).

ИСКОНИ БѢ СЛОВО	ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
И СЛОВО БѢ ОТЪ	ЧЛОВѢКОМЪ. И СВѢ
БА. И БЪ БѢ	ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВЬТИ
СЛОВО. СЕ БѢ	ТЬСА. И ТЬМА ЕГО
ИСКОНИ У	НЕ ОБАТЪ. БЫСТЬ
БА. И ТѢМЬ ВСА БЫ	ЧЛВКЪ ПОСЪЛАНЪ
ША. И БЕЗ НЕГО НИ	ОТЪ БА. ИМА ЕМОУ
ЧЬТО ЖЕ НЕ БЫСТЬ	ИОАНЪ. СЬ ПРИДЕ
ЕЖЕ БЫСТЬ. ВЪ ТО	ВЪСЪ СВѢДѢТЕЛЬ
МЬ ЖИВОТЪ БѢ. И	СТВО. ДА СЪВѢДѢТЕ

(Снимокъ уменьшенъ на ⅓ противъ оригинала).

Печ. въ Арт. ... А. Ф. Маркса. СПБ.   Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (т.-е. рабамъ) будьте милостивы".

Практическая мораль проповѣди

Покончивъ съ этою общею частью своего поученія, Лука Жидята переходитъ къ частностямъ, имѣющимъ примѣненіе именно въ средѣ его паствы.

„Игрищъ бѣсовскихъ вамъ, братья, не прилично творить, также — говорить срамныя слова, сердиться ежедневно. Не презирай другихъ, не смѣйся ни надъ кѣмъ, въ напастяхъ терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды: помните, что, можетъ-быть, завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе Слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, а царя чтите. Рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; не пей не во время и всегда пейте съ умѣренностью, а не до пьянства. Не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ. Не ѣшьте нечистаго; святые дни чтите — Богъ же мира со всѣми вами. Аминь".

Это поученіе — не только цѣлый катехизисъ вкратцѣ, но и цѣлый кодексъ нравственныхъ правилъ, потребныхъ христіанину. Проповѣдникъ, видимо, желаетъ не только научить, но и дать возможность „братьямъ" запомнить тѣ истины, тѣ догматы, тѣ правила нравственности, которыя могутъ быть имъ полезны въ жизни и душеспасительны. Памятникъ этотъ тѣмъ и важенъ, тѣмъ и дорогъ для насъ, что онъ, съ очевидною ясностью, представляетъ намъ *первую проповѣдь перваго проповѣдника*, среди паствы, еще не твердой ни въ догматахъ, ни въ морали христіанства.

Митрополитъ Иларіонъ.

Отъ митрополита Иларіона дошли до насъ три „слова"; наиболѣе замѣчательное между ними: „Слово о законѣ, данномъ черезъ Моисея, и о благодати и истинѣ, происшедшей черезъ Іисуса Христа". Мы не станемъ входить въ изложеніе этого „слова", чисто догматическаго и потому имѣющаго спеціально-богословскій интересъ. Но необходимо отмѣтить нѣкоторыя особенности этого важнаго памятника. Все „Слово о законѣ" есть прямая противоположность приведенному выше поученію Луки Жидяты. Содержаніе „Слова" заключается въ указаніи преимуществъ христіанства передъ іудействомъ, и превосходства благодати Христовой, Новаго Завѣта, передъ закономъ, даннымъ черезъ Моисея. Разъясняя эту тэму, избранную для „Слова", Иларіонъ приходитъ

къ тому выводу, что принятіе христіанства было величайшимъ счастьемъ для Руси, сравниваетъ Русь языческую съ Русью христіанскою, и заканчиваетъ свое произведеніе восторженною „похвалою“ Владиміру Равноапостольному, просвѣтившему Русь крещеніемъ. Въ авторѣ виденъ человѣкъ образованный, начитанный и опытный въ изложеніи своихъ мыслей; притомъ же онъ самъ говоритъ, что писалъ „не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжной“. Ясно, что такіе „насытившіеся сладости книжной“ уже были въ современномъ русскомъ обществѣ, и что Иларіонъ писалъ для людей, способныхъ его понять. Въ этомъ именно смыслѣ послѣднія слова Иларіонова поученія заключаютъ въ себѣ важное свидѣтельство для исторіи нашего просвѣщенія; что же касается самаго „Слова о законѣ и благодати“, то оно представляетъ собою явленіе, совершенно исключительное въ своемъ родѣ. Одинъ изъ историковъ Русской Церкви говоритъ объ этомъ произведеніи, что „изъ всѣхъ памятниковъ письменности до-монгольскаго періода, его можно приравнивать, по качествамъ и достоинствамъ, только къ „Слову о полку Игоревѣ“; и добавляетъ еще: „Слово Иларіона“ есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою, изъ новыхъ рѣчей, идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина“.

Ѳеодосій Печерскій.

Третьимъ писателемъ русскимъ, въ томъ же XI вѣкѣ, былъ знаменитый игуменъ кіево-печерскаго монастыря, *Ѳеодосій* (съ 1062-года). За тридцать лѣтъ до своего избранія въ игумены, Ѳеодосій явился въ числѣ первыхъ иноковъ въ эту обитель, которой суждено было впослѣдствіи дважды сдѣлаться разсадникомъ просвѣщенія въ древней Руси. Обстоятельства его жизни, предшествовавшія его поступленію въ монастырь, до такой степени любопытны и своеобразны, такъ живо рисуютъ намъ тотъ вѣкъ, что мы не считаемъ возможнымъ умолчать о нихъ и сообщимъ нѣкоторыя данныя изъ „житія“ Ѳеодосія, написаннаго преподобнымъ Несторомъ-лѣтописцемъ.

Ѳеодосій родился въ Василевѣ, въ Кіевской области, отъ родителей, принадлежавшихъ къ высшему сословію общественному; но отрочество свое провелъ въ Курскѣ, гдѣ отецъ его занималъ какое-то служебное положеніе. Страсть къ подвижничеству и исканіе „пути къ спасенію“ проявились у Ѳеодосія уже въ отроческомъ возрастѣ и особенно усилились послѣ смерти отца, когда Ѳеодосію было еще только 13 лѣтъ. Любимымъ его занятіемъ было хожденіе въ церковь для присутствованія при богослуженіи, а затѣмъ совмѣстная работа съ рабами, которыхъ мать посылала работать на селѣ и въ полѣ. Мать увѣщевала Ѳеодосія этого не дѣлать и одѣвала его въ хорошую одежду; а вмѣсто работъ посы-

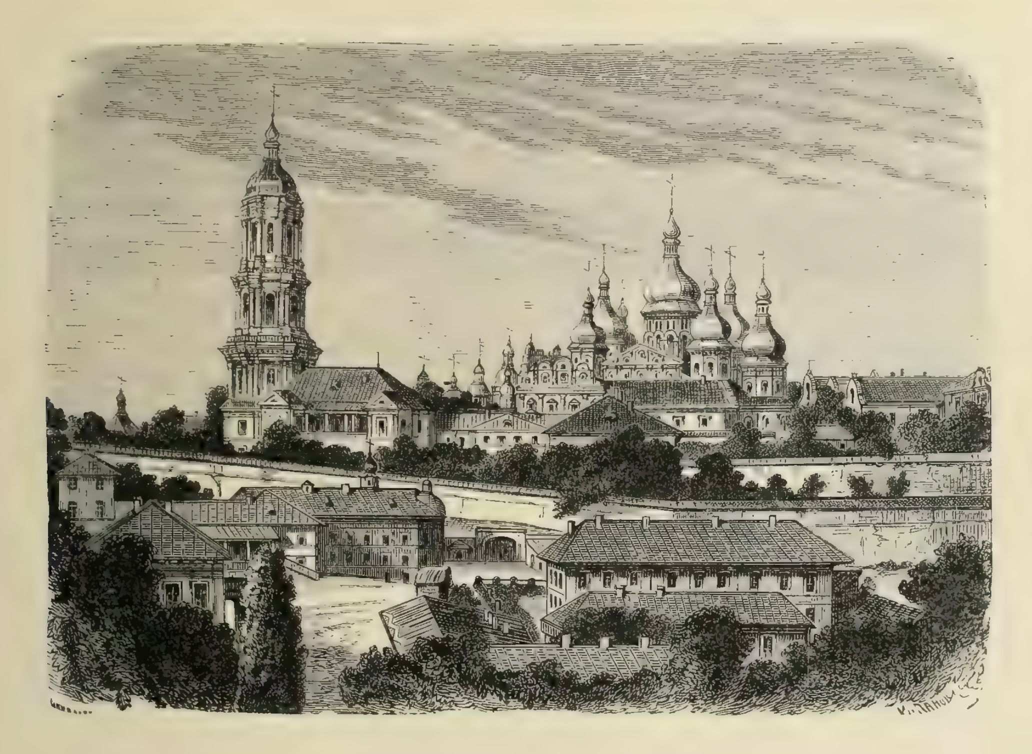
Первоначальные центры письменности и грамотности въ древней Руси: Софійскій соборъ въ Новгородѣ (въ его современномъ видѣ) съ южной стороны.

Первоначальные центры письменности и грамотности въ древней Руси: Софійскій соборъ въ Кіевѣ (въ его современномъ видѣ).

лала его на игры со сверстниками. Но Ѳеодосій уклонялся отъ исполненія ея воли, и она часто „въ запальчивости и гнѣвѣ била его, ибо была здорова и сильна, какъ мужчина, такъ что, если бы кто, не видя ея, услышалъ разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину“. Постоянно преданный одной мысли — „какъ спастись ему отъ соблазновъ міра“—юноша прослышалъ однажды, что люди странствуютъ къ святымъ мѣстамъ, и, потихоньку отъ матери, ушелъ изъ дома вмѣстѣ со странниками.

Мать Ѳеодосія, узнавъ объ этомъ, пустилась за нимъ въ погоню; послѣ продолжительнаго преслѣдованія она нагнала бѣглеца, Мать Ѳеодосія.

Кіево-Печерская лавра (общій видъ).

и, въ порывѣ гнѣва, схвативъ сына за волосы, повалила его на землю и даже топтала ногами. Побранивъ странниковъ, она вернулась въ домъ свой, ведя святого связаннымъ, словно какого-нибудь злодѣя. Она была въ такомъ гнѣвѣ, что, и придя домой, била еще разъ сына, пока тотъ не изнемогъ; послѣ того, ввела его въ отдѣльную горницу, и въ ней, привязавъ его и затворивъ, оставила. Блаженный же юноша все это терпѣлъ съ радостью и за все это благодарилъ Бога въ молитвѣ къ Нему. Потомъ мать Ѳеодосія смиловалась, отвязала его и (черезъ два дня) дозволила ему вкусить пищи; однакоже изъ предосторожности заковала его ноги въ цѣпи, чтобы онъ опять отъ нея не ушелъ. Потомъ сердце горячо - любящей матери смягчилось окончательно, и она стала

молить и просить сына, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Өеодосій обѣщалъ ей исполнить эту просьбу, и снова весь предался Богу. „Замѣтивъ, что часто не бываетъ литургіи, по неимѣнію просфоръ для совершенія ея, юноша рѣшилъ самъ посвятить себя на это дѣло. Такъ онъ и исполнилъ. Онъ началъ печь просфоры и продавать ихъ, когда же бывала отъ этого прибыль, то отдавалъ ее нищимъ: а на вырученныя отъ продажи деньги покупалъ жито, мололъ его своими руками и снова приготовлялъ просфоры"... „Всѣ сверстники его издѣвались надъ нимъ за такое занятіе; святой же переносилъ все это съ кротостью и смиреніемъ".

Удаленіе въ обитель.

Но Өеодосію было мало этихъ трудовъ: онъ жаждалъ подвиговъ, жаждалъ суроваго изнуренія плоти. Съ этою цѣлью онъ заказалъ для себя у кузнеца тяжелыя вериги, надѣлъ ихъ на себя и сталъ носить. Желѣзо въѣлось въ его тѣло: а онъ оставался покоенъ, какъ будто не чувствовалъ никакой боли. Но, однажды, когда, по приказанію матери, онъ сталъ при ней переодѣваться въ чистую одежду „и въ простотѣ сердечной не остерегался", мать увидѣла на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза и вновь начала на него гнѣваться: въ запальчивости разорвала она на немъ рубашку, била его и сорвала съ него вериги..." Блаженный перенесъ это со смиреніемъ; но мысль о духовномъ подвигѣ его не покидала. Прослышавъ о монастыряхъ кіевскихъ, онъ устремился туда всей душою — и, еще разъ уйдя изъ дома, скрылся безслѣдно... Руководимый Богомъ, онъ пришелъ въ Кіевъ, но всѣ попытки его попасть въ монастырь оказались тщетными. „Монахи, видя простого отрока, одѣтаго въ худую одежду, не хотѣли принять его. Только блаженный Антоній, поселившійся въ пещерѣ, на мѣстѣ будущей обители Печерской, пріютилъ его у себя, провидя въ немъ великаго подвижника. Здѣсь Өеодосій постригся и облеченъ былъ въ иноческую одежду.

Четыре года спустя послѣ постриженія Өеодосія, мать узнала отъ прибывшихъ изъ Кіева, что сына ея видѣли тамъ, и что онъ пребываетъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Она тотчасъ же отправилась туда, обходила всѣ монастыри и всюду искала Өеодосія. Наконецъ, ей указали на пещеру Антонія. Приказавъ сказать старцу, будто она пришла издалека, наслышавшись объ его святости, мать Өеодосія хитростью вызвала его на бесѣду. Старецъ, ничего не подозрѣвая, вышелъ къ ней. Тогда она стала его разспрашивать о своемъ сынѣ, говоря: „я столько сокрушалась о немъ, не зная, живъ-ли онъ?" Старецъ же, будучи простъ и не зная хитрости ея, сказалъ ей: „сынъ твой здѣсь: не сокрушайся о немъ; онъ живъ. Если хочешь видѣть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его; иначе онъ ни съ кѣмъ не желаетъ видѣться".

Но уговоры Антонія были напрасны, и старецъ на другой день вынужденъ былъ объявить матери: „много просилъ я его, чтобы вышелъ къ тебѣ, но онъ не хочетъ". Тогда мать Феодосія уже не со смиреніемъ стала говорить старцу, а кричать на него съ гнѣвомъ: „ты меня обидѣлъ, старецъ! Взялъ сына моего, скрылъ его въ пещерѣ, и не хочешь мнѣ показать его. Выведи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби: сама себя погублю передъ дверьми этой пещеры, если не покажешь мнѣ его". Мать и сынъ.

Антоній, смущенный этимъ порывомъ, сталъ опять просить Феодосія, и тотъ, наконецъ, вышелъ къ матери. Она же, увидѣвъ сына въ великомъ изнеможеніи (ибо лицо его измѣнилось отъ трудовъ и воздержанія), обняла его и горько заплакала; потомъ, нѣсколько успокоившись, она сѣла и стала просить сына вернуться домой, добавляя: „дѣлай въ домѣ своемъ по волѣ своей, только не разлучайся со мною". Блаженный же сказалъ ей твердо: „матушка, если хочешь видѣть меня каждый день, то иди и постригись въ одномъ изъ женскихъ монастырей кіевскихъ. Тогда, приходя сюда, ты будешь меня видѣть. Если же не сдѣлаешь этого, то никогда не увидишь лица моего".

И сердце суровой, но горячо-любящей матери не выдержало: она уступила желанію сына—и постриглась...

Мы нарочно привели здѣсь эти трогательныя страницы житія Феодосія, чтобы ознакомить читателя съ двумя живыми типами, заимствованными изъ древне-русской жизни, и въ особенности съ характеромъ преподобнаго Феодосія, который, уже и въ ранней юности, обладалъ такою твердостью духа и такою необычайною силою убѣжденія. Изъ дальнѣйшихъ фактовъ біографіи Феодосія, собранныхъ въ томъ же самомъ житіи, видимъ, что Феодосій является однимъ изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе опредѣленныхъ типовъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей литературы. Это сильная, энергическая натура, глубоко воспринявшая идеи христіанства. Отъ ранней юности онъ уже создаетъ себѣ идеалъ человѣка-христіанина, и всю жизнь свою стремится къ тому, чтобы не только осуществить это назначеніе въ себѣ самомъ, но и другихъ увлечь своимъ примѣромъ на путь нравственнаго совершенствованія. Эта послѣдняя черта—желаніе дѣйствовать примѣромъ, не ограничиваясь только одними поученіями,—выказываетъ намъ Феодосія съ особенно привлекательной стороны. „Любовь къ Богу можетъ быть выражена только дѣлами, а не словами",—говоритъ Феодосій въ одномъ изъ своихъ поученій; и постоянно, въ теченіе всей своей жизни, старается проводить ту же мысль и на дѣлѣ, чѣмъ, въ значительной степени, напоминаетъ намъ другого, позднѣе жившаго, великаго подвижника—св. Сергія. Введя строгій уставъ въ обители кіево-печерской, гдѣ ему пришлось Характеръ Феодосія.

быть игуменомъ, Ѳеодосій строже всего примѣнялъ этотъ уставъ къ себѣ самому. Самъ постоянно занятый, онъ требовалъ, чтобы и братія работала неустанно, заботился о томъ, чтобы всѣ, подобно ему, не придавали никакого значенія мірскимъ благамъ, а все бы приносили въ жертву своему ближнему. „Мы должны отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ“,—говоритъ Ѳеодосій въ словѣ „*о терпѣніи и милостынѣ*“,—„а не пребывать въ праздности, переходя изъ кельи въ келью“. Въ обители Ѳеодосія, дѣйствительно, всѣ трудились — и Ѳеодосій болѣе всѣхъ, не зная покоя ни днемъ, ни даже ночью: часто случалось, что онъ, въ ночное время, когда вся братія засыпала, выходилъ изъ монастыря, уходилъ въ Кіевъ, и тамъ половину ночи проводилъ у городскихъ воротъ, въ горячемъ спорѣ съ кіевскими евреями, стараясь убѣдить ихъ въ превосходствѣ православія надъ іудействомъ. Чрезвычайно важно для характеристики Ѳеодосія то, что хотя онъ вмѣнялъ всѣмъ въ обязанность борьбу съ іудействомъ и католичествомъ, однакоже не забывалъ той дѣятельной, христіанской любви, которую старался внушить братіи по отношенію къ своимъ ближнимъ; — такъ, напримѣръ, въ бѣдѣ, въ нуждѣ, Ѳеодосій повелѣваетъ помогать и католикамъ наравнѣ съ православными, хотя и воспрещаетъ православнымъ ѣсть съ ними изъ одного блюда.

Ѳеодосій, какъ подвижникъ. Строгій и взыскательный къ себѣ самому, Ѳеодосій не оказывалъ снисхожденія и къ слабостямъ другихъ людей, какъ бы высоко ни стояли они, по своему общественному положенію. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда великій князь Изяславъ былъ свергнутъ съ великокняжескаго престола братомъ своимъ Святославомъ, Ѳеодосій открыто укорилъ Святослава въ беззаконіи, даже не хотѣлъ поминать его въ церкви за службой и продолжалъ попрежнему поминать Изяслава. Ни гнѣвъ Святослава, ни угрозы его окружающихъ — ничто не могло заставить Ѳеодосія отступиться отъ его образа дѣйствій, и такая твердость его убѣжденій должна была чрезвычайно сильно вліять на окружавшую его братію и народъ.

Та же сила, энергія и твердость убѣжденія сказываются и въ немногихъ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ Ѳеодосія. Намъ сохранились: два поученія Ѳеодосія къ народу, десять поученій къ кіево-печерскимъ инокамъ (только пять поученій сохранились намъ вполнѣ: остальныя дошли въ отрывкахъ) и два посланія къ великому князю Изяславу (чисто-догматическаго характера).

Поученія, ясно отражающія личность проповѣдника, совершенно отличны по характеру и по общему складу своему отъ поученій вышеупомянутыхъ нами духовныхъ лицъ и отъ подобныхъ же произведеній ближайшей, послѣдующей эпохи XII вѣка.

Даже и теперь, читая поученія Ѳеодосія, мы представляемъ себѣ, что народъ и братія должны были, несомнѣнно, понимать ихъ, такъ какъ онъ обращалъ въ нихъ свой проницательный взглядъ на самыя существенныя стороны современной русской жизни, и заботился, съ одной стороны—объ искорененіи важнѣйшихъ недостатковъ въ своей паствѣ, а съ другой—объ утвержденіи въ ней правильнаго пониманія обязанностей христіанина.

Образность поученій Ѳеодосія.

Не довольствуясь, подобно Лукѣ Жидятѣ, простымъ повтореніемъ правилъ нравственности и пересказомъ догматовъ вѣры, Ѳеодосій излагаетъ свои мысли и назиданія въ такихъ сильныхъ, ярко-начертанныхъ образахъ, которые должны были производить впечатлѣніе на слушателей и невольно врѣзались въ ихъ памяти. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ поученій, возставая противъ пьянства, сильно распространеннаго не только въ народѣ, но и въ высшихъ классахъ общества, Ѳеодосій сравниваетъ пьянаго съ бѣсноватымъ и говоритъ:

„Бѣсноватый страдаетъ по неволѣ и можетъ удостоиться жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по собственной волѣ и будетъ преданъ на вѣчную муку; къ бѣсноватому придетъ іерей, сотворитъ надъ нимъ молитву, и прогонитъ бѣса; а надъ пьянымъ, хотя бы сошлись іереи всей земли и сотворили молитву, то все же не прогнали бы изъ него бѣса самовольнаго пьянства“...

Въ другомъ поученіи, укоряя всю братію въ нерадѣніи къ исполненію обязанностей, Ѳеодосій весьма удачно сравниваетъ иноковъ съ воинами и говоритъ:

„Когда надъ спящею ратью затрубитъ труба воинская, никто изъ воиновъ не станетъ спать: а воину-то Христову прилично-ли лѣниться? Вѣдь воины-то изъ пустой, преходящей славы позабываютъ и женъ, и дѣтей, и имѣніе... Даже и голову свою ни во что не ставятъ, лишь бы не принять на себя сраму... А между тѣмъ они сами смертны, и слава ихъ кончится съ жизнью. Съ нами же не то будетъ: если стерпимъ, борясь съ нашими супостатами, и одолѣемъ, то удостоимся вѣчной славы и несказанной чести“.

Похвалы и житія.

Рядомъ съ литературными формами *поученій*, *проповѣдей* и *посланій*, конечно, принесенными къ намъ изъ Византіи, у насъ въ XI вѣкѣ развивались и еще два вида прозаическихъ произведеній: „похвала“ и „житіе“. „Похвалы“ представляютъ собою нѣчто въ родѣ „акаѳистовъ“, т.-е. краткаго обзора заслугъ и подвиговъ того или другого святого или подвижника, соединеннаго съ прославленіемъ его и съ молитвеннымъ обращеніемъ къ нему. Древнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ была та „Похвала великому князю Владиміру“, которую митрополитъ Иларіонъ присоединилъ въ концѣ къ „Слову о законѣ и благодати“. Впослѣдствіи этою

„похвалою" весьма искусно пользовались позднѣйшіе лѣтописцы, какъ готовою формою для прославленія другихъ князей, извѣстныхъ своею святостью.

Черноризецъ Іаковъ.

Рядомъ съ „похвалою", въ видѣ краткаго перечня заслугъ, явилось и „житіе"—подробное изложеніе біографическихъ фактовъ о томъ или другомъ лицѣ, отъ рожденія его до самой кончины [1]). Подобныхъ житій отъ XI вѣка дошло до насъ четыре. Два изъ нихъ: «*Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ*» и «*Житіе св. Владиміра*», принадлежатъ нѣкоему черноризцу Іакову, иноку кіево-печерской лавры, о которомъ мы знаемъ только то, что онъ былъ близокъ къ князю Изяславу [2]), и что Θеодосій предлагалъ братіи поставить его игумномъ послѣ себя. „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ" сохранилось въ весьма многихъ спискахъ, и это, конечно, указываетъ на то, что его любили читать и что оно было весьма распространено. Какъ „сказаніе", такъ и „житіе св. Владиміра", богатыя фактами и прекрасно изложенныя, послужили впослѣдствіи однимъ изъ источниковъ лѣтописнаго труда, составленнаго другимъ инокомъ кіево-печерской обители, преподобнымъ Несторомъ.

Сочиненія Нестора.

Оставляя этотъ знаменитый трудъ въ сторонѣ до одной изъ ближайшихъ главъ, упомянемъ здѣсь только о двухъ другихъ сочиненіяхъ Нестора, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, предшествовали его главному труду. Эти сочиненія—два житія: одно—*Θеодосія Печерскаго*, изъ котораго мы почерпали свѣдѣнія о знаменитомъ игуменѣ кіево-печерской обители; другое—*житіе свв. Бориса* и *Глѣба*. Первое изъ нихъ замѣчательно тѣмъ, что оно написано по изустнымъ преданіямъ, сохранившимся въ обители о Θеодосіи, какъ объ одномъ изъ ея основателей, и, вѣроятно, написано подъ живымъ впечатлѣніемъ важнаго событія — обрѣтенія мощей преподобнаго Θеодосія,—въ которомъ самъ Несторъ лично принималъ дѣятельное участіе (въ 1091 г.). „Житіе Бориса и Глѣба" значительно слабѣе житія Θеодосія, и представляетъ какъ бы литературный опытъ на тэму, которая въ то время сдѣлалась излюбленною для всѣхъ, обладавшихъ талантомъ и умѣньемъ излагать. Грустная судьба двухъ братьевъ-мучениковъ, представлявшихъ завидный для современниковъ примѣръ братолюбія среди раздоровъ и родственныхъ распрей, привлекала къ себѣ своими трогательными и поучительными страницами, которыя съ наслажденіемъ читали всѣ, искавшіе въ книгахъ поученія и назиданія.

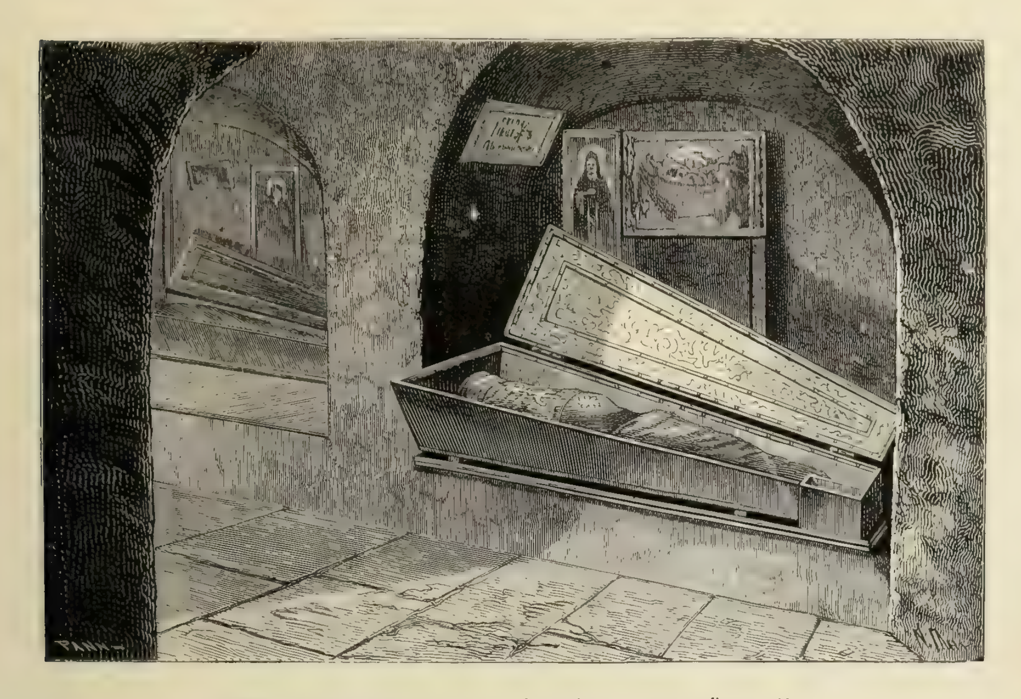
Житіе это, вмѣстѣ со сказаніемъ на ту же тэму черноризца Іакова, было объяснено и издано покойнымъ академикомъ И. И.

---

[1]) Житія также заканчиваются иногда «похвалами»; такою «похвалою» заканчивается, напримѣръ, «житіе Владиміра», написанное черноризцемъ Іаковомъ.

[2]) Это видно изъ посланія къ этому князю, написаннаго Іаковомъ черноризцемъ.

Срезневскимъ, въ видѣ полнаго снимка съ текста и со всѣхъ миніатюръ, украшающихъ древнѣйшій изъ множества списковъ этого произведенія. Образцы миніатюръ, заимствованныхъ изъ этого памятника, мы приводимъ далѣе на стр. 91—93.

Мощи Преподобнаго Нестора (въ Кіево-Печерской лаврѣ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Размноженіе книгъ. — Изборники и другіе своды книжной премудрости. — Митрополитъ Никифоръ и его посланія къ Владиміру Мономаху. — Творенія Кирилла Туровскаго.

Первыя книгохранилища.

Христіанство послужило источникомъ просвѣщенія для Руси и дало первый толчокъ къ введенію у насъ грамотности. Грамотность нашла себѣ на Руси много благопріятныхъ условій для распространенія; мало-по-малу установился даже и вполнѣ правильный взглядъ на грамотность, какъ на одну изъ первѣйшихъ потребностей христіанина, потому что въ вѣрѣ и благочестіи онъ могъ утверждаться „только почитаніемъ книжнымъ“. Отсюда, какъ мы видѣли, уже очень рано родилась въ духовенствѣ и въ высшихъ классахъ общества страсть къ собиранію книгъ, и въ концѣ XI, въ началѣ XII вѣка у насъ, вслѣдствіе этого, и при монастыряхъ, и въ палатахъ князей явились уже книгохранилища, довольно значительныя по количеству книгъ. Книгохранилища эти постепенно пополнялись новыми книгами, изъ тѣхъ центровъ, гдѣ книгописаніе было обычнымъ ежедневнымъ трудомъ. Такой

дѣятельности весьма усердно посвящали себя скромные иноки кіево-печерской обители, которые охотнѣе бесѣдовали съ книгой, чѣмъ съ живымъ собесѣдникомъ; и мы знаемъ достовѣрно, что изъ этой обители книги расходились по всему лицу земли Русской.

Страсть къ собиранію книгъ.

Но страсть къ собиранію книгъ и къ книгописанію проявилась не въ однѣхъ обителяхъ и не только въ средѣ иноковъ. Сыновья и внуки Ярослава Мудраго наслѣдовали отъ него любовь къ распространенію грамотности и къ собиранію книгъ. Объ одномъ изъ нихъ, Святославѣ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что онъ „наполнилъ клѣти свои книгами". О Константинѣ Всеволодовичѣ лѣтопись говоритъ также, что онъ собралъ около себя множество книгъ; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, изъ которыхъ бо́льшую часть онъ самъ купилъ, а нѣкоторую часть получилъ въ даръ отъ патріарховъ. Князь Николай Святоша, внукъ того князя Святослава, который „наполнилъ свои клѣти книгами", отличался такъ же, какъ и дѣдъ его, замѣчательною страстью къ собиранію книгъ; въ самомъ началѣ XII вѣка, слѣдуя призванію своему, онъ постригся въ монахи, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и свое богатое собраніе книгъ принесъ въ даръ обители.

Изборники.

Книги, собираемыя и помѣщаемыя въ этихъ хранилищахъ, были большею частью *переводныя* и притомъ, главнымъ образомъ, компилятивнаго содержанія. Кромѣ книгъ Священнаго Писанія и цѣликомъ переведенныхъ твореній отцовъ Церкви, древнерусскія книгохранилища изобиловали преимущественно „изборниками" (т.-е. сборниками), изъ которыхъ иные состояли изъ статей однороднаго содержанія, напримѣръ, поученій, проповѣдей, отрывковъ изъ писаній отцовъ Церкви, и являлись въ обращеніи подъ общими названіями „Златоустовъ", „Златоструевъ", „Злотыхъ цѣпей", „Измарагдовъ" и т. п.; другія же состояли изъ выписокъ самаго разнообразнаго содержанія, по различнымъ вопросамъ духовно-нравственнымъ и даже по различнымъ отраслямъ общихъ знаній, и чаще всего не имѣли опредѣленныхъ заглавій.

Палеи и Пчелы.

Изъ сборниковъ перваго рода болѣе всего распространенными въ раннюю пору нашей письменности были два—*Палеи* и *Пчелы*. „Палеи", рано перенесенныя въ переводѣ на Русь, представляли собою сборники богословскаго содержанія съ преимущественно-полемическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ весь подборъ статей былъ направленъ противъ іудейства и ветхозавѣтная исторія была изложена такъ, что цѣлые отдѣлы въ ней были пропущены и особенное вниманіе обращено только на то, что можно было поставить въ тѣсную символическую связь съ исторіей Но-

Заглавный листъ «Шестоднева» Іоанна Экзарха Болгарскаго по древнѣйшей рукописи XII—XIII вв.

Рукопись эта въ настоящее время хранится въ Московской Сунодальной (Патріаршей) библіотекѣ. На первыхъ листахъ ея сохранились слѣды надписи патріарха Никона, которая указываетъ, что въ 1661 г. онъ внесъ ее вкладомъ въ библіотеку своей излюбленной Воскресенской обители. Содержаніе рукописи—описаніе шести дней міозданія.

Текстъ подписи подъ рисункомъ и его поясненіе.

ШЕСТОДНЬЕСЪП	КНИГЫОШЕСТИ
САНОІОАНОМЪ	ДНИИГЛАВАПРЬВА
ПРЕСВИТЕРОМЪ	ГИБЛГСЛВИОЧЕ
ЭКСАРХОМ ОТЪ СТГО	ВЪ НАЧЕЛОСЪТВОРИ
ВАСИЛІЯ: ІОАНА	БЪ НБО И ЗЕМЛЮ
ИСЕУРИЯНА: И АРИ	БЖИЮ ДѢЛУ ВСЕМУ
СТАТЕЛѢ ФИЛОСО	СИЕ КНИГЫ КО
ФА И ИНѢХЪ: ЯКО	РЕНЬ СОУТЬ И И
ЖЕ САМЪ: СВѢДѢ	СТОЧНИКЪ. И
ТЕЛЬСТВУЕТЬ	СИЛА ВЪ ТВАРИ СЕЙ
ВЪ ПРОЛОЗѢ.	ЗНАЕМѢЙ. ЕСТЬ БО

Уничтоживъ титла, раздѣливъ слова и измѣнивъ древнее правописаніе на нынѣшнее, прочтемъ тотъ же текстъ такъ:

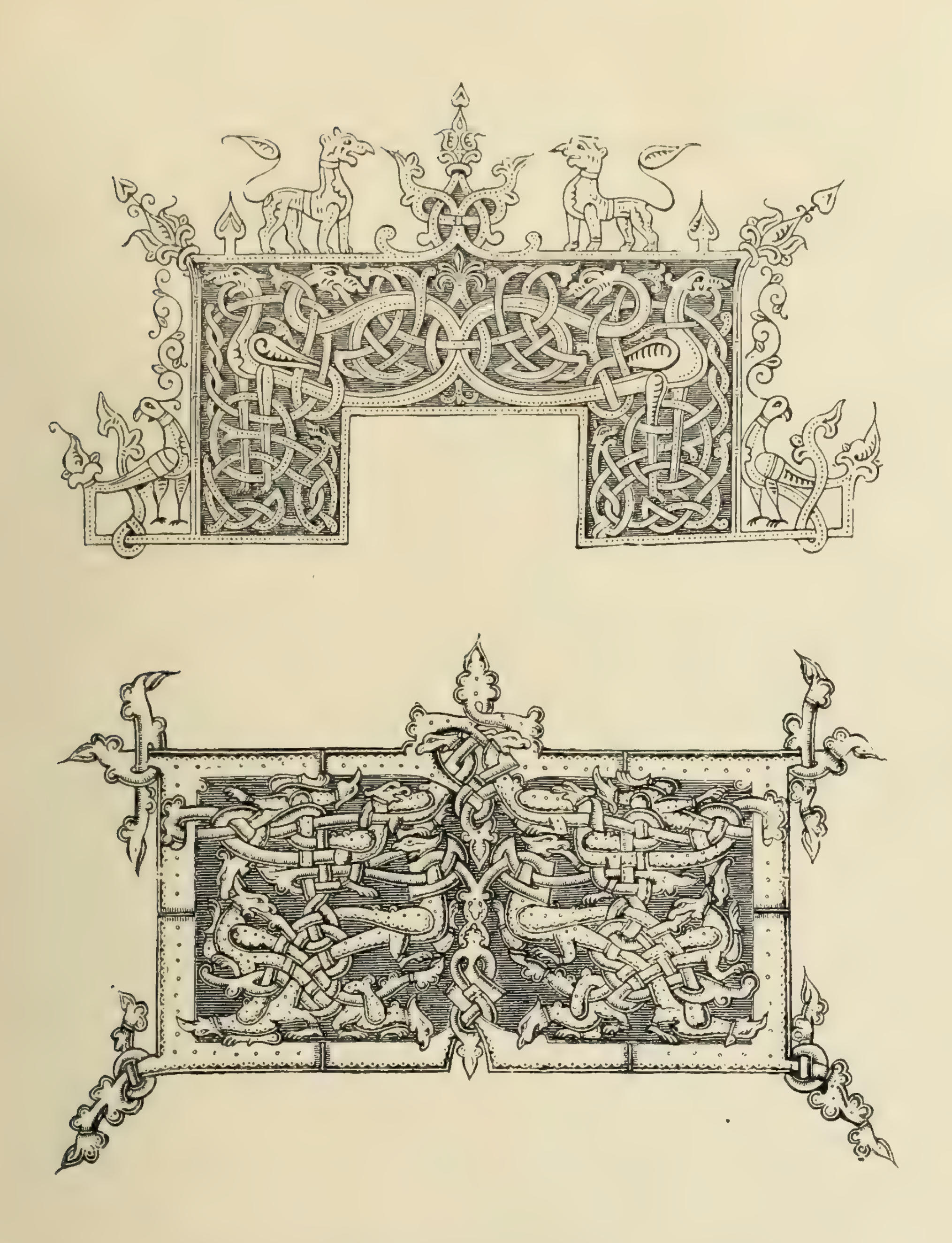
«Шестоденье писано Іоанномъ Пресвитеромъ Экзархомъ отъ (т. е. на основаніи) св. Василія, Іоанна и Севріяна и *Аристателя* философа и иныхъ, яко же самъ свидѣтельствуетъ въ Пролозѣ. Книги о шести дній (т. е. дняхъ творенія) глава перва(я). Господи Благослови Отче. Въ наче(а)ло(ѣ) створи Богъ небо и землю. Божію дѣлу всему сии книги корень суть и источникъ и сила въ твари сей знаемѣ(о)й. Есть бо» и т. д.

ЗАГЛАВІЕ „ШЕСТОДНЕВА" ІОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКАГО ПО ДРЕВНѢЙШЕЙ РУКОПИСИ КОНЦА XII ИЛИ НАЧАЛА XIII ВѢКА.

(Уменьшено въ 2½ раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

Образцы рукописныхъ заголовковъ изъ рукописей XV–XVI вѣка.

Объяснительное примѣчаніе: Помѣщаемые нами на этой страницѣ заголовки нашихъ древнихъ рукописей даютъ намъ понятіе о томъ характерѣ рукописныхъ украшеній, который преобладалъ въ нашей письменности, въ ея среднемъ періодѣ. Главною основою рукописнаго украшенія въ этомъ періодѣ является *плетеніе*, болѣе или менѣе замысловатое и запутанное и украшенное весьма ловко вставленными въ это плетеніе головами и даже цѣлыми фигурами диковинныхъ птицъ, миѳическихъ звѣрей и чудовищныхъ змѣевъ. Въ основѣ всѣхъ подобныхъ украшеній лежитъ подражаніе византійскимъ рукописнымъ орнаментамъ, какъ общему ихъ характеру, такъ и мелкимъ частностямъ и подробностямъ. Только уже значительно позже, въ XVI вѣкѣ орнаментація нашихъ рукописей стала проявлять нѣкоторую оригинальность и заимствовать образцы изъ иныхъ, не византійскихъ источниковъ.

ваго Завѣта. Чаще всего Палея начиналась *Шестодневникомъ* (т.-е. разсказомъ о шести дняхъ сотворенія міра) и заканчивалась царствованіемъ Соломона; а въ заключеніе въ ней приводились изреченія ветхозавѣтныхъ пророковъ и даже языческихъ философовъ о Христѣ.

Но къ этой основѣ прибавлялось иногда очень многое, не имѣющее ничего общаго съ богословскимъ вѣдѣніемъ. Такъ, по поводу библейскихъ сказаній о мірозданіи, прибавлялись статьи о строеніи человѣческаго тѣла и разсужденіе о небѣ, о землѣ, о водѣ, о солнцѣ, о перемѣнѣ дня и ночи, объ „умаленіи лунномъ" и разныхъ дивахъ и чудовищахъ природы (въ родѣ „малой рыбицы Эхидны или птицы Феникса"). Къ библейскимъ сказаніямъ примѣшивались *апокрифы* (т.-е. отвергнутые Церковью библейскіе разсказы) и даже баснословныя, чисто-мірскія сказанія, въ родѣ повѣсти о Китоврасѣ, о судахъ Соломоновыхъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ *Палеи* встрѣчаются даже кое-какія историческія свѣдѣнія, напримѣръ, списокъ царей вавилонскихъ, персидскихъ, египетскихъ и римскихъ до Тиверія, и краткій обзоръ византійскихъ царствованій до паденія Византіи.

Пчелы [1]) представляютъ собою сборники отдѣльныхъ изреченій и краткихъ выписокъ изъ Св. Писанія, изъ твореній отцовъ Церкви, изъ богословскихъ и философскихъ сочиненій, причемъ, эти выписки, вращаясь преимущественно въ области нравственной философіи и обыденной житейской морали, заимствовались безразлично и у византійскихъ писателей, и у древнихъ греческихъ философовъ, и у римскихъ поэтовъ языческаго періода. Рядомъ съ выписками изъ притчей Соломоновыхъ, изъ Эклезіаста, изъ Іисуса, сына Сирахова, въ *Пчелахъ* находимъ изреченія, заимствованныя у Геродота, Демокрита, Плутарха, Эврипида, Демосѳена, Сократа, Катона и Аристотеля. Это—какъ бы учебники практической мудрости, предлагающіе свой матеріалъ, свой запасъ рѣшеній, предостереженій, совѣтовъ и указаній на всѣ случайности житейскаго обихода.

Изборникъ Святослава.

Къ числу любопытныхъ безымянныхъ „изборниковъ", съ весьма разнообразнымъ подборомъ статей, принадлежатъ и дошедшія къ намъ отъ XI вѣка двѣ превосходныя и драгоцѣнныя рукописи, извѣстныя подъ названіемъ „Изборниковъ Святослава". Первая и болѣе древняя рукопись этого наименованія, по содержанію своему, есть не что иное, какъ переводъ съ греческаго подобнаго же подлинника, сдѣланный въ Болгаріи, для болгарскаго царя Симеона и, впослѣдствіи, списанный для черниговскаго князя Святослава Ярославича, съ нѣкоторыми незначительными отмѣнами въ текстѣ. Списокъ этотъ сдѣланъ былъ въ 1073 году, на прекрасномъ пергаменѣ, четкимъ уставнымъ почеркомъ.

Онъ заключаетъ въ себѣ собраніе выписокъ и отрывковъ, какъ богословскаго, такъ и мірского характера, изъ отцовъ Церкви и другихъ писателей; среди статей философскаго содержанія (например: о „естествѣ“, о „собствѣ“, о „количествѣ и качествѣ“), и чисто-риторическаго (например: статьи объ „образѣхъ“, т.-е. о тропахъ и фигурахъ), встрѣчаемъ тамъ и „поученія о злой женѣ“, и „сказаніе о двѣнадцати драгоцѣнныхъ камняхъ на одеждѣ первосвященника“. Текстъ рукописи, въ которомъ переписчикъ не вездѣ сумѣлъ сгладить слѣды болгарскаго правописанія, украшенъ цвѣтными заставками, рамками, съ сидящими на нихъ павлинами, и знаками зодіака, начертанными на поляхъ рукописи.

Любопытною особенностью этой драгоцѣнной рукописи оказывается приложенная къ ней миніатюра, изображающая князя Святослава Ярославича съ семействомъ; художникъ изобразилъ князя съ книгою въ рукахъ, какъ бы желая этимъ показать, что книга эта написана по его заказу. Кромѣ этого „Изборника Святославова“, существуетъ еще другой, писанный на три года позже (1076 г.), также извѣстный подъ названіемъ „Святославова“; но этотъ болѣе однороденъ по содержанію и состоитъ изъ статей духовно-нравственныхъ и назидательныхъ.

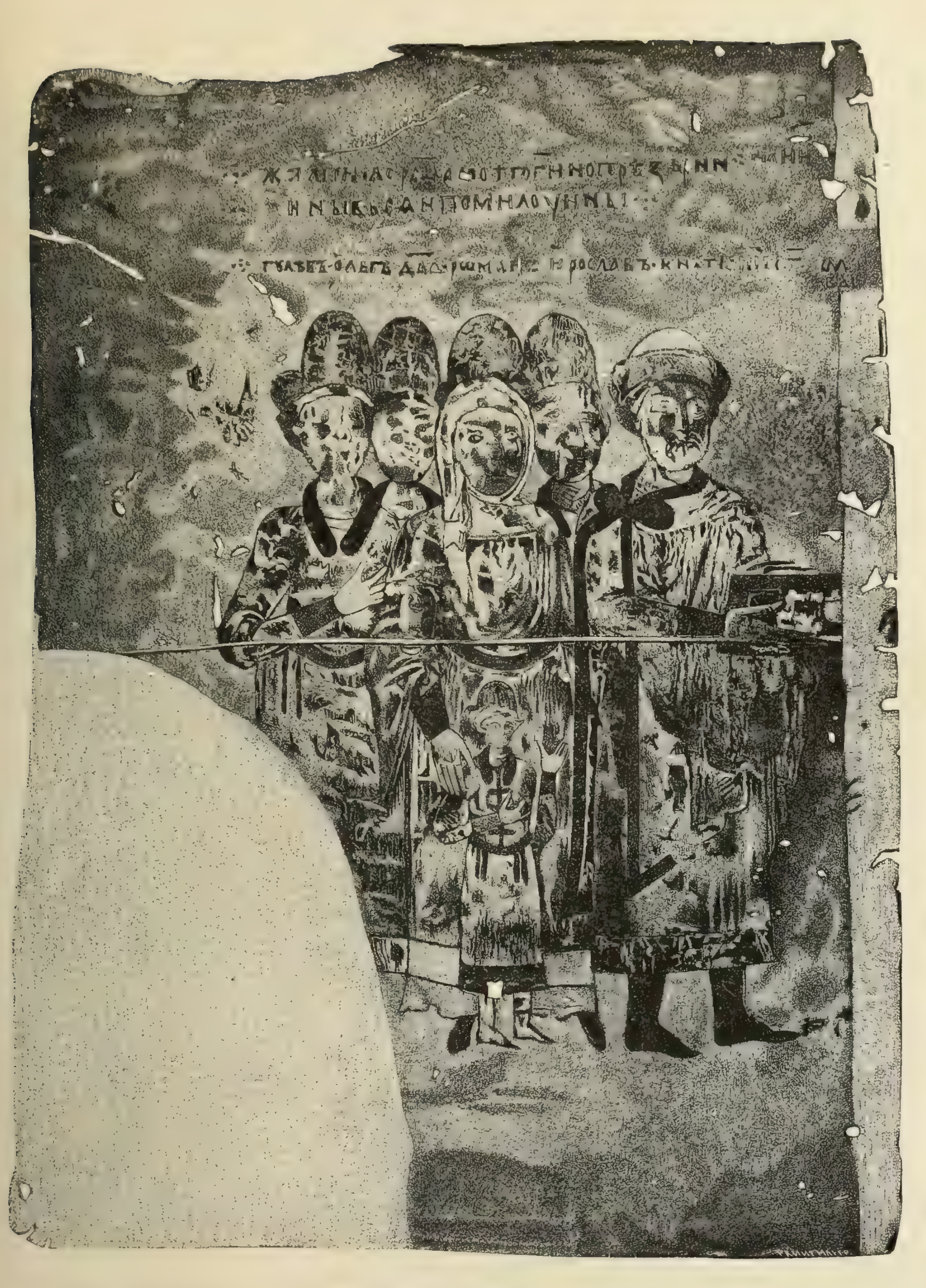
Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ распространенія образованія въ духовенствѣ, по мѣрѣ размноженія книжности и грамотности въ высшихъ слояхъ общества, должны были измѣняться и тѣ произведенія, съ которыми духовные пастыри обращались къ своей паствѣ или къ своимъ ближайшимъ духовнымъ дѣтямъ—князьямъ и боярамъ. Въ этомъ именно смыслѣ большую разницу видимъ мы между уцѣлѣвшими до нашего времени произведеніями XI и XII вѣка. И эта разница становится для насъ вполнѣ ясною, если мы припомнимъ, что уже Иларіонъ, въ своемъ словѣ о „законѣ и благодати“, называлъ свою паству „не невѣдущими людьми, но насытившися сладости книжной...“ Если онъ могъ это сказать въ половинѣ XI вѣка, то мы можемъ предположить, что 50—60 лѣтъ спустя, проповѣдникъ, конечно, уже долженъ былъ имѣть дѣло съ паствой, значительно болѣе просвѣщенной. Въ этомъ насъ и убѣждаютъ произведенія кіевскаго митрополита *Никифора* и еще болѣе—произведенія *Кирилла*, епископа туровскаго. **Никифоръ и Кириллъ Туровскій.**

Никифоръ былъ родомъ грекъ, получилъ воспитаніе въ Византіи и поставленъ былъ кіевскимъ митрополитомъ въ началѣ XII вѣка (отъ 1104—1121 г.). По намеку, внесенному имъ въ одно изъ его Словъ, мы можемъ заключить, что онъ плохо зналъ русскій языкъ (или плохо владѣлъ имъ) и потому не могъ самъ предлагать паствѣ свои Слова и поученія лично. Ученый историкъ нашей Церкви предполагаетъ, что Никифоръ писалъ свои

поученія по-гречески и давалъ ихъ переводить на русскій языкъ; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ достоинства и значенія по отношенію къ той современности, которая ихъ вызвала. Изъ дошедшихъ до насъ произведеній митрополита Никифора [1]) въ литературномъ смыслѣ интересно и важно для насъ только одно посланіе къ Мономаху „о постѣ и воздержаніи чувствъ“, и, повторяемъ, важно не въ отношеніи къ личности проповѣдника, воспитавшагося на византійской почвѣ, а по отношенію къ тому духовному сыну, съ которымъ онъ говоритъ такимъ возвышеннымъ языкомъ, употребляя въ рѣчи своей такіе туманные образы и такія хитроумныя сравненія и полагая въ основу всего своего сочиненія такой запутанный и отвлеченный строй мысли. Посланіе къ Мономаху о „постѣ и воздержаніи чувствъ“ начинается съ похвалъ этому князю, о которомъ Никифоръ говоритъ, что онъ „въ благочестіи воспитанъ и постомъ воздоенъ, а воздержаніемъ своимъ во время поста возбуждаетъ во всѣхъ удивленіе“. „Что скажу я такому князю,—продолжаетъ проповѣдникъ:—который большею частію спитъ на сырой землѣ, избѣгаетъ дома своего, отвергаетъ свѣтлое платье, по лѣсамъ ходитъ въ одеждѣ сиротинской (т.-е. рабской, простой) и, только по нуждѣ, вступая въ городъ, надѣваетъ на себя одежду властелинскую? Что говорить такому князю, который другимъ любитъ готовить обѣды обильные, а самъ служитъ гостямъ, работаетъ своими руками, и подаяніе котораго доходитъ даже до полатей; другіе насыщаются и упиваются, а князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь самою малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ... Руки его ко всѣмъ простерты; никогда не прячетъ онъ своихъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра; но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста“... Набросавъ такую яркую характеристику доблестнаго князя, ловкій проповѣдникъ желаетъ высказать ему и нѣчто назидательное, нѣчто горькое; но для этой цѣли совсѣмъ уклоняется въ сторону отъ главнаго и естественнаго теченія своей рѣчи и, ударяясь въ туманную область психическаго анализа, дѣлаетъ большой обходъ. Онъ высказываетъ князю прямо, что съ нимъ о постѣ говорить нечего, а лучше будетъ побесѣдовать о „самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаетъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло“. Источникъ этотъ, по мнѣнію проповѣдника, самая душа человѣка, и потому онъ пытается ближе ознакомить князя

Посланіе къ Мономаху.

[1]) До насъ дошли три его посланія противъ латинянъ: одно изъ нихъ написано для Владиміра Мономаха и въ отвѣтъ на его запросъ; другое, какъ предполагаютъ, къ волынскому князю; одно посланіе къ Мономаху «о постѣ и воздержаніи чувствъ» и «поученіе о постѣ» къ народу.

Князь Святославъ и его семейство (по миніатюрѣ, приложенной къ «Изборнику Святославову», 1073 г.).

съ составомъ души нашей, указывая на три главныя стремленія души: *словесное* (разумъ), *яростное* (чувство) и *желанное* (воля). У этихъ трехъ главныхъ силъ или стремленій души человѣческой есть и *особые слуги* (по выраженію Никифора), черезъ которые душа дѣйствуетъ или проявляетъ себя. „Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь черезъ своихъ воеводъ и слугъ во всей твоей странѣ, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу черезъ пять слугъ своихъ, т.-е. черезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе". Изъ всѣхъ пяти чувствъ Никифоръ отдаетъ предпочтеніе зрѣнію, „такъ какъ оно насъ не можетъ обманывать, тогда какъ черезъ слухъ можетъ доходить до насъ многое невѣрное и ложное"... „Кажется мнѣ, князь мой",—осторожно замѣчаетъ проповѣдникъ, ловко пользуясь сравненіемъ слуха со зрѣніемъ, — „что, не будучи въ состояніи видѣть все самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла; такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, вспомни объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни о всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ всѣхъ, помяни и отпусти, да и тебѣ отпустится; отдай, да и тебѣ отдастся"... Но и такой легкій укоръ за излишнее довѣріе къ наушничеству Никифоръ спѣшитъ смягчить, оговорить... „Не опечалься, князь, словомъ моимъ", — говоритъ онъ въ заключеніе, — „не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобой, и потому я написалъ тебѣ это. Нѣтъ; такъ, просто пишу я тебѣ для напоминанія, такъ какъ въ немъ нуждаются владыки земные; многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены".

Проповѣдь Кирилла Туровскаго.

Еще далѣе Никифора, по той же дорогѣ риторическихъ ухищреній, фигуръ и прикрасъ пошелъ другой проповѣдникъ XII вѣка—*Кириллъ, епископъ Туровскій* (умеръ около 1188 г.), отъ котораго дошли до насъ 12 Словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, сочиненія объ иноческой жизни, молитвы, каноны и проч. По свидѣтельству житія Кириллова, оказывается, что имъ было написано гораздо болѣе того, что до насъ дошло, и что въ числѣ безслѣдно исчезнувшихъ его сочиненій находились многія посланія къ князю Андрею Боголюбскому.

Сочиненія Кирилла Туровскаго могутъ служить хорошимъ примѣромъ образованности и начитанности представителей высшаго русскаго духовенства во второй половинѣ XII вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же служатъ явнымъ указаніемъ на то, что наши проповѣдники далеко стали отставать отъ русской дѣйствительности, слишкомъ усердно поддавшись слѣпому подражанію византійскимъ образцамъ. Насколько пріятно поражала насъ чрезвычайная простота и естественность изложенія въ проповѣдяхъ

Ѳеодосія Печерскаго и ихъ тѣсная связь съ народною жизнью—настолько же чуждымъ представляется намъ краснорѣчіе Кирилла, напыщенное, витіеватое, переполненное сравненіями, аллегоріями, символизмомъ и иносказаніями... Мысль теряется въ обиліи риторическихъ и стилистическихъ прикрасъ, которыя обращаютъ его проповѣдь въ какой-то пестрый узоръ, среди котораго сущность затемняется черезчуръ-усердными заботами о внѣшней формѣ и прикрасахъ рѣчи...

„Слова" или проповѣди Кирилла къ народу предназначены были для воскресныхъ дней, начиная отъ Вербной недѣли и до Троицына дня, и хотя современные ему цѣнители духовнаго краснорѣчія и сравнивали его съ Златоустомъ и называли „златословеснымъ витіей", однакоже мы склонны думать, что даже и наиболѣе развитые изъ тѣхъ слушателей, къ которымъ Кириллъ Туровскій обращался въ своихъ проповѣдяхъ, должны были, вѣроятно, многое въ нихъ не понимать. Съ общими пріемами изложенія въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго насъ легко могутъ ознакомить слѣдующіе отрывки изъ его „Слова" на Вербное воскресеніе.

„Сегодня Христосъ отъ Виѳаніи входитъ въ Іерусалимъ, возсѣвъ на жребя осля, да совершится пророчество Захаріино... Жребя—вѣрованіе язычниковъ, которыхъ посланные Христомъ апостолы отрѣшаютъ отъ лести дьявольской... Апостолы на жребя ризы возложили, на которыя сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище Св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути,—одни, ризы свои, а другіе—вѣтви древесныя. Добрый, правый путь міродержателямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ! Постлавши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда входятъ они въ царство небесное. Ломающіе вѣтви древесныя суть простые люди, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь ровняютъ, и къ Богу приходятъ".

Сильно-развитая фантазія автора часто придаетъ символическое значеніе даже самымъ обыкновеннымъ явленіямъ природы, пользуясь ими, какъ средствами, къ ближайшему истолкованію глубокаго смысла различныхъ событій Св. Писанія. Такъ въ „Словѣ", сказанномъ въ Ѳомино воскресенье, онъ пользуется для своей цѣли *весною*, каждому явленію которой придаетъ символическое значеніе.

„Нынѣ весна красуется, оживляя земную природу; вѣтры, тихо вѣя, придаютъ плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву рождаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, кре-

щеніемъ возрождающая человѣческую природу. Вѣтры—помыслы грѣхотвореній, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, приносятъ душеполезные плоды; земля же нашей природы, принявъ на себя Слово Божіе, какъ сѣмя, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, рождаетъ духъ спасенія"...

Часто случается, что фантазія проповѣдника не сдерживается и каноническими предѣлами книгъ Св. Писанія, и почерпаетъ свои образы и сравненія изъ апокрифическихъ сказаній; иногда проповѣдь Кирилла обращается въ цѣлый діалогъ, который ведутъ между собой выведенныя проповѣдникомъ лица. Иногда все „Слово" его излагается въ видѣ одной притчи; такъ, напримѣръ, „Слово о душѣ и тѣлѣ человѣческомъ" изложено въ видѣ притчи „О хромцѣ и слѣпцѣ".

Вообще говоря, вся дѣятельность Кирилла, какъ проповѣдника и духовнаго оратора, въ значительной степени, напоминаетъ характеромъ своимъ и пріемами нашу позднѣйшую кіевскую школу проповѣдниковъ, воспитанную на схоластической основѣ польско-католическихъ и уніатскихъ учебныхъ заведеній.

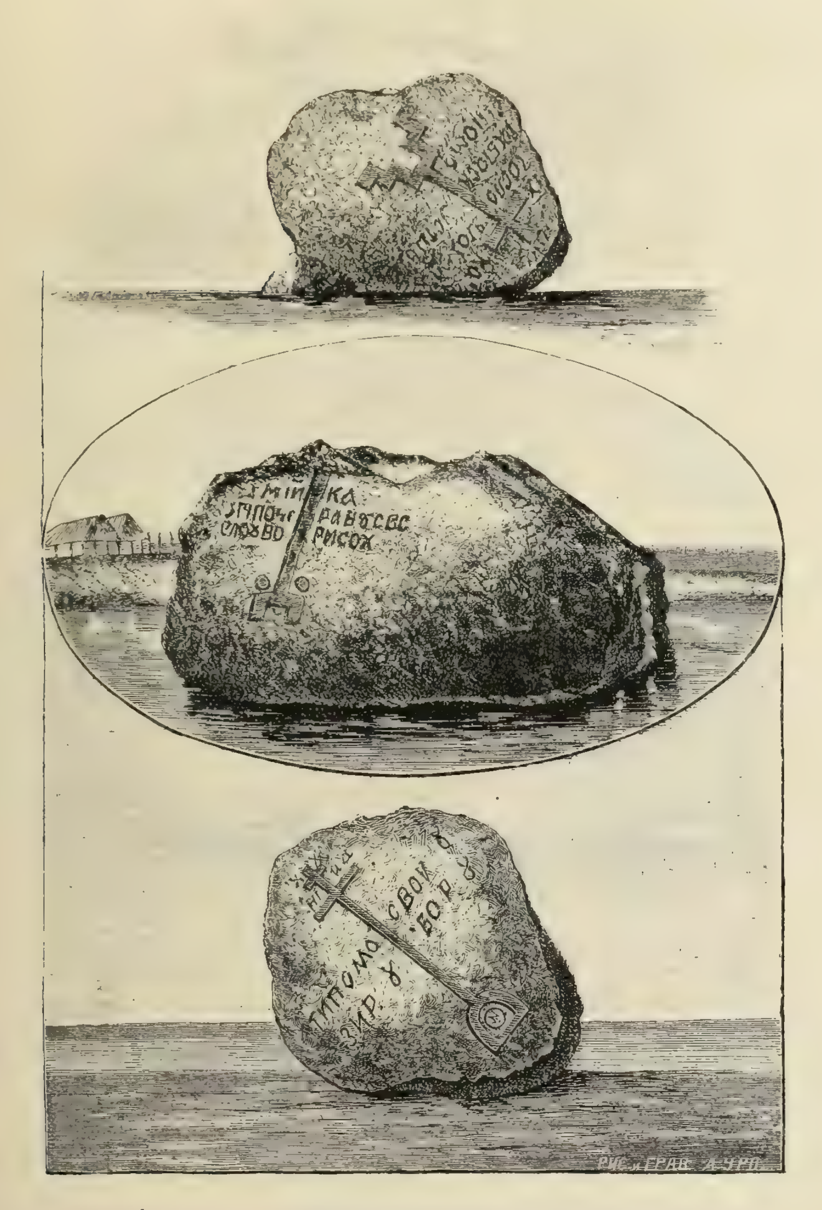
ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отраженіе исторической дѣйствительности въ литературѣ. Пасхальныя таблицы и монастырскія записи, какъ основа лѣтописи. — Лѣтописные своды. Патерикъ Печерскій.—Труды Нестора и его преемниковъ въ области монастырскихъ сказаній.

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе осязательныхъ признаковъ вступленія народа на поприще исторической жизни является, обыкновенно, сознательное отношеніе къ дѣйствительности — потребность отмѣчать и записывать явленія окружающей насъ жизни, какъ замѣчательныя и важныя, такъ и тѣ, которыя только представлялись современнику замѣчательными и важными, по личному его воззрѣнію. Ясными признаками наступленія этого періода являются всякаго рода памятныя записи: на камняхъ, на скалахъ, на стѣнахъ церквей, на придорожныхъ крестахъ, на отдѣльныхъ предметахъ церковнаго и домашняго обихода.

Одновременно еще сильнѣе и осязательнѣе проявляется эта потребность въ средѣ людей книжныхъ и грамотныхъ по преимуществу въ центрахъ современной письменности. Образованнѣйшимъ сословіемъ древней Руси XI и XII вв. были лица духовныя; центрами письменности были монастыри. Здѣсь-то, въ монастыряхъ и нужно искать тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя привели къ первымъ попыткамъ создать *лѣтопись*, хотя, впрочемъ, образцы для нея очень рано указаны были въ византійскихъ хроникахъ. Такъ назывались византійскія лѣтописи,

въ которыхъ разсказъ начинается отъ сотворенія міра, съ изложенія библейской ветхозавѣтной исторіи, потомъ исторіи древнихъ царствъ и наконецъ доходитъ до исторіи Византіи. Двѣ такія хроники еще въ X вѣкѣ были переведены на славянскій языкъ

Двинскіе камни съ написями князя Бориса Всеславьевича Полоцкаго.

въ Болгаріи, а именно: хроника Зосима Малалы и Георгія Амортола,—и въ XI вѣкѣ были уже извѣстны на Руси. Но лѣтопись русская, несмотря на византійскіе образцы, началась вполнѣ самостоятельно, возникнувъ изъ накопившагося матеріала краткихъ

Пасхальныя таблицы.

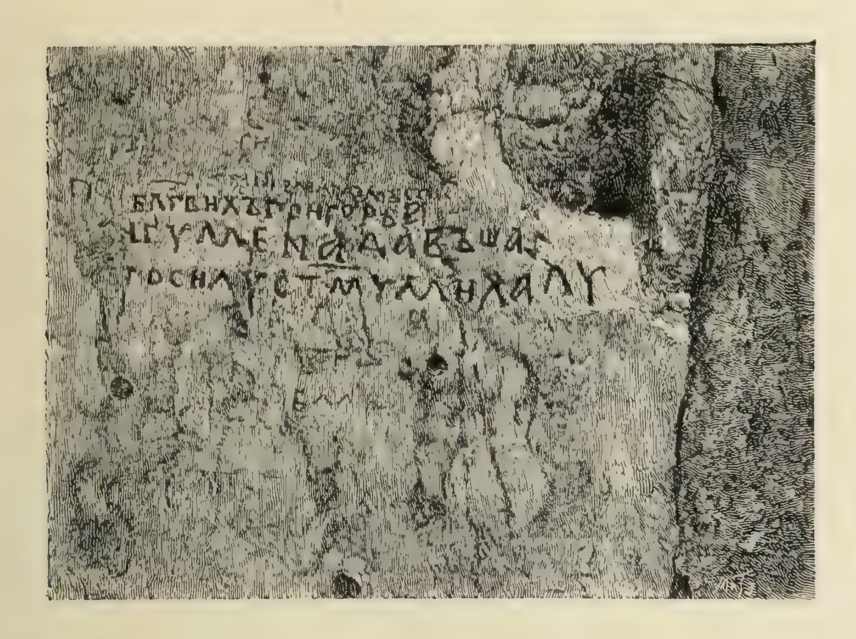
историческихъ записей, которыя, по предположенію ученыхъ, велись на поляхъ „пасхальныхъ таблицъ“. Такъ назывались небольшіе куски пергамена, по которымъ, за нѣсколько лѣтъ впередъ, было разсчитано и отмѣчено, въ какое число прійдется Пасха въ томъ или другомъ году... Такія таблицы, по современному обычаю, разсылались въ извѣстные сроки по церквамъ и монастырямъ, и такъ какъ письменный матеріалъ цѣнился чуть не на

Древняя (XII в.) напись на камнѣ кн. Василія (Рогволода Борисовича), въ Могилевской губ.

вѣсъ золота, то духовенству, вѣроятно, уже очень рано пришла въ голову счастливая мысль—пополнять пробѣлы пергамена пасхальныхъ таблицъ бѣглыми повременными замѣтками. Эти замѣтки могли касаться и дѣйствительной исторической жизни княжества или города, и внутренней жизни монастыря. Монахъ помѣщалъ въ пробѣлахъ этихъ таблицъ, противъ года, иногда свѣдѣнія о войнѣ съ иноплеменными, иногда извѣстія о падежѣ на скотъ, или о „предивной звѣздѣ“ (кометѣ), появившейся на горизонтѣ, или о чудесахъ мѣстной иконы. Съ удивительною простотою, противъ

нѣкоторыхъ годовъ тотъ же монахъ помѣщалъ и такое извѣстіе: „ничего не бысть“ или „была тишина“, т.-е. не было ни войнъ, ни усобицъ. Эти первоначальныя, краткія памятныя записи, съ теченіемъ времени накопляясь и пополняясь отрывочными сказаніями, свѣдѣніями, почерпнутыми отъ очевидцевъ, слухами, преданіями, выписками изъ документовъ—приводили къ созданію тѣхъ первыхъ, недошедшихъ до насъ, мѣстныхъ лѣтописей, которыя потомъ, какъ ручьи сливаются въ рѣку, слились въ общіе лѣтописные своды. Древнѣйшій изъ этихъ сводовъ, составленіе котораго приписывается Нестору, уже извѣстному намъ

Древняя напись на скалѣ въ с. Бакотэ, Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи.

иноку кіево-печерскаго монастыря, относится къ концу XI или началу XII вѣка.

Лѣтописные своды.

И вотъ для той компилятивной работы, которая была необходима при составленіи подобнаго лѣтописнаго свода, въ рукахъ инока-лѣтописца были уже и готовые византійскіе образцы хроникъ. Руководясь отчасти ими, но гораздо болѣе своимъ личнымъ талантомъ, вкусомъ и умѣньемъ, усердный бытописатель создалъ изъ разнообразнаго и разрозненнаго матеріала то прекрасное цѣлое, которое дошло до насъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Повѣсти временныхъ лѣтъ.“ [1])

Новѣйшая историческая наука доказала положительно, что Несторъ, котораго имя не находится ни на одномъ изъ списковъ

[1]) Полное заглавіе этого драгоцѣннаго памятника: «*Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первое княжити, и откуда русская земля стала есть*».

„Повѣсти временныхъ лѣтъ“ — не былъ ея исключительнымъ авторомъ; точно также не былъ ея авторомъ Сильвестръ — игуменъ, имя котораго попадается на многихъ древнѣйшихъ спискахъ этого памятника. Но инокъ Несторъ, котораго кіево-печерское преданіе называетъ „лѣтописцемъ“, могъ быть однимъ изъ составителей этого обширнаго свода историческихъ извѣстій, хронологическихъ данныхъ, отдѣльныхъ сказаній, мѣстныхъ преданій и выписокъ изъ современныхъ актовъ и изъ иноземныхъ источниковъ—могъ именно потому, что имя его значится на части „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, представляющей собою памятникъ несомнѣнно XII вѣка (хотя дошедшій до насъ въ спискѣ XIV вѣка). Любопытною и важною особенностью „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по сравненію съ другими русскими лѣтописями оказывается то, что она, по весьма мѣткому замѣчанію историка Соловьева, является уже „образцомъ лѣтописца всероссійскаго“—т.-е. посвященнаго интересамъ всей тогдашней Руси, между тѣмъ какъ преобладающимъ типомъ вообще былъ типъ лѣтописи мѣстной. Поэтому „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ принималась всѣми послѣдующими лѣтописцами за образецъ изложенія и почти цѣликомъ была внесена во всѣ лѣтописи, писанныя послѣ 1110 г., которымъ „Повѣсть“ оканчивается.

Содержаніе повѣсти временныхъ лѣтъ.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“ начинается съ небольшого вступленія, въ которомъ, подражая византійскимъ хронографамъ, нашъ лѣтописецъ повѣствуетъ, какъ Симъ, Хамъ и Іафетъ — сыновья Ноевы—раздѣлили землю послѣ потопа. Вслѣдъ за подробнымъ перечисленіемъ странъ и народовъ древняго міра, лѣтописецъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ, послѣ столпотворенія Вавилонскаго, Богъ раздѣлилъ всѣ народы на 72 языка и какъ племя Афетово заняло Западъ, а потомъ и сѣверныя страны: отъ этого племени производитъ онъ и славянъ, и затѣмъ уже переходитъ къ описанію ихъ жизни на берегахъ Дуная. Послѣ того, онъ излагаетъ подробно ихъ разселеніе по рѣкамъ и землямъ на территоріи древней Руси, описываетъ обычаи и нравы различныхъ племенъ славянскихъ и заканчиваетъ свое вступленіе разсказомъ о просвѣщеніи Моравіи христіанствомъ. Начиная съ 862 года—съ призванія варяговъ,—онъ ведетъ подробную лѣтопись всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ, происходившимъ на Руси до его времени и въ его время, и доводитъ ее почти до конца княженія Святополка Изяславича (до 1110 г.). Весь древнѣйшій періодъ нашей исторіи, до начала XI вѣка, лѣтописецъ излагаетъ въ видѣ отдѣльныхъ округленныхъ и законченныхъ разсказовъ; видно, что онъ помѣщаетъ ихъ на страницахъ своей лѣтописи, въ той формѣ, въ какой они доходили къ нему изъ устъ народа, какъ преданіе отдаленной старины. Съ начала XI вѣка, разсказъ лѣтописца становится по-

дробнѣе и обстоятельнѣе: видно, что въ этотъ періодъ онъ могъ уже руководиться сообщеніями современниковъ и очевидцевъ.

Это отчасти подтверждается и значительною неровностью въ способѣ изложенія различныхъ частей „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Мѣстами событія излагаются живо и образно, передается даже и самое впечатлѣніе событія, выносимое очевидцемъ-разсказчикомъ; мѣстами сухо и блѣдно, — такъ какъ свѣдѣніе, очевидно, получено изъ третьихъ рукъ. Въ изложеніи нѣтъ связи, нѣтъ выводовъ и вообще очень слабъ личный элементъ, такъ какъ лѣтописецъ-авторъ не придаетъ никакого значенія своему личному мнѣнію; его мораль и его критика постоянно сводятся къ одному надъ всѣмъ преобладающему убѣжденію: все благое отъ Бога и отъ Его Промысла, все злое отъ дьявола; всякая удача и счастье являются наградою за благочестіе и добрыя дѣла, всѣ бѣдствія и несчастія посылаются намъ въ наказаніе за наши грѣхи и нерадѣніе къ Церкви. Важно, однакоже, то, что лѣтописецъ, несмотря на всю разрозненность древней Руси XII вѣка, несмотря на нескончаемые княжескіе родовые счеты и усобицы, является въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ не кіевскимъ инокомъ, не черниговцемъ и рязанцемъ, а простымъ русскимъ человѣкомъ, вполнѣ сознающимъ, что и Кіевъ, и Рязань, и Черниговъ, и Новгородъ — только части одной Русской земли, только дѣти одной матери. Мораль лѣтописца.

Самъ авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ указываетъ намъ на двоихъ современниковъ своихъ — Юрья Тороговича и 90-лѣтняго старца Яна, какъ на живые источники нѣкоторыхъ частей своего разсказа; первый изъ нихъ, новгородецъ, вѣроятно торговый человѣкъ, сообщилъ ему свѣдѣнія о дальнемъ Сѣверѣ Руси, о Печорѣ и Югрѣ; Янъ — сынъ воеводы Ярослава Мудраго, внукъ Остромира, другъ Ѳеодосія Печерскаго, могъ сообщить ему много историческихъ свѣдѣній о князьяхъ, ихъ походахъ и войнахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что и въ средѣ самой братіи Кіево-Печерскаго монастыря много было людей, отъ которыхъ дошли до лѣтописца свѣдѣнія о разныхъ концахъ Руси, о бытѣ племенъ, обитавшихъ близъ ея предѣловъ, о распространеніи христіанства въ различныхъ областяхъ ея. Между иноками кіевопечерскими были люди всѣхъ сословій и состояній, были русскіе и иноплеменники, были люди много странствовавшіе и много видѣвшіе на своемъ вѣку. Тутъ видимъ и Варлаама—сына боярина, и Ефрема—княжого конюшаго, и Ефрема—родомъ грека, и Моисея—венгерца, долго жившаго въ плѣну у короля Болеслава, и Никона Сухого, испытавшаго всѣ тягости плѣна у половцевъ, и, наконецъ, Іеремію Прозорливаго—бывшаго очевидцемъ крещенія Русской земли при Владимірѣ. Источники лѣтописи.

Начало Патерика.

Живыя, трогательныя преданія объ этихъ братіяхъ постоянно хранились какъ святыня въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители и очень рано послужили матеріаломъ для отдѣльныхъ сказаній объ этихъ подвижникахъ, а потомъ для составленія общаго *Патерика Печерскаго*, т.-е. свода сказаній объ отцахъ Печерской обители. Основаніе Патерику было положено трудами Нестора, описавшаго житіе одного изъ двухъ главныхъ основателей обители, Өеодосія Печерскаго (выше приводили мы изъ него отрывки), а можетъ-быть и другими, менѣе замѣтными тружениками. Этотъ богатый матеріалъ житій и сказаній, накопившійся въ теченіе XII вѣка въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители, былъ въ XIII вѣкѣ собранъ, дополненъ и изложенъ въ новой общей редакціи иноками того же монастыря, *Симономъ* и *Поликарпомъ*. Послѣдній изъ нихъ прямо говоритъ въ своемъ посланіи къ архимандриту Акиндину, что онъ изложилъ житіе многихъ печерскихъ угодниковъ отчасти на основаніи разсказовъ, слышанныхъ отъ Симона [1]), причемъ сознается, что въ изложеніи житій подражалъ древнимъ патерикамъ, т.-е., вѣроятно, византійскимъ образцамъ, очень рано занесеннымъ на русскую почву, вмѣстѣ съ Пчелами, Палеями и прочими сборниками, которыми изобиловала современная византійская литература.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Успѣхи образованности на Руси.—Уровень образованія древне-русскихъ князей и княженъ.—Религіозное направленіе образованія.—Страсть къ паломничеству.—Паломники.—Путешествія игумена Даніила.

Князья ревнители просвѣщенія.

Выше мы уже (см. стр. 68) указали, какъ быстро успѣла развиться на Руси XI — XII вѣка, въ средѣ нашихъ князей, благородная страсть къ книгамъ и къ собиранію книжныхъ сокровищъ. Такая страсть могла, конечно, свидѣтельствовать только о томъ, что и образованность, и начитанность книжная быстро возрастали въ высшемъ сословіи древней Руси. Дѣйствительно, и сыновья, и внуки Ярослава Мудраго унаслѣдовали отъ него любовь къ распространенію грамотности и къ самообразованію. Одинъ изъ сыновей Ярослава, Всеволодъ, былъ извѣстенъ, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени; о немъ мы знаемъ (изъ современнаго свидѣтельства), что ему зна-

[1]) Симонъ — изъ иноковъ кіево-печерскихъ возведенный впослѣдствіи въ епископы владимірскіе, написалъ еще весьма любопытное *увѣщательное посланіе* къ Поликарпу; въ этомъ посланіи онъ выразилъ то чувство, которое всѣ иноки кіево-печерскіе питали къ своей обители: «Вся славу и власть мою — пишетъ онъ — счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ пришлось хотя бы хворостиною торчать за воротами Печерскаго монастыря, или хоть соромъ валяться въ немъ и быть попираему людьми».

комы были пять языковъ, въ числѣ которыхъ, конечно, былъ и греческій, такъ какъ знаніе его было весьма распространено въ русской княжеской средѣ XII вѣка. Сынъ Всеволода—знаменитый Владиміръ Мономахъ—тоже отличался обширною начитанностью и глубокимъ, прочувствованнымъ пониманіемъ тѣхъ благъ, какія образованіе вноситъ въ нравы общества. Внукъ Мономаха, князь Михаилъ Юрьевичъ „съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ". О Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ всю жизнь заботился объ устроеніи училищъ, въ которыхъ нанятые имъ учителя обучали, между прочимъ, и греческому, и латинскому языку; на эти заботы издержалъ онъ все свое имѣніе, такъ что, по смерти, смольняне похоронили добродѣтельнаго князя на свой счетъ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ и о Константинѣ Всеволодовичѣ также находимъ въ лѣтописи указанія, свидѣтельствующія о томъ, что они, будучи лично-образованными людьми, прилагали заботы и объ образованіи духовенства, и о распространеніи училищъ, окружали себя учеными греками, посылали на Аѳонъ опытныхъ и знающихъ писцовъ для списыванья книгъ и т. п.

Евфросинія Полоцкая.

Княжны и княгини, въ ревности и усердіи къ образованію, вѣроятно, также не отставали отъ князей. Многія изъ нихъ, овдовѣвъ, основывали обители, въ которыхъ являлись игуменьями, и, конечно, были вполнѣ грамотными представительницами своей иноческой общины. Замѣчательною женскою личностью изъ княжеской среды представляется намъ княжна *Евфросинія Полоцкая*, до постриженія носившая имя Предславы. Постриглась она въ молодыхъ еще лѣтахъ, и съ разрѣшенія епископа поселилась въ небольшой кельѣ, пристроенной къ Полоцкому Софійскому собору; здѣсь посвятила она себя особаго рода духовной дѣятельности: занялась списываньемъ священныхъ книгъ, которыя отдавала въ продажу, и деньги, вырученныя отъ продажи книгъ, раздавала нищимъ [1]). Въ глубокой старости—Евфросинія совершила еще и другой подвигъ благочестія: подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, она отправилась въ Св. Землю на поклоненіе Гробу Господню.

Странствованья въ Св. Землю

Эти странствованья въ Св. Землю, тогда только что освобожденную отъ мусульманскаго ига, были обще-распространеннымъ на Руси обычаемъ,—общимъ увлеченіемъ, почти болѣзнью вѣка. Шли и ѣхали по обѣту въ Св. Землю князья и бояре, княгини и княжны, иноки и міряне, купцы и простолюдины, поддаваясь одному общему стремленію—побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самъ Господь „ходилъ

[1]) Изъ приведенныхъ нами данныхъ (см. выше стр. 51) о цѣнѣ книгъ, мы можемъ предполагать, что пожертвованія княжны Евфросиніи были весьма значительны.

по землѣ", и поклониться Его Св. Гробу. Шли цѣлыми партіями, цѣлыми ватагами, подобно западнымъ пилигримамъ, шли иногда побираясь по дорогѣ милостынею и прокармливаясь Христовымъ именемъ, а иногда и силою добывая себѣ то, что было необходимо въ пути, потому что среди этихъ страннических ватагъ проявлялись и элементы бродяжничества, неугомонные и буйные. Люди, слабые волею, сорвавшись съ насиженнаго мѣста, увлекаемые общимъ потокомъ, часто совсѣмъ пропадали и погибали въ этихъ нескончаемыхъ скитаніяхъ съ мѣста на мѣсто, и, даже не побывавъ въ Палестинѣ, не возвращались и на родину, гдѣ все у нихъ было либо запродано, либо заброшено; иные не доходили до цѣли путешествія по слабости физической, по недостатку силъ и средствъ матерьяльныхъ. Въ народѣ явилось даже особое наименованіе для подобныхъ странниковъ: — ихъ стали называть *каликами-перехожими*, и соотвѣтственно

Церковь Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго монастыря.

Народный типъ каликъ.

названію, въ которомъ уже чувствуется нѣкоторое представленіе о шатаньи и безцѣльныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, сталъ складываться въ понятіяхъ народа и особый типъ „каликъ", очень близкій къ типу западныхъ пилигримовъ. По изображенію народныхъ пѣсенъ, сохранившихъ намъ этотъ типъ, „калика" является удалымъ добрымъ молодцемъ, который готовъ лицомъ къ лицу встрѣтиться со всякою опасностью и умѣетъ оградить себя отъ нея тяжелою „шелепугою подорожною". Калики, являясь во дворъ къ князю Владиміру, поютъ духовныя пѣсни, но при этомъ подхватываютъ

Крестъ преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой.

Крестъ, по описанію одного изъ мѣстныхъ знатоковъ церковной археологіи, представляетъ собою ничто иное, какъ ковчегъ для храненія «драгоцѣнныхъ памятниковъ страданій Христовыхъ, частицъ мощей св. угодниковъ Божіихъ и другихъ предметовъ христіанскаго благоговѣнія, которые преподобная Евфросинія выписывала для своей обители изъ Константинополя и Іерусалима», а можетъ-быть и лично пріобрѣла во время своего странствованія въ Св. Землю. Крестъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11^{3}/_{5}$ вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній $4^{5}/_{8}$ вершка.

Весь крестъ обложенъ золотыми и сребро-вызолоченными листами, украшенъ по краямъ мелкимъ жемчугомъ, по лицу 8-ю драгоцѣнными камнями и 20-ю искусно-исполненными маленькими образками, византійской работы (перегородчатая эмаль).

Современная надпись *), разобранная и въ подлинности своей удостовѣренная извѣстнымъ знатокомъ нашей письменной древности, академикомъ И. И. Срезневскимъ, гласитъ, что крестъ «сдѣланъ» въ 1161 году и что Евфросинія приноситъ его въ даръ въ монастырь свой, въ церковь Св. Спаса». Вкладчица грозитъ проклятіемъ всякому, кто дерзнетъ похитить этотъ крестъ или вынести его изъ монастыря. Несмотря на различныя невзгоды, перенесенныя крестомъ въ вѣкъ Уніи и ея борьбы съ іезуитами, крестъ, во исполненіе начертаннаго на немъ завѣта, и нынѣ хранится въ возстановленной (съ 1841 г.) Спасской обители, на хорахъ Спасской церкви, въ Полоцкѣ—въ той самой кельѣ, гдѣ, по преданію, преподобная Евфросинія подвизалась нѣкогда въ списываньи книгъ.

---

*) Она идетъ по боковой поверхности креста.

КРЕСТЪ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНІИ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКОЙ, 1161 г.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

всѣмъ хоромъ такъ неистово и зычно, что „со всѣхъ теремовъ верхи опадаютъ“...

«Становилися калики во единый кругъ,
Клюки—посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали...»

Мощи преподобной Евфросиніи въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Или въ другомъ мѣстѣ той же пѣсни:

«Скричатъ калики зычнымъ голосомъ—
Со теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися».

Судя по словамъ другой пѣсни, даже и въ живописныя лохмотья своего страннического одѣянія эти удалые калики-перехожіе умѣютъ вносить извѣстную долю щегольства и прикрашиваютъ ее на всѣ лады:—такъ Алёша Поповичъ встрѣчаетъ въ чистомъ полѣ калику-перехожаго, и видитъ, что:

«Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико (у лаптей) унизано краснымъ золотомъ;
Шуба соболиная, долгополая,

Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго».

Запрещеніе странствованій

Вѣроятно, это пристрастіе къ странствованію въ Св. Землю приводило ко многимъ неблагопріятнымъ явленіямъ и злоключеніямъ въ русской общественной жизни XII вѣка, потому что современное русское духовенство рѣшается прямо возставать противъ излишества обѣтовъ, которые многими давались крайне легкомысленно. Такъ св. Нифонтъ, епископъ новгородскій, на вопросъ черноризца Кирика: „не грѣхъ ли возбранять странствованья въ Іерусалимъ?“ — отвѣчалъ прямо: „Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы быть праздными и только ѣсть и пить“. Напротивъ того, умный епископъ совѣтуетъ даже „подвергать эпитиміи тѣхъ, которые даютъ присягу идти въ Іерусалимъ, ибо присяга эта губитъ нашу землю“.

Само собою разумѣется, однакоже, что многіе странствовали въ Св. Землю и по глубокому религіозному побужденію, подобно княжнѣ Евфросиніи Полоцкой; одинъ изъ подобныхъ, глубоко-религіозныхъ и убѣжденныхъ паломниковъ [1]) въ Св. Землю оставилъ намъ даже, отъ начала XII вѣка, весьма любопытное описаніе своего путешествія, подъ названіемъ „Хожденіе игумена Даніила“.

Хожденіе Даніила.

Кто былъ игуменъ Даніилъ — мы этого не знаемъ, потому что самъ онъ, по скромности, не указалъ, въ какой области и въ какой обители онъ игуменствовалъ и просто называетъ себя „игуменомъ земли русской“. По нѣкоторымъ намекамъ подлинника предполагаемъ, однакоже, что онъ былъ уроженцемъ Черниговской области. Въ началѣ своего сочиненія, Даніилъ говоритъ, что „по любви къ св. мѣстамъ, описалъ все, что видѣлъ грѣшными своими очами“, и, нимало не величаясь своимъ подвигомъ, признается, что пишетъ свое описаніе не для себя только, а и „ради вѣрныхъ людей“, которые бы, читая его книгу, могли бы думою, и мыслью, вознестись къ тѣмъ св. мѣстамъ и такимъ образомъ „получить равную мзду съ ходившими къ нимъ“. Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ начинается изложеніе „хожденій“, въ которыхъ личность автора и его личныя впечатлѣнія совершенно оказываются устраненными, а на первый планъ, какъ и слѣдовало ожидать, выдвинуто подробнѣйшее описаніе святынь, къ которымъ игуменъ Даніилъ подходитъ съ глу-

[1]) Паломниками назывались странники въ Св. Землю, потому что они приносили съ собою оттуда вѣтви *паломъ* (т.-е. пальмъ), съ которыми обычно стояли потомъ у заутрени въ Вербное воскресеніе.

бокимъ благоговѣніемъ и радостнымъ чувствомъ истиннаго христіанина. Планъ его описанія очень немногосложенъ и простъ, а изложеніе ясно и не запутано никакими эпизодическими подробностями и уклоненіями. Сначала онъ разсказываетъ путь къ Царьграду, потомъ отъ Царьграда до Іерусалима, причемъ перечисляетъ всѣ достопримѣчательности Іерусалима; покончивъ съ этимъ „дивнымъ градомъ“, онъ описываетъ свое путешествіе къ р. Іордану, къ Іерихону, Виѳлеему и горѣ Ѳаворской. Съ совершенно искреннимъ чувствомъ игуменъ Даніилъ восклицаетъ:

Содержаніе „Хожденія“

„Великая радость бываетъ всякому христіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ; и никто не можетъ не прослезиться, видя землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ-Богъ походилъ ради нашего спасенія“...

Съ особенною любовью и тщаніемъ описываетъ благочестивый авторъ церковь Воскресенія Христова и Гробъ Господень. „Съ любовью и слезами—такъ пишетъ онъ: — облобызалъ я то святое и честное мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, и съ радостью великою вышелъ изъ гроба“.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ великою простотою душевною, игуменъ Даніилъ разсказываетъ намъ, какъ въ праздникъ „водокрещенія“, въ самую полночь, Духъ Святой сходилъ на воды іорданскія, къ которымъ въ это время собирались „тысячи народа“. Это схожденіе Св. Духа, по разсказу Даніила, бываетъ видимо только для „достойныхъ людей“, а не для всего народа; но все же у всѣхъ на душѣ бываетъ радостно и весело. Такъ же подробно и съ такою же теплою вѣрою разсказываетъ Даніилъ „О схожденіи свѣта съ небеси, ко Гробу Господню“ въ великую заутреню. Опровергая сказанія другихъ странниковъ, утверждающихъ, будто свѣтъ сходитъ къ Св. Гробу въ видѣ голубя и въ видѣ молніи, Даніилъ говоритъ: „ничего того не видно: ни голубя, ни молніи, но невидимо сходитъ съ неба благодать Божія, и зажигаются лампады надъ Гробомъ Господнимъ“.

Подобно всѣмъ другимъ путешественникамъ западнымъ, и игуменъ Даніилъ повторяетъ много совершенно баснословныхъ разсказовъ о Палестинѣ. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ о чрезмѣрной „сладости водъ іорданскихъ“, о какой-то чудной рыбѣ, „которую любилъ самъ Христосъ“, и которая водится въ морѣ Тиверіадскомъ, о ладанѣ-темьянѣ, будто бы „падающемъ съ неба на деревья, на островѣ Кипрѣ, какъ роса, въ іюнѣ и августѣ“. Даніилъ приводитъ также и многія апокрифическія сказанія, сложившіяся въ Палестинѣ, напр. о Голгоѳѣ, объ Елеонской горѣ, о томъ, что антихристъ долженъ родиться именно въ Капернаумѣ, о той пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхиседекъ и будто бы

„началъ служить литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокамн" и т. д. [1]).

Настроеніе палочника.

Передавая всѣ эти подробности подъ вліяніемъ того исключительнаго религіознаго настроенія, которое, конечно, было преобладающимъ въ каждомъ паломничествѣ, Даніилъ, въ то же время, не обращаетъ никакого вниманія на любопытнѣйшую эпоху и историческія личности, которыхъ видитъ вокругъ себя. Не слѣдуетъ забывать, что онъ посѣтилъ Іерусалимъ въ то время, когда крестоносцы овладѣли всей Палестиной и основали въ ней Іерусалимское королевство; что онъ даже вступалъ въ личныя сношенія съ королемъ Балдуиномъ, который принялъ его дружелюбно и позволилъ „поставить кандило (лампаду) отъ русской земли на Св. Гробъ". Ни о самомъ королѣ, ни о впечатлѣніи свиданія съ нимъ, ни о той блестящей свитѣ рыцарей и паладиновъ, которая его окружала, Даніилъ не проговаривается ни единымъ словомъ. Зато во всемъ его сочиненіи громко высказывается, ничѣмъ не заглушаемое, чувство любви и горячей привязанности къ родинѣ, къ Русской землѣ. Онъ нигдѣ не забывалъ ее, и вездѣ, на всемъ дальнемъ пути своемъ, служилъ обѣдни, поминая за службою „имена князей русскихъ, и княгинь ихъ и дѣтей, и монаховъ, и игуменовъ, и бояръ, и дѣтей своихъ духовныхъ"... „И за то благодарю Бога—продолжетъ Даніилъ:—что Онъ сподобилъ меня, худого, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ Св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на службѣ"... Съ особеннымъ чувствомъ разсказываетъ Даніилъ о томъ, какъ онъ въ Великую пятницу ходилъ помолиться Гробу Господню и поставилъ на немъ лампаду съ елеемъ „отъ всей Русской земли..." „Въ головахъ стояла лампада греческая, на персяхъ Св. Гроба Господня лампада отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ—русская лампада, которую поставилъ я, грѣшный".

Есть основаніе думать, что „Хожденіе игумена Даніила" очень понравилось его современникамъ и пріобрѣло большой кругъ читателей, потому что этотъ памятникъ нашей литературы XII вѣка дошелъ до насъ во множествѣ списковъ. „Хожденіе" читали, изучали, распространяли весьма охотно: оно явилось образцомъ, которому позднѣйшіе паломники (XV и XVI в.) стали подражать и въ планѣ, и въ расположеніи частей, и даже въ пріемахъ изложенія при своихъ описаніяхъ Св. Земли.

---

[1]) Въ этомъ противоположеніи слышится отголосокъ того полемическаго отношенія къ латинству, которымъ были проникнуты всѣ древнѣйшіе памятники нашей литературы. Отраженіемъ того же направленія являются и слѣдующія замѣтки Даніила о лампадахъ надъ Гробомъ Господнимъ. «Благодатію Божіею тѣ три лампады (греческая, всѣхъ монастырей и русская) внизу зажглись, а лампады фряжскія (т.-е. поставленныя латинянами), которыя повѣшены вверху, не зажглись ни одна (отъ схожденія св. свѣта въ Великую заутреню)».

Гораздо менѣе интереса представляетъ другое путешествіе, совершенное въ концѣ XII вѣка въ Царьградъ — новгородскимъ архіепископомъ *Антоніемъ*. Оно все посвящено мелочному описанію святыхъ мощей и различныхъ диковинокъ, которыми переполнены были ризницы Св. Софіи и другихъ храмовъ и обителей Византіи. Антоній заполняетъ страницы своего путешествія перечисленіемъ того, что ему показываютъ греки-священники и монахи, и наивно сообщаетъ легенды, связанныя съ такими реликвіями, какъ „Самуиловъ рогъ“ или „палица Моисеева“, или „сучецъ отъ лозы Ноевой, юже насади по потопѣ“. Описанія Царьграда, составленныя архіепископомъ Антоніемъ, имѣютъ только историческій интересъ, а никакъ не литературный: оно важно тѣмъ, что писано за четыре года до взятія и разграбленія Царьграда крестоносцами, и, благодаря этому обстоятельству, Антоній могъ видѣть въ столицѣ Византійской Имперіи многое такое, чего уже не видѣли позднѣйшіе путешественники. Путешествіе Антонія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые опыты свѣтской литературы. — Вліяніе, оказанное «Пчелами» и «Изборниками». — Поученіе Владиміра Мономаха. — Литературное значеніе этого памятника. — Моленіе Даніила Заточника.

Всѣ доселѣ упомянутые нами памятники были произведеніями авторовъ, принадлежавшихъ къ духовному сословію. Но факты, свидѣтельствующіе о быстромъ распространеніи образованности въ княжеской средѣ и въ высшемъ слоѣ общества, собранные нами въ предыдущей главѣ, даютъ намъ полную возможность предполагать, что рядомъ съ литературою духовною должна была, весьма естественно, развиться и литература свѣтская. Миряне—князья и бояре—читали и переписывали книги, проникались ихъ духомъ и убѣжденіями, странствовали въ Святую Землю и Царьградъ, выносили оттуда живыя и яркія впечатлѣнія, письменно сносились другъ съ другомъ, съѣзжались на съѣзды, на родственные пиры и празднества, участвовали въ общихъ предпріятіяхъ, жили жизнью шумною, дѣятельною, а подчасъ полною тревогъ и опасностей, и постоянно богатою впечатлѣніями, волненіями, заботами—этою основою всякаго литературнаго и поэтическаго настроенія... Судя по нѣкоторымъ даннымъ, по нѣкоторымъ скуднымъ указаніямъ и упоминаніямъ, по небольшимъ осколкамъ, уцѣлѣвшимъ отъ періода XII вѣка — свѣтская литература начинала уже развиваться у насъ и пріобрѣтать нѣкоторое значеніе, когда нахлынувшее на насъ изъ глубины азіатскихъ степей страшное татарское нашествіе притоптало и уничтожило зарождающуюся литературу и образованность въ самомъ ея расцвѣтѣ и насиль- Свѣтская литература.

ственно направило русскую культуру по единственному пути духовнаго просвѣщенія.

Немногіе памятники свѣтской литературы, уцѣлѣвшіе до нашего времени отъ XII вѣка — немногіе, но, конечно, не единственные — весьма замѣчательны по своимъ литературнымъ достоинствамъ и даютъ намъ право думать, что русское общество XII вѣка, въ высшемъ слоѣ своемъ, стояло, по развитію и образованности, едва ли ниже западно-европейскаго рыцарства. Эти немногіе памятники — «*Поученіе Владиміра Мономаха*», «*Слово о полку Игоревѣ*» и «*Слово Даніила Заточника*» — исходятъ всѣ изъ среды княжеской или близкой къ князю, и даютъ намъ довольно полное и достаточно ясное представленіе о тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ интересахъ, которые въ этой средѣ преобладали въ данную эпоху.

Поученіе Мономаха.

„Поученіе Владиміра Мономаха" является въ древне-русской литературѣ подобіемъ тѣхъ древнѣйшихъ „Домостроевъ", которыми изобиловали въ раннемъ періодѣ западно-европейскія литературы. Форма „Поученія отца къ сыну" или „отца къ дѣтямъ", въ которыхъ преподавались не только душеспасительныя правила жизни, но и важнѣйшія основы практической житейской мудрости — была весьма обычною и общераспространенною въ византійской и западно-европейской литературѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ „Изборниковъ Святослава" 1076 г., о которыхъ мы подробно говорили выше (см. стр. 70), помѣщенъ одинъ изъ образцовъ подобнаго рода поученій, а именно „Поученіе дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры", которое могло быть извѣстно Владиміру и, можетъ-быть, подало ему мысль написать подобное же поученіе своимъ дѣтямъ. Но весь тонъ „Поученія", написаннаго Мономахомъ и весь характеръ изложенія его — вполнѣ оригинальны и съ самой лучшей стороны рисуютъ намъ привлекательную личность князя-автора, одного изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своей эпохи.

Особенно пріятно видѣть въ этомъ поученіи, что Мономахъ — человѣкъ энергичный и неутомимо-дѣятельный, и въ нравственной и въ религіозной сторонѣ своего произведенія, является не отвлеченнымъ моралистомъ, а вполнѣ убѣжденнымъ христіаниномъ, — не ограничивается однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ благочестія, а ставитъ въ обязанность каждому вѣрующему дѣла милосердія и любви. Поразительны также (даже и для настоящаго времени) понятія Мономаха объ отношеніяхъ къ ближнимъ, въ особенности къ тѣмъ, которые, по общественному положенію, стояли далеко ниже его.

Поводъ написанія Поученія.

Въ началѣ поученія Мономахъ описываетъ поводъ, по которому онъ рѣшился написать это сочиненіе въ назиданіе дѣтямъ. Едва только ему удалось уладить усобицы съ однимъ изъ князей

русскихъ, какъ на пути своемъ въ далекую [1]) Ростовскую область онъ уже былъ встрѣченъ посольствомъ отъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, которые звали его вмѣстѣ воевать противъ Ростиславичей Галицкихъ. Мономахъ отвергъ ихъ предложеніе; но эта вѣсть о предстоящихъ на Руси новыхъ раздорахъ сильно опечалила Мономаха, и онъ (какъ онъ самъ намъ разсказываетъ) въ грустномъ настроеніи развернулъ Псалтирь и попалъ на слѣдующее мѣсто: „вскую печалуешься душе? вскую смущаеши мя?“ Утѣшенный псалмопѣвцемъ, Мономахъ тутъ же рѣшился написать

Образецъ рукописной миніатюры (изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ). Угощеніе митрополита и его клира княземъ.

поученіе дѣтямъ своимъ, дабы оградить ихъ отъ возможности совращенія съ пути истиннаго и отдалить отъ тѣхъ усобицъ и раздоровъ, которые терзали Русскую землю.

Нравственныя наставленія.

„Дьяволъ, врагъ нашъ, — такъ пишетъ Владиміръ Мономахъ въ началѣ своего поученія, — побѣждается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Ради Бога, дѣти мои, не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжки: это не то, что отшельничество, или иночество, или голодъ,

[1]) «На далеча пути, на саняхъ сѣдя»—такъ и начинаетъ Мономахъ свое «Поученіе». Любопытно, что тутъ же онъ упоминаетъ о Псалтири, которая, слѣдовательно, захвачена были имъ въ дорогу, и съ которою онъ, очевидно, не разставался и въ путешествіяхъ.

какъ терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди... Послушайте же меня и если не все примете, то хоть половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась въ постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь: этими ночными поклонами и пѣніемъ побѣждается дьяволъ и мы получаемъ прощеніе дневныхъ грѣховъ своихъ. Даже и на конѣ сидя, если ни съ кѣмъ не разговариваете, то, чѣмъ думать безсмыслицу, лучше повторяйте постоянно въ умѣ: „Господи помилуй!"—если ужъ другихъ молитвъ не знаете... Эта молитва лучше всѣхъ. Главнѣе же всего не забывайте убогихъ и по силѣ, какъ можете, кормите ихъ; больше другихъ подавайте сиротѣ и сами оправляйте вдовъ, не позволяя сильнымъ губить человѣка. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте, и другимъ не приказывайте убить. Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили—доброе или злое—не клянитесь Богомъ и крестомъ. Нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Когда же придется вамъ цѣловать крестъ къ братьѣ или къ кому-либо другому, то цѣлуйте подумавши, можете-ли сдержать клятву, и поцѣловавши, остерегайтесь, чтобы не погубить души своей, преступивъ крестное цѣлованіе. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и надѣляйте ихъ: пусть молятся за насъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, но скажемъ такъ: всѣ мы смертны — нынѣ живы, а завтра во гробѣ... Старыхъ чти, какъ отца; молодыхъ, какъ братьевъ.

Практическая мораль Поученія.

„Въ домѣ своемъ не лѣнитесь и за всѣмъ присматривайте сами: не надѣйтесь ни на тіуна (управителя), ни на отрока (слугу), чтобы гости не посмѣялись надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь въ излишествѣ; сторожей сами наряжайте; когда же всѣмъ распорядитесь, ложитесь и сами между воиновъ, но вставайте рано: оружія же съ себя не снимайте—въ попыхахъ, не разглядѣвши ночью, человѣкъ часто погибаетъ отъ лѣности своей...

„Остерегайтесь лжи и пьянства: въ этихъ порокахъ душа и тѣло погибаетъ.

„Если вамъ случится куда пойти по своимъ дѣламъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ, ни чужихъ [1], чтобы васъ не проклинали. На дорогѣ, или гдѣ остановитесь, напойте, накормите алчущаго; особенно же чтите гостя, откуда бы

[1]) То есть, ни въ своихъ областяхъ, ни въ чужихъ, черезъ которыя прійдется проѣзжать.

онъ къ вамъ ни пришелъ —простой-ли, знатный-ли человѣкъ или *гость* [1]): если не можете его одарить чѣмъ инымъ, то угостите хорошенько: странствуя, они-то и разносятъ добрую или худую славу о человѣкѣ.

„Больного навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что всѣ мы смертны; и никого не пропустите мимо себя, не опривѣтствовавъ: всякому скажите доброе слово.

„Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти.

Образецъ рукописной миніатюры (изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ). Перевезеніе мощей св. Глѣба.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; вотъ такъ-то и отецъ мой, дома сидя, разумѣлъ пять языковъ—въ томъ и честь ему была отъ другихъ земель.

„Прежде всего, не лѣнитесь по отношенію къ церкви; солнце не должно застать васъ на постели. Такъ дѣлалъ блаженной памяти отецъ мой и всѣ добрые люди: за утреней воздавалъ хвалу Богу... затѣмъ слѣдуетъ сѣсть думать (то-есть совѣщаться) съ

[1]) Здѣсь, подъ именемъ *гостя*, слѣдуетъ разумѣть заѣзжаго, странствующаго купца.

дружиною, или людей разбирать судомъ, или на ловъ (на охоту) отправиться, или по другому дѣлу ѣхать, или лечь спать: спанье въ полдень указано отъ Бога—ибо искони почиваетъ въ это время и звѣрь, и птица, и человѣкъ".

За этимъ слѣдуетъ въ „Поученіи" подробное исчисленіе всѣхъ походовъ, въ какихъ Владиміръ Мономахъ принималъ участіе, и всѣхъ опасностей, какимъ онъ подвергался на войнѣ и на охотѣ въ теченіе 13 лѣтъ, и отсюда прямой переходъ къ заключенію.

Воспоминанія о пережитомъ.

„И Богъ сохранилъ меня невредимаго, хотя я и съ коня много разъ падалъ, и голову себѣ разбилъ дважды, и руки и ноги не разъ повреждалъ себѣ, не щадя ни головы своей, ни жизни. И то, что слѣдовало бы сдѣлать отроку моему (т. е. слугѣ), то дѣлалъ я самъ и на войнѣ, и во время лововъ, ночью и днемъ, на зноѣ и холоду, не давая себѣ покоя... Дѣлалъ самъ все необходимое, соблюдая порядокъ и въ дому своемъ, и ловчими завѣдывая самъ, и конюхами, и о соколахъ, и о ястребахъ прилагая заботу. Въ то же время и простого человѣка, и убогую вдовицу не давалъ въ обиду сильнымъ, и за церковнымъ порядкомъ и службами успѣвалъ присматривать самъ... Не подумайте, дѣти мои, или другой кто, читая это, чтобы я хвалилъ себя или выставлялъ смѣлость свою: я только восхваляю Бога и прославляю Его милость за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, въ теченіе столькихъ лѣтъ уберегъ отъ смерти и сотворилъ меня не лѣнивымъ и годнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Желаю только того, чтобы, прочитавъ эту грамотку, и вы бы устремились на всѣ добрыя дѣла... Не бойтесь, дѣти, смерти ни на войнѣ, ни отъ звѣря: но, съ помощію Божіею, смѣло дѣлайте свое дѣло, какъ надлежитъ мужамъ... Коли не будетъ на то воли Божіей, то, подобно мнѣ, никто изъ васъ не можетъ погибнуть ни отъ воды, ни на войнѣ, ни отъ звѣря, а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не въ силахъ будутъ васъ отъ нея избавить".

Оставляя въ сторонѣ важное историческое и бытовое значеніе этого памятника, не касаясь вопроса о весьма значительной и разносторонней начитанности Мономаха, которая выразилась множествомъ вписанныхъ въ „Поученіе" (и опущенныхъ нами) цитатъ изъ Св. Писанія и отцовъ Церкви—мы не можемъ не обратить вниманія на литературное значеніе этого важнаго памятника. Вчитываясь въ него, мы живо представляемъ себѣ весь нравственный кругозоръ одного изъ выдающихся представителей русскаго общества въ началѣ XII вѣка, знакомимся съ его убѣжденіями, воззрѣніями на жизнь, на самое назначеніе человѣка, какъ мужа, какъ воина, какъ властелина, какъ супруга, и какъ

общественнаго дѣятеля. И тотъ образъ князя-хозяина и рачителя, усерднаго и добросовѣстнаго блюстителя своихъ и чужихъ интересовъ, который возникаетъ передъ нами, оказывается чрезвычайно привлекательнымъ, почти идеальнымъ... Невольно радуешься тому, что такія свѣтлыя и гуманныя личности, яркими, лучезарными звѣздами блестятъ на мрачномъ фонѣ русскаго удѣльнаго періода, полнаго насилій, напрасно пролитой крови и безсмысленныхъ усобицъ...

Выше упоминали мы о томъ, что во внѣшней формѣ, а, можетъ-быть, и въ основной идеѣ „Поученія Мономахова“ можно предполагать отчасти вліяніе тѣхъ „Поученій отъ отца къ сыну“, которыя уже очень рано входятъ въ составъ нашихъ „Изборниковъ“. Предположеніе это тѣмъ болѣе представляется нынѣ вѣроятнымъ, что отъ того же XII вѣка дошелъ до насъ другой памятникъ, прямо явившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Пчелъ“, которыя предлагали каждому готовый матеріалъ нравственныхъ сентенцій, пословицъ, притчей и выписокъ, примѣнимыхъ ко всякаго рода соображеніямъ и обстоятельствамъ. Этотъ памятникъ—*Слово Даніила Заточника* [1]), представляющее собою довольно курьезную компиляцію, сопоставленную изъ всякаго рода выписокъ и заимствованій (преимущественно изъ „Притчей Соломоновыхъ“ и „Премудрости Іисуса сына Сирахова“), изъ русскихъ пословицъ, изъ темныхъ и не вполнѣ понятныхъ намъ намековъ на современныя историческія условія жизни и на частныя обстоятельства жизни самого автора. Изъ содержанія этого „Слова“ узнаемъ только, что какой-то Даніилъ,—человѣкъ, повидимому не старый, неизвѣстно какого происхожденія и званія, стоявшій сначала въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ современныхъ князей, прогнѣвилъ князя и былъ, по его повелѣнію, заточенъ гдѣ-то на озерѣ Лаче (въ нынѣшней Олонецкой губерніи). Нигдѣ авторъ „Слова“ не проговаривается, за какую именно вину онъ попалъ въ немилость и заточеніе; однакоже, по рѣзкимъ выходкамъ его противъ женщинъ и приближенныхъ къ князю думцевъ, можно предположить, что Даніилъ приписывалъ свое несчастіе именно наговорамъ думцевъ княжескихъ и кознямъ женщинъ. Не вдаваясь въ рѣшеніе вопроса о томъ, къ какому именно князю написано было моленіе несчастнаго заточника, потому что рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ никакого значенія для нашей задачи, — перейдемъ прямо къ самому памятнику и заимствуемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, которые ознакомятъ читателя съ его нѣсколько безсвязнымъ содержаніемъ и съ весьма запутаннымъ способомъ изложенія, какъ бы

Вліяніе „Пчелъ“.

Слова Даніила Заточника.

[1]) *Заточникъ*—заключенный, заточенный, посаженный въ заключеніе.

нарочно усвоеннымъ для того, чтобы затуманить основную мысль всего сочиненія.

Во всемъ „Словѣ Даніила Заточника" нѣтъ даже и тѣни какого-нибудь плана. Вслѣдъ за витіеватымъ и кудрявымъ вступленіемъ, Даніилъ обращается къ князю съ мольбою о томъ, чтобы онъ смиловался надъ его бѣдственнымъ положеніемъ, и по этому поводу вдается въ рядъ сравненій между щедрымъ и скупымъ княземъ, между мудрымъ и безумнымъ мужемъ, между разумными и неразумными совѣтниками, между доброю и злою женою. И между всѣми этими сравненіями не видимъ никакой внутренней, живой связи, никакой послѣдовательности въ чередованіи ихъ, никакой мѣры въ нагроможденіи этихъ отдѣльныхъ мыслей, разсужденій, уподобленій... Эта вычурная витіеватость въ изложеніи мыслей придаетъ „Слову" Заточника характеръ совершенно противоположный „Поученію Мономаха", гдѣ все такъ просто, такъ спокойно и серьезно изложено, гдѣ логика доступна каждому, и впечатлѣніе отъ всего произведенія получается цѣльное, полное... Здѣсь, напротивъ того, мы видимъ передъ собою какое-то лирическое, нѣсколько напыщенное, причитаніе, въ которомъ авторъ самъ не можетъ совладать съ накопившимся у него въ головѣ матерьяломъ и накипѣвшимъ на сердцѣ запасомъ чувствъ, образовъ, впечатлѣній, укоровъ и жалкихъ словъ,—и все это пускаетъ въ обращеніе разомъ, не связывая и не приводя въ порядокъ...

Общій характеръ памятника.

„Вострубимъ, братіе, какъ бы въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бить въ серебряные органы, возвѣемъ мудрости свои!" — такъ начинаетъ свое „Слово" Даніилъ Заточникъ.—„Не воззри на меня, княже господине,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ князю, — какъ волкъ на ягненка: воззри на меня, господине, какъ мать на младенца. Взгляни, господине, на птицъ небесныхъ, которыя ни орутъ, ни сѣютъ, и въ житницы не собираютъ, а надѣются на милость Божію: такъ точно и мы, князь-господинъ, желаемъ твоей милости, потому, господине мой, что кому—богатство, а мнѣ—горе лютое: кому — Лачъ-озеро, а мнѣ, сидящему при немъ, плачъ горькій; кому Новгородъ, а у меня (у избы) углы опали. Потому-то и взываю къ тебѣ, князь-господинъ, одолѣваемый нищетою: помилуй меня, не дай мнѣ всплакать, какъ Адаму въ раю. Избавь меня отъ этой нищеты, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ западни, какъ утку отъ когтей носящагося (надъ ней) ястреба, какъ овцу отъ пасти львиной. Я, князь-господинъ, словно дерево придорожное: многіе порубаютъ его и мечутъ въ огонь: такъ точно и меня всѣ обижаютъ, потому что я огражденъ грозою твоего гнѣва. Въ печали человѣка утѣшить—не то же-ли, что жаждущаго въ знойный день

напоить студеной водою? И птица вѣдь радуется веснѣ, какъ и младенецъ матери; такъ и я, князь, радуюсь твоей милости; ибо, какъ весна украшаетъ землю цвѣтами, такъ и ты, князь-господинъ, оживляешь всѣхъ своею милостью — и сирыхъ и вдовъ, угнетаемыхъ вельможами. Но, въ то время, когда ты будешь наслаждаться многими кушаньями, то вспомни, что я ѣмъ одинъ сухой хлѣбъ; а когда станешь пить сладкое питье, то вспомни, что я принужденъ пить одну теплую воду, засоренную отъ вѣтра. Когда же ляжешь на мягкія перины, подъ соболье одѣяло, то вспомни, что я здѣсь лежу подъ однимъ платномъ, и умираю отъ стужи, и что дождевыя капли, словно стрѣлы, пронизываютъ меня холодомъ до самаго сердца. Князь щедрый,—какъ рѣка съ пологими берегами, текущая сквозь дубровы и напоющая не только людей, но и скотъ, и всѣхъ звѣрей; а князь скупой не то же-ли, что рѣка, текущая между высокими каменистыми берегами: нельзя никому ни пить, ни коня напоить".

Заключеніе Слова Заточника.

Затѣмъ Даніилъ открыто высказываетъ свое неудовольствіе противъ тіуновъ и слугъ княжескихъ, отъ столкновенія съ которыми трудно бываетъ уберечься; и вдругъ переходитъ къ сравненію умнаго человѣка съ неразумнымъ. При этомъ онъ очень ловко пытается выгородить князя отъ всякой отвѣтственности за нѣкоторые его поступки, и сваливаетъ эту отвѣтственность на приближенныхъ князя и на злыхъ женъ. „Не море топитъ корабли, — говоритъ онъ, — но вѣтры; и не огонь распаляетъ желѣзо, а вздыманіе мѣховъ; такъ же точно и князь не самъ впадаетъ въ многія дурныя дѣла, а думцы его на нихъ наводятъ. Вѣдь съ добрымъ-то думцею князь додумается до высокаго престола, а со злымъ думцею можетъ и малаго престола лишиться".

За этими намеками слѣдуетъ (до конца „Слова") яростная выходка противъ злыхъ женъ, на которыхъ безпощадно обрушается Даніилъ Заточникъ, отчасти изливая накипѣвшее у него въ сердцѣ чувство негодованія, отчасти повторяя общія мѣста византійскихъ писателей, которые относятся къ женщинѣ съ большимъ озлобленіемъ и нескончаемыми порицаніями, выставляя ее на общій позоръ и осмѣяніе, какъ образецъ всевозможныхъ пороковъ, недостатковъ и неразумія [1]).

Не знаемъ, достигъ-ли Даніилъ Заточникъ своей цѣли: умилостивилъ-ли князя, къ которому обращался со своими мольбами? Но знаемъ, что его произведеніе обратило на себя вниманіе современниковъ, которые не только переписывали его и вносили въ

---

[1]) Статьи «о злыхъ женахъ», исходившія, вѣроятно, изъ того аскетическаго направленія, которое было такъ сильно распространено въ византійской литературѣ, уже очень рано были перенесены и на русскую почву. Уже въ одномъ изъ Изборниковъ Святослава (1073 г.) находимъ статью «о злыхъ женахъ».

разные сборники, не только перечитывали и изучали, но даже и подражали ему, подъ различными наименованіями, въ послѣдующія столѣтія, примѣняя содержаніе „Слова“ къ инымъ лицамъ, инымъ событіямъ и иной эпохѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Князь и дружина. — Пѣвцы княжескіе. — Борьба съ иноплеменниками. — Слово о полку Игоревѣ, какъ прославленіе княжескихъ подвиговъ. — Поэтическія достоинства памятника и его исторіи.

Дружина.

Около князя жила и собиралась его дружина—бояре и мужи княжескіе. Близкая къ князю, по развитію и образованности, тѣсно связанная съ нимъ служебными и взаимно-обязательными отношеніями, дружина, въ тотъ удѣльно-вѣчевой періодъ пользовалась завиднымъ положеніемъ матеріальнымъ и большою свободою дѣйствій. Дружинѣ живется привольно и весело при князьяхъ, которые ее кормятъ и одѣваютъ, дѣлятъ съ нею власть и казну свою, добычу и славу воинскую. „Князь, среди дружины,—такъ говоритъ историкъ Соловьевъ, — старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, и дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не щадитъ для дружины:—ни ѣды, ни питья; ничего не копитъ себѣ — все дѣлитъ съ нею. А не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь или завелъ любимца—дружинники покидаютъ его... Имъ легко это сдѣлать: они не связаны съ областью, гдѣ правитъ покинутый ими князь: они—русскіе, а Русская земля велика и князей въ ней много: каждый изъ нихъ съ радостью приметъ добраго воина“.

Воинъ нуженъ каждому князю въ это тревожное время, когда кругомъ кипитъ междоусобная борьба, ежечасно готовая вспыхнуть и натворить всякихъ бѣдъ — когда ежедневно можно ждать тревожныхъ вѣстей отъ степныхъ сторожей о томъ, что дикіе кочевники готовятся къ набѣгу на русскія области и уже двинули свои гибельныя полчища къ нашимъ предѣламъ.

Кочевники.

Начиная со второй половины XI вѣка, въ степяхъ нашихъ, на мѣсто прежнихъ печенѣговъ и торковъ, являются страшные половцы, и въ теченіе двухъ вѣковъ тяготѣютъ надъ приднѣпровскою Русью, какъ темная грозовая туча, ежечасно готовая разразиться громами и ливнями, гибелью и опустошеніемъ. Лѣтописи наши переполнены описаніями половецкихъ набѣговъ, и страницы ихъ дышатъ еще тѣмъ ужасомъ, который внушали эти кочевники, стремительно налетавшіе на беззащитные города и села, чтобы все ограбить и разорить, захватить громадный полонъ и предать огню и мечу все, чего нельзя было увезти съ собою.

Страшное бѣдствіе соединяетъ, сплочиваетъ разрозненныя силы безпокойныхъ князей, враждующихъ между собою... Начинается рядъ походовъ „всею землею", противъ общаго врага: половцевъ смиряютъ, оттѣсняютъ отъ русскихъ предѣловъ. Обаяніе страха, вызваннаго первыми столкновеніями съ ихъ темною силою, мало-по-малу разсѣевается. Въ XII вѣкѣ походы противъ половцевъ являются уже вполнѣ народными движеніями, которыми въ одинаковой степени руководитъ стремленіе къ борьбѣ противъ общаго врага и жажда славы, молодечество, удаль. Оба эти стремленія ясно выражаются даже и въ лѣтописныхъ разсказахъ о походахъ князей на половцевъ—и есть основаніе предположить, что каждый изъ подобныхъ походовъ, яркою чертою врѣзываясь въ память близкой къ князю дружины, дѣлившей съ нимъ труды и опасности, вызывалъ разсказы о подвигахъ отдѣльныхъ лицъ, воодушевлялъ княжескихъ пѣвцовъ къ прославленію князей, „утершихъ потъ" и пролившихъ кровь за Русскую землю, и побуждалъ ихъ слагать пѣсни въ честь и хвалу князя и дружины.

Общіе походы противъ нихъ.

Современные памятники несомнѣнно удостовѣряютъ насъ въ томъ, что такіе *княжескіе пѣвцы* входили въ составъ княжеской дружины, а можетъ быть являлись при дворѣ князей и изъ среды народа, такъ какъ лѣтописи сообщаютъ намъ о любопытномъ обычаѣ народномъ:—встрѣчать восторженными, прославительными пѣснями князей, возвращающихся изъ похода противъ иноплеменниковъ съ отбитымъ у нихъ русскимъ полономъ.

Прославленіе княжескихъ подвиговъ.

Одна изъ такихъ пѣсенъ, несомнѣнно сложенная въ XII вѣкѣ княжескимъ пѣвцомъ, уцѣлѣла до нашего времени, какъ живой отголосокъ старины, какъ единственное въ своемъ родѣ отраженіе той пестрой, привольной и разнообразной дѣйствительности, среди которой жили наши предки въ періодъ, предшествовавшій мрачной эпохѣ татарщины. Эта пѣснь—„Слово о полку Игоревѣ" (т.-е. о походѣ Игоря), сложенная въ память о походѣ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря противъ половцевъ, въ 1185 г. Во время этого небольшого и притомъ несчастливо-окончившагося похода, русскіе были окружены и понесли полное пораженіе; князья и дружины ихъ попались въ плѣнъ, и долго въ немъ оставались. И этотъ небольшой, неудачный походъ былъ воспѣтъ княжескимъ пѣвцомъ, какъ важный подвигъ ратный, можетъ-быть потому, что смѣлый походъ Игоря полюбился ему по своей замѣчательной удали и молодечеству; а можетъ-быть и потому, что его привлекала личность князя, который выступалъ на похвальное и достославное дѣло борьбы съ „погаными" въ то время, когда другіе напрасно тратили силы на братоубійственную вражду и усобицы.

Слово о полку Игоревѣ.

Лѣтописи наши сохранили намъ довольно подробныя свѣдѣ-

нія о походѣ князя Игоря, къ которому тоже относятся весьма сочувственно, съ большой похвалой отзываясь и о князѣ, и о его отважномъ подвигѣ. Изложеніе событія, по общему тону, характеру и подробностямъ очень близко, почти тождественно и въ лѣтописяхъ, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Видно, что эта торжественная пѣснь сложена современникомъ, близко-знакомымъ со всѣми частностями описываемаго похода, съ современными условіями древне-русской жизни и со всѣми важнѣйшими представителями современной княжеской среды. На эту тѣсную связь съ современностью отчасти указываетъ самъ авторъ „Слова" въ своемъ вступленіи, заявляя, что онъ намѣренъ воспѣть походъ князя Игоря *по былинамъ сего времени*, а не по *замышленію Боянову*—т. е. по дѣйствительнымъ фактамъ, по тому, что дѣйствительно было, а не по вымыслу *пѣвца Бояна*, о которомъ онъ говоритъ съ почтительнымъ преклоненіемъ передъ его талантомъ, какъ пѣвца вдохновеннаго. „Боянъ-то вѣщій,—такъ вспоминаетъ объ этомъ пѣвцѣ авторъ „Слова"—когда хотѣлъ кого-нибудь воспѣть въ пѣснѣ, то растекался мыслью вширь и вдаль, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ взлеталъ подъ облака. Вѣщіе персты свои онъ возлагалъ на оживленныя имъ струны, и онѣ тотчасъ сами собой рокотали славу князьямъ". При этихъ воспоминаніяхъ о Боянѣ, авторъ „Слова" перечисляетъ намъ и тѣхъ князей, которыхъ онъ воспѣвалъ, и тѣмъ самымъ даетъ намъ прочную историческую основу этому неизвѣстному намъ русскому поэту, который (судя по князьямъ) жилъ, вѣроятно, въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка.

Пѣвецъ Боянъ.

Отъ воспоминаній о Боянѣ и о старыхъ временахъ, авторъ „Слова о полку Игоревѣ" переходитъ къ дѣйствительности и заявляетъ о своемъ намѣреніи воспѣть „нынѣшняго Игоря", который, „исполнившись ратнаго духа, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую". Затѣмъ начинается „трудная (т. е. скорбная) повѣсть" о подвигахъ Игоря, которую изслѣдователи этого памятника довольно удачно подраздѣляютъ на три части.

Содержаніе Слова о полку Игоревѣ.

Въ первой части заключается главное ядро всей повѣсти о походѣ Игоря, въ которой историческая истина—событіе и дѣйствительность—хитро и изящно переплетены съ поэтическими прикрасами, съ яркими картинами природы, которую пѣвецъ изображаетъ полною вѣщихъ голосовъ и знаменій и глубоко сочувствующею его излюбленному герою. Игорь выступаетъ въ походъ, хотя въ затменіи солнца, покрывающемъ путь его тьмою, провидитъ указаніе на несчастливый исходъ своего предпріятія. Но онъ не падаетъ духомъ, ободряетъ своихъ воиновъ и говоритъ имъ: „хочу либо голову сложить, либо испить шеломомъ изъ

Дона". Въ Путивлѣ встрѣчается онъ съ братомъ своимъ Всеволодомъ, который, выражая ему пріязнь, хвалитъ своихъ воиновъ-курянъ. „Они опытные воины;- говоритъ Всеволодъ, подъ военными трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены... Имъ всѣ пути вѣдомы, всѣ овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами они скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, — ищутъ себѣ чести, а князю своему славы". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе битвъ, сначала удачныхъ, потомъ несчастливыхъ для русскаго оружія... „Половцы идутъ и отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ полки русскіе". Всѣ князья бьются храбро, но храбрѣе всѣхъ— Всеволодъ, котораго пѣвецъ сравниваетъ съ разъяреннымъ туромъ: „гдѣ яръ-туръ проскакалъ (восклицаетъ пѣвецъ), золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамъ рядами лежатъ половецкія головы". Но половцы одолѣваютъ мужество подавляющимъ множествомъ... „Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до развѣта летаютъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя..." „Черна земля подъ копытами коней,—она посѣяна костями и полита кровью:- печалью долженъ взойти этотъ посѣвъ на Русской землѣ!" И затѣмъ, переходя отъ описанія битвы къ воспоминанію о княжескихъ усобицахъ, пѣвецъ горько жалуется на то, что „въ князьяхъ не стало единомыслія на поганыхъ". „Они сами на себя куютъ крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ на Русскую землю".

Вторая часть „Слова о полку Игоревѣ" начинается съ описанія вѣщаго сна, который видитъ князь Святославъ Кіевскій. Сонъ не сулитъ ничего добраго;—и точно: ближніе бояре великаго князя сообщаютъ ему печальную вѣсть о неудачѣ, постигнувшей его сыновей, о гибели ихъ войска и дружины, о ихъ собственномъ плѣненіи. Старый князь Святославъ оплакиваетъ своихъ сыновей и, въ горячемъ порывѣ обращаясь мысленно ко всѣмъ современнымъ русскимъ князьямъ, молитъ ихъ „вступиться за обиду сего времени, за землю Русскую, за рать Игореву". Одновременно и супруга Игорева, Ярославна, сердцемъ чуя невзгоду, бродитъ одинокая по стѣнамъ города Путивля, смотритъ въ даль степную, непроглядную, и горько сокрушается о своемъ миломъ супругѣ. Этотъ „плачъ Ярославны"—одно изъ самыхъ поэтическихъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ"—превосходно переданъ въ переложеніи нашего поэта А. Н. Майкова:

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,

Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...»
Тамъ она въ Путивлѣ, раннимъ-рано,
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! Что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ.
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь-вѣешь—развѣваешь
На ковыль-траву мое веселье...»
Тамъ она въ Путивлѣ, раннимъ-рано,
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Словутичъ!
По землѣ прошелъ ты половецкой,
Пробивалъ ты каменисты горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою,
По сырымъ зорямъ на сине море!..»
Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое, тресвѣтлое ты, Солнце!
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ?
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь, гнешь не смоченные луки,
Замыкаешь кожаныя тулы...»

Въ третьей, самой краткой части „Слова“ описывается возвращеніе Игоря изъ плѣна половецкаго. Пѣвецъ, проникнутый радостнымъ чувствомъ, при описаніи этого счастливаго исхода, набрасываетъ поэтическую картину общаго веселья, общаго сочувствія къ Игорю, и со стороны людей, и со стороны самой природы: „страны радуются, города веселятся и прославляютъ пѣснями князей, сначала старыхъ, а потомъ и молодыхъ“. Но этого мало: вся природа оберегаетъ Игоря отъ всякихъ бѣдъ и опасностей и благопріятствуетъ его бѣгству изъ плѣна: „черняди и гоголи охраняютъ князя, когда онъ плыветъ рѣкою; дятлы стукомъ своимъ ему къ водѣ путь указываютъ, соловьи пробуждаютъ его ранымъ-рано на разсвѣтѣ“... Вотъ, наконецъ, онъ и на Руси, уже ѣдетъ вверхъ по Днѣпру, къ Богородицѣ Пирогощей—благодарить за избавленіе отъ плѣна. „Воспоемъ же и мы пѣснь Игорю Святославичу, Буй-Туръ Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ князья и дружина, вступающіе въ борьбу за христіанъ

противъ полчищъ поганыхъ. Князьямъ — слава, а дружинѣ аминь“.—Такъ кончаетъ свою пѣснь неизвѣстный намъ высокоталантливый пѣвецъ.

Двоевѣріе пѣвца.

Одною изъ отличительныхъ сторонъ „Слова о полку Игоревѣ“, по сравненію съ другими древне-русскими литературными памятниками, является любопытная смѣсь чисто-языческихъ вѣрованій и представленій съ христіанскими воззрѣніями. *Богъ указываетъ* Игорю путь изъ земли половецкой на Русь; приводится припѣвъ Бояна: „ни хитру, ни горазду суда Божія не минуть“; половцы называются *погаными* въ отличіе отъ *православныхъ*. И, рядомъ съ этими выраженіями, авторъ „Слова“ называетъ Бояна „*Велесовымъ внукомъ*“; вѣтры — *Стрибожьими внуками*; русскій народъ — *Даждьбожьимъ внукомъ;* упоминаются и другія миѳологическія существа, въ родѣ *Хорса*, какой-то *Троянъ*, какой-то *Дивъ*, кличущій сверху дерева... Видно, что пѣвецъ-христіанинъ еще не забылъ старыхъ боговъ, еще не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ вѣрованья въ нихъ, и, при удобномъ случаѣ, давъ просторъ своей фантазіи, невольно о нихъ вспоминаетъ.

Достоинство и значеніе памятника.

Несмотря на этотъ, нѣсколько странный, двоевѣрный характеръ памятника, совершенство внѣшней и внутренней стороны „Слова“ представляется намъ поразительнымъ. Историческая основа тѣсно связана въ немъ съ поэтическою формою изложенія и притомъ такъ, что исторія не исключаетъ собою вымысла, а вымыселъ не затемняетъ исторіи. Почти правильное соотношеніе частей, послѣдовательность изложенія и даже нѣкоторая цѣльность всего памятника — даютъ намъ право предположить, что „Слово о полку Игоревѣ“ было *не* единственнымъ поэтическимъ произведеніемъ княжескихъ пѣвцовъ въ XII вѣкѣ. До этого произведенія, конечно, были еще и другія, подобныя же, и отвергать существованіе только потому, что они не дошли до насъ — невозможно. Самъ авторъ „Слова“ вспоминаетъ о Боянѣ и о его пѣсняхъ, и опредѣляетъ даже время дѣятельности этого пѣвца, перечисляя воспѣтыхъ имъ князей. А. Н. Майковъ, въ своемъ прекрасномъ предисловіи къ переводу „Слова“, говоритъ совершенно справедливо: „эта пѣсня— одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней кіевской Руси, дошедшей до насъ... Вся литература, изъ которой она только отрывокъ,— погибла; и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главной причиной ея гибели“.

Исторія памятника

Исторія этого памятника нашей древней литературы довольно любопытна. Драгоцѣнная (до сихъ поръ единственная) рукопись „Слова о полку Игоревѣ“ сохранилась до начала нынѣшняго вѣка. Она была открыта извѣстнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія екатерининскаго времени, графомъ А. И. Му-

синымъ-Пушкинымъ. Графъ отыскалъ этотъ замѣчательный памятникъ въ 1795 году, въ своей обширной библіотекѣ; списокъ памятника, принадлежавшій, по почерку, къ концу XIV или къ началу XV вѣка, внесенъ былъ въ рукописный сборникъ, незадолго передъ тѣмъ купленный графомъ отъ архимандрита Іоиля и хранившійся дотолѣ въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ. Драгоцѣнную рукопись, которая поразила графа своимъ оригинальнымъ содержаніемъ, онъ показывалъ многимъ любителямъ и знатокамъ нашей рукописной старины, и, между прочимъ, нашему исторіографу Н. М. Карамзину. Зная, какъ императрица Екатерина интересуется изученіемъ русской старины и народности, графъ приказалъ изготовить точный списокъ съ рукописи „Слова“, и поднесъ его государынѣ [1]). Затѣмъ, въ 1800 году, графъ издалъ въ свѣтъ первое изданіе „Слова“ подъ заглавіемъ: *«Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгородъ-Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе»* [2]). Это изданіе графа было перепечатано Шишковымъ (въ 1805 г.) въ „сочиненіяхъ и переводахъ“, издаваемыхъ Россійскою академіею—и затѣмъ въ 1812 г. рукопись „Слова“ погибла въ страшномъ московскомъ пожарѣ, поглотившемъ библіотеку графа, вмѣщавшую въ себѣ массу другихъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

Вызванныя памятникомъ сомнѣнія.

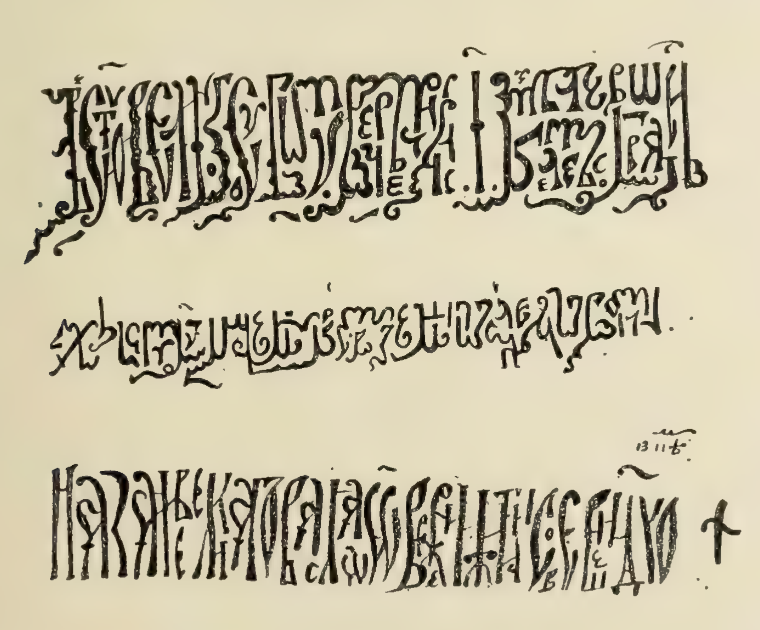
Первое появленіе въ печати этого драгоцѣннаго памятника возбудило массу противорѣчивыхъ толковъ. Одни восхищались безусловно, сравнивали его съ произведеніями Гомера и даже съ пѣснями шотландскаго барда Оссіана, которыя всѣмъ вскружили головы въ началѣ нынѣшняго вѣка; другіе, напротивъ, находили, что „Слово“ написано несвойственнымъ поэзіи языкомъ, грубою прозою, на языкѣ полуобразованномъ, почти мертвомъ, отчего и

[1]) Въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія этотъ списокъ былъ отысканъ академикомъ П. П. Пекарскимъ въ бумагахъ Екатерины.

[2]) Изданіе это составляетъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость.

вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь славянскаго съ русскимъ". Съ большимъ недовѣріемъ относилась къ „Слову" и критика ученая: никто не признавалъ достоинствъ и значенія памятника; многіе изъ скептиковъ даже прямо подозрѣвали въ „Словѣ" подлогъ со стороны графа Мусина-Пушкина. Время сомнѣній миновало тогда, когда изученіе древне-русскаго языка дошло, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, до высокой степени развитія; только путемъ изученія языка въ „Словѣ о полку Игоревѣ" и сравненія его съ языкомъ другихъ, современныхъ ему памятниковъ древне-русской литературы, ученые признали въ „Словѣ" несомнѣнное произведеніе XII вѣка, современное тѣмъ событіямъ, которыя въ немъ описываются. Въ этомъ отношеніи особенно важны труды князя П. П. Вяземскаго и Е. В. Барсова, объяснившихъ каждое слово замѣчательнаго подлинника. Изъ многихъ переложеній „Слова" на современный нашъ русскій языкъ особенно выдѣляются, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, переводы Л. Мея и А. Н. Майкова. Послѣдній изъ этихъ переводовъ замѣчателенъ и какъ попытка разъясненія многихъ темныхъ мѣстъ „Слова". Такими темными мѣстами—вѣроятно, вслѣдствіе описокъ или невѣрной передачи нѣкоторыхъ выраженій первоначальнымъ списателемъ—памятникъ изобилуетъ, и они, вѣроятно, останутся въ немъ для всѣхъ вѣчною загадкою, пока не будетъ разысканъ другой списокъ того же памятника. Но на это—увы!—остается очень мало надежды, послѣ всего, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ сдѣлано для изученія и изслѣдованія древне-русской литературы.

Результаты ближайшаго изученія памятника.

Образцы рукописной вязи.

Періодъ второй.

Отъ начала Татарщины до временъ Грознаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало XIII вѣка. — Состояніе образованности. Просвѣщенные пастыри и учители. — Авраамій Смоленскій. — Симонъ и Поликарпъ. — Патерикъ Печерскій. — Татарское нашествіе и его бѣдствія. — Церковь спасаетъ просвѣщеніе. — Отголоски Татарщины въ произведеніяхъ Кирилла митрополита кіевскаго и Серапіона.

Русская жизнь въ началѣ XIII вѣка шла своимъ обычнымъ чередомъ, постепенно расширяясь и развиваясь, полная движенія, полная разнообразія и оживленія въ центрѣ, полная тяжкой колонизаціонной работы и борьбы съ иноплеменниками на окраинахъ. Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, которыя здѣсь было-бы неумѣстно выяснять, центръ исторической жизни, уже въ первой четверти XIII вѣка, перемѣстился изъ Кіева далѣе на сѣверо-востокъ Руси, въ далекій Суздальскій край: общіе интересы жизни стали дробиться, и изъ центровъ старыхъ переходить въ новые, вновь возникающіе. Древній Кіевъ оставался, попрежнему, центромъ образованности и книжнаго просвѣщенія, наравнѣ съ Великимъ Новгородомъ; попрежнему, разсылалъ во всѣ концы Руси епископовъ и пастырей церковныхъ: но около нихъ всюду уже собираются мѣстные дѣятели, среди которыхъ обильно всхо-

дятъ сѣмена духовнаго просвѣщенія, всюду образуются кружки грамотныхъ людей, и такимъ образомъ, книжное просвѣщеніе и письменная литература начинаютъ, мало-по-малу, проявляться и въ другихъ областныхъ центрахъ сѣвера и сѣверо-востока Руси: въ Ростовѣ, Муромѣ, Ярославлѣ, Рязани и Твери. Такъ, напримѣръ, лѣтопись, которая велась первоначально только въ Кіевѣ и въ Новѣгородѣ, теперь заводится и въ другихъ, болѣе мелкихъ областныхъ центрахъ русской жизни. Лѣтописцы, близко наблюдающіе жизнь своего центра, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ намъ о мѣстныхъ епископахъ, что они были люди „книжные и учительные", т.-е. образованные, начитанные и способные поучать паству. Такой отзывъ встрѣчаемъ у лѣтописцевъ и о Кириллѣ I, митрополитѣ кіевскомъ, и о Кириллѣ, епископѣ ростовскомъ, и о Симеонѣ, епископѣ тверскомъ, правившихъ паствами въ различныхъ концахъ Руси въ первой половинѣ XIII вѣка. Особенно любопытны свѣдѣнія, сохранившіяся объ Авраамін, игуменѣ смоленскомъ (ум. 1221 г.), рисующія намъ этого талантливаго и просвѣщеннаго дѣятеля въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Въ житіи, написанномъ его ученикомъ, онъ выставляется горячимъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, котораго стекались слушать всѣ жители города; такое вниманіе къ его проповѣднической дѣятельности вызывалось тѣмъ, что онъ умѣлъ вразумительно и ясно истолковывать своей паствѣ Св. Писаніе и говорилъ настолько просто, что его въ равной степени понимали люди всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ. Въ то же время онъ занимался и живописью; любимымъ сюжетомъ его произведеній было изображеніе страшнаго суда и странствованій души по мытарствамъ. Эти выдающіяся личныя качества Авраамія возбудили къ нему зависть во многихъ, и духовенство стало на него жаловаться епископу, обвиняя его въ еретичествѣ и пристрастіи къ чернокнижію. [1]) Надъ головою Авраамія стала собираться гроза, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ бѣжать изъ Смоленска.

Образованные пастыри. Авраамій.

Около того же времени видимъ во Владимірѣ (на Клязьмѣ) извѣстнаго своею образованностью и литературными трудами епископа Симона, о которомъ мы уже упоминали выше (см. стр. 82), по поводу его „посланія" къ Поликарпу, иноку кіево-печерскаго монастыря. Въ этомъ „посланіи" Симонъ увѣщевалъ Поликарпа примириться съ игуменомъ Акиндиномъ (съ нимъ Поликарпъ былъ въ ссорѣ и поэтому готовъ былъ покинуть обитель Печерскую); онъ приводитъ ему, въ образецъ, примѣры подвижни-

Симонъ, епископъ Владимірскій.

---

[1]) Сохранились довольно темные намеки на то, что онъ будто бы читалъ какія-то «глубинныя» книги. Не стоятъ-ли онѣ въ связи съ извѣстнымъ стихомъ о Голубиной Книгѣ, и не заключали-ли въ себѣ какихъ-нибудь апокрифическихъ сказаній о мірозданіи?

ческой жизни, сообщаетъ нѣсколько разсказовъ о печерскихъ подвижникахъ и излагаетъ сказаніе о построеніи „великой Печерской церкви“. Это посланіе просвѣщеннаго пастыря такъ сильно подѣйствовало на инока Поликарпа, что тотъ не только примирился съ Акиндиномъ, но, въ посланіи къ нему, даже рѣшился высказать готовность—продолжать трудъ, начатый Симономъ. Онъ и дѣйствительно написалъ еще 12 житій тѣхъ печерскихъ угодниковъ, которые не вошли въ посланіе Симона. Всѣ эти сказанія о подвижникахъ печерскихъ потомъ составили одинъ общій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ *Патерика Печерскаго.*

Нашествіе.

Такъ шла на Руси жизнь духовная и умственная, зарождая и развивая новыя потребности, очищая поле для дѣятельности, привлекая и мірянъ къ движенію книжному и литературному, какъ вдругъ — ни для кого нежданно и негаданно — на Русскую землю обрушилось страшное нашествіе татарское и залегло непреодолимой преградой дальнѣйшему поступательному движенію русской образованности и общественности. Остановилась жизнь историческая—задержалось надолго умственное движеніе и стремленіе къ книжному просвѣщенію. Не до школъ и не до книгъ было молодому русскому обществу, когда всѣ лучшія силы его устремились на непосильную борьбу съ дикимъ и безпощаднымъ врагомъ, а всѣ стремленія духовныя были поглощены инстинктомъ самоохраненія. Къ тому же, въ общемъ и сплошномъ погромѣ городовъ и областей, потрясены были и лучшія основы нашей образованности, уничтожены тѣ запасы и матеріальныя средства нашего, еще молодого, просвѣщенія, которые накоплены были тяжкимъ трудомъ и усерднымъ раченіемъ многихъ поколѣній въ теченіе почти двухъ съ половиною вѣковъ. Безвозвратно погибли сотни уже довольно богатыхъ библіотекъ, хранившихся въ стѣнахъ церквей и монастырей, въ палатахъ князей и вельможъ, и лишь въ немногихъ, удаленныхъ отъ центра мѣстахъ уцѣлѣли скудные остатки нашихъ начальныхъ книгохранилищъ. Такимъ образомъ рукописная книга, и до татарскаго нашествія бывшая у насъ дорогою и цѣнною частью достоянія, въ періодъ татарщины сдѣлалась почти сокровищемъ... Страшное оскудѣніе матеріальное вело прямымъ путемъ къ еще болѣе страшному оскудѣнію умственному и нравственному.

Церковь и просвѣщеніе.

Въ эту страшную годину бѣдствій, русская Церковь, болѣе, чѣмъ когда-либо, явилась истинною спасительницею и усердной хранительницей тѣхъ зачатковъ просвѣщенія, какіе успѣли народиться и произрасти на русской почвѣ до начала XIII вѣка. Татары, пользуясь раздоромъ и усобицами русскихъ княжествъ, успѣли быстро одолѣть русскую военную силу; но русская Церковь поразила ихъ своимъ множествомъ храмовъ, благолѣпіемъ

служенія и прочно-установившеюся внѣшней обрядовой стороной; полудикимъ кочевникамъ, стоявшимъ въ ту пору еще на степени жалкаго фетишизма [1]), показались грозными эти „воины Христовы", безстрашно возносившіе молитвы „единому невѣдомому Богу". И вотъ, ханы татарскіе берутъ, уже въ самомъ началѣ татарщины, русскую Церковь подъ свое покровительство, избавляютъ бѣлое и черное духовенство отъ всякихъ даней и поборовъ, даютъ милостивые *ярлыки* (охранныя грамоты) митрополитамъ, и въ этихъ ярлыкахъ указываютъ, чтобы никто не смѣлъ взять, изодрать или попортить иконы, книги и иныя богослужебныя вещи... „дабы духовные не проклинали хановъ, а молили Бога за нихъ и за все ихъ племя, и благословляли ихъ"... Смертная казнь грозила каждому, кто вздумалъ бы преступить велѣнія ханскія, выраженныя въ этихъ ярлыкахъ.

И Церковь русская воспользовалась своими правами и льготами на великое благо русскаго народа: ограждая и утверждая въ сердцѣ русскихъ людей самое дорогое достояніе ихъ— вѣру отцовъ,—она охраняла вмѣстѣ съ нею и свѣтъ ученія, и уваженіе къ книгѣ, къ умственной дѣятельности. И едва только первое впечатлѣніе ужаса, наведеннаго на русскихъ людей страшнымъ татарскимъ погромомъ, стало сглаживаться и проходить— духовенство уже спѣшило воспользоваться этою карою Божіею, какъ могущественнымъ орудіемъ для воздѣйствія на свою паству, для внушенія ей и поддержанія въ ея средѣ высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

От Кирилла II, митрополита кіевскаго (1243—1280 г.), дошло до насъ „Правило Церковное", изложенное имъ въ формѣ рѣчи или проповѣди, съ которой онъ обратился къ духовенству на Соборѣ, созванномъ во Владимірѣ, въ 1274 г. Въ этой проповѣди и онъ указываетъ на татарщину, какъ на наказаніе, постигнувшее насъ за отступленіе отъ правилъ жизни, преподанныхъ Церковью. „Какую выгоду получили мы — восклицаетъ Кириллъ:—оставивъ божественныя правила? Не разсѣялъ-ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты-ли наши города? Не пали ли наши сильные князья отъ острія меча? Не отведены-ли въ плѣнъ наши чада? Не запустѣли-ли святыя Божіи церкви? Не томимся-ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечестивыхъ язычниковъ? И все это намъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ отецъ нашихъ".

Кириллъ II.

Въ „поученіи къ попамъ", которое прибавлено было Кирилломъ къ „Правилу", онъ весьма разумно и мягко поучаетъ па-

---

[1]) Татары, въ началѣ XIII в., были еще язычниками и поклонялись идоламъ, священнымъ огнямъ и тѣнямъ предковъ... Гораздо позднѣе они приняли магометанство.

стырей Церкви, какъ слѣдуетъ имъ обращаться со своею паствою... „Разумѣйте, какъ учить дѣтей вашихъ духовныхъ: учите не слабо, чтобы не облѣнились, и не жестоко, чтобы не отчаялись"... И какъ бы желая самъ соблюсти это прекрасное правило, онъ заканчиваетъ свое „поученіе" тѣмъ, что обѣщаетъ „облегченіе бѣдствій отъ поганыхъ" въ будущемъ, если духовенство и паства соблюдутъ всѣ, предлагаемыя имъ, правила вѣры и нравственности.

Серапіонъ. Другой проповѣдникъ, болѣе Кирилла II сильный словомъ и духомъ, еще ярче выставляетъ въ своихъ проповѣдяхъ бѣдственное положеніе Руси, вызванное, по его словамъ, именно тѣмъ, что „мы не послушали евангелія, не послушали апостола, не послушали пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста"... Живыми и яркими чертами набрасываетъ онъ картину бѣдствій, тяготѣющихъ надъ Россіею:

„Богъ, видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы отвергли Его заповѣди, навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, нещадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни дѣтскаго возраста. Мы сами навлекли на себя гнѣвъ Бога нашего—и вотъ: разрушены храмы, осквернены священные сосуды, потоптана святыня; святители стали жертвою меча, тѣла преподобныхъ иноковъ выброшены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братій нашихъ, словно вода обильная, наполнила землю; крѣпость князей и воеводъ нашихъ исчезла; храбрые наши, исполнившись страха, бѣжали; множество дѣтей и братій нашихъ отведены въ плѣнъ... Села наши поросли мелколѣсьемъ; величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось на долю другимъ; трудомъ нашимъ воспользовались поганые, и земля наша стала ихъ достояніемъ. А мы сами стали поношеніемъ для сосѣднихъ земель и посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. И все почему? Потому, что, какъ дождь съ неба, свели на себя грозу гнѣва Господня!"

Такъ говоритъ вдохновенный проповѣдникъ, призывая всѣхъ исправиться, покаяться, отстать отъ старыхъ грѣховъ, обновить въ себѣ ветхаго человѣка, забыть о ссорахъ и распряхъ во имя братолюбія, во имя любви и единенія противъ общаго врага—отъ котораго, рано или поздно, милосердый Богъ долженъ былъ избавить своихъ провинившихся, но покаявшихся и исправившихся сыновъ.

Къ сожалѣнію, объ этомъ талантливомъ и горячемъ проповѣдникѣ, отъ котораго до насъ дошло всего только пять поученій, мы знаемъ очень немногое: *Серапіонъ* (впослѣдствіи причтенный къ лику святыхъ) былъ возведенъ изъ архимандритовъ

кіево-печерской обители въ епископы владимірскіе въ 1274 г., а въ 1275 г. скончался. Полагаютъ, что всѣ сохранившіяся намъ поученія его были написаны имъ для его новой паствы и относятся, слѣдовательно, къ послѣднему году его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новый центръ политическій и религіозный. — Москва. — Вліяніе татарщины на нравы, обычаи и общее направленіе русской жизни. — Монастырь и его идеалы. — Митрополитъ Кипріанъ и Кириллъ Бѣлозерскій. — Архіепископъ Василій и его посланіе о раѣ земномъ.

Тяжкія времена.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій татарщины было то, что сила политическаго тяготѣнія стала собирать Русскую землю около Москвы, и вслѣдствіе этого, мало-по-малу, совершенно измѣнились и направленіе, и характеръ древне-русской жизни. Она уже не могла течь прежнею широкою и привольною волной и, видимо, стала устанавливаться въ опредѣленныхъ берегахъ. Этотъ переходный періодъ, въ теченіе котораго изъ разрушенныхъ областей и княжествъ стало постепенно складываться цѣльное и сплоченное государство, былъ періодомъ тяжкимъ, полнымъ борьбы и мрака. Лучшимъ представителямъ общества приходилось въ это время затрачивать всѣ силы на защиту личности и собственности отъ насилія и произвола, сначала отбиваясь отъ алчныхъ татаръ, а потомъ противоборствуя властолюбивой Москвѣ, опиравшейся на татарскую власть и силу. „Въ этихъ тяжкихъ условіяхъ, при полномъ отсутствіи безопасности—и внутренней, и внѣшней,—нравы грубѣли, суровый и мрачный оттѣнокъ замѣтно ложился на всѣ произведенія духа; а постоянная привычка руководствоваться инстинктомъ самоохраненія вела къ преобладанію всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными“,— по справедливому замѣчанію нашего историка С. М. Соловьева. Однимъ словомъ, общество русское переживало тотъ тяжкій и бѣдственный періодъ, когда, по словамъ историка, „имущества гражданъ сохранялись въ церквахъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хоть и не всегда, безопасныхъ; а сокровища нравственныя имѣли нужду тоже въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ пустыняхъ и монастыряхъ“. При такихъ условіяхъ, конечно, всякіе зачатки свѣтской литературы должны были надолго исчезнуть; и не только занятіямъ литературнымъ, но даже самой грамотности оказалось возможно существовать только внутри монастырской ограды, только подъ защитою Церкви. А такъ какъ Москва съ теченіемъ времени стала не только важнымъ центромъ политическимъ, но и церковно-административнымъ (послѣ перевода въ

нее митрополіи), то важность этого новаго центра должна была вскорѣ привлечь и тѣ лучшія силы духовныя и нравственныя, которыя въ этотъ періодъ успѣшнѣе всего развились въ духовенствѣ, какъ въ привилегированной средѣ обезпеченной нравственно и морально.

Московскіе митрополиты.

Дѣйствительно, въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, видимъ во главѣ умственнаго движенія древней Руси трехъ митрополитовъ московскихъ: св. Петра, св. Алексія и Кипріана—и каждый изъ нихъ оставилъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ древнерусской литературѣ.

Отъ *св. Петра* дошли до насъ два поученія, написанныхъ очень просто и прямо указывающихъ на тѣ общественныя язвы, отъ которыхъ онъ старается остеречь свою паству. Чрезвычайно характерно то увѣщаніе, съ которымъ онъ обращается „къ мірянамъ, попамъ и дьяконамъ“:

„Будьте истинными пастухами вашего стада, а не простыми наемниками, которые молоко съѣдаютъ и волну снимаютъ; а о самихъ овцахъ не имѣютъ попеченія“...

Св. Алексій (1293—1377 г.) происходилъ изъ рода черниговскихъ бояръ, и сначала былъ епископомъ владимірскимъ, а потомъ митрополитомъ московскимъ. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Будучи въ Царьградѣ (онъ ѣздилъ туда для поставленія въ митрополиты около 1355 г.), онъ своею рукою списалъ полный списокъ Новаго Завѣта и сдѣлалъ въ немъ необходимыя исправленія по греческимъ текстамъ, такъ какъ былъ хорошо знакомъ съ греческимъ языкомъ. Окружное посланіе, въ которомъ онъ обращается къ своей паствѣ при вступленіи на епископскій престолъ, проникнуто умомъ свѣжимъ и здравымъ: въ немъ все ясно и наглядно, все выражено въ образахъ сильныхъ и рѣзко-опредѣленныхъ. „Оставивъ всѣ дѣла свои,— такъ говоритъ онъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: — на церковную молитву стекайтесь безъ лѣности, и не говорите: отпоемъ дома“... „Какъ храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣться, такъ и домашняя молитва не можетъ (быть) безъ церковной“. Такъ же образно напоминаетъ онъ православнымъ о необходимости говѣнія и причащенія Св. Тайнъ: „овцу назнаменанную (отмѣченную знакомъ) неудобно бываетъ украсть; такъ и вы, овцы словеснаго стада, не пропускайте ни котораго говѣнія безъ того знаменія, но будьте причастниками тѣлу и крови Христовой“.

Митрополитъ *Кипріанъ* (1376—1406), родомъ сербъ, о которомъ лѣтопись отзывается, какъ о мужѣ *вельми книжномъ и учительномъ*, былъ дѣйствительно человѣкъ разнообразной начитанности и рѣдкой, по тому времени, учености. Владѣя свободно греческимъ языкомъ, онъ, во время пребыванія въ Студійскомъ мо-

настырѣ, въ Царьградѣ, занимался и переводами съ греческаго, и списываніемъ книгъ. Пріѣхавъ въ Россію, онъ привезъ съ собою весьма много рукописей сербскихъ. Вѣроятно, этою ученостью и разнообразною начитанностью и объясняется то, что Кипріанъ — первый изъ высшихъ представителей русскаго духовенства — заговорилъ о книгахъ *ложныхъ* или *апокриѳическихъ* и помѣстилъ списокъ ихъ въ своемъ требникѣ [1]). Изъ сочиненій митрополита Кипріана до насъ дошли: *житіе св. Петра*, нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ, по поводу разныхъ церковныхъ вопросовъ, и прощальная грамота. Въ своихъ посланіяхъ, Кипріанъ касается двухъ чрезвычайно важныхъ и жизненныхъ вопросовъ, которые въ слѣдующемъ вѣкѣ должны были поднять цѣлую бурю ожесточенныхъ споровъ и вызвать рядъ сомнѣній и опасеній. Онъ напоминаетъ о *приближающейся кончинѣ міра* и очень круто ставитъ вопросъ *о монастырскихъ имѣніяхъ*, который уже начиналъ выдвигаться на очередь въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ посланіи къ Аѳанасію, игумену Высоцкаго монастыря, онъ говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „Нынѣ послѣднее время, и лѣтамъ окончаніе приходитъ и конецъ вѣку сему; бѣсъ же вельми рыкаетъ, хотя (т.-е. желая) всѣхъ поглотити, по небреженію и лѣности нашей: ибо оскудѣла добродѣтель, престала любовь, удалилась простота духовная", — и въ словахъ его слышится только отголосокъ обще-распространеннаго предразсудка, въ ту пору одинаково волновавшаго и Западъ, и Востокъ Европы [2]).

Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ.

Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ рѣшается Кипріаномъ чрезвычайно круто, съ суровостью и прямотою простого инока: „Села и людей держать инокамъ не предано св. отцами. Какъ можетъ тотъ, кто разъ отрекся отъ міра и всего мірского, опять обязываться мірскими дѣлами и снова созидать то, что раззорилъ?.. Древніе отцы не пріобрѣтали ни селъ, ни богатствъ, ни стяжаній".

Кириллъ Бѣлозерскій.

Современникомъ Кипріана былъ другой, весьма просвѣщенный инокъ, преподобный *Кириллъ*, основатель и игуменъ Бѣлозерской обители. Это былъ человѣкъ неутомимый въ чтеніи и списываньи книгъ, и притомъ весьма любознательный: въ принадлежавшей ему книгѣ правилъ, писанной его рукою, мы нахо-

[1]) О ложныхъ книгахъ уже упоминается въ «Церковномъ Правилѣ» митрополита кіевскаго Кирилла II: «ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ убѣгайте» — говоритъ онъ духовенству, однакоже, не опредѣляетъ, какія книги считаетъ ложными.

[2]) Этотъ предразсудокъ уже въ XIII в. проникъ къ намъ на Русь; уже Авраамію Смоленскому приписываютъ «Слово», въ которомъ встрѣчается такая мысль: «человѣкъ былъ созданъ Богомъ въ восполненіе отпадшихъ отъ него ангеловъ, и міръ можетъ существовать только 7,000 лѣтъ».

димъ выписки изъ физики Галена, объясняющія происхожденіе грома и молніи, обсуждающія вопросъ о падающихъ звѣздахъ, устройствѣ земли, землетрясеніяхъ, моряхъ и четырехъ стихіяхъ. Свою любовь къ книгамъ и просвѣщенію Кириллъ сумѣлъ внушить и бѣлозерскимъ инокамъ, которые впослѣдствіи собрали въ стѣнахъ своей обители богатую библіотеку.

Сочиненія Кирилла.

Изъ сочиненій Кирилла до насъ дошли три посланія къ сыновьямъ Дмитрія Донского, замѣчательныя по тому ровному, твердому и спокойному тону, которымъ этотъ инокъ преподаетъ свои совѣты и указанія князьямъ... Онъ говоритъ съ ними, какъ „вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ“ — по выраженію поэта. Въ одномъ изъ этихъ посланій, обращенномъ къ великому князю Василію Дмитріевичу, по поводу его распри съ суздальскими князьями, Кириллъ пишетъ между прочимъ:

„Ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную тѣмъ своимъ смиреніемъ, что посылаешь ко мнѣ, грѣшному, нищему, страстному и недостойному, съ просьбою помолиться за тебя... Я, грѣшный, съ братіею своею-радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ съ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ; если же ошибется кормчій, то всему кораблю причинитъ пагубу. Такъ, если кто-нибудь изъ бояръ согрѣшитъ, то повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь— то причинитъ вредъ всѣмъ людямъ... Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута происходитъ между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они—свою, и черезъ это между христіанами происходитъ великое кровопролитіе. Такъ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и, по своему смиренію, уступи имъ... Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога-ради, пожалуй ихъ по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и отъ того начали враждовать. Такъ покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы они не погибли, скитаясь въ татарскихъ странахъ“.

Необычайною гуманностью и высокимъ пониманіемъ самой сущности христіанства отличаются и тѣ совѣты, которые въ другомъ посланіи Кириллъ даетъ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому. Убѣждая, чтобы князь самъ давалъ управу крестьянамъ, преподобный говорилъ ему: „То, господинъ, тебѣ вмѣнится выше молитвъ и поста...“ Побуждая его подавать милостыню, онъ прибѣгаетъ и къ такому доводу: „Такъ какъ вы, князья, поститься не можете, а молиться лѣнитесь, то, вмѣсто всего этого, милостыня исполнитъ вашъ недостатокъ.“

Обитель, основанная Кирилломъ на Бѣломъ озерѣ, была одною изъ многихъ, возникшихъ на Руси въ XIV и XV вв. Въ то время, когда обитель Кіево-Печерская, разоренная татарами, лежала въ развалинахъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси обители возникали одна за другою. Тяжкія бѣдствія, пережитыя Русью въ теченіе XIII вѣка, вслѣдствіе татарскаго нашествія, а въ XIV вѣкѣ постоянные раздоры князей, нѣсколько разъ возвращавшаяся жестокая моровая язва, опустошавшая цѣлыя области — все это были такія именно явленія, которыя менѣе всего способны были привязать къ жизни, придать ей цѣну и значеніе великаго, единственнаго блага. Невольно хотѣлось вѣрить въ близость быстро-наступающей и всѣми ожидаемой кончины міра — и все это способствовало усиленію въ русскомъ обществѣ стремленія къ иноческой жизни, къ отрѣшенію отъ всего мірского. Инымъ казалось, что въ мірѣ, среди нескончаемыхъ кровавыхъ распрей, раздоровъ и насилій, невозможно спастись; другимъ, истомленнымъ борьбою, жизнь становилась постылою, и они, искренно пренебрегая мірскими благами, жаждали подвига, самоотреченія и самоистязанія; третьи, наконецъ, просто искали отдыха отъ непосильной тяготы жизни — отдыха въ спокойномъ и мирномъ уединеніи... Одни шли въ монастырь, другіе — въ пустынную глушь, въ лѣсныя дебри. Но и около пустынножителя вскорѣ собиралась братія, и пустынь разрасталась въ обитель, на которую отовсюду изливались щедрыя пожертвованія — и монастыри росли и множились во всѣхъ концахъ Русской земли, то группируясь около такихъ центровъ, какъ Москва и Новгородъ, то разбрасываясь на далекія окраины. Такъ создалось въ XIV вѣкѣ около 80 обителей, такъ прибавилось къ нимъ въ XV в. еще 70 новыхъ; такъ постепенно возникли среди этого множества большихъ и малыхъ монастырей обители знаменитыя: Троице-Сергіевская, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, Бѣлозерская, основанная преподобнымъ Кирилломъ, Сорская, основанная преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ, Волоколамская—преподобнымъ Іосифомъ Волоцкимъ, и Соловецкая—преподобными Зосимою и Савватіемъ. Въ этихъ обителяхъ, мало-по-малу, накопились большія книжныя богатства и образовались центры, въ которыхъ воспитались многіе изъ дѣятелей на поприщѣ нашей древне-русской письменности. Здѣсь, въ монастыряхъ, занимались списываньемъ книгъ, вели лѣтописи, создавали житія святыхъ, сказанія о монастырскихъ святыняхъ и основаніи самихъ обителей, и составляли разные сборники. Отсюда же, изъ-за стѣнъ тѣхъ же обителей, широкими лучами проливался во всѣ стороны, въ глушь и дебри лѣсныя, свѣтъ первыхъ начатковъ цивилизаціи и гражданственности. Мало того: въ годы бѣдствій и всякихъ не-

Стремленіе къ иночеству.

Новыя обители.

взгодъ, монастыри являлись житницами для алчущихъ и гостепріимно предлагали свой кровъ всѣмъ несчастнымъ...

Значеніе монастырей.

Понятно, что при такомъ значеніи монастырей, въ народѣ сложилось весьма возвышенное понятіе объ иноческой жизни. Къ тому же и въ средѣ самого монашества явились люди, восторженно-восхвалявшіе монастырскую жизнь, возводившіе ее въ идеалъ житія человѣческаго... Такъ, напр., Матѳей, епископъ Сарайскій, восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ поученій:

„Любите монастыри: это дома святыхъ и пристанища всего міра. Вступивъ въ нихъ, вы видите игумена, пасущаго свое стадо, а чернецовъ, нимало ему не прекословящихъ, ради страха Божія. Видимъ, какъ одинъ, воздѣвъ руки горѣ, возносится сердцемъ къ престолу Божію; другой плачетъ въ келіи, лежа ницъ; одинъ работаетъ, какъ плѣнный, а другой стоитъ въ церкви, какъ каменный и мертвый, вознося къ Господу молитвы за весь міръ... Приходите въ эти святыя мѣста, просить у иноковъ благословенія, посылайте туда дѣтей своихъ, приглашайте (иноковъ) къ себѣ въ домы для благословенія и поученія...“

Но—увы! — несмотря на это восторженное восхваленіе монастырей, быстрое возрастаніе ихъ благосостоянія и обиліе даровъ, приносимыхъ въ казну монастырскую отъ князей, бояръ и другихъ благочестивыхъ людей—привели вскорѣ къ тому, что монастыри отъ скудости быстро перешли къ богатству, стали владѣть большими землями, множествомъ селъ со стадами и угодьями, и строгость монастырскихъ уставовъ уже не спасала болѣе иноковъ отъ мірскихъ соблазновъ... Митрополитъ Кипріанъ уже произнесъ свой суровый приговоръ, и вопросъ объ устроеніи иноческой жизни на иныхъ началахъ уже начиналъ занимать умы его современниковъ, а въ слѣдующемъ вѣкѣ сдѣлался однимъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ въ духовной литературѣ.

Св. Василій, архіепископъ новгородскій.

Отъ половины XIV вѣка дошелъ до насъ весьма важный памятникъ, ясно указывающій намъ на уровень развитія въ средѣ высшихъ представителей русскаго духовенства и на тотъ кругъ вопросовъ, которые способны были привлекать ихъ вниманіе. Мы говоримъ о весьма любопытномъ посланіи новгородскаго архіепископа, *св. Василія* (1331 — 1352 г.), къ тверскому епископу Ѳеодору. Посланіе написано по вопросу о *земномъ раѣ,* который, видимо, не только занималъ, но даже волновалъ умы. Какъ видно изъ посланія, въ Твери произошли споры по этому вопросу въ духовенствѣ и въ народѣ. Епископъ Ѳеодоръ училъ совершенно правильно, что земной рай, въ которомъ нѣкогда жили наши прародители, уже не существуетъ на землѣ и что рай есть *только мысленный*, духовный. Противъ такого мнѣнія архіепископъ Василій счелъ своимъ пастырскимъ долгомъ выступить съ посланіемъ,

которое представляетъ любопытную смѣсь ученыхъ богословскихъ доводовъ—добытыхъ изъ довольно обширной начитанности съ апокрифическими сказаніями и даже съ весьма немудрыми вымыслами новгородскихъ мореходовъ.

Въ началѣ своего посланія, архіепископъ Василій пишетъ Өеодору, что прежде, чѣмъ приступить къ посланію, онъ „провелъ много дней въ изысканіи исправленія божественнаго закона", и приходитъ къ такому убѣжденію: „въ Писаніи мы нигдѣ не нашли о томъ святомъ раѣ, чтобы онъ уничтожился". И затѣмъ начинаетъ приводить весьма внушительные доводы, ссылаясь

Посланіе Василія о раѣ.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на Бѣломъ озерѣ.

то на Пареміи, то на Прологъ, то на апокрифическія сказанія о св. Макаріи и св. Ефремѣ, то на Св. Писаніе, то на Іоанна Златоуста, который о тѣхъ двухъ мѣстахъ сказалъ: „Насадилъ Богъ рай на Востокѣ, а на Западѣ приготовилъ мученіе: такъ точно, какъ во дворѣ царскомъ утѣхи и веселье, а внѣ двора — темница..." „Но не дозволено Богомъ, братъ мой, чтобы люди могли видѣть св. рай, а муки еще и доселѣ можно видѣть на Западѣ; многіе изъ дѣтей моихъ, новгородцевъ, тому свидѣтели: на дышущемъ морѣ червь виденъ не усыпающій, слышенъ скрежетъ зубовъ и течетъ рѣка молненная Моргъ; видно даже, какъ вода входитъ въ преисподнюю и вторично выходитъ изъ нея три раза въ день. И если всѣ тѣ мѣста мученій не пропали, то скажи

мнѣ, братъ, какъ бы могло исчезнуть это святое мѣсто (т. е. рай)?..“ И потомъ опять идетъ рядъ доводовъ изъ апокрифическихъ сказаній и изъ Св. Писанія, и даже изъ собственнаго, личнаго вѣдѣнья и соображенія... „Ни одно изъ дѣлъ Божіихъ, братъ мой, не можетъ быть тлѣнно: всѣ дѣла Божіи нетлѣнны. Я собственными глазами видѣлъ, братъ, что вотъ какъ затворилъ Христосъ городскія ворота (въ Іерусалимѣ), идучи на добровольное мученіе, такъ ихъ и до сихъ поръ отворить не могутъ“... [1]) Но главный свой доводъ въ пользу дѣйствительнаго существованія рая на землѣ архіепископъ Василій почерпаетъ опять-таки изъ разсказовъ своихъ духовныхъ дѣтей, новгородскихъ мореходовъ, и прибերегаетъ его къ концу посланія:

„А то мѣсто св. рая находилъ и Моиславъ новгородецъ съ сыномъ своимъ Яковомъ—повѣствуетъ онъ въ концѣ посланія;— всѣхъ ихъ было три юмы (морскихъ судна), и одна изъ нихъ погибла послѣ долгихъ блужданій; а двѣ другія потомъ долго носило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. И видѣли они, что на той горѣ чудной лазурью написанъ Деисусъ [2]), удивительно громадный по размѣрамъ, какъ бы не человѣческими руками сотворенный, но Божіею благодатью; и свѣтъ въ томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой, что человѣку и не высказать словами. И долго оставались они на томъ мѣстѣ, а солнца не видѣли, хотя свѣтъ былъ и сильный, болѣе сильный, нежели свѣтъ солнца; а на тѣхъ горахъ были слышны многія ликованія и веселые возгласы. И повелѣли они одному изъ друзей своихъ взойти по шеглѣ (бревно съ зарубами) на ту гору, дабы посмотрѣть, что это за свѣтъ, и откуда несутся эти ликующіе голоса; и когда онъ взошелъ на ту гору, то всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ вдаль отъ друзей своихъ по направленію къ голосамъ. Они же очень тому удивились и послали другого, наказавъ ему, чтобы онъ къ нимъ возвратился и сказалъ: что тамъ такое на горѣ? Но и тотъ поступилъ такъ же, и не подумалъ возвратиться къ нимъ, а съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ прочь. Тогда они перепугались, и начали раздумывать про себя, говоря: „если бы даже и смерть приключилась, а все же намъ слѣдовало бы видѣть свѣтлость этого мѣста“ — и послали на гору третьяго, привязавъ его за ногу веревкою; и тотъ то же хотѣлъ сдѣлать, что и первые два—радостно всплеснулъ руками и побѣжалъ, забывъ о веревкѣ на ногѣ своей: но они сдернули его веревкой внизъ, и

---

[1]) Архіепископъ Василій самъ совершилъ хожденіе въ св. Землю, какъ видно изъ этого указанія, и потому къ имени его часто присоединяется прозваніе *Калики*.

[2]) *Деисусомъ*—позднѣе, въ XVI—XVII вѣкѣ—называли образъ-складень, состоявшій изъ трехъ частей: по срединѣ—иконы Спасителя, на право отъ него, иконы Божіей Матери, а на лѣво—иконы Іоанна Богослова. Но здѣсь подъ названіемъ *Деисуса* слѣдуетъ, кажется, разумѣть Крестъ Господень.

онъ оказался мертвъ. Такъ они побѣжали (на ладьяхъ своихъ) обратно: не дано имъ было болѣе видѣть ту неизреченную свѣтлость, ни слышать тамошняго веселія и ликованія. А тѣхъ мужей, брать мой, еще и понынѣ дѣти и внучата живутъ въ добромъ здоровьѣ".

Такъ заканчиваетъ архіепископъ Василій, наивно повторяя тѣ басни, которыя были распространены одинаково и на Востокѣ, и на Западѣ. Почти дословно, тѣ же свѣдѣнія повторялъ, сто лѣтъ спустя, одинъ изъ путешественниковъ въ Индію (Іоаннъ-де-Гезе), который указывалъ, какъ на мѣсто земного рая, на одинъ изъ прибрежныхъ острововъ Индіи; а чистилище видѣлъ гдѣ-то на скалистомъ и мрачномъ островѣ среди моря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путешествія въ Царьградъ Новгородца Стефана и другихъ лицъ.—Лѣтописныя повѣсти и украшенныя сказанія.—Идеализація историческихъ лицъ.—Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

Несмотря на всѣ ужасы и бѣдствія, перенесенныя Россіею во время татарщины, связь съ Византіей—религіозная и культурная—не порывалась. Въ XIV вѣкѣ сношенія наши съ Византіей были часты и оживленны: сношенія церковныя, по поводу продолжавшейся нашей зависимости отъ царьградскаго патріаршаго престола были почти непрерывными, а сношенія торговыя, хотя и не были частыми, но все же поддерживались. Притомъ, путешествіе къ св. мѣстамъ, на дальній Палестинскій Востокъ, были значительно затруднены въ это время, и странствовавшіе по обѣтамъ уже начинали довольствоваться путешествіями на поклоненіе царьградскимъ святынямъ. И вотъ, въ числѣ трехъ лицъ, предпринимавшихъ путешествіе въ Царьградъ въ XIV вѣкѣ и оставившихъ намъ описанія своихъ путешествій, мы видимъ смиреннаго инока—*новгородца Стефана*, стремившагося въ Царьградъ на поклоненіе святынямъ греческимъ; видимъ еще смоленскаго дьякона Игнатія, сопутствовавшаго митрополиту Пимену, во время его путешествія въ Царьградъ по дѣламъ церковнымъ; и еще какого-то дьяка Александра, ѣздившаго въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ. Послѣдній даетъ намъ лишь весьма краткій обзоръ видѣнныхъ имъ въ Царьградѣ святынь, которыя, очевидно, онъ осматривалъ вскользь, между дѣломъ. Болѣе интересно и болѣе подробно, по описанію царьградскихъ святынь, путешествіе дьякона Игнатія, который, сверхъ того, добавилъ къ этому описанію два, нимало не связанныхъ съ нимъ, эпизодическихъ разсказа: о смерти султана Амурата и о блестящемъ вѣнчаніи на царство греческаго императора Мануила.

Царьградъ, вмѣсто Іерусалима.

Хожденіе инока Стефана.

Инокъ Стефанъ даетъ намъ описаніе Царьграда не только подробное и по многимъ частностямъ своимъ любопытное, но и весьма гладко, весьма литературно изложенное. Видно, что онъ былъ знакомъ съ „хожденіемъ Даніила“ и даже какъ бы старается ему подражать; такъ, напримѣръ, описывая святыни, онъ передаетъ и тѣ легенды, которыя ему о нихъ сообщали—и легенды эти при-

Архіепископскій дворъ въ Новѣгородѣ.

нимаетъ на вѣру съ изумительною наивностію и легковѣріемъ. Изъ его разсказовъ видно, что греки-провожатые безпощадно пользовались простотою и Стефана, и его спутниковъ; что доступъ къ святынямъ былъ открытъ только для тѣхъ, кто могъ платить щедро и часто. Какъ человѣкъ, родившійся въ странѣ съ деревянными городами и храмами, инокъ Стефанъ болѣе всего изумляется тѣмъ громаднымъ постройкамъ изъ камня, тѣмъ монолитнымъ колоннамъ, увѣнчаннымъ изваяніями, которыя онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, испещренныя сверху до низу надписями и покрытыя пылью

многихъ вѣковъ. „Уму непостижимо,—говоритъ Стефанъ,—какъ это столько времени прошло, а камню ничего не дѣлается“. Мимоходомъ Стефанъ приводитъ въ своемъ описаніи разсказъ о не-

Бывшая палата новгородскихъ владыкъ, въ Новѣгородѣ.

чаянной встрѣчѣ въ Царьградѣ съ двумя земляками, Иваномъ и Добрилой, которыхъ давно уже считали на родинѣ безъ вѣсти пропавшими. Но безъ вѣсти пропавшіе новгородцы преспокойно жили въ Студійскомъ монастырѣ и занимались списываніемъ книгъ для отсылки на Русь; по свидѣтельству Стефана, много книгъ

(„уставовъ, тріодей и иныхъ") изготовлялось для Руси въ этомъ монастырѣ... Фактъ немаловажный для исторіи нашей письменности.

Отдѣльныя сказанія.

Въ XIV вѣкѣ особенно развивается одинъ изъ родовъ нашей литературы исторической: „*отдѣльныя сказанія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ*", которыя обращали на себя преимущественное вниманіе современниковъ или поражали ихъ воображеніе какими-нибудь необычайными обстоятельствами. Многія изъ такихъ сказаній явились уже очень рано и были даже внесены въ наши лѣтописные своды. Такими сказаніями были, большею частью, разсказы, слышанные лѣтописцемъ отъ современниковъ, очевидцевъ или участниковъ въ томъ или другомъ событіи—разсказы, богатые цѣнными подробностями и знакомящіе насъ съ личными воззрѣніями современниковъ событія. Таковы были первоначальныя сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, или разсказъ объ ослѣпленіи Василька. Позднѣйшія продолженія лѣтописи нашей заключали въ общемъ составѣ своемъ также много отдѣльныхъ сказаній; напримѣръ, сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о походѣ Игоря на половцевъ, о Липицкой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Батыя и т. п. Мало-по-малу, сказанія эти, переполняя лѣтопись, начинаютъ появляться и въ сборникахъ въ видѣ отдѣльныхъ статей подъ различными названіями,—*повѣданій, повѣстей, сказаній*, даже *словъ*. Тревожная эпоха татарщины, нарушившая обычное теченіе русской жизни, взбаламутившая изъ конца въ конецъ Русскую землю, внесла смущеніе и въ ту спокойную иноческую среду, въ которой велась лѣтопись. Страшныя, грозныя, мрачныя дѣянія, совершаемыя невѣрными, и противополагаемые имъ свѣтлые, дивные подвиги народныхъ героевъ—способствовали развитію такого настроенія духа, которому не соотвѣтствовало ровное теченіе лѣтописнаго разсказа. Чувство преобладало надъ разумомъ, тревожное волненіе брало верхъ надъ спокойнымъ обсужденіемъ, сильно развитая впечатлительность не давала возможности строго и обдуманно взвѣшивать факты. И вотъ, простое сказаніе или повѣсть перерождается въ такъ-называемое *украшенное сказаніе* и *умильную повѣсть*. Въ этой формѣ, сказанія и повѣсти являются уже произведеніями чисто-литературными; въ нихъ уже проявляется сознательное желаніе извѣстнымъ образомъ освѣтить, украсить, прославить тотъ или другой историческій фактъ или рядъ фактовъ, относящихся къ жизни извѣстнаго историческаго дѣятеля. Подъ этимъ настроеніемъ, авторы сказаній нерѣдко впадаютъ въ нѣкоторый гиперболизмъ, въ чрезмѣрныя восхваленія, въ преувеличенія качествъ описываемыхъ героевъ, въ несообразныя и несоразмѣрныя сравненія: и событіе оказывается украшеннымъ неестественными подробностями, а лицамъ приписаны въ нихъ такія качества и добродѣтели, какими, въ совокупности,

Умильныя повѣсти.

едва-ли могъ обладать кто-либо изъ смертныхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, въ одномъ изъ такихъ сказаній описывается Александръ Невскій:

„Ростомъ онъ былъ больше всѣхъ другихъ людей; голосъ его раздавался въ народѣ, какъ труба; лицо у него было какъ у Іосифа Прекраснаго; а сила его равнялась половинѣ силъ Самсоновыхъ; и далъ ему Богъ Соломонову премудрость, а храбрость римскаго царя Еуспасіана (Веспасіана)“ [1].

Большая часть такого рода сказаній вращается, главнымъ образомъ, или около борьбы съ татарами, или около борьбы со шведами, также пытавшимися наложить свою тяжелую руку на русскія области. Къ XIII вѣку относятся: «*Сказаніе о великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ*», «*Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя*», «*Сказаніе объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго въ ордѣ отъ Батыя*» и «*Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и о храбрости его*». Къ XIV вѣку, въ теченіе котораго этотъ литературный родъ особенно укоренился и развился у насъ, относятся: «*Мамушево рукописаніе*», «*Сказаніе объ убіеніи князя Михаила Тверскаго въ ордѣ отъ Узбека*», «*Сказаніе о взятіи и разореніи Москвы Тохтамышемъ*», «*Повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана*», «*Слово о томъ какъ бился Витовтъ съ Темиръ-Кутлуемъ*», «*Слово о житіи и преставленіи Дмитрія Донскаго*», и наконецъ—цѣлый рядъ *сказаній о Мамаевомъ побоищѣ*, т. е. Куликовской битвѣ.

Сказанія XIII вѣка.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе читателямъ объ общей обработкѣ сюжета въ подобныхъ сказаніяхъ, мы передадимъ здѣсь вкратцѣ „Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя“, отличающееся особенною живостью красокъ и поэтическимъ одушевленіемъ въ изложеніи.

Рязанское сказаніе о Батыѣ.

„Пришелъ за грѣхи наши безбожный царь Батый на русскую землю, и послалъ къ князю Юрію Игоревичу Рязанскому пословъ, требуя десятины отъ всего: и отъ князей, и отъ людей, и отъ коней“. Такъ начинается рязанское сказаніе, а затѣмъ въ немъ описываются совѣщанія князей: къ Батыю рѣшаютъ отправить молодого князя Өеодора Юрьевича съ другими, и просить его—не воевать рязанской земли. Князь Өеодоръ ласково принятъ Батыемъ, который не отвергъ и его даровъ. Но тутъ одинъ рязанскій бояринъ-измѣнникъ шепнулъ Батыю, что у Өеодора—жена красавица. Батый потребовалъ, чтобы Өеодоръ показалъ ему жену свою. На это юный князь улыбнулся, и отвѣчалъ ему: „когда насъ одолѣешь, тогда и женами нашими владѣть будешь“. Батый приказалъ убить Өеодора и всѣхъ его спутниковъ—и князей, и

[1]) Всего любопытнѣе то, что сказаніе, изъ котораго мы заимствуемъ эти строки, было написано современникомъ Александра Невскаго, однимъ изъ приближенныхъ его, отъ него самого слышавшимъ разсказъ о Невской битвѣ.

16*

бояръ и бросить тѣла ихъ звѣрямъ и птицамъ на растерзаніе. Одинъ изъ пѣстуновъ князя, именемъ Аполоница, успѣваетъ скрыть тѣло князя, питомца своего, и спѣшитъ съ вѣстью о его кончинѣ къ благовѣрной княгинѣ Евпраксіи, женѣ Ѳеодора. Когда эта горестная вѣсть дошла до Евпраксіи, она бросилась съ вершины высокой настѣнной башни и *заразилась* (т. е. убилась) на смерть, вмѣстѣ съ своимъ младенцемъ-сыномъ, котораго держала на рукахъ. „И на томъ мѣстѣ, добавляетъ сказаніе — впослѣдствіи построился городъ Зарайскъ“...

Князь Юрій Игоревичъ Рязанскій, оплакавъ гибель юнаго сына и соединившись съ другими сосѣдними князьями, выступилъ навстрѣчу надвигавшимся татарскимъ полчищамъ. Произошла сѣча ужасная... „Удальцы же и рѣзвецы рязанскіе такъ крѣпко бились, что земля подъ ними стонала и полки Батыевы пришли въ смятеніе“. Однако же, несмѣтное множество одолѣло горсть храбрыхъ: „всѣ равно пили и испили единую общую чашу смерти, всѣ полегли вмѣстѣ“.

Вслѣдъ за битвою, Рязань была взята, уничтожена и стерта съ лица земли. Но часть рязанцевъ, избѣжавшихъ гибели, собралась подъ начальствомъ богатыря рязанскаго, Евпатія Коловорота, который явился грознымъ мстителемъ за погибшихъ князей рязанскихъ. Напавъ врасплохъ на татаръ, Евпатій наводитъ на нихъ ужасъ. Самъ Батый встревоженъ и съ нѣкоторымъ опасеніемъ разспрашиваетъ плѣнниковъ: „кто они, и откуда пришли?“ Они отвѣчали: „мы вѣры христіанской, рабы князя Юрія Игоревича отъ полка Евпатія Коловрата, посланы тебѣ должную честь воздать... Не подивись на насъ, царь, что мы не успѣваемъ наливать чаръ на великую силу татарскую“. Тогда Батый высылаетъ противъ Евпатія своего шурина Таврула, который хвалится, что привезетъ къ Батыю Евпатія живымъ. Но Евпатій, съѣхавшись съ нимъ, разсѣкаетъ его на-полы до самаго сѣдла; затѣмъ побиваетъ еще много татарскихъ вельможъ и богатырей, пока татары не окружаютъ его множествомъ „*саней со снарядомъ*“, убиваютъ и приносятъ его тѣло къ Батыю напоказъ. „И подивился Батый богатырскому тѣлу Евпатія и сказалъ: „Братъ Евпатій, гораздо ты меня употчивалъ съ малою твоею дружиною; да много побилъ и знаменитыхъ богатырей сильной орды; если бы ты у меня, царя, служилъ, то я бы тебя противъ сердца своего держалъ“. И повелѣлъ царь Батый отдать тѣло Евпатія остальной его дружинѣ, отпустилъ ее съ честью и невелѣлъ ей дѣлать никакого зла“.

Плачи въ сказаніяхъ. Къ этому сказанію прибавленъ, какъ и ко многимъ другимъ сказаніямъ, „плачъ князя Игоря Игоревича о братіи, побіенной отъ нечестиваго царя Батыя“. Такіе „плачи“ присоединяются

иногда и къ сказаніямъ, излагающимъ событія радостныя и достославныя (напр. побѣду надъ Мамаемъ), но сопряженныя съ гибелью многихъ храбрыхъ воиновъ.

Выдающееся мѣсто между всѣми остальными сказаніями XIV вѣка занимаютъ, конечно, сказанія *о Мамаевомъ побоищѣ*, — событіи, которое во всѣхъ концахъ Русской земли нашло себѣ радостные отголоски въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. Послѣ полуторавѣковаго ига первая побѣда надъ „погаными", первое Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ

Напись на крестѣ посадника Новгородскаго, Иванка Павловича.

дружное усиліе еще разъединенной Руси, увѣнчавшееся успѣхомъ и превосходившее самыя пламенныя надежды. Въ разныхъ концахъ Руси, по поводу Куликовской побѣды, сложилось много разныхъ сказаній и, вѣроятно, даже пѣсенъ; въ однихъ сильнѣе отразилось вліяніе народной фантазіи, въ другихъ—вліяніе книжное. Въ послѣднихъ рѣзко бросается въ глаза подражаніе „Слову о полку Игоревѣ"—и, правду сказать, довольно неудачное. Видно, что это поэтическое произведеніе было извѣстно автору сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, что оно считалось образцовымъ, и потому

изъ него кстати, и некстати, заимствовали цѣлыя фразы, подражали его поэтическимъ пріемамъ, а нѣкоторыя мѣста подлаживали слово въ слово къ тому, что нравилось и казалось особенно привлекательнымъ въ „Словѣ“.

Подражанія старымъ образцамъ.

Въ древнѣйшемъ изъ многихъ, дошедшихъ до насъ списковъ этого важнаго „сказанія“, оно носитъ такое заглавіе: „Сказаніе о Задонщинѣ [1]) великаго князя господина Димитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича“. Это сказаніе, очевидно, сводное, составное изъ многихъ другихъ, и начинается съ нѣкотораго вступленія, въ которомъ авторомъ сказанія выставленъ какой-то бояринъ Софроній, и по этому поводу вспоминается о Боянѣ, въ городѣ Кіевѣ „гораздномъ гудцѣ“, прославлявшемъ древнихъ князей. Въ данномъ случаѣ, упоминаніе этого имени представляетъ собою не болѣе какъ стилистическую прикрасу, напоминающую избитый пріемъ ложно-классическихъ поэтовъ, которые въ началѣ своихъ произведеній испрашивали себѣ вдохновенія отъ Аполлона и музъ. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ жаворонку и соловью, которымъ авторъ также предлагаетъ воспѣть славу великому князю Димитрію Ивановичу, и наконецъ описываются сборы войска въ разныхъ мѣстахъ Руси.

И вотъ, словно грозныя тучи, идутъ отовсюду на Русскую землю полчища „поганыхъ“, и вся природа грозитъ имъ гибелью въ своихъ знаменіяхъ. Однакоже, первыя стычки русскихъ съ татарами неудачны: много православныхъ побито, а побѣда все на сторонѣ „поганыхъ“. Тогда горько всплакались о своихъ мужьяхъ боярыни московскія; а жена боярина Микулы даже обратилась къ Дону съ мольбой: „Донъ, Донъ, быстрый Донъ! Ты прошелъ землю половецкую, пробилъ берега харалужные; прилелѣй моего Микулу Васильевича“ [2]).

Въ субботу же на Рождество Пресвятой Богородицы „изрубили христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ“. Во время битвы, братъ великаго князя, Владиміръ Андреевичъ, проситъ его о помощи: „Татары храбрую дружину у насъ истребили, а въ трупьѣ человѣчьи борзые кони и скочить не могутъ, и въ крови бродятъ по колѣно“. Тогда и самъ князь великій обращается съ мольбой къ своимъ боярамъ: „Братья-бояре и воеводы, и дѣти боярскіе, вотъ гдѣ найдете вы ваши сладкіе московскіе меды и добудете себѣ великія мѣста и женамъ своимъ“. Вслѣдъ за тѣмъ вражье войско смято дружнымъ натискомъ русскихъ. Татары бѣгутъ, „скрежеща зубами и раздирая

---

[1]) Задонщина—т. е. походъ за Донъ.

[2]) Совершенно, какъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Даже и слова взяты прямо изъ устъ Ярославны; даже и «земля половецкая» оставлена, хотя въ XIV вѣкѣ самое упоминаніе о ней было уже едва-ли понятно, такъ какъ народъ давно успѣлъ забыть о половцахъ.

лица своего. Самъ Мамай ищетъ убѣжища въ Хаоестѣ градѣ и вынужденъ сносить насмѣшки жителей его:

„Не бывать тебѣ, Мамай поганый, въ Батыя-царя! Пришелъ ты на Русь съ девятью ордами и съ семьюдесятью князьями, а нынѣ бѣжишь самъ-девять въ Лукоморье. Нешто тебя князья русскіе гораздо употчивали? Ни князей съ тобой нѣтъ, ни воеводъ; нешто ты гораздо упился у быстраго Дона, на полѣ Куликовомъ, на травѣ-ковылѣ?"

А Русская земля въ то же время веселится и радуется, хотя Донъ три дня течетъ, окрашеный русской кровью. Великій князь Дмитрій Ивановичъ самъ считаетъ убитыхъ и трогательно прощается съ ними, говоря:

„Знать суждено вамъ было пасть, межъ Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ? Здѣсь положили вы головы за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мнѣ, братья, и благословите насъ; а вамъ всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ вѣкѣ".

И таковы всѣ эти сказанія о битвѣ Куликовской, съ небольшими отличіями, съ небольшими вставными эпизодами, указывающими на общее желаніе всѣхъ земель заявить о своемъ участіи въ этомъ великомъ событіи. Хотя всѣ эти сказанія большею частію незамѣчательны въ литературномъ отношеніи, въ особенности по сравненію съ тѣмъ памятникомъ XII вѣка, который послужилъ имъ образцомъ для подражанія; однакоже всѣ они важны по духу своему, какъ первое выраженіе русскаго самосознанія за долгій періодъ татарскаго ига, какъ выраженіе того радостнаго настроенія, которое охватило всѣхъ русскихъ людей послѣ этой первой побѣды, одержанной надъ татарами...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глубокій мракъ невѣжества. —Митрополитъ Фотій и его посланія. — Общественное мнѣніе и голосъ церкви въ пользу мужественной борьбы съ татарами.—Геннадій, архіепископъ новгородскій. —Его заботы о просвѣщеніи.— Борьба противъ ереси жидовствующихъ.—Первый полный сводъ Библіи.

Конецъ XIV и начало XV вѣка были самымъ печальнымъ періодомъ въ исторіи нашего духовнаго и умственнаго развитія. Общество русское начинало выходить изъ того печальнаго положенія, въ которое оно было поставлено эпохой татарщины; значительное улучшеніе матеріальныхъ и политическихъ условій его жизни, начиная съ половины XIV вѣка, привело его къ нѣкоторому оживленію, пробудило въ немъ различныя, до той поры невѣдомыя ему стремленія, привело къ вопросамъ и сомнѣніямъ — и тогда

только сталъ ощущаться всѣми лучшими людьми тотъ страшный, непроглядный мракъ, который тяжкою, свинцовою тучею тяготѣлъ надъ всею Русскою землею... То былъ мракъ невѣжества, вызванный татарщиной и самъ по себѣ гораздо болѣе тяжкій, чѣмъ даже иго татарское. Даже и въ наиболѣе образованномъ классѣ и въ средѣ монашества и высшаго духовенства—уровень образованія былъ очень не высокъ и ограничивался простою начитанностью и грамотностью въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. умѣніемъ читать и писать... Очень немногіе изъ этой среды поднимались выше такого незавиднаго уровня и, при крупныхъ природныхъ дарованіяхъ, находили возможность расширить кругъ своихъ свѣдѣній, удовлетворяя жаждѣ знаній, потребности просвѣтить себя... Но уже внѣ круга духовенства и монашества мракъ царилъ полный и повсемѣстный: въ житіи Дмитрія Донского прямо говорится, что онъ *не былъ хорошо изученъ книгамъ*; о Василіи Темномъ знаемъ, что онъ *былъ неграмотенъ*, а множество актовъ историческихъ свидѣтельствуютъ намъ, что масса лицъ, даже боярскаго сословія, не умѣла подписать своего имени. Въ такомъ же глубокомъ невѣжествѣ коснѣло, какъ мы увидимъ далѣе, громадное большинство низшаго духовенства, наравнѣ со всѣми другими сословіями и со всею массою народа.

Отсутствіе школъ. Ни о какихъ школахъ свѣдѣній за это время не имѣемъ; не было и средствъ къ просвѣщенію, и что всего хуже—въ обществѣ царило полное равнодушіе къ его распространенію. А между тѣмъ, невѣжество и грубость нравовъ въ низшемъ духовенствѣ и недостаточность книжнаго образованія даже и въ высшихъ представителяхъ духовнаго сословія [1]) приводили къ весьма печальному явленію: къ зарожденію ересей, которыя находили себѣ весьма удобную почву для распространенія во всѣхъ слояхъ общества. Мало того: при полномъ безсиліи духовенства въ борьбѣ съ болѣе книжными и болѣе просвѣщенными еретиками, ереси грозили поколебать единство и твердыя основы православной Церкви. И среди всего этого мрака невѣжества, среди полнаго убожества умственнаго, словно двѣ путеводныя звѣзды, сіяютъ два имени, достопамятныхъ въ исторіи нашего просвѣщенія: имя *Геннадія*, архіепископа новгородскаго, и *Іосифа (Санина)*, игумена Волоколамскаго монастыря... Два имени на пространствѣ цѣлаго вѣка!

---

[1]) Историкъ русской церкви, митрополитъ Макарій, пишетъ: «*Епископы русскіе – люди не книжные* — такъ говорилъ папѣ Евгенію митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ, и если мы заподозрѣли-бы этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на русскій языкъ (въ 1343 или 1407 г.), въ руководство именно архіереямъ, чтобы они могли по немъ, каждое воскресеніе и праздникъ, проповѣдывать въ храмахъ,—удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки не всѣ были въ состояніи сами отъ себя поучать народъ истинной вѣрѣ». (И. Р. Ц., V, 257).

Въ самомъ началѣ XV вѣка, во главѣ русской Церкви видимъ митрополита *Фотія* — грека родомъ, усерднаго къ дѣламъ вѣры, но не владѣвшаго русскимъ языкомъ въ достаточной степени для полнаго выясненія своей мысли и достаточнаго вразумленія паствы. Его управленіе русскою Церковью было особенно несчастливымъ: Кіевская область и значительная часть Руси юго-западной отпали отъ русской Церкви и отдѣлилась, при Витовтѣ, въ отдѣльную митрополію; приходилось бороться съ значительно-усилившеюся ересью *стригольниковъ* и съ весьма серьезными церковными непорядками во Псковѣ; при этомъ Русь еще страдала отъ разныхъ стихійныхъ бѣдствій: засухъ, голодовъ и черной смерти, терпѣла и отъ разныхъ внутреннихъ неурядицъ... И Фотій, по обще-распространенному въ то время мнѣнію, считавшій всѣ эти бѣдствія небесною карою за наши грѣхи, находилъ только одно утѣшеніе для своей паствы: указывалъ на эти явленія, какъ на знаменія близкой кончины міра... Знаменія близкой кончины міра.

„...Сей вѣкъ мало-временный преходитъ", —говоритъ Фотій въ одномъ изъ своихъ поученій: — „Грядетъ ночь: житія нашего престатіе (т.-е. окончаніе)... Седьмая тысяча [1]) (лѣтъ) совершается, осьмая приходитъ и не преминетъ, и ужъ никакъ не пройдетъ... Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ будущей и безконечной, и сего ради молю васъ: будемъ дѣлать дѣла свѣта, пока еще житіе наше стоитъ"...

Тягостно звучитъ это напоминаніе о наступающей кончинѣ міра изъ устъ лица, поставленнаго во главѣ Церкви и однакоже зараженнаго печальнымъ предразсудкомъ и, наравнѣ со всѣми, ожидающаго близкой кончины міра, которому будто бы предназначено было существовать не долѣе, какъ 7000 лѣтъ. Можно себѣ представить, какъ такое страшное предсказаніе должно было отзываться на паствѣ, которая не дерзала недовѣрять своему архипастырю и, въ напрасныхъ ожиданіяхъ кончины міра, теряла послѣднюю опору энергіи и силъ душевныхъ.

По счастію, не всѣ русскіе люди смотрѣли на жизнь такъ мрачно, какъ архипастырь Фотій, и, несмотря на грозящую кончину міра, не думали складывать руки и покорно склонять голову передъ рѣшеніемъ судьбы. То сознаніе народнаго единства, то оживленіе, которое, какъ мы упоминали выше, проявилось въ средѣ русскихъ людей конца XIV вѣка, послѣ Куликовской битвы, побуждало къ дальнѣйшей борьбѣ съ татарскою силою, хотя и надломленной, но все еще грозно тяготѣвшей надъ Русскою землею. Современный Іоанну III лѣтописецъ конца XV вѣка, не- Возбужденіе противъ татаръ.

[1]) Фотій управлялъ русскою Церковью между 6918 и 6939 г. (т.-е. 1410—1431 г.), слѣдовательно, до конца седьмой тысячи лѣтъ оставалось всего 69 лѣтъ.

годуя на бояръ, совѣтовавшихъ государю мириться съ Ахматомъ, восклицаетъ:

„О, храбрые, мужественные сынове русскіе, потщитеся сохранить свое отечество, Русскую землю, отъ поганыхъ! Не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія св. церквей и домовъ вашихъ, и убіенія дѣтей вашихъ и поруганія женъ и дочерей вашихъ! Многія великія и славныя земли пострадали отъ турокъ, потому что не выступили противъ врага мужественно. И погибли тѣ народы, и отечество свое изгубили и землю и государство, и скитаются по чужимъ странамъ, какъ бѣдные странники, достойные вполнѣ и плача, и слезъ... И всѣ поносятъ ихъ и оплевываютъ, какъ не мужественныхъ. Пощади, Господи, насъ, православныхъ христіанъ, отъ такого бѣдствія".

Посланіе Геронтія.

Это живой голосъ живой души! Это ясно-выраженное настроеніе значительнаго большинства русскихъ людей, которое нашло себѣ отголосокъ и въ высшихъ представителяхъ современнаго Іоанну III духовенства. Въ то время, когда Іоаннъ III, выступивъ съ войскомъ изъ Москвы противъ хана Ахмата (въ 1480 г.), медлилъ и колебался, и даже сбирался вступить въ переговоры съ ханомъ, митрополитъ Геронтій, отъ лица всего русскаго духовенства, счелъ долгомъ отправить къ великому князю увѣщательное посланіе, въ которомъ убѣждаетъ его твердо стоять за святую вѣру, за церкви Божіи и „за все множество народа—людей православныхъ, ихъ же Христосъ искупилъ честною Своею кровію" — и указываетъ на то, что всѣхъ, кому суждено пасть въ предстоящей борьбѣ съ невѣрными, ожидаетъ въ будущей жизни „съ мучениками радованье" и вѣнецъ мученическій.

Посланіе Вассіана.

Гораздо яснѣе высказывается архіепископъ ростовскій, *Вассіанъ*, духовникъ Іоанна, человѣкъ весьма къ нему близкій и пользовавшійся большимъ довѣріемъ съ его стороны. Видя, что соборное посланіе духовенства не возымѣло настоящаго дѣйствія, Вассіанъ рѣшился отправить къ великому князю, отъ себя лично, другое посланіе, написанное весьма искусно и убѣдительно.

„Нынѣ, Государь великій",—такъ начинаетъ Вассіанъ свое посланіе, —„надлежитъ вспоминать намъ, а вамъ насъ слушать: и вотъ нынѣ я дерзнулъ написать къ твоему благородству, такъ какъ хочу нѣчто вспомнить отъ божественнаго писанія, насколько Господь вразумилъ меня на крѣпость и утвержденіе твоей державы. Дошли до насъ слухи, будто въ то время, когда уже бесерменинъ Ахматъ приближается и погубляетъ христіанство и въ особенности похваляется на тебя и твое отечество — ты передъ нимъ смиряешься и молишь его о мирѣ, и къ нему посылаешь,

а онъ все такъ же дышитъ гнѣвомъ и твоего моленія не слушаетъ, но хочетъ до конца разорить христіанство... Прослышали мы и о томъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ уши льстивыя слова и совѣтуютъ тебѣ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ... Умоляю тебя, не слушай ты такого совѣта ихъ! Разсуди, что̀ совѣтуютъ тебѣ эти льстивые и лжеименитые, почитающіе себя христіанами? Да только то, чтобы, побросавъ щиты свои и ни мало не сопротивляясь этимъ окаяннымъ сыроядцамъ, предавъ и христіанство, и свое отечество, ты бы, вмѣстѣ съ ними, какъ бѣглецъ, скитался по инымъ странамъ. Помысли же, всемудрый Государь, отъ какой славы и въ какое безчестіе сводятъ они твое величество, послѣ того, какъ такое множество народа погибло и столько церквей Божіихъ было раззорено и осквернено? И кто же будетъ настолько каменносердеченъ, что не восплачетъ объ этой погибели? Убойся же и ты, о, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ кровь погибшихъ?.. И куда же хочешь ты бѣжать, или гдѣ воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо? И вотъ теперь, когда, какъ слышно, безбожный агарянскій народъ приблизился къ странамъ нашимъ, къ отечеству, — выходи же скорѣе къ нему навстрѣчу, взявъ на помощь Бога и Пречистую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, и прими за образецъ себѣ прежде бывшихъ твоихъ прародителей великихъ князей: они не только Русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но даже и другія страны завоевывали, хотя бы, напр., Игорь или Святославъ, или Владиміръ, которые брали дань съ греческихъ царей; а потомъ и Владиміръ Мономахъ — какъ и когда онъ бился съ окаянными половцами за Русскую землю; да и многіе другіе, которые тебѣ болѣе насъ извѣстны. Также и достойный похвалъ великій князь Дмитрій, твой прародитель, каково мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными? Самъ даже впереди всѣхъ бился, не щадя своей жизни ради избавленія христіанъ... Не усомнился онъ и не испугался множества татаръ, не воротился назадъ, не сказалъ себѣ самому: у меня жена и дѣти, и богатства много; если даже и захватятъ мою землю, то я поселюсь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... Нѣтъ! Съ увѣренностью устремился онъ на подвигъ и выѣхалъ напередъ и лицомъ къ лицу сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, усиливаясь исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ: — потому-то и всемилостивый Богъ послалъ ему скорую помощь, и ангеловъ, и св. мучениковъ, чтобы они помогали ему на супротивныхъ. Если же ты на это скажешь, что мы еще отъ прародителей нашихъ клятвою обязаны не поднимать руки и не воз-

ставать противъ царя (т.-е. хана); то послушай же, боголюбный царь. Если клятва бываетъ по нуждѣ, то намъ повелѣно прощать такія клятвы и разрѣшать, и мы—святѣйшій митрополитъ и весь боголюбивый соборъ—ихъ прощаемъ и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя противъ него, не какъ противъ царя, но какъ противъ разбойника, хищника и богоборца: лучше тебѣ солгать да остаться въ живыхъ, нежели держаться истины и погибнуть, пустивъ тѣхъ (т.-е. татаръ) въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святымъ церквямъ. Не слѣдуетъ тебѣ уподобиться окаянному Ироду, который не хотѣлъ клятвы преступить (т.-е. неправильно данной), и погибъ."

Мы нарочно привели почти цѣликомъ это сильное и горячее посланіе энергичнаго Вассіана къ его духовному сыну, великому князю, чтобы ближе ознакомить читателей съ воззрѣніями и логическими выводами лучшихъ представителей современнаго Іоанну общества—увы!—весьма не многочисленныхъ.

Архіепископъ Геннадій.

Рядомъ съ Вассіаномъ упомянемъ и о другомъ современникѣ Іоанна, который тоже заботился „о чести и спасеніи" великаго князя, господина своего, но съ совсѣмъ иной стороны, не имѣвшей ничего общаго съ политикой. То былъ уже упомянутый нами выше *Геннадій*, архіепископъ новгородскій (1485—1504), который памятенъ намъ своими заботами о просвѣщеніи духовенства и упорною борьбою противъ ереси жидовствующихъ, которая побудила его приняться за другіе, почтенные и важные труды. Мракъ общераспространеннаго невѣжества былъ въ то время настолько великъ, что нельзя было даже найти достаточно грамотныхъ людей для поставленія въ священники. Въ виду этого, Геннадій обратился къ митрополиту Симону и просилъ его ходатайствовать передъ государемъ объ учрежденіи начальныхъ школъ грамотности для духовенства. Въ посланіи, обращенномъ по этому поводу къ митрополиту, Геннадій пишетъ, между прочимъ:

Его заботы о школахъ.

„Билъ я челомъ Государю великому князю, чтобы велѣлъ училища устроить. Вѣдь я своему Государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ. Когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенью выучить, да и ставлю его, и отпускаю тотчасъ же, поучивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ... Ну, а вотъ приведутъ ко мнѣ мужика, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтирь, а онъ и по тому едва бредетъ. Я ему откажу; а они кричатъ: „земля, господинъ, такая—не можемъ добыть человѣка, чтобы грамотѣ умѣлъ"; но вѣдь это всей землѣ позоръ, что нѣтъ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Бьютъ мнѣ челомъ: „пожалуй, господинъ, вели учить." Вотъ я и при-

кажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, ужъ и просится прочь, ужъ не хочетъ учиться; а иной и учится, да не усердно, и потому живетъ не долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ. А мнѣ что же дѣлать: силы моей нѣтъ поставлять ихъ въ попы, не учивши. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ (митрополита Симона) благословеніемъ это дѣло исправится…“

При этомъ Геннадій даетъ даже и готовую программу для этихъ будущихъ училищъ: въ нихъ предлагаетъ онъ „обучать азбукѣ, подтитульнымъ словамъ и Псалтиря со слѣдованіемъ накрѣпко“. И затѣмъ, приводя возмутительные примѣры безграмотности ставленниковъ, Геннадій добавляетъ: „По мнѣ, такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ черезъ пророка: „Ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебе, да не будеши мнѣ служитель“.

Его борьба противъ ереси.

Не знаемъ, была ли уважена просьба почтеннаго архипастыря? Но знаемъ, что къ такимъ усиленнымъ хлопотамъ объ училищахъ его побуждало печальное убѣжденіе въ томъ, что невѣжество, главнымъ образомъ, способствуетъ распространенію ересей и въ массѣ народа, и въ средѣ духовенства. Необходимость общаго и, главнымъ образомъ, богословскаго образованія чувствовалась преимущественно въ борьбѣ съ ересью *жидовствующихъ* (явившейся въ Новгородѣ въ 1471 г.), среди которой много было людей образованныхъ и, притомъ, отлично знакомыхъ съ св. Писаніемъ *въ полномъ его составѣ.* А между тѣмъ въ русской письменности, до того времени, не было „полной Библіи“, т.-е. полнаго собранія всѣхъ каноническихъ книгъ св. Писанія, и это было тѣмъ болѣе прискорбно, что жидовствующіе почерпали многіе доводы своего ученія именно изъ тѣхъ книгъ св. Писанія, которыхъ не доставало православнымъ. Почему ихъ не было? — Это вопросъ, на который было бы довольно трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе, что свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ былъ сдѣланъ, несомнѣнно, полный переводъ книгъ св. Писанія. По всѣмъ вѣроятіямъ, древніе переводы книгъ ветхозавѣтныхъ, рѣдко употреблявшіеся въ церковномъ обиходѣ, затерялись. И вотъ, первою заботою Геннадія было—собрать рукописи всѣхъ древнихъ переводовъ книгъ св. Писанія съ греческаго, какіе только могли быть въ его время отысканы въ библіотекахъ. Когда переводы были собраны, оказалось, что нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта [1]) не

Его заботы о полномъ текстѣ Библіи.

[1]) А именно: 2 книги Паралипоменонъ, три книги Эздры, книга Юдиѳи, Товіи, Премудрости Соломоновой и двѣ книги Маккавейскія.

отыскиваются въ переводѣ на русскій языкъ, и Геннадій немедленно рѣшился пополнить эти пробѣлы. Книга Эсѳирь была, по его приказу, переведена съ еврейскаго языка, остальныя же шесть книгъ переведены съ латинскаго, по тексту Іеронимовскаго перевода Библіи (извѣстнаго подъ названіемъ *Вульгаты*). Такимъ образомъ составился полный сводъ всѣхъ библейскихъ книгъ, сохранившійся до нашего времени въ Сѵнодальной библіотекѣ и извѣстный подъ именемъ *Геннадіевскаго* или *Сѵнодальнаго списка Библіи*.

Заключительная приписка въ концѣ Геннадіевскаго списка Библіи.

Сотрудники Геннадія.

Этотъ большой трудъ, конечно, могъ быть совершенъ Геннадіемъ только при помощи многихъ сотрудниковъ, работами которыхъ онъ лично руководилъ. Ему даже не можетъ быть поставлено въ укоръ то обстоятельство, что нѣкоторыя библейскія книги были имъ внесены въ его сводъ въ переводахъ съ латинскаго, а не съ греческаго (что было противно преданіямъ Восточной Церкви). Причина этого вполнѣ ясна: среди кружка людей, въ которомъ совершался трудъ Геннадія, не нашлось никого, настолько знакомаго съ греческимъ языкомъ, чтобы переводы недостающихъ книгъ могли быть сдѣланы съ греческаго текста. Недостатокъ въ знающихъ, опытныхъ переводчикахъ, вынуждалъ Геннадія прибѣгать къ помощи латинщиковъ, получив-

шихъ образованіе на Западѣ и даже къ помощи людей, завѣдомо расположенныхъ къ Риму. Такъ, въ числѣ сотрудниковъ Геннадія упоминается и *Θеодоръ еврей*, отъ котораго Геннадій получилъ переводъ книги Эсθирь, сдѣланный съ еврейскаго; упоминается и доминиканецъ *Веніаминъ*, славянинъ родомъ. Упоминается и *Дмитрій Герасимовъ*, состоявшій переводчикомъ посольскаго приказа — одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей конца XV вѣка, о которомъ намъ еще придется упоминать далѣе.

Новая пасхалія.

Въ концѣ своей пастырской дѣятельности, „въ самый разгаръ борьбы съ жидовствующими“, архіепископъ Геннадій предпринялъ и еще одинъ трудъ, высказывающій въ немъ человѣка просвѣщеннаго и неспособнаго поддаваться нелѣпымъ предразсудкамъ, державшимъ все современное, не только русское, но и западно-европейское общество, подъ гнетомъ страха и трепетныхъ ожиданій близкой кончины міра. При митрополитѣ Зосимѣ начато было пасхальное расчисленіе на восьмую тысячу лѣтъ, но пріостановлено (можетъ-быть изъ осторожности или опасенія) на 20-мъ году; Геннадій продолжилъ этотъ трудъ еще на 70 лѣтъ, и—что гораздо важнѣе—присоединилъ къ нему предисловіе, въ которомъ выяснилъ всю нелѣпость ожиданій кончины міра и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, привелъ мѣста св. Писанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря.—Его книга „Просвѣтитель“, какъ памятникъ его борьбы противъ еретиковъ. - Отношенія Іосифа къ вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ.—Нилъ Сорскій и бѣлозерскіе старцы.—Вассіанъ Косой.

Выше видѣли мы, какъ неутомимый Геннадій, архіепископъ новгородскій, энергично боролся противъ возраставшей и быстро распространявшейся ереси жидовствующихъ. Боролся онъ сначала словомъ — этимъ могучимъ духовнымъ орудіемъ—потомъ, видя, что оно безсильно противъ возрастающаго зла, прибѣгнулъ къ помощи властей земныхъ, просилъ и молилъ о мѣрахъ строгости противъ еретиковъ, и, съ ужасомъ, увидѣлъ, что жидовствующіе успѣли склонить на свою сторону и власти земныя: митрополитъ Зосима и многіе изъ приближенныхъ къ великому князю бояръ открыто потворствовали ереси, которая нашла себѣ сторонниковъ и въ самой семьѣ великокняжеской. Тогда Геннадій рѣшился призвать къ себѣ на помощь *Іосифа Волоцкого*, который уже пользовался громкою славою человѣка, обладающаго несокрушимою силою рѣчи, истекающей изъ глубокаго религіознаго настроенія. И Іосифъ радостно отозвался на призывъ и не-

медленно выступилъ страшнымъ и грознымъ поборникомъ православія.

Іосифъ Волоцкой.

Преподобный Іосифъ (въ мірѣ Иванъ Санинъ) род. въ 1440 г., въ Волокѣ-Ламскомъ. На седьмомъ году, при самомъ вступленіи въ отрочество, онъ былъ отданъ, для обученія грамотѣ, въ Крестовоздвиженскій монастырь, и уже не возвращался въ міръ; по страстному влеченію къ иноческой жизни, на 20 году онъ уже постригся въ обители Пафнутія Боровскаго, и, по прошествіи 17 лѣтъ, настолько успѣлъ прославиться чистотою и строгостью своей жизни, что, по смерти основателя монастыря, братія избрала его игуменомъ, находя его одного достойнымъ. Братія была Іосифомъ довольна и проникнута къ нему уваженіемъ; но Іосифъ держался слишкомъ высокихъ идеаловъ иночества и потому не могъ быть доволенъ братіею. Ему казалось, что въ другихъ обителяхъ и жизнь иноковъ чище и строже, и порядки лучше, и уставъ суровѣе; и вотъ онъ, временно сложивъ съ себя игуменство, задался смѣлымъ замысломъ: простымъ монахомъ-странникомъ рѣшился онъ обойти всѣ обители сѣвернаго края Руси—и пустился въ путь. Много лѣтъ сряду продолжалось его странствованіе; въ однѣхъ обителяхъ онъ останавливался на болѣе долгій, въ другихъ—на болѣе короткій срокъ, наблюдалъ и присматривался, и наконецъ возвратился въ свой монастырь и задумалъ въ немъ измѣнить жизнь по тому образцу, который сложился въ умѣ его за эти годы странствованія... Но онъ сразу увидалъ, что братія относится къ его замыслу не сочувственно. Тогда онъ покинулъ свою обитель и вторично удалился къ себѣ на родину, въ Волокъ-Ламскій; здѣсь основалъ онъ свою обитель, ввелъ въ ней очень строгій свой уставъ и первый сталъ подавать братіи примѣръ въ его соблюденіи [1]).

Здѣсь, въ тихомъ уединеніи и полномъ удаленіи отъ міра, Іосифъ, страстно прилежавшій къ книгамъ, постоянно ихъ читая и переписывая, мало-по-малу пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія. Обладая свѣжимъ логическимъ умомъ и превосходною памятью, онъ быстро усвоилъ себѣ все то, что въ ту пору было доступно на Руси изъ области богословія и исторіи, твореній отцовъ Церкви и толкованій на св. Писаніе — и все прочтенное помнилъ такъ отчетливо и ясно, какъ если бы читалъ по книгѣ. Одаренный, при этихъ качествахъ и знаніяхъ, сильною и энергическою рѣчью, необычайно твердою волею и замѣчательною смѣлостью, Іосифъ является грознымъ поборникомъ православія противъ *жидовствующихъ*, которые любили препираться о вѣрѣ, вы-

[1]) Онъ былъ въ такой степени строгъ къ себѣ, что отказался отъ свиданія со своею матерью, инокиней, когда она пришла проститься съ нимъ, наканунѣ кончины своей.

соко цѣнили слово, какъ орудіе разума, а среди невѣжественнаго духовенства встрѣчались большею частью съ людьми мало-убѣжденными, нетвердыми въ знаніи догматовъ и безсильными въ подтвержденіи своихъ убѣжденій текстами, почерпнутыми изъ книгъ. Геннадій зналъ, кого вызвать на борьбу съ ними!

«Просвѣтитель» Іосифа.

Не вдаваясь въ исторію этой борьбы, упорной, продолжительной и ожесточенной—такъ какъ она всецѣло принадлежитъ Исторіи Русской Церкви,—скажемъ только, что, въ результатѣ борьбы и всей полемической дѣятельности Іосифа, памятникомъ осталось обширное его полемическое сочиненіе, извѣстное подъ заглавіемъ *«Просвѣтитель»*. Эта книга содержитъ въ себѣ предисловіе, въ которомъ авторъ излагаетъ исторію ереси „жидовствующихъ" и ея распространеніе въ Новгородѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ въ 16-ти обширныхъ „словахъ" (нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку главъ) подробно разбирается все ученіе еретиковъ. Здѣсь приводится масса доводовъ для опроверженія ихъ заблужденій, и, сверхъ того, попутно, дается въ руки православныхъ цѣлый кодексъ нравственныхъ правилъ, которымъ должно слѣдовать въ жизни, чтобы не впасть въ соблазнъ различныхъ лжеученій. Кромѣ того, въ „Просвѣтителѣ" нѣкоторыя главы посвящены и рѣшенію вопросовъ, которые, хотя и не имѣли никакого отношенія къ опроверженію ереси, однакоже были вызваны и возбуждены той борьбой, которая длилась около двадцати лѣтъ и коснулась различныхъ сторонъ древне-русской жизни.

Въ предисловіи къ „Просвѣтителю", Іосифъ съ грустью говоритъ о томъ, что „въ великой землѣ Русской", отъ временъ ея крещенія „въ продолженіе 470 лѣтъ, никто не видѣлъ ни еретика, ни отступника; но дьяволъ, для извращенія и смущенія православной вѣры посѣявшій по всей вселенной сѣмена зловѣрія, опуталъ своими кознями и землю Русскую".

Затѣмъ начинается, какъ мы уже упоминали выше, изложеніе исторіи ереси и опроверженіе всѣхъ ея лжеученій по частямъ. По поводу многихъ такихъ опроверженій, Іосифъ, вслѣдъ за ними, прибавляетъ отъ себя различныя правила житейской мудрости и простого общежитія, отчасти заимствованныя изъ Отцевъ Церкви, отчасти же изъ памятниковъ поучительной литературы, болѣе близкой къ намъ эпохи, напримѣръ, изъ поученія Владиміра Мономаха. Опуская все то, что имѣетъ спеціально богословскій интересъ, мы обратимъ вниманіе именно на эти добавленія къ „Словамъ", и на тѣ „Слова", которыя могутъ имѣть обще-литературный интересъ, т. е. служатъ выраженіемъ эпохи и личности автора.

Идеалъ гражданина и христіанина.

Такъ, въ 7-мъ „Словѣ", къ разсужденію о почитаніи иконъ, Іосифъ добавляетъ еще весьма пространное изложеніе общихъ обя-

занностей христіанина и гражданина, подъ заглавіемъ: „како подобаетъ поклонятися другъ другу и како подобаетъ поклонятися и служити царю или князю, и како подобаетъ Господу Богу поклонятися и ему одному служити". Это полное начертаніе жизни для всякаго гражданина, съ указаніемъ всѣхъ его обязанностей, съ предостереженіемъ противъ всѣхъ соблазновъ, и съ такими суровыми правилами благочестія и чистоты нравовъ, которыя носятъ на себѣ совершенно аскетическій характеръ и достижимы только для инока. „Поникая долу, умъ простирай къ небеси, ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренный, слово благочинное, пищу и питіе немятежное, при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, преимущимъ имѣй повиновеніе, а къ равнымъ себѣ и къ меньшимъ любовь нелицемѣрную; мало говори, а больше разумѣвай, не будь дерзокъ въ словѣ, не излишествуй бесѣдою, стыдѣніемъ украшайся, трудись руками, за все благодари, въ скорбяхъ терпи, ко всѣмъ имѣй смиреніе, храни сердце отъ лукавыхъ помышленій... Больше всего воздерживайся отъ бесѣдъ женскихъ и отъ винопитія; вино и жены заставятъ отступить и разумныхъ... Читай завѣщанныя книги и отреченныхъ отнюдь не читай. Всякому, созданному по образу Божію, главы своей наклоняти не стыдися; сверстниковъ своихъ встрѣчай мирно, меньшихъ принимай съ любовью, передъ честнѣйшими не лѣнись стоять"... Такъ наставляетъ Іосифъ, увлекаясь своимъ идеаломъ человѣка и гражданина.

Защита монашества. Въ 11-мъ „Словѣ", самомъ обширномъ изъ всѣхъ, Іосифъ защищаетъ монашество отъ нападковъ „жидовствующихъ" и защищаетъ горячо и весьма искренно, потому что самъ отъ ранней юности былъ ревностнымъ и усерднымъ инокомъ. „Жидовствующіе" отрицали и осуждали монастыри и монашество, имѣя въ виду тѣ недостатки и неустройства, которые вкрались въ ихъ бытъ въ XIV и въ XV вѣкахъ: Іосифъ же подходитъ къ тому же вопросу со стороны исторической, со стороны идеала монашеской жизни и заслугъ монашества и заканчиваетъ утвержденіемъ, „что никто изъ мірянъ ни чудесъ не сотворилъ, ни мертвыхъ не воскресилъ, ни даровалъ свѣтъ слѣпымъ: все сіе,—и знаменія, и чудеса,—сотворили преподобные и богоносные отцы наши, носившіе иноческій образъ".

Вопросъ о судѣ и казни. Въ 13-мъ „Словѣ", Іосифъ касается вопроса, который и въ недавнее время былъ поднятъ однимъ изъ русскихъ мыслителей. Онъ утверждаетъ, что иноки не только должны осуждать еретиковъ, но и всячески стараться объ истребленіи ихъ, а власти свѣтскія должны ихъ казнить. „Жидовствующіе" же ссылались на слова Спасителя: „не судите, да не судимы будете", и на слова Златоуста, который говорилъ, что не должно ненавидѣть, ни

убивать ни невѣрнаго, ни еретика, ибо, иначе, „рать не смиримая была бы постоянно и повсюду"... Іосифъ, возражая еретикамъ на первый ихъ доводъ, очень наглядно сравниваетъ въ этомъ случаѣ пастырей и учителей Церкви — съ пастухами, а еретиковъ — съ волками; „пастухи, — говоритъ Іосифъ, — оставляютъ звѣрей въ покоѣ, пока они не вредятъ стаду; но при нападеніи ихъ на стадо, вооружаются и убиваютъ ихъ".

По отношенію къ словамъ Златоуста, Іосифъ говоритъ, что они могутъ относиться только къ духовнымъ лицамъ, но никакъ не къ міряскамъ, или къ власти свѣтской — къ царямъ, князьямъ и судьямъ, которымъ въ прямую обязанность вмѣнено судить и казнить еретиковъ.

Этими возраженіями своими Іосифъ вызвалъ противъ себя цѣлую бурю возраженій и недовольства не со стороны еретиковъ и ихъ сторонниковъ, а со стороны нѣкоторыхъ частей монашества, которая расходилась съ Іосифомъ и въ вопросѣ о необходимости примѣненія строгихъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ, и еще въ другомъ важномъ вопросѣ: о монастырскихъ имѣніяхъ. Эта часть монашества, выдѣлявшаяся изъ остальной массы иноковъ, — представителемъ и защитникомъ которыхъ являлся Іосифъ Волоцкой, — была въ своемъ родѣ явленіемъ весьма своеобразнымъ, выходящимъ изъ ряда. Эти противники Іосифа отрицали многія формы и стороны установившейся на Руси иноческой жизни. То были — такъ называемые *Кирилловскіе* и *Вологодскіе „старцы"* — т. е. иноки, принадлежавшіе къ братіи Кириллова и Вологодскихъ монастырей, но жившіе внѣ стѣнъ обителей въ уединенныхъ скитахъ, разбросанныхъ среди дремучихъ лѣсовъ, по берегамъ Бѣла-озера. Во главѣ ихъ стоялъ заклятой врагъ Іосифа, инокъ ***Вассіанъ Косой*** [1]). Вассіанъ и „старцы", послѣ второго собора противъ еретиковъ, на которомъ послѣдніе были осуждены, горячо возстали противъ Іосифа, который требовалъ строгихъ мѣръ для наказанія еретиковъ. Намъ сохранилась эта любопытная полемика „старцевъ" съ Іосифомъ, въ которой всѣ отвѣты старцевъ, какъ говорятъ, были редактированы Вассіаномъ. Іосифъ утверждалъ, что „грѣшника или еретика что руками убить, что молитвою — одно и то же". Старцы же на это отвѣчали: „Сынъ Божій пришелъ въ міръ для грѣшниковъ, чтобы спасти погибшихъ". Іосифъ возражалъ: „Моисей скрижали разбилъ, узнавъ, что израильтяне поклонились золотому тельцу." Старцы отвѣчали: „да, это правда; но когда Господь Богъ хотѣлъ погубить израильтянъ, за ихъ отступничество — тотъ же Моисей воспротивился, и сказалъ: „если ихъ

Іосифъ и старцы.

[1]) Въ иночествѣ Вассіанъ, а въ мірѣ *князь Патрикѣевъ*, насильно постриженный Іоанномъ III въ монахи въ то время, когда партія Софіи и Василія восторжествовала надъ партіею его внука Димитрія и невѣстки Елены.

погубишь, то прежде нихъ меня погуби". Въ отвѣтъ на другіе примѣры строгости, приводимые Іосифомъ изъ Ветхаго Завѣта, старцы отвѣчали: „тогда былъ Ветхій Завѣтъ, намъ же въ новой благодати Владыко явилъ христолюбивый союзъ, чтобы не осуждать брату брата"... „Спаситель воинъ и блудницы не осудилъ". Расходясь до такой полной противоположности въ вопросѣ о казни еретиковъ, „старцы" и Вассіанъ, какъ мы увидимъ далѣе, расходились съ нимъ и въ другомъ важномъ вопросѣ „о значеніи и назначеніи монастырей", который, на практикѣ, сводился къ вопросу *о монастырскихъ имѣніяхъ*; но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этой весьма важной и характерной полемикѣ, мы должны дополнить нѣсколькими словами характеристику Іосифа и опредѣлить значеніе его „Просвѣтителя".

Значеніе „Просвѣтителя".

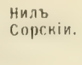
Хотя до насъ и, кромѣ „Просвѣтителя" Іосифова, дошло нѣсколько различныхъ посланій, изъ которыхъ многія заслуживаютъ вниманія по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ [1]) и по общему духу своему, однакоже, главнымъ трудомъ всей его жизни является именно „Просвѣтитель". Не вдаваясь въ разборъ его по достоинству, какъ сочиненія богословскаго, мы должны признать за этимъ трудомъ его важное значеніе въ историко-литературномъ отношеніи, какъ перваго по времени и весьма обширнаго по объему сочиненія полемическаго, въ которомъ авторъ занимается разсмотрѣніемъ всевозможныхъ вопросовъ и прилагаетъ къ ихъ разбору совершенно правильную систему: задается извѣстнымъ вопросомъ, излагаетъ свое возраженіе и подтверждаетъ это возраженіе ссылкою на авторитеты: на тексты Св. Писанія, на мнѣнія Отцевъ Церкви, на извѣстныя ему историческія сочиненія.

Ученая критика обвиняетъ автора въ томъ, что онъ не всегда удачно подбираетъ цитаты свои и не выказываетъ достаточной разборчивости въ указаніи авторитетовъ, сопоставляя важное съ неважнымъ и заслуживающее полнаго довѣрія и уваженія съ незначительнымъ и недостовѣрнымъ. Но все же трудъ Іосифа является замѣчательнымъ памятникомъ эпохи и какъ бы выводомъ изъ всего пережитаго и передуманнаго въ древней Руси до конца XV вѣка: это трудъ — достойный геніальнаго самоучки, который употреблялъ чрезвычайныя усилія ума и характера, чтобы примирить уже явно обнаруженныя нестроенія древне-русской жизни и дѣйствительности съ тѣми идеалами, которые онъ носилъ въ душѣ своей.

Съ такой же чисто-идеальной стороны подходитъ Іосифъ и

[1]) Изъ нихъ болѣе замѣчательны и болѣе извѣстны три слѣдующія: „о растригшемся чернецѣ", „къ вельможѣ — о его рабѣ", „къ вельможѣ — о милованіи рабовъ".

къ роковому вопросу *о монастырскихъ имѣніяхъ*, который, какъ мы видѣли выше, уже и за полвѣка до него, волновалъ умы... Но въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ другого, суроваго противника, не меньше его прославившагося иноческими подвигами, не уступавшаго Іосифу ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ, ни въ достоинствѣ нравственномъ. Противникъ этотъ былъ уже выше упомянутый нами, *Нилъ Сорскій*.

Преподобный *Нилъ Сорскій* (изъ рода бояръ Майкорыхъ, род. 1433 г., ум. 1508 г.) былъ также отъ раннихъ лѣтъ инокомъ Кириллова монастыря и отличался въ средѣ братіи чрезвычайною

Видъ Соловецкаго монастыря въ настоящее время.

строгостью жизни: но тѣ условія иночества, которыя онъ вокругъ себя видѣлъ въ богатой общежительной обители, не удовлетворяли его. Не надѣясь нигдѣ встрѣтить въ русскихъ монастыряхъ иныя, болѣе строгія условія жизни, онъ рѣшилъ отправиться въ далекое странствованіе на Востокъ: въ Византію, на Аѳонъ — чтобы тамъ отыскать лучшее и болѣе достойное подражанія. Тамъ онъ посѣщалъ по преимуществу отдѣльные скиты и небольшія пустыни, присматривался къ жизни отшельниковъ—строгой, скудной и далекой отъ всѣхъ житейскихъ заботъ — и подъ ихъ руководствомъ напитывалъ душу свою, главнымъ образомъ, писаніями отцевъ-пустынниковъ: Нила Синайскаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника. Настроенный этимъ чтеніемъ и

образцами той жизни, которую онъ кругомъ себя видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ, Нилъ рѣшился, по возвращеніи на Русь, положить и у насъ начало скитской жизни. Поэтому онъ не вернулся вновь въ Кирилловскую обитель, а устроилъ себѣ, неподалеку оттуда, въ глухомъ лѣсу, на рѣкѣ Сорѣ, отдѣльный скитъ (впослѣдствіи обратившійся въ Сорскую пустынь). Здѣсь онъ установилъ тотъ бытъ, о которомъ мечталъ отъ ранней юности; въ основу скитской жизни онъ положилъ обязательный трудъ для каждаго инока, который долженъ былъ служить ему средствомъ для пропитанія [1]), и полное отрицаніе всякой собственности, всякаго стяжанія... Основою и верхомъ счастія въ иноческой жизни Нилъ полагалъ возможность — „умереть для всякаго земного попеченія".

Уставъ скитскаго житія.

Зная, что въ остальныхъ общежительныхъ монастыряхъ, по мѣрѣ разбогатѣнія, совершенно утрачивался истинный духъ иночества и внѣшняя обрядность начинала преобладать надъ внутреннимъ содержаніемъ жизни, Нилъ Сорскій, напротивъ, старался отвлечь иноковъ отъ этой внѣшней обрядности къ навыку внутренняго, духовнаго созерцанія, и на этомъ основаніи прямо говорилъ имъ: „умная (т. е. умственная) молитва выше тѣлесной; тѣлесное дѣланіе — листъ, а внутреннее, умное — плодъ. Кто молится только устами, а не умомъ, тотъ молится воздуху, ибо Богъ внемлетъ уму". Всѣ подобныя, весьма высокія мысли объ иночествѣ Нилъ изложилъ прекрасно въ своемъ «*Уставѣ или преданіи о скитскомъ житіи*» и тамъ, на основаніи сочиненій другихъ отцевъ-пустынниковъ, развилъ цѣлую теорію необходимости борьбы съ „помыслами", какъ источникомъ человѣческихъ страстей и пороковъ. Такихъ помысловъ онъ насчитываетъ восемь: „чревообъѣданіе, сладострастіе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость". Послѣдніе два помысла онъ справедливо почиталъ наиболѣе опасными, и, какъ на главный способъ противодѣйствія имъ, указываетъ на *постоянное памятованіе о смерти*...

Борьба противъ стяжанія.

При такихъ высокихъ и прекрасныхъ идеалахъ иночества, Нилъ, конечно, не могъ сочувствовать постоянному возрастанію монастырскихъ имуществъ, пагубно вліявшему на чистоту монастырской жизни; не могъ сочувствовать тому, что писалъ Іосифъ Волоцкой въ одномъ изъ своихъ посланій („къ вельможѣ о рабѣ"), совѣтуя каждому боголюбивому человѣку давать Богу „десятину не только отъ имѣній, но и отъ чадъ, и отъ рабовъ". Его горячею проповѣдью нестяжанія звучитъ та укоризненная рѣчь, съ которою его ученикъ, инокъ Вассіанъ Косой, обращался къ современному монашеству:

---

[1]) «Кто не хочетъ трудиться — замѣчаетъ Нилъ — тотъ пусть и не ѣстъ.»

„Господь говорилъ: *продаи имѣнія твои*, а мы, вступивши въ монастырь, не перестаемъ пріобрѣтать всячески чужія села и имѣнія, выпрашивая ихъ у вельможъ или покупая... И вмѣсто того, чтобы, по заповѣди, безмолвствовать въ монастырѣ и питаться рукодѣліемъ, своими трудами, мы безпрестанно объѣзжаемъ города и въ руки богатыхъ смотримъ, разнымъ образомъ лаская ихъ и раболѣпно угождая имъ, чтобы получить отъ нихъ или село, или деревнюшку, или серебро, или что-нибудь изъ скота...“

Вопросъ о монастырскихъ селахъ.

И вотъ, на соборѣ 1503 года, Нилъ Сорскій выступилъ съ открытымъ предложеніемъ: «*чтобы селъ у монастырей не было, и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ*». Само собою разумѣется, что подобное, смѣло-высказанное предложеніе было встрѣчено соборомъ весьма недружелюбно: дѣло было весьма щекотливое и касалось слишкомъ близко матеріальныхъ интересовъ монашества. Къ тому же, Іосифъ Волоцкой принялъ эти интересы подъ свое покровительство, и очень кстати привелъ два весьма существенныхъ и вѣскихъ довода въ пользу владѣнія монастырей имѣньями. Сначала онъ указалъ на то, что монастыри будто бы принимаютъ приношенія богатыхъ съ цѣлью благотворенія [1]). Затѣмъ онъ указалъ на монастыри, какъ на мѣста воспитанія для епископовъ и вообще для лицъ, которымъ предстоитъ занять высшія іерархическія должности. „Если у монастырей селъ не будетъ,—говорилъ Іосифъ, — то какъ же честному и благородному человѣку постричься?.. А если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію или архіепископа, или епископа, и на высшія честныя власти? А если не будетъ честныхъ старцевъ, то и вѣра будетъ поколеблена“. Мнѣніе Іосифа, какъ и слѣдовало ожидать, взяло верхъ; но и на сторонѣ Нила Сорскаго оказалось много убѣжденныхъ послѣдователей, и вотъ между ними и *Осифлянами* (т. е. сторонниками Іосифовскихъ мнѣній объ имѣніяхъ монастырскихъ) поднялась такая же горячая полемика, какъ и по поводу вопроса о казни еретиковъ.

Осифляне и старцы.

Полемика эта указала съ достаточною ясностью на большіе недостатки монастырскаго быта, полнаго всякихъ нестроеній именно потому, что монастыри были слишкомъ богаты и обезпечены, и что вниманіе иноковъ было поглощено заботами о мірскихъ благахъ. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, какъ въ партіи Іосифа, такъ и въ средѣ сторонниковъ Нила Сорскаго, дошло до того, что Іосифъ Волоцкой, въ завѣщаніи къ братіи, заповѣдалъ ей не имѣть никакихъ общеній съ учениками Нила Сорскаго; а Вассіанъ, въ свою очередь, старался остеречь всѣхъ

[1]) До нѣкоторой степени, онъ былъ, конечно, правъ, въ особенности по отношенію къ своему монастырю, въ которомъ, во время голода, кормилось постоянно отъ 400 до 500 человѣкъ...

приверженцевъ своего дорогого учителя отъ всякихъ сношеній съ „Осифлянами“, о которыхъ вообще сложилось такое невыгодное мнѣніе, что они—„люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей и имѣній желатели“. На утвержденіе, высказываемое Іосифлянами, будто безъ имѣній монастыри запустѣютъ, Вассіанъ очень мѣтко напомнилъ имъ стихъ псалмопѣвца: „не видѣхъ праведнаго оставлена, ниже сѣмени его, ищуща хлѣба“ (XXXVI, 25).

Вскорѣ послѣ всей этой словесной борьбы, оба противника — и Іосифъ, и Нилъ Сорскій—скончались. Но борьба не окончилась со смертью ихъ: язвы были вскрыты и требовали исцѣленія... И мнѣніе Нила нашло себѣ вскорѣ поддержку въ другомъ, такомъ же, какъ и онъ, горячемъ идеалистѣ-подвижникѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Свѣтская литература XV вѣка.—Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ. Отчетъ спутниковъ митрополита Исидора, сопровождавшихъ его въ Италію.—Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина.—Сказанія, вызванныя исторической дѣйствительностью.—Повѣсти и сказки, занесенныя на Русь съ Востока и Запада.

Закончивъ обзоръ умственной жизни XV вѣка, насколько она выразилась въ литературѣ и проявилась въ личности важнѣйшихъ изъ числа современныхъ литературныхъ дѣятелей, мы должны прибавить къ нашему обзору еще нѣсколько словъ, касающихся собственно свѣтской литературы.

Несмотря на то, что XV вѣкъ, какъ мы уже неоднократно упоминали, принадлежитъ къ самымъ темнымъ эпохамъ въ исторіи просвѣщенія и литературы на Руси, несмотря и на то, что и развитію русской жизни въ эту эпоху значительно мѣшали весьма стѣснительныя историческія условія, въ видѣ отношеній къ ордѣ и тягостнаго процесса политическаго объединенія Руси, — жизнь все же беретъ свое: нарождаются новыя формы выраженій мысли, возбуждаются новые вопросы, расширяется умственный и нравственный кругозоръ накопленіемъ новаго опыта, новыхъ наблюденій, новыхъ воззрѣній и взглядовъ... Вотъ почему и въ весьма еще ограниченномъ кругу произведеній свѣтской литературы, въ которой встрѣчаемся все съ тѣми же самыми родами—путешествіемъ, сказаніемъ и повѣстію—мы не можемъ, однакоже, не замѣтить нѣкотораго обновленія и освѣженія. Изъ путешествій, принадлежащихъ къ XV вѣку, извѣстны два путешествія къ Святымъ мѣстамъ: *Зосимы* іеродіакона Троицкой обители, и гостя *Василія*; болѣе ихъ заслуживаютъ вниманія описанія путешествія въ Италію, написанныя двумя суздальцами—іеромонахомъ *Симеономъ* и епископомъ *Авраміемъ*. Въ числѣ путешествій видимъ и въ

Новыя путешествія.

высшей степени важный памятникъ, имѣющій значеніе не только для русской, но и для обще-европейской литературы: это — „*Хожденіе за три моря* тверского купца *Аѳанасія Никитина*», посѣтившаго Индію за 28 лѣтъ до Васко-де-Гамы [1]).

Первыя два путешествія представляютъ собою мало замѣчательнаго въ смыслѣ литературномъ. Іеродіаконъ Зосима начинаетъ свое описаніе путешествія съ кіевскихъ святынь и въ Іерусалимъ попадаетъ черезъ Царь-градъ и Аѳонъ. Весьма сухое описаніе свое онъ дополняетъ заимствованіями изъ „хожденія игумена Даніила“ и изъ „*Странника*“ инока Стефана.

Нѣсколько болѣе интереса представляетъ путешествіе гостя Василія, человѣка торговаго и наблюдательнаго, и притомъ избравшаго совсѣмъ новый путь въ Іерусалимъ — черезъ Малую Азію, которую онъ прошелъ всю пѣшкомъ, отъ города Бруссы. Любопытно въ его путешествіи именно то, что онъ относится къ окрестнымъ, сосѣднимъ Палестинѣ, странамъ совсѣмъ иначе, нежели къ самой Палестинѣ. Проходя по этимъ странамъ, онъ является внимательнымъ наблюдателемъ, даже смѣтливымъ купцомъ, все замѣчаетъ и описываетъ: города и ихъ жителей, восточные базары и бани, даже тѣ караванъ-сараи, въ которыхъ ему приходится останавливаться. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на греческія христіанскія церкви, еще уцѣлѣвшія среди страны, уже окончательно завоеванной турками. Но какъ только онъ вступилъ на почву Святой Земли, его описаніе путешествія совершенно измѣняетъ характеръ: онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе только на святыняхъ, говоритъ только о святынѣ, да о библейскихъ легендахъ и воспоминаніяхъ, связанныхъ съ нею. Ко всему остальному въ Св. Землѣ онъ относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ къ незаслуживающему вниманія.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора, іеромонахъ *Симеонъ*, посѣтившій проѣздомъ во Флоренцію многіе города Ливоніи, Германіи и Италіи, чрезвычайно наивно передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ проѣзда по странѣ и обзора городовъ. Впечатлѣнія эти чисто-дѣтскія, и нигдѣ нейдутъ далѣе внѣшней стороны предметовъ; онъ не замѣчаетъ ни отличія въ нравахъ, ни отличія въ управленіи страною, никакой рѣзкой разницы, которая должна была бы поразить каждаго русскаго, выѣзжавшаго въ Европу; ему бросались въ глаза только диковинки, которыхъ онъ не могъ видѣть у себя дома, на Руси: мудренаго устройства часы, курьезные фонтаны, готическіе храмы, каналы, замѣняющіе улицы въ Венеціи — и только. Наблюдательность его не простирается далѣе этого...

Спутники Исидора.

[1]) Аѳанасій Никитинъ, пробывъ три года въ Индіи, умеръ на обратномъ пути въ Русскую землю въ 1472 году, а Васко-де-Гамо посѣтилъ Индію въ 1497 году.

Описаніе мистеріи.

Другой спутникъ Исидора, суздальскій епископъ Авраамій, оставилъ намъ, въ своемъ отчетѣ о путешествіи, подробнѣйшее описаніе представленія мистеріи, на которой ему удалось присутствовать въ одномъ изъ флорентійскихъ монастырей. Мистерія изображала „Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы“ и, видимо, очень понравилась Авраамію, который не иначе называетъ ее какъ *«чудное видѣніе и хитрое дѣлніе»*, передавая въ этихъ словахъ свое впечатлѣніе и отъ самаго дѣйствія мистеріи, и отъ той роскошной обстановки, въ которой это дѣйствіе происходило.

Аѳанасій Никитинъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается *«Хожденіе за три моря»* тверского купца Аѳанасія Никитина. Эти три моря: Черное, Хвалынское (т. е. Каспійское) и Индѣйское. Цѣль путешествія чисто-комерческая: выгодный сбытъ товаровъ, пріобрѣтеніе барышей и результатъ весьма плачевный — полное разореніе, долгія скитанія по непривѣтной чужбинѣ, среди всякихъ бѣдъ, опасностей и лишеній, и преждевременная кончина въ Смоленскѣ, на обратномъ пути въ Тверь. Въ началѣ своего „Хожденія“ онъ такъ объясняетъ побужденіе, заставившее его рѣшиться на это далекое и трудное странствованіе: бесерменскіе, т. е. среднеазіатскіе, купцы, которыхъ было много въ Твери и во всѣхъ русскихъ при-волжскихъ городахъ, увѣрили его, что въ Индіи можно выгодно сбыть русскіе товары, а оттуда можно вывезти на Русь много такого товару, который охотно раскупятъ на Руси. И вотъ, смѣлая мысль—завязать сношенія съ Индіей, плыть за тридевять земель въ тридесятое царство—запала въ душу предпріимчиваго тверича и не давала ему покоя. Наконецъ, онъ присоединился со своимъ товаромъ и товарищами къ русскому посольству, отправлявшемуся въ Шемаху, предполагая пробраться въ Индію черезъ Персію. Но уже по дорогѣ въ Персію его до-чиста ограбили татары: отняли все, даже до церковныхъ книгъ, которыя онъ взялъ съ собою, чтобъ не отстать отъ церковнаго обихода. Но, вѣроятно, онъ сумѣлъ что-нибудь сохранить или скрыть часть денегъ, потому что, и ограбленный, онъ все же достигъ Индіи, и жилъ тамъ три года, все же и продавалъ, и покупалъ, и занимался еще кое-какими оборотами. Есть также основаніе предполагать, что Аѳанасій Никитинъ владѣлъ до нѣкоторой степени однимъ изъ восточныхъ языковъ: иначе трудно было бы ему пробыть столь долго на чужбинѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Хожденія“ онъ даже вноситъ въ своемъ текстѣ на какомъ-то чуждомъ и странномъ языкѣ цѣлыя фразы и строки [1]); но наши оріенталисты не нашли въ этой тарабарщинѣ никакого смысла и даже

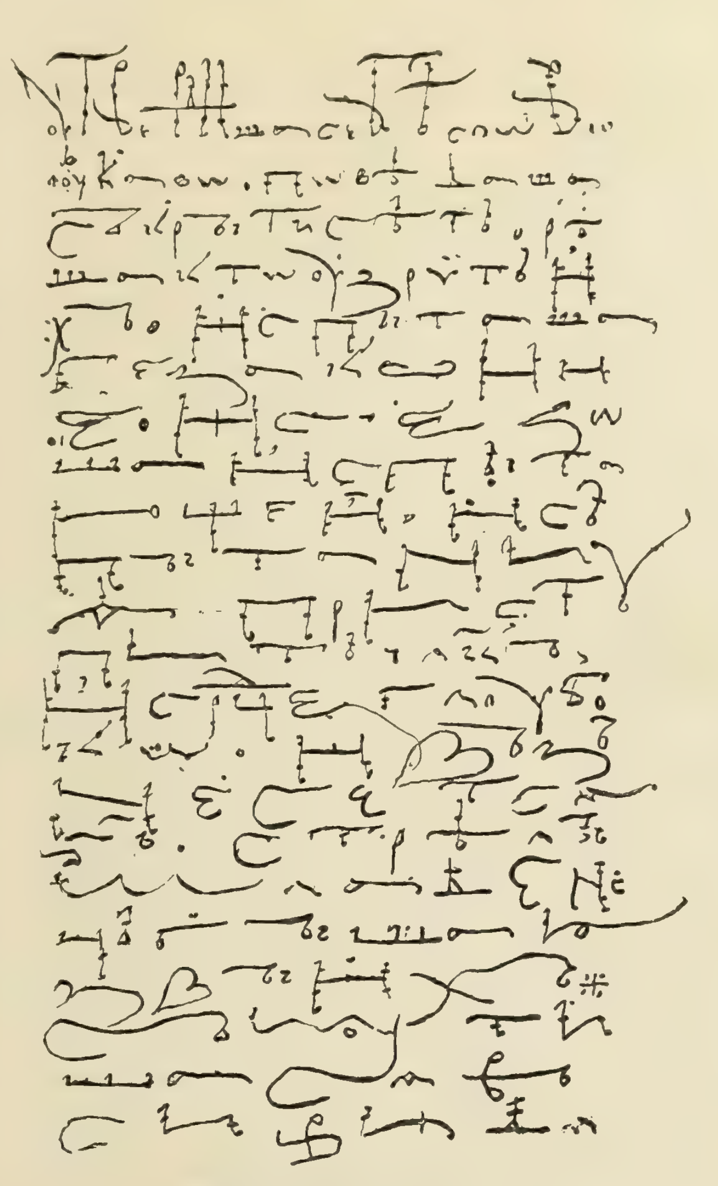
---

[1]) Аѳанасій Никитинъ прибѣгаетъ къ этимъ фразамъ на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится говорить о вещахъ, по его мнѣнію, щекотливыхъ и неприличныхъ.

не могли опредѣлить, изъ какого языка эти фразы заимствованы.

Описаніе Индіи.

Въ своемъ описаніи Индіи Никитинъ выказываетъ себя человѣкомъ любознательнымъ и наблюдательнымъ. Онъ ко всему присматривается и все видимое имъ описываетъ довольно живо и подробно; но, конечно, многое остается для него совершенно не понятнымъ (напр., дѣленіе населенія на касты), а многое невѣроятное кажется ему не только возможнымъ, но даже и заслуживающимъ его довѣрія. Такъ, напр., онъ совершенно серьезно вставляетъ въ свое описаніе Индіи баснословные разсказы о птицѣ Гукукъ и о царствѣ обезьяньемъ. Но все же его путешествіе, при многихъ своихъ недостаткахъ, стоитъ гораздо выше всего, что подъ названіемъ „Хожденій" и „Странствованій" было извѣстно въ предыдущую эпоху. Онъ уже относится къ предмету своего описанія какъ человѣкъ любознательный, не задаваясь никакимъ одностороннимъ направленіемъ, не ограничивая свой кругъ наблюденій однимъ сухимъ перечнемъ городовъ, зданій, храмовъ. Онъ разсказываетъ обо всѣхъ достопримѣчательностяхъ, „какія ему удалось видѣть", съ одинаковымъ участіемъ и интересомъ; мало того, онъ уже вскма-

Образецъ тайнописи XV вѣка.

гривается въ нравы и обычаи народа, въ религіозные обряды и церемоніи, въ произведенія природы, даже наблюдаетъ климатическія условія Индіи; толкуетъ и о кумирняхъ, и о пристаняхъ, и объ алмазныхъ копяхъ. Въ авторѣ виденъ человѣкъ живой и умный, и очень находчивый въ тѣхъ незавидныхъ условіяхъ, въ какія онъ былъ поставленъ. Только одна сторона жизни тягостно отзывается на настроеніи духа Аѳанасія Никитина: полная невозможность соблюдать обряды своей вѣры среди этихъ иновѣрцевъ и язычниковъ. Онъ тяготится тѣмъ, что не можетъ ходить въ церковь, не можетъ соблюдать постовъ и даже не имѣетъ возможности опредѣлить время ихъ наступленія и продолженія.

Какимъ путемъ возвратился онъ на Русь — объ этомъ въ его „Хожденіи" не упоминается; но по нѣкоторымъ намекамъ Аѳанасія Никитина можно предположить, что онъ возвращался черезъ Малую Азію и Константинополь [1]); а затѣмъ уже слѣдовалъ обычнымъ путемъ всѣхъ русскихъ людей, попадавшихъ случайно въ Европу или убѣгавшихъ изъ турецкаго плѣна; а именно — черезъ Италію, Германію и польско-литовскія области, потомъ въ Смоленскъ, до котораго уже было рукой подать отъ русскаго рубежа... Въ концѣ своего сочиненія, уже предвкушая скорое свиданіе со своей дорогой родиной, онъ съ восторгомъ говоритъ о Русской землѣ и ставитъ ее выше всѣхъ извѣстныхъ ему и видѣнныхъ имъ земель.

Повѣсти и сказанія XV вѣка.

Изъ всего, сказаннаго выше о путешествіяхъ XV вѣка нельзя не прійти къ выводу, что они стоятъ значительно выше путешествій предшествующей эпохи; самый предметъ описанія наблюдается авторами внимательнѣе и объективнѣе, безъ всякой, заранѣе намѣченной, предвзятой цѣли, а потому и элементъ личный, выраженный впечатлѣніями и воззрѣніями автора, становится все болѣе и болѣе уловимымъ, и болѣе осязательнымъ. То же самое слѣдуетъ сказать о *повѣстяхъ* и о *сказаніяхъ* XV вѣка; они именно тѣмъ и отличаются отъ повѣстей и сказаній предыдущей эпохи, что въ нихъ уже весьма сильно ощущается личное вліяніе автора и тѣсная связь съ живою, историческою дѣйствительностью, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ уже начинаетъ проявляться желаніе авторовъ связать фабулу своего разсказа съ извѣстнаго рода идеей. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти *о походѣ Іоанна III на Новгородъ*, приписываемой митрополиту Филиппу I, авторъ старается доказать законность притязаній Москвы на Новгородъ. Въ повѣсти *о Флорентійскомъ соборѣ* (какъ на автора ея указываютъ на суздальскаго іеромонаха Симеона, спутника Иси-

[1]) Если бы онъ въ Константинополѣ не былъ, то не могъ бы сравнивать изображеніе Бута (Будды) со статуей Юстиніана въ Царьградѣ.

дорова), авторъ выставляетъ всѣ неправды Исидора и является горячимъ защитникомъ православія противъ всякихъ ухищреній со стороны Римской Церкви. Въ повѣсти „*о созданіи и о взятіи Царьграда*“ еще сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, сказывается это идейное начало. Она была очень распространена и видимо очень нравилась въ чтеніи: ее охотно и часто переписывали, ее цѣликомъ заносили въ лѣтописные изборники. Послѣ разсказа объ основаніи Царьграда, будто бы сопровождавшагося символическими видѣніями и вѣщими предсказаніями, начинается разсказъ объ осадѣ Царьграда турками и о тѣхъ знаменьяхъ, которыя при этомъ были. Авторъ повѣсти уже не довольствуется тою простою и немногосложною моралью, которая была обычною у другихъ лѣтописцевъ — не объясняетъ паденіе Царьграда и всего греческаго царства однимъ только „попущеніемъ Божіимъ“ и „карою за грѣхи“. Причину паденія онъ прямо указываетъ въ общественной неупорченности и въ нравственной слабости правительства, которое не могло установить правды въ судахъ, и народъ держало въ крайнемъ порабощеніи. „Въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруговъ не смѣлы: ибо порабощенный человѣкъ срама не боится и чести себѣ не добываетъ“... Съ удивительнымъ безпристрастіемъ авторъ повѣсти беретъ сторону турокъ противъ грековъ и изображаетъ султана Махмуда II, взявшаго Царьградъ, государемъ мудрымъ, строгимъ и правдивымъ; съ смѣлостью и легкостью сужденій, поражающею насъ въ русскомъ человѣкѣ половины XV вѣка, онъ замѣчаетъ, что и въ русскомъ царствѣ мало правды и если бы „къ вѣрѣ христіанской да правда турецкая была“, то не оставалось бы желать лучшаго. Несмотря, однакоже, на эту русскую „неправду“, въ повѣсти есть все же весьма утѣшительное для нашихъ предковъ указаніе на то, что нѣкогда наступитъ такое время, когда русскій народъ побѣдитъ турокъ и овладѣетъ Царьградомъ. Судя по многимъ подробностямъ и указаніямъ повѣсти, есть основаніе думать, что она написана подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, потрясшаго всю Европу, т.-е., вскорѣ послѣ 1453 года.

Отчасти въ томъ же смыслѣ отношеній Византіи къ Руси, любопытна и повѣсть „*о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ*“, написанная для новгородскаго архіепископа Геннадія уже извѣстнымъ намъ Димитріемъ Герасимовымъ [1]), усерднымъ помощникомъ Геннадія по составленію полнаго списка Библіи. Повѣсть „о бѣломъ клобукѣ“, повидимому, была написана авторомъ, чтобы выяснить, от- Повѣсть о бѣломъ клобукѣ.

[1]) Или «Димитріемъ Толмачемъ», какъ его называютъ другіе. *Толмачъ* — то же, что и переводчикъ. Димитрій Герасимовъ былъ, дѣйствительно, толмачемъ при посольскомъ приказѣ, въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI вѣка.

куда взялся бѣлый клобукъ, издавна присвоенный новгородскимъ владыкамъ. Происхожденіе „бѣлаго клобука" объясняется авторомъ довольно неправдоподобно, возводится ко времени Константина, который будто бы отправилъ этотъ клобукъ римскому папѣ Сильвестру; но клобукъ какими-то судьбами очутился вновь въ Царьградѣ и посланъ былъ оттуда одному изъ новгородскихъ епископовъ; въ сущности же въ основѣ повѣсти лежитъ то стремленіе къ возвеличенію возникающаго русскаго царства, наслѣдующаго величіе Византіи, которое въ XVI вѣкѣ сложилось въ цѣлый рядъ весьма искусно и складно построенныхъ легендъ и спеціальныхъ сказаній.

Свѣтская литература XV вѣка.

Но мы, конечно, очень бы ошиблись, если бы предположили, что кромѣ вышеприведенныхъ нами повѣстей, связанныхъ съ современной историческою дѣйствительностью, не было въ XV вѣкѣ другихъ произведеній свѣтской литературы, предназначенныхъ для легкаго чтенія. Рукописные сборники XV вѣка, напротивъ того, заключаютъ въ себѣ очень много „повѣстей" и „сказокъ" самаго разнообразнаго содержанія. Есть основанія думать, что первыя произведенія свѣтской литературы, при посредствѣ болгарской и сербской письменности, были занесены къ намъ на Русь въ началѣ XIII вѣка и даже въ XII вѣкѣ, тогда, когда у насъ въ высшихъ слояхъ общества стала развиваться потребность въ чтеніи занимательномъ и разнообразномъ. Но всѣ эти „повѣсти" и „сказки" были произведеніями иноземными, занесенными къ намъ случайно, въ числѣ другого рукописнаго матерьяла, въ видѣ переводовъ на славянскій языкъ и въ видѣ южно-славянскихъ пересказовъ и передѣлокъ. Такимъ образомъ проникли къ намъ средне-вѣковыя сказанія, *объ Александрѣ Македонскомъ и о Троянской войнѣ*; а рядомъ съ ними и сказочныя произведенія азіатскаго Востока, съ которымъ Византія стояла въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, и отрывки индѣйскаго животнаго эпоса, заимствованнаго изъ „Калилы и Димны" [1]), или же сказокъ, извлеченныхъ изъ обширнѣйшаго арабскаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ „Тысячи и одной ночи". Изъ этого сборника несомнѣнно была заимствована одна изъ „повѣстей", ранѣе другихъ перенесенная на русскую почву—„*повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ и Наливьскія страны*", извѣстная также подъ названіемъ „*Слова объ Акирѣ Премудромъ*" [2]). Чтобы дать понятіе о сказаніяхъ, какъ о литературномъ родѣ, изложимъ вкратцѣ содержаніе этой древней повѣсти.

---

[1]) Такъ называется арабская передѣлка индійскаго сборника сказокъ о животныхъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Гитопадесы».

[2]) Любопытно, что «повѣсть о Синагрипѣ» была уже отыскана Мусинымъ-Пушкинымъ въ томъ самомъ сборникѣ, въ которомъ помѣщалась рукопись «Слова о полку Игоревѣ».

Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ.

„Въ землѣ Алевицкой и Анизорской правитъ царь Синагрипъ (по другимъ спискамъ — Сенеграфъ). У него ближайшій помощникъ и довѣренное лицо — Акиръ Премудрый. Акиръ всѣмъ надѣленъ отъ Бога — и богатствомъ, и мудростью, и славой, и высокимъ почетомъ въ государствѣ; недостаетъ ему только дѣтей, и онъ пламенно молится Богу о томъ, чтобы Онъ даровалъ ему наслѣдника. Свыше, однакоже, получаетъ онъ указаніе: взять *„въ сына мѣсто“* своего племянника (сына сестры), Анадана. Премудрый Акиръ преклоняется передъ волею неба, и воспитываетъ Анадана, какъ родное дитя, научаетъ его всей премудрости „земной и небесной — словно сосудъ наполняетъ жемчугомъ многоцѣннымъ“ и даже вводитъ его въ милость царя Синагрипа. За всѣ эти благодѣянія Анаданъ заплатилъ Акиру самою черною неблагодарностью; обвинилъ его передъ царемъ въ измѣнѣ и такъ сумѣлъ вооружить Синагрипа противъ Акира, что тотъ не пустилъ своего вельможу на глаза, и велѣлъ своему конюшему Анбугилу предать Акира злой смерти. Однакоже, Анбугилъ, многимъ обязанный Акиру, вмѣсто него казнитъ преступника Сутура, а самаго Акира сажаетъ на Сутурово мѣсто въ темницу.

Между тѣмъ, какъ всѣ оплакивали Акира, царь приказалъ отдать Анадану все имѣніе, дворъ и домъ его благодѣтеля. По прошествіи нѣкотораго времени, является отъ восточнаго царя „Фараона Египецкаго“ грозный посолъ Елтега, и предлагаетъ Синагрипу отгадать загадки Фараоновы: „а если не отгадаетъ — грозитъ полонить и повоевать всю землю Синагрипову“. Царь обѣщаетъ дать полъ-царства тому, кто избавитъ его отъ такой напасти. Но никто изъ вельможъ, ни самъ Анаданъ, не въ силахъ разгадать „Фараоновы загадки“... Видя затруднительное положеніе царя, Анбугилъ рѣшается сообщить ему, что Акиръ Премудрый не казненъ по его повелѣнію, а живъ и сидитъ въ темницѣ. Обрадованный царь спѣшитъ въ темницу и находитъ тамъ Акира, закованнаго въ желѣзо и „обросшаго волосами съ головы и до земли, а бородою до самаго пояса“. Царь проситъ Акира, чтобы онъ вывелъ его изъ затрудненія. Акиръ приказываетъ тотчасъ же прогнать палками Елтегу, посла Фараонова; а самъ отправляется въ Египетъ во главѣ блестящаго посольства. Тамъ Акиръ изумляетъ всѣхъ своею изобрѣтательностью и хитростью и вынуждаетъ царя Фараона признать себя побѣжденнымъ въ мудрости — и, въ виду этого, платить тяжкую дань Синагрипу. Когда онъ возвращается домой, царь, въ вознагражденіе за оказанную Акиромъ услугу, предлагаетъ ему великіе дары; но Акиръ, вмѣсто всякихъ даровъ, требуетъ отъ царя выдачи Анадана, и царь исполняетъ его желаніе. Тогда Акиръ приказалъ Анадана приковать къ городскимъ воротамъ цѣпями и рядомъ съ нимъ положить три мѣдныхъ

прута. И ударилъ его Акиръ самъ трижды, приговаривая: „не рожденъ — такъ и не сынъ, не купленъ — такъ и не холопъ". И заповѣдалъ онъ всѣмъ гражданамъ алевицкимъ и анизорскимъ, всѣмъ, кто пройдетъ черезъ тѣ городскія ворота, — точно такъ же бить и позорить Анадана всякій день, а смерти не предавать. Анаданъ, однакоже, не вынесъ своего позора, и черезъ нѣсколько дней умеръ, и тѣло его было брошено псамъ на съѣденіе... Самъ же Акиръ сталъ попрежнему служить царю Синагрипу и еще много лѣтъ сряду продолжалъ собирать дань съ египетскаго царя".

Варлаамъ и Іосафатъ.

Къ этой древней повѣсти, по простотѣ и немногосложности содержанія, очень близка и другая — такъ-называемая *„Исторія о Варлаамѣ и Іосафатѣ"*. Содержаніе ея все заключается въ томъ, что мудрый пустынникъ Варлаамъ обращаетъ въ христіанство индійскаго царевича Іосафата, несмотря на всѣ гоненія со стороны жестокаго отца его, Авенира. Варлаамъ является подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объясняетъ Іосафату, что камень этотъ изображаетъ царствіе небесное, котораго легче всего достигнуть уединеніемъ и молитвою.

Дѣяніе Девгеніево.

Ко всѣмъ этимъ сказаніямъ, которыя перенесены были къ намъ уже очень рано при посредствѣ южно-славянскихъ переводовъ и передѣлокъ византійскаго текста, впослѣдствіи стали прибавляться переводимыя съ греческаго на русскій языкъ мѣстныя византійскія сказанія; къ числу такихъ произведеній, относится, напр., прекрасная повѣсть *„о дѣяніи Девгеніевѣ"* — гдѣ героемъ является „прекрасный Девгеній" — храбрый витязь, изумляющій всѣхъ своимъ мужествомъ на войнѣ, а также и въ борьбѣ съ дикими звѣрями и съ многоглавыми змѣями. Послѣ многихъ подвиговъ, онъ побѣждаетъ славнаго витязя Стратига, и его четверыхъ сыновей-богатырей, и женится на его дочери Стратиговнѣ, сверхъ красоты одаренной и мужествомъ и храбростью, и въ этомъ отношеніи не уступающей мужчинамъ.

Позднѣе, черезъ Псковъ и Новгородъ, и отчасти черезъ Литву и Польшу, къ намъ стали уже съ Запада проникать нѣкоторыя произведенія средне-вѣковой рыцарской романтической литературы, а также множество мелкихъ, отдѣльныхъ произведеній, въ видѣ новеллъ и сказокъ, которыми были вообще богаты европейскія литературы въ XIV и XV вѣкахъ.

Слово о Басаргѣ купцѣ.

Но мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ эти случайно-занесенныя къ намъ произведенія иноземной литературы и остановимся только на одномъ произведеніи, извѣстномъ подъ заглавіемъ: *„Слово о Басаргѣ купцѣ"*. Эта повѣсть представляется особенно важною именно въ томъ смыслѣ, что мы въ ней видимъ первую попытку разработки оригинальнаго русскаго сюжета, въ примѣненіи къ обычной сказочной основѣ.

Въ краткомъ изложеніи ознакомимъ нашихъ читателей и съ этою любопытною повѣстью.

Жилъ въ Кіевѣ купецъ, именемъ Дмитрій Басарга. Онъ отплылъ однажды на кораблѣ, по торговымъ дѣламъ, за море и взялъ съ собою, для утѣшенія, сына своего, Борзомысла. На морѣ разыгралась буря, занесла на островъ, на которомъ жители были христіане, а правилъ ими царь-язычникъ. Въ гавани этого острова увидѣлъ Басарга 330 кораблей купеческихъ и узналъ отъ жителей, что у нихъ царя такой обычай: каждому заѣзжему купцу задавать три загадки; если онъ тѣ загадки не отгадаетъ, то требовать, чтобъ онъ переходилъ въ его языческую вѣру; а если не захочетъ перейти — заключать его въ тюрьму. „Вотъ и тѣ 330 купцовъ, чьи корабли ты видѣлъ въ гавани, тоже не могли царскихъ загадокъ отгадать и попали въ тюрьму",—такъ сообщили Басаргѣ мѣстные жители. Пришлось и Басаргѣ идти къ царю и услышать отъ него три загадки: „первая — много-ли, мало-ли всего отъ востока до запада? Вторая—чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ? Третья — что есть то, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами?" Выслушалъ купецъ три загадки и получилъ отъ царя шесть дней сроку на отгадываніе. Приходитъ домой въ горѣ и, сокрушаясь и плача, разсказываетъ сыну, какая на него бѣда пришла. Сынъ его слушаетъ, утѣшаетъ и смѣется, къ удивленію и досадѣ отца; однакоже, ободряетъ его и говоритъ, что такія пустыя загадки можно давать только дѣтямъ, для потѣхи, и что онъ нисколько не затруднится ихъ разгадать. Но отецъ былъ неутѣшенъ и горевалъ въ теченіе всѣхъ шести дней. Когда же онъ, въ назначенное время, отправился къ царю, то захватилъ съ собою и сына, съ однимъ изъ слугъ; свиданіе это въ повѣсти обставлено различными, весьма любопытными подробностями, которыя мы здѣсь опускаемъ. Борзомыслъ, котораго сначала царь Несмиянъ не хотѣлъ и на глаза къ себѣ допустить, сумѣлъ овладѣть вниманіемъ его и сталъ разрѣшать загадки за отца своего. Первую загадку — „много ли, мало ли всего отъ востока до запада?" онъ разрѣшилъ такъ: „ни много, ни мало — день да ночь, ибо солнце обходитъ всю землю отъ востока и до запада въ одинъ день, а въ ночь опять на востокъ возвращается". Царь былъ отвѣтомъ доволенъ, одарилъ и угостилъ отца и сына, и слугу, и отпустилъ ихъ домой до завтра. Поутру ребенокъ сталъ отгадывать царю его вторую загадку: „чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью прибываетъ?"—и, въ присутствіи всѣхъ царскихъ вельможъ, отгадалъ загадку такъ: „днемъ отъ солнца во всемъ мірѣ убываетъ десятая часть изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а ночью десятая часть воды въ нихъ же прибываетъ изъ глубины моря-окіяна". Тутъ царя ужъ зло

взяло, и онъ, ни слова не сказавъ, отпустилъ и отца, и сына, и слугу ихъ, до завтра, на корабль. А поутру онъ созвалъ бояръ и вельможъ, и сказалъ имъ: „какъ бы мнѣ не посрамиться передъ отрокомъ? Такъ вотъ я что придумалъ:—какъ только отгадаетъ онъ третью загадку, такъ сейчасъ схватить ихъ и всѣмъ рубить головы". Когда же пришелъ Басарга съ сыномъ и слугою и царь велѣлъ Борзомыслу отгадать третью загадку, тотъ сказалъ ему: „Великій царь Несміянъ! Ты высоко сидишь на своемъ престолѣ а я отрокъ малый и малоумный; хоть я и отгадаю твою загадку: ты все же можешь меня погубить. А вотъ ты, царь, сойди съ престола и пусти меня на престолъ сѣсть, и дай мнѣ свое одѣяніе, и мечъ, и жезлъ — и я твою загадку отгадаю, и будетъ она всѣмъ слышна"... И царь впалъ въ такое неразуміе, что исполнилъ желаніе отрока,—пустилъ его на престолъ, и далъ ему свой мечъ, жезлъ и одѣяніе. А Борзомыслъ возсѣлъ на престолъ и вдругъ крикнулъ громкимъ голосомъ: „купцы и бояре, и люди добрые! Въ какого Бога хотите вѣровать?" И возопили всѣ, какъ бы едиными устами: „хотимъ вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа". Тутъ Борзомыслъ отсѣкъ мечомъ голову царю Несміяну и сказалъ: „вотъ тебѣ и третья разгадка — не смѣйся поганый надъ христіанами". Затѣмъ онъ обратился ко всему народному множеству съ вопросомъ — кого хотятъ они выбрать въ цари? И былъ единогласно выбранъ въ цари на мѣсто Несміяна. Повѣсть заканчивается заботами Борзомысла объ остальныхъ 330 купцахъ, посаженныхъ Несміяномъ въ темницу, и заботами о благоденствіи его подданныхъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Монастырская литература въ XV вѣкѣ. -Житія и авторы житій.—Позднѣйшая ихъ обработка.—Духовныя повѣсти ранняго періода.

Монастыри, въ древнѣйшій періодъ русской жизни, были долгое время единственными центрами, изъ которыхъ грамотность и книжность лучами распространялись во всѣ стороны. Затѣмъ, на весьма короткое время, стала подниматься и развиваться понемногу литература свѣтская. Но грозная эпоха татарщины потоптала и уничтожила эти первые всходы, и среди мрака обуявшаго насъ невѣжества и безграмотности, опять одни монастыри засіяли, какъ единственные центры умственной и духовной дѣятельности. Выше мы уже видѣли, какіе именно литературные роды преобладали въ монастырской литературѣ: велась лѣтопись, составлялись, по мѣстнымъ преданіямъ, житія мѣстныхъ подвижниковъ, и изъ многихъ житій сопоставлялся, съ теченіемъ времени, патерикъ той или другой обители.

Житія видѣли мы въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы: уже Несторъ-лѣтописецъ и черноризецъ Іаковъ были авторами житій. По мѣрѣ же распространенія и усиленія монашества въ XIV и XV вѣкахъ литература житій развилась и распространилась чрезвычайно: житій явилось множество, и рядомъ съ ними, въ видѣ отдѣльныхъ повѣствованій, множество описаній чудесъ и сказаній объ основаніи монастырей, пустынь и скитовъ. Но въ многочисленныхъ произведеніяхъ этой монастырской литературы, въ особенности въ житіяхъ, слѣдуетъ различать нѣсколько рѣзко выдѣляющихся періодовъ развитія. Древность житіи.

Образцами древнѣйшаго періода житій на сѣверо-востокѣ Руси являются памятники ростовской письменности: житія ростовскихъ святыхъ: *Исаіи, Леонтія, Авраамія, Игнатія, Петра-царевича Ордынскаго*. Въ основу этихъ древнихъ житій положены были мѣстныя легенды о святыхъ, сложившіяся вскорѣ послѣ смерти или обрѣтенія мощей того или другого святого и сохранявшіяся долгое время въ видѣ изустнаго преданія между братіей или въ народѣ. Ростовскія житія.

Въ періодъ конца XIII и начала XIV вѣка являются житія-біографіи, составленныя современниками или, по крайней мѣрѣ, со словъ современниковъ. Сюда относятся: *житіе Авраамія*, написанное въ Смоленскѣ, *Варлаама и Аркадія*—въ Новѣгородѣ, *Александра Невскаго*—во Владимірѣ, *князя Михаила Тверскою*—въ Твери, *митрополита Петра*—въ Ростовѣ. Во всѣхъ этихъ житіяхъ-біографіяхъ находимъ много любопытныхъ фактовъ, историческихъ и бытовыхъ, знакомящихъ отчасти и съ личностями ихъ авторовъ, и съ источниками, которыми они пользовались для составленія житія. Такъ, изъ житія Авраамія Смоленскаго узнаемъ, что Смоленскъ, въ его время, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ развитія книжности и письменности. Оказывается, что изъ книгохранилища одного подгороднято монастыря Авраамій бралъ для прочтенія житія восточныхъ святыхъ: Антонія, Саввы и др., а также житія Ѳеодосія Печерскаго и сочиненія Златоуста, Ефрема Сирина и даже нѣкоторыя апокрифическія книги.

Игуменъ монастыря, обладавшаго этимъ богатымъ книгохранилищемъ, представляется, въ житіи Авраамія, настолько начитаннымъ человѣкомъ, что при немъ никто не дерзалъ „отъ книгъ говорить". Самъ Авраамій не ограничивался однимъ только чтеніемъ: онъ и переписываетъ книги, и собираетъ около себя искусныхъ писцовъ, съ помощью которыхъ составляетъ сборники изъ важнѣйшихъ отрывковъ своего личнаго чтенія.

Точно также и авторъ житія Авраамієва, инокъ *Ефремъ*, оказывается весьма начитаннымъ: онъ ссылается то на восточныя Инокъ Ефремъ.

житія, то на сочиненія Іоанна Златоуста, то на повѣсти, помѣщенныя въ сборникѣ „Златая Цѣпь“.

Весьма важная отличительная черта всѣхъ наиболѣе древнихъ сѣверно-русскихъ житій, сравнительно съ позднѣйшими, заключается въ томъ, что всѣ они придерживаются фактической основы, и эту основу излагаютъ сухо и сжато, не обращая ее въ назидательное риторическое разсужденіе.

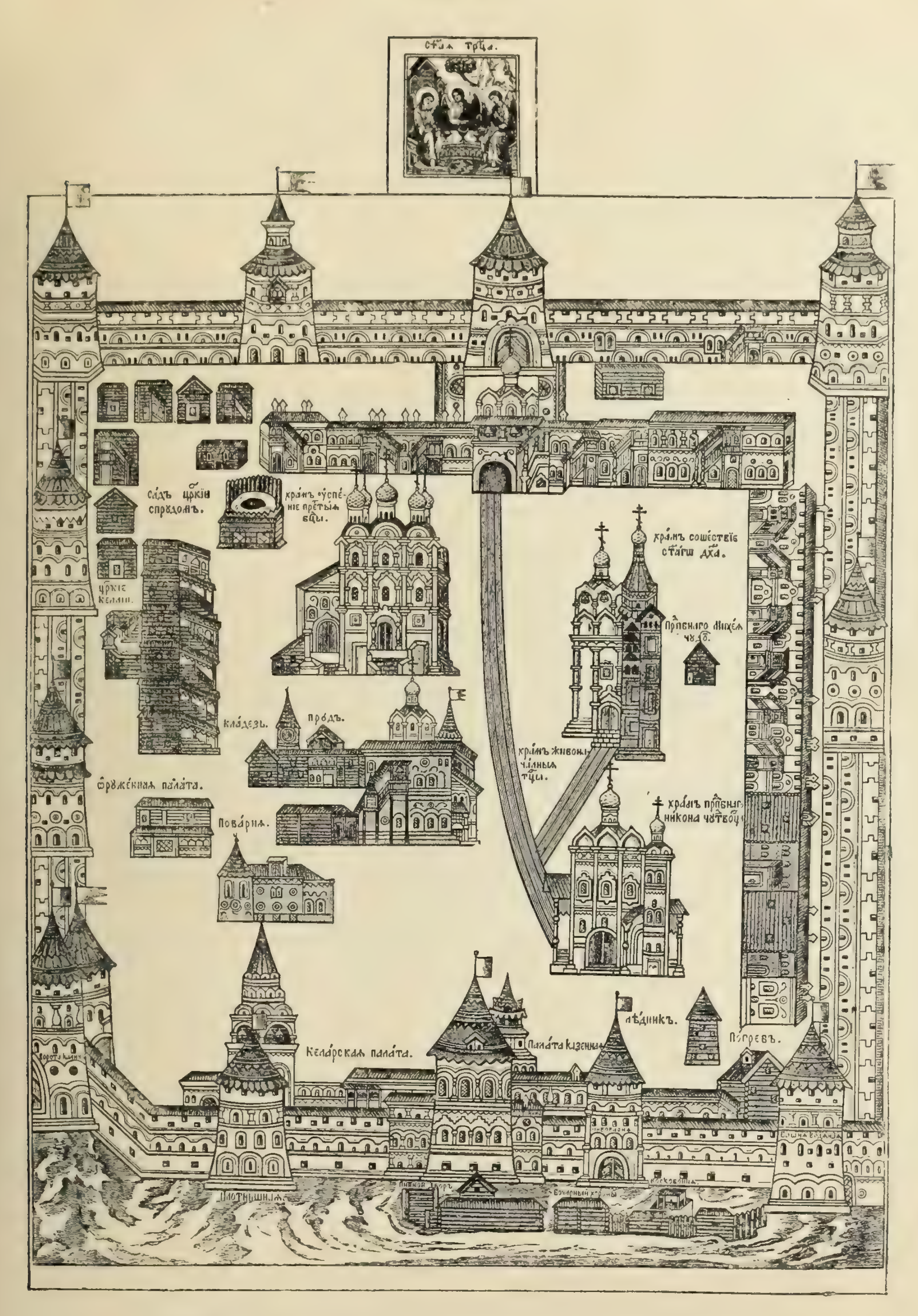
Житія XIV вѣка.

Въ концѣ XIV вѣка явились житія новыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ, которые жизнью и дѣятельностью своею вызвали къ себѣ глубокопочтительное и признательное воспоминаніе въ потомствѣ: такъ появились житія такихъ славныхъ дѣятелей, какъ *Св. Сергій, Петръ и Алексѣй* митрополиты и т. п. Вслѣдъ за этими житіями, получившими большое распространеніе, должны были явиться житія менѣе крупныхъ, менѣе замѣчательныхъ подвижниковъ, пользовавшихся не столь обширною всероссійскою извѣстностью—житія такъ называемыхъ „мѣстно-чтимыхъ святыхъ“—и литература житій, въ особенности въ XV вѣкѣ, мало-по-малу разрослась до чрезвычайности. За составленіе житій принялись и митрополиты, и епископы—не одни простые иноки: въ изложеніи житій стали подражать не однимъ только древнимъ византійскимъ образцамъ, но и юго-славянскимъ (сербскимъ и болгарскимъ) изводамъ житій, занесеннымъ на Русь заѣзжими духовными лицами юго-славянскаго происхожденія.

Житія XV вѣка.

Въ XV вѣкѣ мы можемъ указать на нѣсколькихъ авторовъ, посильно трудившихся надъ написаніемъ житій. Такъ, митрополитъ *Кипріанъ* (родомъ сербъ) составилъ житіе *митрополита Петра;* епископъ пермскій *Питиримъ* написалъ краткое жизнеописаніе *Св. Алексѣя;* архіепископъ ростовскій *Вассіанъ* составилъ житіе преподобнаго *Пафнутія Боровскаго;* игуменъ Обнорскій *Алексѣй* составилъ житіе преподобнаго *Сергія Обнорскаго;* игуменъ *Геласій*—житіе преподобнаго *Саввы Вишерскаго;* инокъ *Иринархъ* описалъ житіе преподобнаго *Діонисія Глушицкаго*, собравъ о немъ свѣдѣнія отъ его учениковъ и почитателей. Затѣмъ, въ XV же вѣкѣ, какъ авторы многихъ житій, прославились—іеромонахъ *Епифаній* и инокъ *Пахомій Логоветъ* (родомъ сербъ).

Но всѣ эти житія, явившіяся въ XV вѣкѣ, уже не походятъ на житія предшествующаго періода. Прежнее фактическое и сухое изложеніе уступаетъ мѣсто болѣе правильному и послѣдовательному, но совершенно-искусственному повѣствованію. Полагаютъ, что весьма значительное вліяніе на переработку житій святыхъ должна была оказать церковная проповѣдь, состоявшая нерѣдко изъ похвальнаго слова къ святому или поученія на праздникъ святого. Этотъ родъ церковно-назидательныхъ произведеній способствовалъ тому, что историческая сторона все болѣе и болѣе

Общій видъ Троице-Сергіева монастыря (по древнему чертежу).

отодвигалась на задній планъ, а риторическое прославленіе святого начинало занимать въ житіи выдающееся мѣсто.

Новое направленіе житіи.

Первыми провозвѣстниками новаго направленія въ изложеніи житій были сербы: митрополитъ *Кипріанъ* и *Пахомій Логоѳетъ*. Но рядомъ съ ними является и болѣе ихъ талантливый писатель русскій инокъ *Епифаній*, который, за свою образованность и знанія, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ *Премудраго*.

Въ то самое время, когда Кипріанъ трудился надъ составленіемъ житія Петра митрополита, Епифаній уже дѣйствовалъ на поприщѣ литературномъ. Происхожденіе этого талантливаго и замѣчательнаго писателя неизвѣстно; знаемъ только, что онъ много странствовалъ: былъ въ Царьградѣ, на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ; а большую часть жизни провелъ въ двухъ монастыряхъ: Ростовскомъ Св. Григорія Богослова, и Троице-Сергіевскомъ, особенно богатыхъ средствами для книжнаго образованія. Его перу принадлежатъ два прекрасно изложенныхъ и обширныхъ житія: *Преподобнаго Сергія Радонежскаго* и его друга *Стефана Пермскаго*. Особенно любопытно по своимъ подробностямъ послѣднее житіе: оказывается, что Епифаній самъ слышалъ изъ устъ Стефана разсказы о его просвѣтительныхъ трудахъ на далекой пермской окраинѣ [1]).

Въ похвалѣ, которой онъ заканчиваетъ житіе Стефана, онъ горько сѣтуетъ, что не могъ присутствовать при кончинѣ преподобнаго, и при этомъ обращается къ нему со слѣдующими трогательными словами: „помню, ты очень любилъ меня: при жизни твоей я часто досаждалъ тебѣ, препираясь съ тобою о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ, или о строкѣ Писанія“... Ясно, что онъ писалъ, какъ очевидецъ, и это составляетъ наиболѣе важную и наиболѣе цѣнную сторону его твореній.

Другой составитель житій, пользовавшійся громкою извѣстностью въ XV вѣкѣ, былъ уже упомянутый нами выше инокъ—сербъ *Пахомій Логоѳетъ*. До его пріѣзда на Русь, мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что онъ прибылъ къ намъ съ митрополитомъ Фотіемъ, поселился сначала въ Новѣгородѣ, а потомъ (съ 1440 г.) видимъ его уже въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ онъ и остается въ теченіе девятнадцати лѣтъ, непрестанно трудясь надъ составленіемъ различныхъ службъ святымъ, надъ сложеніемъ въ честь ихъ каноновъ, надъ описаніемъ обрѣтенія святыхъ мощей и чудесъ, надъ передѣлкою и обработкою старыхъ житій, которыя онъ то пополняетъ, то под-

[1]) Стефанъ Пермскій былъ другомъ Сергія, и каждый разъ, когда ѣздилъ по дѣламъ въ Москву, заѣзжалъ въ Сергіеву обитель: здѣсь-то и видѣлъ его Епифаній и наслаждался его бесѣдою.

новляетъ, то сглаживаетъ. Не довольствуясь такой многообразной дѣятельностью, неутомимый сербъ, между дѣломъ, списываетъ еще цѣлый рядъ книгъ для монастырской библіотеки. Все это Пахомій выполняетъ по заказу и по порученію митрополита и другихъ высшихъ духовныхъ властей. Такъ, въ 1459 г., его приглашаетъ новгородскій архіепископъ Іона пріѣхать въ Новгородъ и заняться тамъ написаніемъ житій мѣстныхъ угодниковъ и составленіемъ каноновъ для празднованія ихъ памяти. Пахомій остается тамъ три года, выполняетъ все, что ему заказываютъ, и получаетъ въ вознагражденіе отъ Іоны „множество золота и сребра и соболей". Въ 1462 году, по порученію великаго князя Василія Васильевича и митрополита Ѳеодосія, Пахомій отправляется въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, чтобы тамъ на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о житіи св. Кирилла. Десять лѣтъ спустя, мы видимъ его снова въ Москвѣ, гдѣ онъ усердно трудится надъ житіями мѣстныхъ московскихъ угодниковъ. Отъ Пахомія Логоѳета, въ общей сложности, дошло до насъ 18 канововъ, нѣсколько похвальныхъ словъ святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій. Впрочемъ, въ поясненіе такого обилія произведеній, мы должны замѣтить, что не всѣ они были оригинальными... Нѣкоторыя являются только переработкою того, что уже было написано до него.

Древняя икона преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго.

Рядомъ съ житіями древняго, первоначальнаго періода и житіями позднѣйшаго періода, которыя можно сравнить съ „украшенными сказаніями", развился, въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ, еще новый литературный родъ, которому правильно дано названіе *легендъ* или *духовныхъ сказаній* о святыхъ. Это тѣ же жи-

тія первоначальнаго періода, но въ которыхъ истинныя событія смѣшаны съ народными преданіями и факты историческіе украшены вымыслами народной фантазіи. Изъ этого рода произведеній особенно замѣчательны: ростовская легенда *„о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ"*, смоленская легенда *„о св. Меркуріи"*, и муромскія легенды — *„о Марѳѣ и Маріи"* и *„о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи"*.

Для того, чтобы ознакомить читателей съ этимъ любопытнымъ литературнымъ родомъ, сообщаемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи содержаніе высоко-поэтической легенды „о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи Муромскихъ".

„Случилось нѣкогда въ Муромѣ, когда тамъ княжилъ князь Павелъ, что къ женѣ его, по козням дьявола, сталъ летать змѣй, который принималъ на себя образъ ея мужа. Много лѣтъ сряду не могла она никакъ отъ него избавиться. Наконецъ сказала мужу; но и тотъ ничѣмъ не могъ помочь женѣ въ ея бѣдѣ. Однакоже, ему однажды пришла въ голову такая мысль: „Узнай отъ него хитростью,— сказалъ князь Павелъ,— отъ чего ему можетъ смерть приключиться?"

Княгиня такъ и поступила. Когда змѣй, по обыкновенію, прилетѣлъ къ ней, она, ласкаясь, задала ему роковой вопросъ. Змѣй не скрылъ отъ нея тайны и сказалъ: „смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча".

Княгиня передала это мужу, а тотъ своему младшему брату Петру. Князь Петръ сообразилъ, что змѣя убить предназначено ему и сталъ искать Агрикова меча. Тогда ему, въ сонномъ видѣніи, явился юноша и указалъ, гдѣ онъ можетъ искать завѣтнаго меча. По этому указанію Агриковъ мечъ былъ найденъ въ церкви женскаго монастыря Воздвиженія Животворящаго Креста, въ алтарной стѣнѣ, между камнями, въ скважинѣ. Этимъ завѣтнымъ мечомъ князь Петръ убилъ змѣя; но тотъ, издыхая, обрызгалъ его своею кровью. Отъ этой крови все тѣло князя покрылось струпьями и язвами, и князь тяжко заболѣлъ. Долго лѣчился онъ у разныхъ врачей, но исцѣленія не получалъ; затѣмъ, услышавъ, что въ предѣлахъ рязанскихъ есть искусные врачи, рѣшился туда отправиться. Когда онъ пріѣхалъ въ рязанскую область, въ деревню Ласково, одинъ изъ слугъ князя пошелъ разыскивать ему врача. Пришелъ въ избу и увидѣлъ дѣвушку за тканьемъ. Юноша обратился къ ней съ разспросами; но, къ крайнему своему удивленію, услыхалъ отъ нея какія-то загадочныя рѣчи, на которыя отъ нея потребовалъ разъясненій. Дѣвица пояснила ему свои загадки и поразила его своею мудростью. Оказалось, что эту дѣвицу зовутъ Февроніей.

Юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя, и сталъ разспраши-

Текстъ приводимой здѣсь страницы Святославова Изборника читается такъ:

„великыи въ князихъ князь сто
славъ (Святославъ) въжделаниемъ зѣло въж
делавъ державивыи вдка (владыка). бави
ти покровеныя разумы въ г
лубинѣ многострѫпътьныхъ
сихъ книгъ премудраго василі
я въразумѣхъ, повелѣ мнѣ нем(у)
дроувѣдию премѣноу сътворити
рѣчи инако, набъдяща тожь свто (святой)
разумъ его, я же акы бъчела лю
бодѣльна съ всяко(го) цвѣта псанн
го събьравъ акы въ единъ сътъ (сотъ) въ ве
льмысльное (велемысленное) сердце свое проливаетъ
акы сътъ сладокъ изъ оустъ (устъ) свои
хъ предъ боляры, на въразумѣ
ние тѣхъ мысльмъ. являяся и
мъ новый птоломѣ(й), не вѣрою нъ(но)
желание(мъ) паче, и събора дѣля мно
гочьстныихъ бжественныхъ къ
нигъ всѣхъ ими же и своя клѣте
испълнь вѣчьноую си память съ
твори еже памяти виноу въспріяти.

ИЗБОРНИКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА.
Писанъ въ 1073 году. Образецъ письма.
(Снимокъ уменьшенъ немного менѣе половины оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ИЗБОРНИКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА.
Писанъ въ 1073 году. Образецъ миніатюръ.
(Снимокъ уменьшенъ немного менѣе половины оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

вать о врачахъ. Февронія сказала ему на это, „что если князь захочетъ взять ее въ супруги, то она уврачуетъ его язвы“. Отрокъ княжескій передалъ князю отвѣтъ Февроніи и разсказалъ все, что̀ видѣлъ и слышалъ въ ея домѣ.

Князь явился къ Февроніи, но съ лукавымъ намѣреніемъ обмануть ее. „Пусть уврачуетъ, — сказалъ онъ, — тогда женюсь на ней“. Но, увидѣвъ Февронію, онъ былъ пораженъ ея мудростью и смѣлою находчивостью отвѣтовъ. Февронія дала ему цѣлебное средство, которымъ приказала въ банѣ помазать бывшіе у князя на тѣлѣ струпья, кромѣ одного. И тѣло князя стало попрежнему чисто и гладко, такъ, что онъ былъ пораженъ своимъ быстрымъ исцѣленіемъ. Послалъ Февроніи дары, а жениться отказался. Февронія же дары не приняла и отослала ихъ обратно.

Но чуть только онъ вернулся домой, какъ у него отъ одного струпа болѣзнь опять разошлась по всему тѣлу, и онъ заболѣлъ хуже прежняго. Вскорѣ онъ долженъ былъ опять вернуться къ Февроніи за исцѣленіемъ, съ твердостью далъ ей слово, что на ней женится, и, когда исцѣлился, сдержалъ свое слово. И затѣмъ, вернувшись въ Муромъ, они жили мирно и счастливо, соблюдая всѣ заповѣди и обряды благочестія. Вскорѣ послѣ того, князь Павелъ померъ и князь Петръ наслѣдовалъ его княжество. Князя Петра бояре полюбили, а его жену не взлюбили изъ-за своихъ женъ, которыя относились къ ней очень непріязненно изъза ея простого происхожденія.

Однажды, бояре пришли къ князю Петру и сказали ему: „Тебѣ мы готовы служить вѣрой и правдой, но не желаемъ, чтобы княгиня Февронія государствовала надъ нашими женами. Поэтому, если хочешь нами править, возьми себѣ другую жену, другую княгиню; а Февронія пусть возьметъ себѣ богатства, сколько хочетъ, и идетъ, куда ей вздумается.“ Князь, никогда ни на что не гнѣвавшійся, сказалъ имъ со смиреніемъ:

„Пусть скажутъ объ этомъ самой Февроніи и послушаютъ, что̀ она скажетъ?“

Тогда бояре затѣяли пиръ, и когда были уже на-веселѣ, то стали говорить Февроніи:

— Госпожа княгиня Февронія! Весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ.

Февронія отвѣчала имъ на это:

— Возьмите, чего просите.

Тогда всѣ бояре въ одинъ голосъ воскликнули:

— Мы всѣ хотимъ, чтобы супругъ твой былъ надъ нами княземъ; а жены наши не хотятъ, чтобы ты была надъ ними княгинею. Возьми богатства, сколько тебѣ нужно, и иди, куда хочешь.

— Что просите, то и будетъ вамъ,—отвѣчала Февронія:— но только и вы дайте мнѣ, чего я у васъ попрошу.

Бояре поклялись, что ей ни въ чемъ отказу не будетъ, и тогда Февронія сказала:

— Ничего иного не прошу у васъ, какъ только супруга своего князя Петра.

— Какъ самъ князь Петръ пожелаетъ, — отвѣчали бояре, а сами про себя задумали, что когда князь Петръ уйдетъ, кто-нибудь изъ ихъ же среды будетъ княземъ.

Блаженный же князь Петръ „власть свою ни во что вмѣнилъ“ и удалился изъ города, вмѣстѣ съ супругою своею, и поплыли они на судахъ по рѣкѣ Окѣ. Но на другой же день утромъ, когда слуги начинали складывать добро княжеское въ суда, подоспѣли изъ Мурома вельможи и объявили князю, что въ Муромѣ происходитъ мятежъ и кровопролитіе, такъ какъ бояре борются изъ-за власти. Для прекращенія этого общаго бѣдствія, послы умоляли князя Петра вернуться и княжить по-прежнему.

Князь Петръ, не помня зла, вернулся въ городъ вмѣстѣ со своею супругою, и они оба правили княжествомъ для общаго блага до конца жизни.

Когда же приблизилось время ихъ смерти, они стали просить у Бога, чтобы ихъ преставленіе было въ одинъ и тотъ же часъ. По взаимному соглашенію, они рѣшили, что ихъ должно положить въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою. И оба супруга въ одно время облеклись въ монашескія ризы. Князь Петръ въ монашескомъ чинѣ нареченъ былъ Давидомъ, а Февронія — Евфросиной.

Представленіе ихъ произошло такъ. Однажды Февронія работала воздухи въ соборный храмъ Пречистыя Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. И вдругъ князь Петръ присылаетъ ей сказать, что онъ уже отходитъ отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, когда окончитъ воздухи. Онъ присылаетъ къ ней въ другой разъ, наконецъ—въ третій. Тогда Февронія воткнула иглу, привертѣла ее ниткой и послала сказать князю Петру, что она готова умереть съ нимъ одновременно.

Неразумные люди пренебрегли завѣщаніемъ супруговъ, и задумали положить ихъ въ разные гробы и похоронить ихъ въ разныхъ мѣстахъ; но совершилось чудо: оба супруга на утро очутились въ одномъ и томъ же гробу, заготовленномъ ими еще при жизни. Ихъ опять разлучили, и опять на другой день оба они оказались вмѣстѣ... Послѣ этого никто уже не дерзнулъ прикоснуться къ тѣмъ святымъ тѣламъ, которыя такъ и остались въ одномъ гробѣ.“

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Апокрифическія сказанія и ихъ значеніе въ древне-русской литературѣ.— Апокрифы и отреченныя книги. – Вліяніе апокрифическихъ сказаній на литературу народную.—Духовные стихи.

Рядомъ съ книгами Св. Писанія, съ твореніями Отцовъ Церкви, съ книгами назидательными и учительными, изъ Византіи, черезъ Болгарію, уже съ XI вѣка, къ намъ стали проникать и книги *апокрифическія* [1]). Такъ называлась громадная масса произведеній, которая, въ первые же вѣка христіанства, сложилась въ подражаніе тому основному образцу всѣхъ европейскихъ литературъ, который представляла собою Библія, въ составѣ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Произведенія эти создавались на основаніи Св. Писанія, въ подражаніе библейскимъ книгамъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являлись лица библейскія и въ основу ихъ содержанія избирались библейскія событія; даже самый разсказъ въ этихъ произведеніяхъ часто ведется прямо отъ лица того или другого библейскаго дѣятеля. Но эта библейская основа дополнена фантазіей, украшена вымысломъ досужихъ авторовъ и такими мелочными подробностями, какихъ мы никогда не встрѣчаемъ въ библейскомъ разсказѣ. Притомъ же апокрифическія сказанія и касаются именно тѣхъ сюжетовъ библейскихъ, о которыхъ въ Библіи упоминается вскользь и мимоходомъ, и которые, вслѣдствіе этого, даютъ бо́льшій просторъ фантазіи авторовъ. Очевидно, что въ первыя эпохи христіанства апокрифическія сказанія вызваны были весьма естественнымъ стремленіемъ дополнить и объяснить то, что было неясно въ Библіи, или же отвѣтить на тѣ вопросы, которые сами собою истекаютъ изъ библейскаго разсказа. Важнымъ матеріаломъ для апокрифическихъ сказаній должны были служить и тѣ преданія [2]), которыхъ существовало великое множество рядомъ съ окончательно установившимся и очищеннымъ отъ нихъ текстомъ книгъ Св. Писанія. Вотъ почему первоначальные апокрифы и не преслѣдовались Церковью, и даже весьма просвѣщенные пастыри Церкви придавали имъ значеніе, почти равное съ книгами каноническими, — даже ссылались на нихъ [3]), какъ на книги Св. Писанія.

Преслѣдованіе противъ книгъ апокрифическихъ, со стороны высшей церковной іерархіи, началось только съ тѣхъ поръ, какъ завязалась борьба съ ересями и еретики стали искать подтвер-

[1]) Книги апокрифическія, т.-е. сокровенныя, тайныя, получили свое названіе отъ греч. слова апокрюпто—утаиваю, скрываю.

[2]) Источниками многихъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ послужили древне-іудейскія преданія, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ еврейскаго Талмуда.

[3]) Такъ поступаетъ, напр., архіепископъ новгородскій Василій въ своемъ посланіи о раѣ (см. выше, стр. 117).

жденія своимъ заблужденіямъ въ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Желая оградить кругъ христіанскаго чтенія отъ вредныхъ постороннихъ измышленій и примѣсей, которыя поддѣлывались подъ тонъ и духъ Св. Писанія, Церковь строго опредѣлила кругъ тѣхъ книгъ, которыя дѣйствительно должны были входить въ составъ Св. Писанія: имъ и дано было названіе книгъ *каноническихъ*. Одновременно явились и перечни (индексы) *книгъ ложныхъ и истинныхъ*, которые очень рано перешли и въ нашу письменность. Одинъ изъ такихъ списковъ помѣщенъ былъ уже и въ „Изборникѣ Святослава" (1073 г.); другіе явились впослѣдствіи въ видѣ дополненія къ различнымъ церковнымъ уставамъ; наконецъ, въ XIV в., какъ мы видѣли выше, самъ митрополитъ Кипріанъ посвятилъ разсмотрѣнію „книгъ истинныхъ и ложныхъ" цѣлую особую статью. Не мѣшаетъ замѣтить, что изъ громадной массы апокрифическихъ сказаній далеко не всѣ были цѣликомъ пересажены на русскую почву: нѣкоторыя были извѣстны только въ отрывкахъ и передѣлкахъ; но многія пользовались большою извѣстностью и чрезвычайнымъ распространеніемъ въ нашей древней письменности. Къ числу такихъ излюбленныхъ апокрифическихъ сочиненій слѣдуетъ отнести: сказаніе *объ Адамѣ и Евѣ; о древѣ крестномъ; о праведномъ Энохѣ; о потопѣ и Ноѣ; объ Авраамѣ,* и въ особенности—*Завѣты 12-ти патріарховъ; Списаніе Афродитіана Персянина о Рождествѣ Іисуса Христа; преніе Іисуса Христа съ діаволомъ; хожденіе Богородицы по мукамъ; хожденіе Апостола Павла по мукамъ; вопросы Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ; бесѣды трехъ Святителей; сказаніе о 12-ти пятницахъ; слово Меѳодія Патарскаго и Луцидаріусъ.*

Книги истинныя и ложныя.

Апокрифическія сказанія перешли къ намъ на Русь очень рано, какъ мы уже упоминали о томъ выше (см. стр. 70). Уже Несторъ заноситъ въ свою лѣтопись нѣкоторыя апокрифическія сказанія, вѣроятно заимствованныя имъ изъ *Палеи.*

Древность апокрифовъ.

Одновременно съ апокрифическими сказаніями перешло къ намъ много другихъ произведеній, принадлежавшихъ къ особому литературному роду, который получилъ начало отъ смѣшенія вѣрованій классическаго язычества съ народными суевѣріями средникъ вѣковъ. Такимъ путемъ сложилась мало-по-малу цѣлая литература *гадательныхъ* книгъ, содержаніе которыхъ почерпнуто было изъ круга народныхъ суевѣрій и предразсудковъ, въ родѣ: „*волховниковъ*", „*трепетниковъ*", „*сонниковъ*", *громниковъ*", или „*путниковъ*". Этого рода произведеніямъ пастыри Церкви стали придавать названіе *отреченныхъ* или *богоотмётныхъ* книгъ; но любопытно то, что даже и образованнѣйшіе представители духовенства постоянно смѣшивали эти книги съ книгами апокрифическими. На этомъ основаніи митрополитъ Кипріанъ, перечисляя въ статьѣ своей: „о

книгахъ истинныхъ и ложныхъ" различныя апокрифическія сказанія, ставилъ, рядомъ съ ними, такія отреченныя книги, какъ *Чаровникъ*, *Громникъ*, *Сносудецъ* (истолкователь сновъ), *Путникъ* (истолкователь встрѣчъ на пути), *Звѣздочетецъ* (гадатель по звѣздамъ). Изъ свидѣтельствъ того же митрополита Кипріана узнаемъ, что, какъ тѣ, такъ и другія сочиненія пользовались большимъ распространеніемъ и успѣхомъ въ средѣ русскихъ грамотныхъ людей, и въ то самое время, когда церкви часто нуждались въ богослужебныхъ книгахъ и спискахъ Св. Писанія, въ обращеніи между грамотными людьми были широко распространены объемистые сборники, „исполненные басенъ, худые номоканонцы, лживыя молитвы" и т. п. Въ понятіяхъ грамотныхъ людей эта апокрифическая и отвлеченная литература такъ перепуталась съ литературою духовною и назидательною, что усердный „списатель", переписывая отреченную книгу, въ родѣ „Сказанія о двѣнадцати пятницахъ", былъ убѣжденъ, что совершаетъ подвигъ христіанскаго смиренія и благочестія; а образованный и умный игуменъ, которому попадался въ руки сборникъ, состоявшій изъ пестрой смѣси твореній Св. Отцевъ, апокрифовъ и отреченныхъ книгъ, помѣчалъ только иногда на поляхъ рукописи; „прочтохъ много добрыхъ вещей и простоты много".

Несмотря на вполнѣ ложную, фантастическую обстановку въ изложеніи апокрифическихъ, библейскихъ сюжетовъ, несмотря на множество неестественныхъ и излишнихъ подробностей, которыми переполнены апокрифическія сказанія, они постоянно находили себѣ читателей и почитателей и оказали весьма осязательное вліяніе на развитіе нашей литературы. Трудно было бы указать хотя бы одно литературное произведеніе русское (въ періодъ, предшествующій XV вѣку), въ которомъ бы хотя сколько-нибудь не отразилось вліяніе апокрифовъ, не проявилось бы знакомство съ ними или не упоминалась хотя какая-нибудь подробность, заимствованная изъ апокрифическихъ сказаній. Такое значеніе апокрифическихъ сказаній въ особенности становится намъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что, при бѣдности свѣтской литературы, апокрифы въ значительной степени удовлетворяли потребности въ чтеніи занимательномъ, въ чтеніи, отвѣчающемъ на наши вопросы, которымъ нельзя было найти разрѣшеніе ни въ Св. Писаніи, ни въ твореніяхъ Отцевъ Церкви. Такъ, напр., изъ апокрифовъ любознательный читатель находитъ возможность узнать, ка̀къ и когда были сотворены и па̀ли ангелы, ка̀къ жилъ и умеръ на землѣ Адамъ, по изгнаніи изъ рая; чѣмъ питаются праведники въ раю, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ изъ гробовъ усопшіе... Другіе апокрифы привлекали читателей заманчивымъ, сказочнымъ содержаніемъ своимъ, какъ, напр., „Сказаніе о Соломонѣ

Значеніе апокрифическихъ сказаній.

и Китоврасѣ"; иные же, несомнѣнно, поражали своими высокими поэтическими достоинствами, какъ напр., „Хожденіе Богородицы по мукамъ", полное глубокаго трагизма и самаго нѣжнаго, трогательнаго чувства.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній и той свободы въ обработкѣ библейскихъ сюжетовъ, которая проявлялась въ апокрифахъ, сложился и выработался особый родъ произведеній народной поэзіи, извѣстный подъ названіемъ *духовныхъ пѣсенъ* и *духовныхъ стиховъ*.

Духовные стихи

Въ кругъ сюжетовъ духовной пѣсни входятъ всѣ элементы, свойственные литературѣ духовной и преимущественно монастырской: отвлеченность идеаловъ, отреченіе отъ всего мірского, воспѣваніе подвиговъ благочестія и смиренія, прославленіе святыхъ подвижниковъ. Духовная пѣсня почерпаетъ сюжеты отовсюду: и изъ житій святыхъ, и изъ каноновъ въ честь ихъ, и изъ апокрифическаго сказанія, и изъ непосредственнаго религіознаго настроенія пѣвца, вызваннаго впечатлѣніемъ „прекрасной пустыни". Поэтому среди духовныхъ пѣсенъ видимъ и стихъ *о Егоріи храбромъ*, и стихъ *объ Алексіѣ Божіемъ человѣкѣ* и *объ Іосафѣ-царевичѣ*, и *о крестной смерти* и *воскресеніи Спасителя*, и, рядомъ съ этимъ, сюжеты въ родѣ «*Плача Адамова*», пѣсни «*о разставаніи души съ тѣломъ*», *пѣсни о женѣ Аллилуевой* и друг. Нѣкоторые изъ числа апокрифовъ даже цѣликомъ перелагаются въ пѣсни, какъ напримѣръ „Сонъ Богородицы".

Есть возможность предположить, что у насъ на Руси точно такъ же, какъ и на Западѣ, духовныя пѣсни слагались первоначально монахами, по монастырямъ, и отсюда уже переносились въ массу народа, при посредствѣ особаго класса пѣвцовъ — тѣхъ *странниковъ*, тѣхъ *каликъ-перехожихъ*, которые сначала шли ватагами черезъ всю Русь на поклоненіе Гробу Господню, въ дальній Іерусалимъ, а впослѣдствіи бродили по Руси, изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, по всѣмъ святымъ мѣстамъ русской земли, всюду находя себѣ радушный пріемъ и гостепріимный кровъ. Отсюда-то калики-перехожіе, эти вѣчные странники, выносили сложенныя въ монастыряхъ духовныя пѣсни и, свободно видоизмѣняя ихъ въ своей устной передачѣ, разносили по всей Руси.

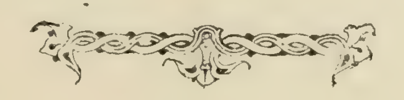
Переходя въ народѣ изъ устъ въ уста, духовная пѣсня постепенно становилась впослѣдствіи достояніемъ нищенствующей братіи, которая наконецъ вполнѣ овладѣла этимъ родомъ народной поэзіи, и въ настоящее время, какъ и два-три вѣка тому-назадъ, распѣваетъ духовные стихи по базарамъ и сельскимъ ярмаркамъ. Чаще всего духовные стихи поются *слѣпцами*. Вѣроятно, въ средѣ этихъ пѣвцовъ и сложились такія пѣсни, какъ стихъ „о богатомъ

и Лазарѣ", или „о Вознесеніи Христовомъ". Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ стихѣ, бытъ нищенствующей братіи возводится въ идеалъ, и она, живущая и питающаяся Христовымъ именемъ, представляется дорогою и близкою самому Христу. По этому стиху, даже и возносясь на небо, Христосъ особо прощается съ нищею братіею, которая горько плачетъ и говоритъ ему: „Батюшка нашъ, Царь небесный! На кого Ты насъ покидаешь? Кто будетъ насъ поить-кормить, отъ темной ночи укрывать?"

Въ отвѣтъ на это, Христосъ, утѣшая нищую братію, обѣщаетъ, что дастъ ей гору золотую, рѣку медвяную, оставитъ ей сады-винограды, яблони кудрявы, дастъ манну небесную". Но Іоаннъ Златоустъ вступается и проситъ оставить иное, болѣе прочное наслѣдіе, которое никто бы не могъ отнять у нищей братіи:

«Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую:
Не сумѣть имъ горою владѣти,
Не сумѣть имъ золотую поверстати
И промежду собою раздѣлити.
Зазнаютъ гору князи и бояре,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые люди.
...По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братію не допустятъ....
....Дай же Ты нищимъ-убогимъ
Имя Твое святое.
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя, Христа, величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темной ночи пріукрыты.»

Вотъ въ какой высокой поэтической формѣ воплощаютъ эти убогіе пѣвцы-калѣки свои чаянія и упованія и свою глубокую вѣру во имя Того, Кто кормитъ и ихъ, наравнѣ съ птицами небесными, „не собирающими въ житницы".

Періодъ третій.

Отъ начала XVI вѣка и до половины XVII вѣка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Положеніе русскаго общества въ началѣ XVI вѣка. — Максимъ Грекъ и его печальная судьба. — Вліяніе, оказанное на него Савонаролою. — Живое отношеніе къ русской современности. — Его неутомимая дѣятельность. — Кружокъ друзей Максима Грека.—Враги Максима Грека.—Его правдивость и твердость убѣжденій.— Его несчастія и ссылка.

Сильное и могущественное Московское государство грознымъ колоссомъ возрастало и крѣпло на сѣверо-востокѣ, отдаленное отъ Европы, словно китайскою стѣною, тѣми враждебными и недальновидными сосѣдями, которые, опасаясь русской мощи, пытались задержать ея ростъ тѣмъ, что не давали къ ней доступа европейскому прогрессу и просвѣщенію. Московское государство, вслѣдствіе такой обособленности, развивалось неестественно и черезчуръ своеобразно—одними верхними слоями общества—и власть, сосредоточенная въ рукахъ великихъ князей московскихъ, многое заимствовавшихъ съ азіатскаго Востока, успѣла возрасти къ началу XVI вѣка до крайнихъ предѣловъ. А въ то же время въ обществѣ не было никакой самобытной жизни — ни уваженія къ человѣческой личности, ни общественнаго мнѣнія, которое было

бы способно противодѣйствовать злоупотребленію властью, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась. Притомъ-же, какъ мы это уже видѣли выше, русское общество, въ началѣ XVI вѣка, очевидно, уже дожило до крайняго предѣла въ развитіи тѣхъ началъ, которыя руководили его жизнью до этого времени... Въ обществѣ уже замѣчается недовольство и нѣкоторое броженіе: являются порицаніе и осужденіе, является желаніе внести больше свѣта и правды въ то „море зла", которое русскіе люди видятъ кругомъ себя и съ которымъ они безсильны въ борьбѣ. Уже въ концѣ XV вѣка слышатся отдѣльные и хотя энергическіе, но все же еще одинокіе протесты противъ существующаго порядка; а въ началѣ XVI вѣка мы уже видимъ мало-по-малу нарождающееся меньшинство, которое рѣшается даже вступить въ борьбу съ установившимся строемъ жизни. Это меньшинство, по особенно счастливой случайности, развивается у насъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отголосковъ того громаднаго прогрессивнаго движенія, которое охватило всю Европу въ XV и XVI вѣкахъ и вызвало въ ней такъ-называемую „Эпоху Возрожденія". Образованію этого меньшинства въ значительной степени способствовалъ, воспиталъ его и умственно и нравственно, человѣкъ, заслуги котораго въ исторіи русскаго просвѣщенія являются выдающимися и неоцѣненными. Этотъ человѣкъ былъ знаменитый *Максимъ Грекъ*.

Максимъ Грекъ былъ родомъ изъ Албаніи. Онъ родился въ городѣ Артѣ, около 1480 года. Въ ранней молодости онъ попалъ въ Италію, гдѣ и получилъ блестящее образованіе, такъ какъ въ ту пору сильно-возбужденнаго умственнаго движенія, образованность и просвѣщеніе, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, были не только главнымъ интересомъ во всѣхъ слояхъ итальянскаго общества, но и общимъ увлеченіемъ, общею модною болѣзнью вѣка, если можно такъ выразиться. Италія, во второй половинѣ XV вѣка, пріютила у себя тѣхъ греческихъ ученыхъ, которые искали спасенія отъ турецкаго ига; ученые эти принесли съ собою богатѣйшій запасъ древне-классическихъ рукописей, стали ихъ разработывать и увлекли за собою въ эту разработку и въ изученіе классическаго міра всѣ лучшіе умы Италіи. Классическій міръ, со всѣмъ обаяніемъ своей культуры и искусства, раскрылся передъ изумленными взорами итальянцевъ, такъ долго относившихся съ равнодушнымъ пренебреженіемъ къ классической почвѣ, на которой они жили—и они, со всею страстностью своего подвижнаго южнаго темперамента, предались изученію классическаго міра и безцѣнныхъ памятниковъ его науки и искусства. Это страстное увлеченіе охватило всѣхъ — отъ папъ, кардиналовъ и герцоговъ, отъ высочайшихъ художниковъ, до скромныхъ тружениковъ науки, до мѣщанъ и ремесленниковъ; оно привело, конечно, къ

Эпоха Возрожденія въ Италіи.

преувеличеньямъ, къ крайностямъ, вызвало такое пристрастіе ко всему классическому, что все, стоявшее внѣ области искусства и науки, внѣ изученія классицизма и слѣпого преклоненія передъ классицизмомъ во всѣхъ его проявленіяхъ — утратило всякую цѣну въ глазахъ современныхъ итальянцевъ и было почти предано забвенію. Знатные и богатые люди, не жалѣя и не считая, тратили громадныя суммы на пополненіе своихъ библіотекъ, на покупку древнихъ рукописей, на отысканіе и пріобрѣтеніе всевозможныхъ памятниковъ греческой и римской древности, на поддержку университетовъ и художниковъ, которыхъ около этого времени (также подъ вліяніемъ изученія классицизма) явилось множество, и притомъ высокоталантливыхъ, геніальныхъ... Но рядомъ съ этими благородными увлеченіями классицизмомъ, общественная жизнь изобиловала и такими проявленіями, которыя въ глазахъ людей серьезныхъ и разумныхъ должны были казаться какимъ-то страннымъ юродствомъ, почти безуміемъ. Старались подражать не только хорошимъ и существеннымъ сторонамъ классической жизни, вносили въ свою жизнь не только то, что вполнѣ заслуживало подражанія и усвоенія, но и многое ни для кого не желательное, дурное и вредное. Забывали о религіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, предавались, по примѣру временъ паденія Рима, безумной роскоши и утонченному разврату, проводя дни и ночи въ пирахъ и весельѣ, въ то время, когда народъ изнывалъ подъ гнетомъ нищеты и всевозможныхъ лишеній. Крайности и преувеличенія страстнаго увлеченія классицизмомъ отозвались и въ наукѣ: все преподаваніе основано было только на изученіи Платона и Аристотеля, какъ такихъ авторитетовъ, которые признавались болѣе незыблемыми, нежели самыя книги Св. Писанія. Максимъ Грекъ, близко знакомый съ современною итальянскою наукой, говорилъ прямо: „никакой догматъ — ни божественный, ни человѣческій—не считается въ итальянскихъ училищахъ твердымъ, если не будетъ утвержденъ силлогизмами Аристотеля". Подражаніе научнымъ увлеченіямъ древнихъ доходило до того, что, забывая о божественномъ Промыслѣ и всемогуществѣ Божіемъ, начинали подчинять всю жизнь человѣка мнимому вліянію небесныхъ свѣтилъ и, вслѣдствіе этого, считать одни часы и дни болѣе благопріятными человѣческимъ начинаніямъ, а другіе—менѣе. Дошло до того, что астрологія преподавалась съ университетскихъ каѳедръ, какъ положительная наука, и астрологи, въ такой же степени, какъ и врачи, стали занимать выдающееся мѣсто въ свитѣ папъ и кардиналовъ, королей и герцоговъ.

М. Грекъ въ Италіи.

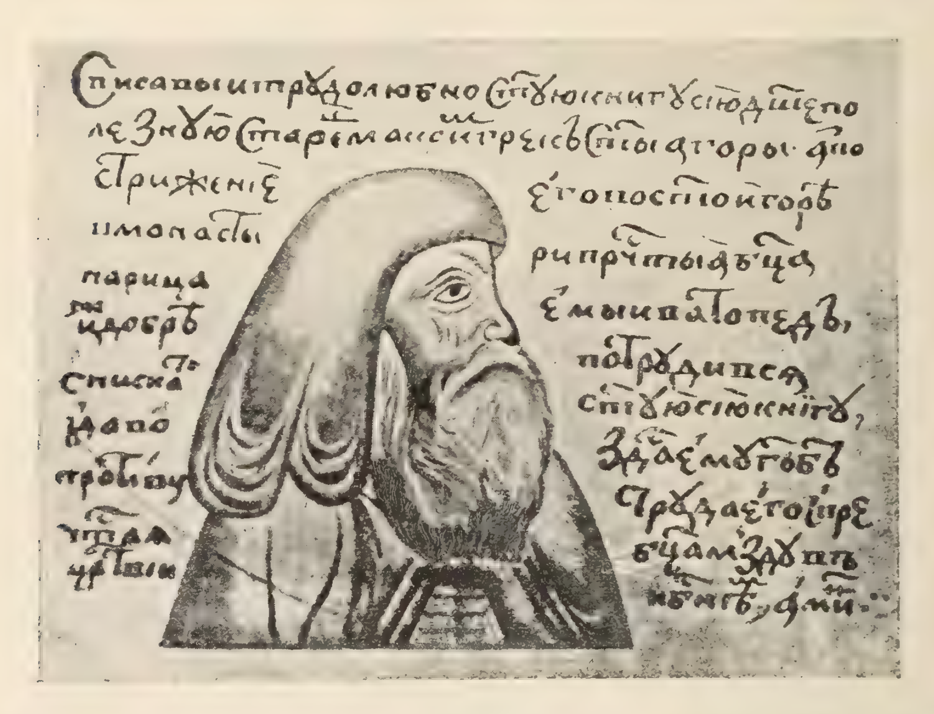
Въ самый разгаръ этой блестящей, яркой, шумной и разнообразной эпохи Возрожденія, *Максимъ Грекъ*, еще 20-ти-лѣтнимъ юношей, попалъ въ Италію. Здѣсь онъ сначала долго жилъ въ

Флоренціи, а потомъ въ Венеціи, гдѣ занимался науками подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго, Іоанна Ласкариса, и вступилъ въ тѣсныя, дружескія отношенія съ знаменитымъ типографомъ и издателемъ классиковъ, Альдомъ Мануціемъ. Во время этого пребыванія въ сѣверной Италіи, онъ изучалъ древнихъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; есть даже основаніе думать, судя по собственному признанію Максима Грека, что онъ также заплатилъ извѣстную дань увлеченіямъ своей эпохи, и, можетъ-быть, даже поддался бы имъ вполнѣ, если бы не сошелся съ извѣстнымъ проповѣдникомъ того времени, Іеронимомъ Савонаролою, который такъ безпощадно громилъ и обличалъ пороки современнаго ему общества, за что и погибъ на кострѣ, несправедливо обвиненный въ ереси (1498 г.). Максимъ Грекъ былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, и, потрясенный силою его вдохновеннаго краснорѣчія, былъ увлеченъ его энергическимъ протестомъ противъ соблазновъ, отовсюду окружавшихъ итальянское общество. Съ той поры сердце его прониклось безпредѣльнымъ уваженіемъ къ Савонаролѣ, который оставилъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, какъ дивный проповѣдникъ, какъ идеально-честный человѣкъ и безпристрастный правдолюбецъ. Уваженіе и даже восторженное преклоненіе передъ Савонаролой еще болѣе возросло въ душѣ Максима Грека, когда тотъ закончилъ свой жизненный подвигъ мученической смертью, вмѣстѣ съ двумя своими послѣдователями. „Не отъ другого я слышалъ, но самъ видѣлъ ихъ и много разъ слушалъ ихъ поученія, видѣлъ въ этихъ преподобныхъ инокахъ горячую ревность ихъ къ слову Христа Спасителя и къ спасенію вѣрныхъ",—такъ пишетъ Максимъ Грекъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что высоко-нравственная личность Савонаролы много способствовала юношѣ не только въ избраніи опредѣленнаго жизненнаго пути, но и въ бодромъ прохожденіи его. Въ 1507 году мы уже видимъ Максима на Аѳонѣ, въ одной изъ мѣстныхъ обителей: онъ страстно преданъ чтенію книгъ и рукописей, и, несмотря на свои молодыя лѣта, уже пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свою ученость. Когда, десять лѣтъ спустя, изъ Москвы на Аѳонъ пришло предложеніе—прислать ко двору великаго князя въ Москву опытнаго переводчика и знатока книгъ и рукописей, при чемъ указывалось на одного изъ старыхъ иноковъ—аѳонскіе монахи, вмѣсто стараго, больного инока, заблагоразсудили отправить въ Москву молодого и энергичнаго Максима Грека.

М. Грекъ въ Москвѣ.

Онъ явился въ Москву въ 1518 г., въ правленіе Василія III, и тотчасъ же получилъ порученіе—разобрать богатѣйшую рукописную библіотеку князя. При ея разборѣ, Максиму удалось открыть драгоцѣнныя рукописи, и между ними онъ тотчасъ же ука-

залъ на тѣ сочиненія, которыя еще не были переведены на славянскій языкъ. Тогда ему порученъ былъ переводъ Толковой Псалтири, и въ помощники ему, при переводѣ съ латинскаго, данъ былъ уже извѣстный намъ Дмитрій Герасимовъ, а для письма — два инока-скорописца. Дмитрій Герасимовъ былъ въ особенности необходимъ потому, что самъ Максимъ Грекъ еще не твердъ былъ въ славянскомъ языкѣ, т. е. той книжной прозѣ, которая была въ ходу во всей древне-русской письменности. Года полтора спустя, когда переводъ Псалтири былъ оконченъ, Максимъ хотѣлъ уѣхать изъ Москвы, и сталъ проситься на Аѳонъ,—но, по настоятельному желанію великаго князя и митро-

Древнее изображеніе Максима Грека, сохранившееся въ рукописи Соловецкой библіотеки конца XVI вѣка.

полита, онъ долженъ былъ остаться и принялъ на себя тяжелый и неблагодарный трудъ исправленія богослужебныхъ книгъ. Этотъ трудъ, съ одной стороны, послужилъ поводомъ къ тому, что Максимъ, увлекаясь своей трудной задачей, сталъ болѣе и болѣе обращать вниманіе на окружавшій его мракъ и коснѣніе русскаго общества въ глубокомъ невѣжествѣ, на извращеніе религіозныхъ вѣрованій и чисто-внѣшній характеръ благочестія и благоустройства церковнаго, на массу суевѣрій и предразсудковъ, не только въ народѣ, но и во всѣхъ классахъ общества. И вотъ онъ увлекся мыслью, что можетъ не однѣ книги исправить отъ грубыхъ описокъ и ошибокъ, но и въ самое общество русское внести свѣтъ и правду, и посѣять въ немъ сѣмена истиннаго

просвѣщенія, истинной религіозности и чистоты нравственной. Выполненію этой высокой задачи онъ посвятилъ всю свою жизнь, и ничего не вынесъ изъ своей неутомимой, безкорыстной и самоотверженной дѣятельности, кромѣ безысходныхъ страданій, длившихся болѣе четверти вѣка. Максимъ Грекъ, открыто высказывавшій порицанія церковнымъ нестроеніямъ, смѣло и прямо всѣмъ говорившій правду въ глаза, подавшій также свой вѣскій голосъ противъ монастырскихъ имѣній,—возбудилъ противъ себя массу враговъ, былъ обвиненъ ими и въ пристрастіи къ различнымъ ересямъ, и въ намѣренной порчѣ богослужебныхъ книгъ. Въ довершеніе всего, онъ дерзнулъ отнестись съ неодобреніемъ къ разводу великаго князя съ первой женой, Соломоніей, для вступленія въ бракъ съ Еленой Глинской. И вотъ, на соборѣ 1525 года онъ былъ осужденъ и отосланъ въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь—въ руки злѣйшихъ враговъ своихъ, Іосифлянъ. Можно себѣ представить, что пришлось ему здѣсь вытерпѣть! Итакъ, въ теченіе 28 лѣтъ, его переводили изъ одной монастырской тюрьмы въ другую, и освободили изъ заключенія уже больнымъ и дряхлымъ 73-хъ-лѣтнимъ старцемъ. Переведенный, подъ конецъ жизни, въ Троице-Сергіеву обитель, Максимъ Грекъ здѣсь и скончался въ 1556 году, здѣсь и погребенъ.

Изображеніе М. Грека, на Тромонинскихъ листахъ.

Труды М. Грека.

Максимъ Грекъ — писатель плодовитый и живой, разнообразный и талантливый. Научившись владѣть языкомъ, чуждымъ ему съ дѣтства, онъ оставилъ по себѣ массу сочиненій, свидѣтельствующихъ о его свѣтломъ умѣ, гуманномъ взглядѣ на жизнь и на всякія заблужденія человѣчества и объ удивительной чистотѣ душевной. Ни малѣйшаго ожесточенія или озлобленія противъ людей не слышится въ писаніяхъ этого подвижника, такъ много страдавшаго, такъ много терпѣвшаго всякихъ напрасныхъ обидъ и несправедливостей: вездѣ только одно исканіе правды и безпристрастное изложеніе истины въ томъ видѣ, какъ она представлялась самому автору.

Значительная доля всего, что написано Максимомъ Грекомъ, посвящена полемикѣ (чисто-догматическаго характера) противъ магометанства, іудейства (въ лицѣ послѣдователей секты жидов-

ствующихъ) и латинства, въ пользу котораго сильно ратовалъ докторъ великаго князя, Николай Нѣмчинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при великокняжескомъ дворѣ. Къ тому же разряду сочиненій слѣдуетъ отнести еще „слова“ Максима Грека противъ астрологическихъ заблужденій, которыя старался распространить въ Москвѣ тотъ же Николай Нѣмчинъ. Въ этихъ „словахъ“ Максимъ Грекъ говоритъ: „Не отъ звѣздъ и планетъ, но свыше, отъ самого Отца Святаго исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ на родъ человѣческій“.

Въ другомъ мѣстѣ, намекая на то, что астрологи часто дерзаютъ давать совѣты и указанія правителямъ, Максимъ Грекъ добавляетъ:

„Одна нужнѣйшая астрологія для благочестивѣйшихъ царей — православная вѣра во святую и живоначальную Троицу и созидаемое на семъ твердомъ основаніи богоугодное жительство“.

Много другихъ „словъ“ посвящено Максимомъ Грекомъ борьбѣ противъ народныхъ суевѣрій, противъ излишней вѣры, придаваемой апокрифическимъ сказаніямъ, ложнымъ и отреченнымъ книгамъ, въ родѣ „Люцидарія“. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей посвященъ разъясненію неправильно понимаемыхъ церковныхъ обрядовъ и разсѣянію дикихъ предразсудковъ, вкравшихся въ различное время въ отношенія вѣрующихъ къ церкви.

Нравоучительныя сочиненія М. Грека.

Но, для ближайшаго пониманія высокой и прекрасной личности такого дѣятеля, какъ Максимъ Грекъ, особенно важными являются его сочиненія *нравоучительныя*.

Здѣсь, разбирая всѣ условія и проявленія общественной жизни, обращая вниманіе на бытъ всѣхъ сословій, онъ то безпощадно бичуетъ пороки, наиболѣе распространенные среди его современниковъ, то изображаетъ идеалъ того правителя, дѣятеля или подвижника, который бы могъ быть желателенъ для пользы общей. Такъ, въ одномъ изъ посланій, какъ предполагаютъ, обращенныхъ къ юному Іоанну Грозному, Максимъ Грекъ набрасываетъ передъ нимъ величавый образъ царя, который долженъ представлять собою „образъ Божій на землѣ...“ „Истиннымъ царемъ и самодержцемъ почитай того, благовѣрный царь, кто заботится правдою и благозаконіемъ устроять дѣла подвластныхъ и владычествовать надъ безсловесными страстями и похотями своей души“; и тотъ же царь, по представленію Максима Грека, „перестаетъ быть благодѣтелемъ для своихъ подданныхъ, когда душа его покрывается облакомъ скотскихъ страстей, яростію и гнѣвомъ безвременнымъ, пьянствомъ и похотьми непреподобными...“

Еще рѣзче и энергичнѣе высказывается Максимъ Грекъ противъ всякаго фарисейства и лицемѣрнаго внѣшняго благоче-

стія, не придавая ни малѣйшаго значенія исполненію обрядовъ безъ соблюденія внутренней чистоты и безъ „дѣлъ благочестія"...

Такъ, въ одномъ изъ „словъ" онъ изображаетъ епископа, который, обращаясь къ Богу, говоритъ, что онъ всегда радѣлъ о благоговѣйномъ служеніи, о соблюденіи праздниковъ, объ украшеніи иконъ, объ устроеніи колоколовъ и т. п. Отвѣчая на это, Богъ—въ „словѣ" Максима Грека—говоритъ, что все это пріятно ему только тогда, когда сопровождается добрыми дѣлами, и добавляетъ:

„Вы хвалитесь и думаете почтить меня мvромъ и доброшумными колоколами,—такъ послушайте же внятно и прилежно моего поученія и утвердите его въ сердцахъ вашихъ. Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многоцѣннаго мvра я сошелъ на землю и принялъ вашъ образъ, но ради вашего спасенія, которое для меня всего дороже, я претерпѣлъ съ любовью всѣ страданія. Для того я и повелѣлъ написать въ книгахъ мои спасительныя заповѣди и наставленія, чтобы вы могли знать, какъ угождать мнѣ. Вы же книгу моихъ словесъ снаружи и снутри обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силы заповѣдей моихъ, въ ней написанныхъ, не принимаете, и не только не исполняете, но поступаете противъ нихъ".

Почти то же говоритъ онъ и въ „сказаніи о разрѣшеніи обѣта постнаго". „Воздержаніе отъ душевредныхъ страстей составляетъ истинный и пріятный Богу постъ,—говоритъ въ этомъ сказаніи Максимъ Грекъ,—а одно воздержаніе отъ брашенъ не только не приноситъ пользы, но еще больше осуждаетъ"...

Особенною смѣлостью отличались нападки Максима Грека на современный монашескій бытъ и его несовершенства и недостатки. Въ своихъ статьяхъ о монашествѣ Максимъ Грекъ прямо становится на сторону Нила Сорскаго и Вассіана Косого и горячо возражаетъ противъ „любостяжательности" монастырей и владѣнія имѣніями. „Какая правда въ томъ,—говоритъ онъ,—чтобы удалиться отъ своихъ имѣній будто бы ради Бога, а потомъ пріобрѣтать чужія. Ты снова впадаешь во всѣ попеченія, ослѣпляющія твои умственныя очи губительными безчиніями плоти, которыми, какъ дикимъ терніемъ, заглушается все, посѣянное свыше въ сердцѣ твоемъ. Ты опять созидаешь, что прежде раззорилъ, и опять страдаешь: убѣгая отъ дыма, безумно попадаешь въ огонь. Какъ можно, взявши крестъ или отрекшись отъ себя, снова заботиться о золотѣ и имѣніяхъ?" М. Грекъ и монашество

Противуполагая нашему монашеству свое идеальное представленіе иночества, Максимъ Грекъ написалъ „сказаніе о совершенномъ иноческомъ жительствѣ", и въ немъ не затруднился русскимъ инокамъ указать, какъ на примѣръ, на монаховъ одного

католическаго (Картезьянскаго) монастыря. „Сіе пишу, — добавляетъ онъ, — чтобы показать православнымъ, что и у неправомудренныхъ (т.-е. неправо-вѣрующихъ) латинянъ есть попеченіе о спасительныхъ евангельскихъ заповѣдяхъ; что по святымъ заповѣдямъ устрояютъ иноческое пребываніе у нихъ монахи, братолюбію, нестяжательности и молчанію которыхъ и намъ должно подражать, чтобы не оказаться ихъ ниже.“

Приведенныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы читатель могъ ознакомиться съ общимъ духомъ и настроеніемъ всѣхъ „писаній“ Максима Грека, который, повторяемъ, занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія Россіи. „Писанія“ эти создали ему великое множество враговъ, но зато свѣтлая и прекрасная личность ихъ автора собрала около него небольшой, тѣсный кружокъ друзей, почитателей и горячихъ приверженцевъ, которые преклонялись передъ его памятью и съ понятною гордостью называли себя его учениками и послѣдователями. Къ этому кружку принадлежали ближайшіе сотрудники Максима Грека по его переводческой дѣятельности: Дмитрій Герасимовъ, инокъ Силуанъ [1]) и Михаилъ Медоварцевъ; архимандритъ Новоспасскій Савва, казанскій архіепископъ Германъ, инокъ Отенскаго монастыря Зиновій [2]), дьякъ Нилъ Курлятевъ и знаменитый впослѣдствіи князь Андрей Михайловичъ Курбскій — просвѣщеннѣйшіе люди своего времени, которые воспитали свой умъ и духъ на идеяхъ Максима Грека, глубоко ими прониклись, и съ достоинствомъ поддержали въ жизни славу имени своего друга, наставника и учителя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стоглавъ и его значеніе въ общественной исторіи XVI вѣка.—Попытки подведенія итоговъ прошлой жизни.—Домострой попа Сильвестра.

Максимъ Грекъ былъ осужденъ на соборахъ 1525 и 1531 гг., почти какъ еретикъ, за многія и тяжкія (хотя и мнимыя) вины, и самою тяжкою изъ этихъ винъ признавалась та, на которую никто изъ отцовъ Собора не рѣшался гласно и открыто указать, а именно: тѣ смѣлыя порицанія непорядковъ и нестроеній въ Русской Церкви и русскомъ обществѣ, которые дѣйствительно существовали и всѣмъ были извѣстны и вѣдомы. Максимъ былъ осужденъ на тяжкое монастырское заточеніе и провелъ въ немъ долгіе, плачевные годы, но его идеи—какъ фениксъ изъ огня—

[1]) Силуанъ или Сильванъ, инокъ Троицкой обители, состоявшій при М. Грекѣ писцомъ; впослѣдствіи былъ извѣстенъ своими глубокими грамматическими знаніями.

[2]) Зиновій прославился своею энергическою борьбою противъ ереси Ѳеодосія Косого и Матвѣя Башкина. Обитель Іоны Отенскаго расположена на р. Метѣ, верстахъ въ 70 отъ Новгорода.

Юрьевская грамота 1130 года.

Текстъ ея читается такъ:

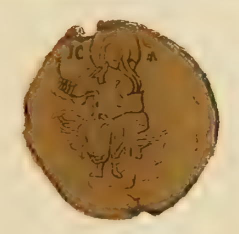
„се азъ мьстиславъ володимирь снъ дьржа роу-
сьскоу землю въ свое княженіе повелѣлъ е-
смь сноу (сыну) своему всеволодоу отдати боуи-
цѣ стмоу (святому) георгіеви съ данию и съ вирами и съ
продажами. Да же который князь по моемъ кня-
женіи почьнеть хотѣти отъяти оу (у) стго (святого) георги-
я. а бъ (богъ) боуди за тѣмъ и стая (святая) бца (богородица) и ть (тотъ) стыи (святый) гео-
рги оу (у) него то отимаеть и ты игуменеса.
ие и вы, братиѣ, донелѣ-же ся миръ (міръ) състоить.
молите ба (бога) за мя и за моѣ дѣти. кто ся изооста-
неть (останется) въ манастыри, то вы тѣмъ дължьни е-
сте молити за ны ба и при животѣ и въ съмь-
рти, а язъ далъ рукою своею и осеньнее по-
людие даровьное полтретиядесяте гри-
вьнъ стмоу (святому) же георгиеви а се я всеволодъ да-
лъ есмь блюдо серебрьно въ л грвнъ (гривенъ) серебра
стмоу же георгиеви велѣлъ есмь бити въ
не (него) на обѣдѣ коли игумень обѣдаеть:
даже кто запьртить или тоу (ту) дань и се блю-
до да соудитъ емоу (ему) [Господь?] въ днь (день) пришестви-
я своего и ть (тотъ) стыи (святый) георгии."

Эта древнѣйшая грамота писана отъ имени сына Мономахова, ***Мстислава Влади-міровича***, который былъ посаженъ отцомъ на княженіе въ Новѣгородѣ. Упоминаемый въ грамотѣ ***Всеволодъ*** есть сынъ Мстислава — ***Всеволодъ-Гавріилъ***, знаменитый впослѣдствіи князь Псковской.

Грамота хранится въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, что близъ Новгорода, повыше его, стоитъ на берегу озера Ильменя.

Отверстіе въ пергаменѣ, внизу грамоты, служило для привѣшиванья печати, изображеніе которой помѣщено нами подъ грамотою. На одной сторонѣ печати — образъ Спасителя; на другой—Михаилъ Архангелъ.

ЮРЬЕВСКАЯ ГРАМОТА.

НОВГОРОДСКАЯ ЮРЬЕВСКАЯ ГРАМОТА 1130 ГОДА, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ ЮРЬЕВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(Снимокъ уменьшенъ на 1/3 противъ оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

возникаютъ изъ-подъ гнета утѣсненій и не гибнутъ во мракѣ его темницы... Все теченіе русской жизни ясно указываетъ на то, что великій подвижникъ и страдалецъ былъ правъ въ своихъ укорахъ, обращенныхъ къ духовнымъ властямъ и къ обществу, и вотъ, на соборѣ 1551 года самъ юный царь, во главѣ всего духовенства и высшихъ чиновъ государства, призналъ, что нестроеній и недостатковъ въ русской народной жизни и въ русской Церкви—великое множество, и что нужно всѣмъ стремиться къ изысканію средствъ для исправленія уже народившагося и еще нарождающагося зла.

Результатомъ собора 1551 г. явилась пространная записка о дѣяніяхъ собора, извѣстная подъ названіемъ *Стоглава,* такъ какъ она заключаетъ въ себѣ *сто отдѣльныхъ главъ* и состоитъ изъ соборныхъ отвѣтовъ на царскіе вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ церковной, народной и общественной жизни. Записка эта начинается съ изложенія исторіи собора; затѣмъ приводится рѣчь царя къ собору, въ которой онъ говоритъ: что „прежніе обычаи поисшатались, а прежніе законы порушены“, а потому онъ и проситъ отцовъ собора „укрѣпить древнія преданія истинной нашей вѣры“. Вслѣдъ за рѣчью помѣщены вопросы, отвѣты на вопросы и постановленія собора, рисующіе намъ весьма печальную картину общественной и народной жизни, картину, полную сумрака, закоснѣлаго невѣжества и изумительной грубости нравовъ. По вопросу о полной безграмотности ставленниковъ, „хотящихъ въ дьяконы и попы ставиться“, соборъ постановилъ: „во всѣхъ городахъ выбрать добрыхъ священниковъ (т.-е. опытныхъ, надежныхъ) и дьяконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и канонарханію“ [1]... Но это, кажется, единственное положительное разрѣшеніе вопроса, гдѣ указана опредѣленная мѣра противъ извѣстнаго зла. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ соборъ заявляетъ себя совершенно безсильнымъ противъ зла и ограничивается только безплодными запрещеніями, которыя мудрено было бы осуществить на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о чтеніи запрещенныхъ книгъ, въ родѣ „*Рафлей*“, *Шестокрыла, Воронограя, Зодія, Альманаховъ, Звѣздочетья, Аристотелевыхъ вратъ* и т. д., соборъ постановилъ, чтобы и самъ царь, и всѣ святители „запретили съ великимъ духовнымъ прещеніемъ, чтобы православные христіане такихъ богоотреченныхъ, еретическихъ книгъ у себя не держали и не чли“. Частные случаи проявленія общаго зла—недостатка въ просвѣщеніи, законности и гражданственности—невозможно было исправить одними

Стоглавъ о чтеніи книгъ.

[1]) Достойно вниманія, что этимъ же самымъ пастырямъ, полная безграмотность которыхъ только-что была оффиціально заявлена и признана на соборѣ, тотъ же соборъ предписываетъ: «учить народъ вѣрѣ и благочестію».

запретительными мѣрами, не истребивъ зла въ корнѣ, не измѣнивъ всего строя древне-русской жизни.

Но какъ его измѣнить? Какой разумный планъ, какую цѣль положить себѣ? Чѣмъ задаться? Чѣмъ утвердить „древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры“, какъ проситъ царь въ своей рѣчи — когда эти преданія „поисшатаны“ и „порушены“ жизнью и ея постоянно-нарастающими потребностями? Такъ, вѣроятно, думали многіе подъ первымъ впечатлѣніемъ собора—и среди этихъ многихъ нашелся одинъ серьезный и разумный человѣкъ, близкій къ царю и вполнѣ искренно озабоченный возможно-лучшимъ устроеніемъ жизни семейной и общественной; то былъ духовникъ юнаго царя, извѣстный священникъ придворной церкви Благовѣщенія *Сильвестръ*, вызвавшій незадолго передъ тѣмъ такую дивную перемѣну въ Іоаннѣ.

Домострой Сильвестра.

Сильвестру вздумалось собрать во-едино всякія душеполезныя правила житейской мудрости и общежитія, и составить изъ нихъ положительный кодексъ, на который смѣло могли бы опираться всѣ благомыслящіе люди и находить себѣ въ немъ руководство и указаніе на всевозможные случаи и запросы жизни. И вотъ изъ рукъ его вышелъ памятникъ, правда, компилятивнаго характера, избранный изъ многихъ источниковъ и пополненный практическими свѣдѣніями, заимствованными прямо изъ жизни; но памятникъ въ высшей степени любопытный и живо рисующій передъ нами и время, и личность автора [1]). „Домострой“ касается всѣхъ сторонъ жизни человѣка, какъ гражданина, мужа, семьянина и домохозяина; онъ указываетъ способъ дѣйствій, котораго каждый долженъ держаться и по отношенію къ Церкви, и по отношенію къ ближнимъ, и по отношенію къ старшимъ и младшимъ, къ женѣ, дѣтямъ, слугамъ и рабамъ. Весь заключающійся въ немъ матерьялъ распредѣленъ въ 63 главахъ, къ которымъ добавлено еще въ видѣ 64-й главы „*Посланіе и наказаніе* (т. е. наставленіе) *сыну моему Анѳиму*“, представляющее собою какъ бы извлеченіе и общій выводъ изъ всѣхъ предшествующихъ главъ Сильвестрова труда.

Первыя пятнадцать главъ „Домостроя“ посвящены правиламъ вѣры и благочестія. Правила эти очень строги и требованія религіозныя очень высоки; видно, что правила эти исходятъ отъ лица духовнаго, такъ какъ многія изъ нихъ исполнимы развѣ только для человѣка, совершенно уже отрекшагося отъ міра, но никакъ не для мірянина. „Домострой“ совѣтуетъ, по возможности, все

---

[1]) Новѣйшія изслѣдованія „Домостроя“ доказываютъ, что въ этомъ сочиненіи лично Сильвестру принадлежитъ лишь весьма незначительная часть, какъ автору. Но едва ли можно отрицать то, что ему, несомнѣнно, принадлежитъ общая редакція всего труда и отчасти даже подборъ матеріала.

въ домѣ устраивать для моленья точно такъ же, какъ и въ церкви, со всякимъ благолѣпіемъ. Стѣны увѣшивать иконами не зря, а въ предписанномъ порядкѣ, украшать ихъ пеленами и закрывать завѣсою „всякія ради чистоты“.... Передъ иконами слѣдуетъ возжигать лампады, ставить свѣчи и „по всякомъ славословіи Божіи и по пѣніи погашати“;.... „кадити благовоннымъ ладаномъ и оиміамомъ“.... „По вся дни въ вечерни мужъ съ женою и съ дѣтьми, и домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти (должны) вечерню, павечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и съ поклоны“.... „А утромъ, вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю (т.-е. въ воскресенье) и праздникъ—молебенъ“. Несмотря на такое изобиліе домашней молитвы, „Домострой“ не довольствуется этими указаніями и предлагаетъ какъ можно чаще ходить въ церковь и приносить туда съ собою свѣчи, ладанъ, просфоры и прочее, потребное для богослуженія. Къ этимъ наставленіямъ прибавленъ подробный уставъ, распредѣляющій, какъ и когда слѣдуетъ поститься, и какую пищу и питье въ какіе дни допускать къ употребленію [1]). Не забыты и дѣла благотворительности: странниковъ и нищихъ „Домострой“ предписываетъ принимать, кормить и считать ихъ какъ бы членами семьи; запасливому хозяину этотъ кодексъ нравственности совѣтуетъ даже нарочно заготовлять излишній запасъ для того, чтобы, не отнимая отъ своихъ потребъ, удовлетворять и тѣхъ, кто, внѣ семьи и дома, нуждается въ пищѣ и питьѣ.

Слѣдующія одиннадцать главъ „Домостроя“ посвящены обязанностямъ человѣка, какъ семьянина. Эти обязанности свидѣтельствуютъ объ очень невысокомъ уровнѣ развитія отношеній семейныхъ, объ исключительномъ преобладаніи мужа-домохозяина и о полномъ, безпрекословномъ подчиненіи всего дома его волѣ. — Жена въ домѣ не можетъ сдѣлать ни шагу, не посовѣтовавшись съ мужемъ или не получивъ отъ него приказаній: она только домоводка и старшая надъ слугами и рабами. Обязанности ея опредѣляются въ „Домостроѣ“ слѣдующимъ образомъ: Домострой о семьѣ.

„Жена — хозяйка должна вставать въ домѣ первая, такъ, чтобы слуги никогда ее не будили, а она бы слугъ будила. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; кушанье мясное и рыбное—всякій приспѣхъ скоромный и постный,—и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобы и служанку могла научить. Если она все знаетъ, *мужнимъ наказаньемъ и грозою,* и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро, и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь не была бы

[1]) «Домострой» совѣтуетъ даже всѣмъ мірянамъ носить на рукахъ четки, по которымъ можно было бы про себя творить молитвы.

Снимокъ съ Минеи 1096 года, такъ-называемой «Типографской».
Въ величину оригинала.

КЪНИГЫ Ѡ ѾКРО-
вении авраамѣ сна
фарина. сна нахорѣ
сна серухова. сна
рогова. сна арфа-
ѯадова. сна сило-
ва. сна ноева. сна
ламехова. сна
мефусаламлѧ.
сна енохова. сна
аредова.
Въ дн҃ь настрѣза-
ющю ми богы оца
фарана. и бы-
на оца брата сво-
его. егда спы-
товахъ къ бжие-
ство истину бъ
силенъ. азъ авра-
амъ въ врема при-
лучениꙗ жреби-
ꙗ моего. егда
скончевахъ слу-
жьбы трем оца

моего фары. бога
его древѧныимъ
каменныимъ. зла-
тыимъ сребрены-
имъ. медѧны-
имъ и желѣзныим.
вшедъ въ црков
ихъ на службу. о-
брѣтохъ бога мару-
мафа и каменемь
ѿ камень изова-
ꙗна нападъша ни-
ца у ногу бга. нари-
цена желѣзнаго.
и бы егда видѣхъ
смѧтесѧ ми сердце.
помышлѧхъ въ у-
мѣ своемъ ꙗко не
възмогохъ его о-
братити на мѣ-
сто свое. едини
азъ и се авраамъ
за не бѧше ѿ ка-
мени велика
тѧжокъ. и шедъ

Снимокъ страницы «Сильвестрова» сборника, писаннаго уставомъ половины XIV вѣка; нѣсколько уменьшенъ противъ оригинала.

безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно будетъ дѣлать; мужъ-ли придетъ, гостья-ли придетъ, всегда бы за рукодѣльемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, и мужу похвала. Со слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя женки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій день жена у мужа спрашивала бы и съ нимъ бы совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями должна бесѣдовать о рукодѣльи и о домашнемъ устройствѣ, и примѣчать, гдѣ увидитъ что̀ хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо; кто что укажетъ—(за это) низко челомъ бить, и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ добрыми женщинами пригоже сходиться не для ѣды, не для питья, а для доброй бесѣды и науки, вникать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать. Спросятъ о чемъ про кого другіе—отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала, и сама о неподобномъ не спрашивать, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересуживать. (Жена должна) отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмѣльную брагу и квасъ, и до̀ма, и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужого у себя не держать безъ мужняго вѣдома, обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду."

Домострой о женщинѣ.

Набросавъ эту программу, „Домострой" прибавляетъ къ ней и цѣлый рядъ указаній на тотъ случай, если бы не все, намѣченное въ программѣ, исполнялось какъ слѣдуетъ. „Жены мужей спрашиваютъ обо всякомъ благочиніи, и во всемъ имъ покоряются." Даже и въ церковь ходитъ жена „по возможности, по совѣту съ мужемъ"... Но на тотъ случай, „если жена по мужнему поученью не живетъ", „Домострой" предлагаетъ „учить ее съ любовью и благоразсуднымъ наказаніемъ". Это довольно общее и темное указаніе разъясняется „Домостроемъ" очень подробно, и открываетъ передъ нами наивно-грубую картину семейныхъ нравовъ...

„Если жена по мужнему поученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить; а другъ на друга имъ не должно сердиться. Слугъ и дѣтей также смотря по винѣ наказывать, и раны возлагать, а наказавъ, пожаловать; а хозяйкѣ за слугъ печаловаться (заступаться)—такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе нейметъ, то плетью постегать, не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу—не бить, или подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить, и ничѣмъ желѣзнымъ или

деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руку держа".

Какъ ни тяжко, какъ ни противно нашему нравственному чувству сознаніе того, что положеніе русской женщины могло быть когда-то въ такой степени приниженнымъ; но все же несправедливо было-бы обвинить составителя „Домостроя" въ жестокости, въ варварствѣ... Вѣка татарщины прошли не безслѣдно для русской женщины, которая къ XVI вѣку успѣла уже сдѣлаться полною рабою своего мужа, теремною затворницею — старшею изъ слугъ главы семейства — и только. Женщина, которую нужно было въ кодексѣ нравственныхъ правилъ остерегать отъ злоупотребленія „хмѣльными напитками", отъ общенія „съ бездѣльными женками и волхвами", можетъ-быть и дѣйствительно нуждалась въ тѣхъ средствахъ назиданія и исправленія, какія рекомендуются „Домостроемъ".

Практицизмъ Домостроя.

Любопытною чертою нравовъ и эпохи можетъ служить для насъ то, что о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи, объ ихъ отношеніи къ родителямъ „Домострой" почти не упоминаетъ. Между строками можно читать, что отъ дѣтей требовалось только одно—безусловное послушаніе, повиновеніе волѣ родительской. Въ случаѣ же, если бы сынъ или дочь вздумали отступить отъ этого общаго правила, въ „Домостроѣ" (какъ мы уже видѣли выше) для нихъ было готово наказаніе и плетка. Вѣроятно, что вопросы о воспитаніи дѣтей и обученіи ихъ даже и не приходили въ голову составителю „Домостроя", потому что воспитанія никакого и не было, да и обученіе дочери состояло въ наученіи ея извѣстнымъ молитвамъ и рукодѣлію; а сыновей—только грамотѣ и промысламъ. Вслѣдствіе такого упрощеннаго отношенія къ дѣлу, даже и самый идеалъ юноши, какимъ его изображаетъ „Домострой", представляется чѣмъ-то весьма темнымъ и неопредѣленнымъ: это собственно даже и не идеалъ, а только подборъ выписокъ изъ поученій Отцовъ Церкви. Иное дѣло тамъ, гдѣ отношенія къ дѣтямъ переходятъ на почву матерьяльныхъ интересовъ, на почву практическую: тамъ „Домострой" даетъ цѣлый рядъ совѣтовъ и указаній, замѣчательно-своеобразныхъ. Такъ, напр., онъ указываетъ, что уже съ самаго рожденія дочери ей слѣдуетъ копить приданое, отдѣляя на ея имя и отъ приплода скота, и отъ всякихъ домашнихъ издѣлій: полотенъ, ширинокъ и убрусовъ; постепенно шить ей бѣлье и откладывать въ особый сундукъ; точно такъ же поступать и съ шитьемъ, и съ низаньемъ, и съ уборами для нея; постепенно же подготовить ей и образа, и посуду, и оловянную, и мѣдную, и деревянную — „и прибавливати по немножку всегда и не вдругъ: себѣ не въ досаду, и всего будетъ полно. Ино дочери растутъ, и страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое прибываетъ, и

какъ замужъ сговорятъ, то все готово". А въ случаѣ если дочь до замужества умретъ, то нѣтъ надобности заботиться о ея поминовеньи: и поминанья, и сорокоустъ по душѣ ея, и милостыню изъ того же „ея надѣлка“ выдаютъ. Предусмотрительно и просто.

Остальныя главы „Домостроя“, съ XXVI и до предпослѣдней, сплошь заняты подробнѣйшими наставленіями, касающимися управленія домомъ и вообще домоводства въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

Совѣтуя всѣмъ жить по средствамъ [1]), „Домострой“ входитъ во всѣ мелочи и подробности заготовки различныхъ запасовъ для дома; запасы всѣ дѣлаются на годъ, и, какъ на весьма любопытную черту современныхъ нравовъ, слѣдуетъ указать на то, что запасы эти заготовляетъ и закупаетъ мужъ, а жена обязана только сберегать ихъ. Съ такою же подробностью даются въ „Домостроѣ“ наставленія относительно всякихъ домашнихъ рукодѣлій и работъ; богатымъ людямъ предлагается даже и такой совѣтъ — имѣть у себя въ домѣ ремесленниковъ изъ своихъ же людей, чтобы всѣ издѣлія обходились, при домашнемъ производствѣ, дешевле. Къ нѣкоторымъ спискамъ „Домостроя“ приложены даже полные перечни всѣмъ кушаньямъ, распредѣленные по постамъ, праздникамъ и днямъ года. Эти перечни лучше всего доказываютъ намъ, что „Домострой“, вѣроятно, былъ весьма распространенною справочною книгою, изъ которой многіе научались правиламъ житейской мудрости, и эти правила были постоянно подъ рукою.

Заключеніе Домостроя.

Домострой заканчивается главою, которая имѣетъ особое заглавіе: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“—нѣчто въ родѣ наставленія и завѣщанія Сильвестра къ сыну своему Анѳиму. Здѣсь, извлекая изъ Домостроя самую суть, Сильвестръ предлагаетъ это сокращенное извлеченіе изъ своего кодекса въ руководство сыну, и, по наивному пріему многихъ древне-русскихъ людей, ставитъ свою жизнь и дѣятельность въ примѣръ и образецъ сыну. Написано это посланіе прекрасно и личность Сильвестра, насколько она въ немъ рисуется, представляется намъ весьма привлекательною.

„Ты видишь, сынъ мой, какъ я жилъ въ этой жизни, въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ Писаніемъ, какъ Божіею милостью, и отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ: какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею и прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не уко-

[1]) Всякому человѣку онъ совѣтуетъ жить «по промыслу и по добытку, и по своему имѣнію», а служащему человѣку «по государскому жалованью и по доходу».

рялъ и ни съ кѣмъ не бранился: приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и черезъ то враги дѣлались друзьями... Никого не презиралъ, ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ; голодныхъ, по силѣ, кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства, на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, а всегда доброхотствуютъ намъ: а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ много сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ, и здѣсь, и въ Москвѣ я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ—грамотѣ, писать и пѣть; иныхъ—иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлью [1]); однихъ — серебряному мастерству, а иныхъ—всякой торговлѣ. А твоя мать многихъ дѣвицъ, и вдовъ, и убогихъ воспитала въ должномъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повыдала..."

Свѣдѣнія о Сильвестрѣ.

Эта весьма привлекательная картинка домашняго и семейнаго быта, на которую составитель „Домостроя" указываетъ сыну, въ значительной степени сглаживаетъ то тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ многія изъ указаній его суроваго кодекса.

Въ заключеніе всего сказаннаго о „Домостроѣ", сообщимъ все, что намъ извѣстно о Сильвестрѣ. Къ сожалѣнію, извѣстно объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ очень немногое. Знаемъ только, что онъ былъ новгородскимъ священникомъ и вызванъ былъ въ Москву митрополитомъ Макаріемъ въ 1547 г. Вѣроятно, онъ лично сталъ извѣстенъ Макарію въ то время, когда Макарій былъ архіепископомъ новгородскимъ; можетъ быть даже, что онъ, какъ человѣкъ книжный и письменный, принималъ нѣкоторое участіе въ трудахъ Макарія по собиранію матерьяла для „Четьи-Миней". Въ Москвѣ, въ качествѣ духовника и ближайшаго совѣтника при юномъ царѣ, Сильвестръ пробылъ въ должности священника въ придворной Благовѣщенской церкви около шести лѣтъ. Въ 1553 г., послѣ разрыва съ Іоанномъ, Сильвестръ добровольно принялъ иночество въ Кирилловомъ монастырѣ. Семь лѣтъ спустя, царскій гнѣвъ и опала настигли его и здѣсь. По царскому указу онъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Соловецкую обитель, гдѣ и скончался.

Посланія Сильвестра.

Отъ Сильвестра, кромѣ „Домостроя", дошли до насъ еще три посланія: одно къ Іоанну Грозному, написанное вскорѣ послѣ

[1]) Подъ книжнымъ рукодѣліемъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть переплетное мастерство.

московскаго большого пожара, рисуетъ намъ ужасающую картину нравовъ той придворной среды, которая окружала Іоанна, и призываетъ его къ искорененію разврата. Это посланіе имѣетъ важное историческое значеніе въ развитіи личности и характера Грознаго. Два другія посланія, къ князю Горбатому-Шуйскому, писаны: первое, во время его намѣстничества въ Казани, заключаетъ въ себѣ различныя наставленія нравственнаго и религіознаго характера; второе утѣшаетъ его въ горѣ, когда онъ подвергся царской опалѣ, сопряженной съ лишеніемъ имущества. Для написанія этого посланія, изъ котораго мы видимъ, что Сильвестръ былъ дѣйствительно близокъ и друженъ съ княземъ, требовалось, конечно, много мужества и твердости духа въ эпоху Іоанна Грознаго, который, карая опальныхъ, очень часто еще суровѣе каралъ тѣхъ, кто дерзалъ имъ выказывать дружбу и расположеніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Домострой» попа Сильвестра и «Четьи-Минеи» митрополита Макарія. — Составъ Четьи-Миней. — Чѣмъ руководствовался митрополитъ Макарій при выборѣ житій въ свой сборникъ. — Азбуковники.

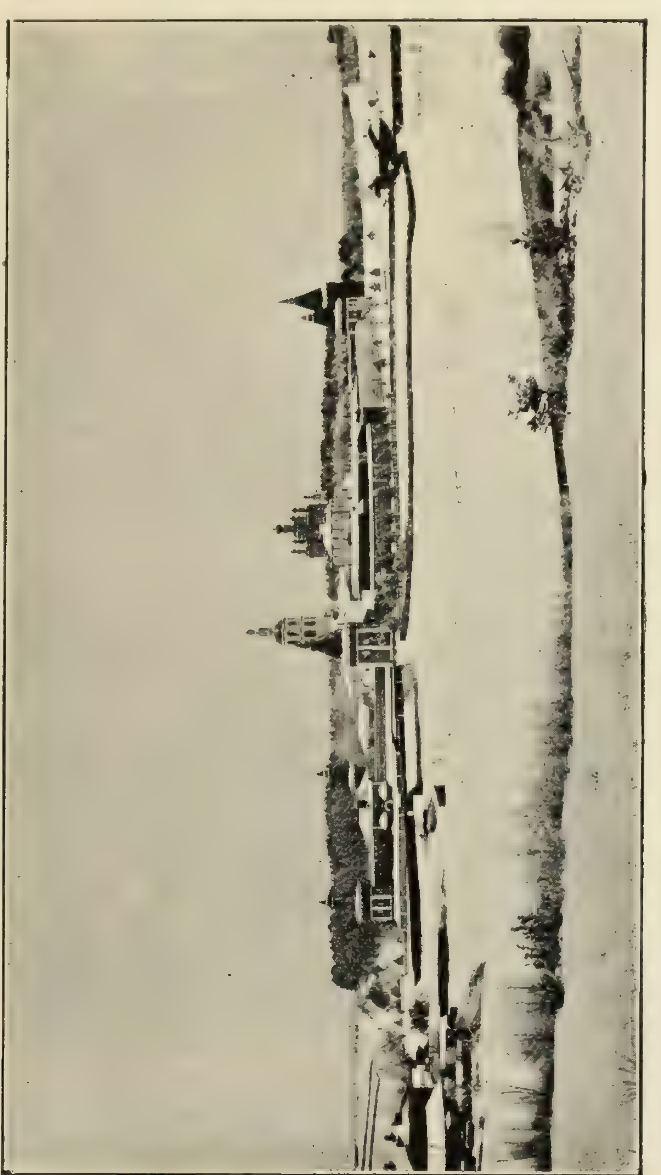
„Домострой“ попа Сильвестра очевидно произошелъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Стоглава“, такъ опредѣленно и ясно указывавшаго на недостатки и нестроенія русской церковной и народной жизни. Вслѣдствіе этихъ указаній и явилось у попа Сильвестра желаніе установить извѣстный строй „благоразсудливаго и порядливаго житія“ — преподать на всѣ случаи жизни правила и указанія со ссылками на авторитеты. Подобнымъ же образомъ и другое указаніе Стоглаваго собора, касавшееся недозволеннаго чтенія книгъ апокрифическихъ и отреченныхъ, способно было вызвать въ другомъ современникѣ Грознаго, митрополитѣ Макаріи, желаніе доставить всѣмъ грамотнымъ русскимъ людямъ о п р е д ѣ л е н н ы й кругъ *дозволеннаго чтенія*, за предѣлы котораго не слѣдовало выходить благочестивому русскому человѣку.

Автографъ митрополита Макарія.

Такимъ побужденіемъ, вѣроятно, руководствовался онъ, когда предпринялъ свой громадный трудъ—собрать воедино „всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются“, — и создалъ громадный сборникъ, уцѣлѣвшій и до нашего времени подъ заглавіемъ „Великихъ Четьи-Миней“ митрополита Макарія.

Свѣдѣнія о митрополитѣ Макаріи.

Имя митрополита *Макарія*, правившаго московскою каѳедрою въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ (1542 — 1564 г.), тѣсно связано съ лучшею эпохою царствованія Грознаго и со многими громкими и свѣтлыми его дѣлами. Онъ выписалъ изъ Новгорода попа Сильвестра и способствовалъ сближенію съ нимъ Іоанна; онъ вѣнчалъ Іоанна супружескимъ и царскимъ вѣнцомъ и руководилъ всѣмъ Стоглавымъ соборомъ, намѣчая главные вопросы, вложенные въ уста юнаго царя, и приводя въ порядокъ отвѣты и постановленія собора. Онъ напутствовалъ Іоанна въ славный казанскій походъ энергическою рѣчью, ободрялъ его подъ стѣнами упорно несдававшагося города и привѣтственною рѣчью торжественно возвѣщалъ всѣмъ „побѣду и одолѣніе на враговъ, дарованныя Богомъ юному царю“. Съ его именемъ связано и столь важное событіе,

Видъ монастыря преподобнаго Пафнутія Боровскаго.

какъ введеніе на Руси *книгопечатанія*, совершившееся по „изволенію государя“ и по благословенію митрополита.

Труды митрополита Макарія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна біографія этого образованнѣйшаго человѣка своего времени, отличавшагося страстною любовью къ книгамъ и громадною начитанностью, не щадившаго ни трудовъ, ни матерьяльныхъ пожертвованій на свои обширныя литературныя предпріятія. Мы знаемъ о немъ только то, что онъ происходилъ изъ иноковъ обители Пафнутія Боровскаго, что онъ горячо любилъ старину и древность, и заботился о сохраненіи и подновленіи ея памятниковъ. Постоянно дѣятельный и постоянно занятый чтеніемъ и разборомъ накопленныхъ имъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ, онъ, съ видимымъ наслажденіемъ, вносилъ свою лепту въ русскую современную письменность, поднимая на свои плеча такіе труды, которые, конечно, всякому другому были бы не по силамъ. Помимо своихъ трудовъ историческихъ (о которыхъ мы упомянемъ въ свое время), онъ задумалъ (около 1529—1530 гг.) собрать въ одинъ общій сводъ *всѣ житія святыхъ, чтимыхъ Русскою Церковью*, и къ этому своду пріурочить „всѣ книги чтомыя, какія обрѣтались въ Русской землѣ“. Этотъ громадный сборникъ, въ которомъ матерьялъ для чтенія распредѣленъ былъ по числу мѣсяцевъ года, въ 12-ти толстыхъ томахъ, получилъ названіе „*Четьи-Минеи*“ или мѣсячныхъ чтеній. Такое названіе вызвано было самымъ планомъ сборника, въ основу котораго принята послѣдовательность церковнаго календаря, такъ что даже и писанія Отцовъ и учителей Церкви въ Минеяхъ помѣщены подъ тѣми числами мѣсяцевъ, когда совершается ихъ память.

Составленіемъ этого сборника Макарій занялся еще задолго до своего возведенія въ санъ митрополита „всея Руси“. „Писалъ я“,—такъ говоритъ онъ въ предисловіи, — „сіи святыя, великія книги въ великомъ Новѣгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, и писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ, многимъ измѣненіемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ я отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и, сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить, а иное и донынѣ въ нихъ осталось неисправлено; мы оставили это тѣмъ, кто послѣ насъ, съ Божіею помощью, можетъ исправить“.

Смѣлая попытка *собрать во-едино всѣ книги чтомыя*,— была самымъ блистательнымъ образомъ приведена въ исполненіе Макаріемъ; въ его сводъ вошли, кромѣ краткихъ и пространныхъ житій святыхъ, торжественныя и похвальныя слова на праздники и памяти святыхъ, книги Св. Писанія съ истолкованіями, творенія Св. Отцовъ, учителей и писателей церковныхъ, патерики

іерусалимскіе, египетскіе, синайскіе, печерскіе и скитскіе. Рядомъ съ житіями, въ сводѣ Макарія явились и легенды или духовныя сказанія о святыхъ, въ родѣ легенды о Петрѣ-царевичѣ Ордынскомъ, смоленской легенды о св. Меркуріи, муромской—о Петрѣ и Февроніи. Введены сюда и писанія несвятыхъ мужей, и сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, но уже вошедшія во всеобщее употребленіе, какъ матерьялъ для чтенія; такія книги и сочиненія нельзя было пріурочивать къ церковному календарю, а потому онѣ помѣщены въ видѣ особыхъ приложеній къ послѣднимъ числамъ нѣкоторыхъ мѣсяцевъ. Такъ, въ концѣ іюньской книги помѣщенъ „Странникъ" игумена Даніила; въ концѣ іюльской книга Іоанна, экзарха болгарскаго, и „Пчела"; въ концѣ августовской — книга Козьмы Индикоплова, посланіе Фотія - патріарха, разныя посланія русскихъ князей, патріарховъ, епископовъ и т. д.

Характеръ дѣятельности Макарія.

Перепиcка всего свода была окончена въ 1522 году; въ общемъ, надъ составленіемъ этого свода Макарій трудился около 20 лѣтъ и успѣлъ внести въ него 1.300 житій. При этомъ онъ дѣйствовалъ не какъ простой компиляторъ, а какъ человѣкъ литературно-образованный и придававшій значеніе не только содержанію, но и внѣшности собираемыхъ и сопоставляемыхъ имъ сочиненій. Изъ многихъ изводовъ одного и того же житія, онъ выбиралъ лучшій, по его мнѣнію; иныя житія приказывалъ переправлять по отношенію къ слогу или особенностямъ языка, сохранившаго слѣды первоначальной болгарской или сербской редакціи; иныя же приказывалъ и совсѣмъ передѣлывать и составлять заново. Такъ, напр., бояринъ *Михаилъ Тучковъ*, по желанію Макарія, вновь написалъ житіе Михаила Клопскаго, „затѣмъ, что прежнее было очень просто написано". То предисловіе, которое почтенный авторъ-бояринъ предпосылаетъ своему изложенію житія, выясняетъ намъ его воззрѣнія на эту задачу и, вѣроятно, отчасти, воззрѣніе самого митрополита Макарія.

„Слышалъ я нѣкогда",—пишетъ бояринъ Тучковъ,—„какъ читали книгу о Тройскомъ плѣненіи. Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы эллинамъ отъ Омира и Овидія. Ради одной ихъ буйственной храбрости, память о нихъ сохранилась такъ долговременно... Во сколько же болѣе должны мы похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ нашихъ чудотворцевъ, которые одержали столь великую побѣду надъ врагами и получили отъ Бога столь великую благодать, что не только люди, но и ангелы почитаютъ и славятъ ихъ. Мы-ли, послѣ этого, оставимъ эти чудеса втуне, не проповѣдуя о нихъ?"

Громадный трудъ митрополита Макарія дошелъ до насъ въ двухъ спискахъ: одинъ изъ нихъ хранится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: другой принадлежалъ нѣкогда новгородскому Со-

фійскому собору и находится въ настоящее время въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи.

Многолѣтніе труды митрополита Макарія, по собиранію и разбору житій святыхъ, нашли себѣ живой отголосокъ на соборахъ 1547 и 1549 г.г., на которыхъ утверждена была канонизація новыхъ святыхъ русскихъ. По мысли царя Іоанна Васильевича и „по благословенію боголюбивѣйшаго митрополита Макарія всея Русіи", епископы русскіе, послѣ собора 1547 г., предприняли въ своихъ епархіяхъ обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ, собрали „житія, каноны и чудеса ихъ", пользуясь указаніями мѣстныхъ жителей „въ градахъ, и въ селахъ, и въ монастыряхъ, и въ пустыняхъ". Затѣмъ, въ 1549 году, они снова съѣхались въ Москву съ собраннымъ матерьяломъ, который здѣсь „соборнѣ" свидѣтельствовали и ввели въ составъ церковнаго писанія и чтенія, установивъ по этимъ житіямъ и канонамъ форму празднованія памяти новымъ чудотворцамъ. При этомъ, конечно, личное вліяніе митрополита Макарія было очень вѣско; вѣроятно подъ его вліяніемъ въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ, не вошли именно тѣ, которыхъ житія оказывались менѣе распространенными. Они не вошли въ составъ обширнаго свода митрополита Макарія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, остались ему неизвѣстны.

Азбуковники.

Выше видѣли мы, какъ митрополитъ Макарій жаловался на трудности, встрѣчаемыя имъ при составленіи свода житій, со стороны объясненія иностранныхъ словъ; и вотъ, какъ бы въ дополненіе къ его труду, въ томъ же XVI вѣкѣ, является первый *Азбуковникъ* или „*Алфовитъ* иностранныхъ словъ". Это явленіе любопытное и своеобразное—нѣчто въ родѣ энциклопедіи современной русской литературы и науки.

Отдѣльныя попытки составленія словарей, въ собственномъ смыслѣ слова, предназначенныхъ для объясненія иноземныхъ или иностранныхъ словъ, уже являлись и въ XIII, и въ XV вѣкѣ [1]). Потребность въ болѣе подробныхъ пособіяхъ объяснительнаго и справочнаго характера, необходимыхъ при чтеніи, сказалась въ составленіи Азбуковниковъ. Азбуковники состоятъ изъ объясненія словъ иноземныхъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ; между этими объясненіями помѣщаются добавленія и доказательныя выписки и ссылки. Подъ словами обозначается: изъ какого языка они заимствованы, а рядомъ съ ними стоитъ указаніе на книгу, изъ которой они взяты, или имя писателя, который по-

[1]) Напр., «Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую»—при Кормчей Новгородской 1282 г.; или же словарь славяно-русскихъ словъ, приложенный къ сочиненію Лѣствичника, въ спискѣ 1431 г.

мѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Такимъ образомъ Азбуковники указываютъ намъ, съ одной стороны, кругъ свѣдѣній нашихъ древне-русскихъ книжниковъ въ языкознаніи, а съ другой—кругъ сочиненій, какія чаще другихъ бывали въ обращеніи между нашими предками. Особенно любопытны доказательныя выписки и вставки Азбуковника, въ которыхъ встрѣчаются обширныя заимствованія и сообщенія изъ области богословія, исторіи, географіи, миѳологіи, естествознанія и даже реторики. Конечно, эти выписки часто бываютъ такъ же странны и наивны, какъ и самыя объясненія словъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ важны для насъ потому, что близко знакомятъ насъ съ уровнемъ знаній большинства грамотныхъ русскихъ людей. Прекрасную характеристику Азбуковника даетъ намъ покойный профессоръ Тихонравовъ въ одной изъ своихъ статей, гдѣ онъ говоритъ:

Тихонравовъ объ Азбуковникахъ.

„Вниманіе составителя (или составителей) Азбуковника сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшихъ временъ до половины XVI вѣка. Азбуковникъ вращается въ кругу домашняго русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ... Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На Азбуковникѣ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI вѣка: онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать *поисшатавшуюся русскую старину*, которымъ проникнуты „Стоглавъ“ и „Домострой“. Азбуковникъ старался устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины; онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ такъ же, какъ „Стоглавъ“ и „Домострой“, вооружается противъ отреченныхъ „свѣтскихъ“ книгъ; онъ только потому рѣшается привести ихъ заглавія „да не како, отъ неразумія, кто, прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло-бо мерзостенъ передъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхвованію и чародѣйству, и *звѣздочетцамъ*, и *планетникамъ*, и *шестокрылу*, и любяй *гіомитрію*, и прочая таковая“... Преслѣдуя и порицая „любящихъ *гіомитрію* и прочая таковая“, Азбуковникъ остается вѣренъ древне-русской жизни; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна-экзарха, Козьмы Индиклопова, Георгія Писида, хронографовъ, Скитскаго Патерика, Св. Писанія, Криницы Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопагита и житій святыхъ. Вотъ его авторитеты! Онъ воспитанъ древне-русскою литературою, онъ ея истолкователь и защитникъ“... [1]).

---

[1]) Отчетъ объ Уваровской преміи. 1878 г., стр. 50—51.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Краткій обзоръ книгопечатанія въ сосѣднихъ съ Московскою Русью земляхъ.— Что было поводомъ къ введенію книгопечатанія въ Россіи?—Постройка печатнаго двора въ Москвѣ.—Наши первопечатники и ихъ тяжкія невзгоды.—Первая русская печатная книга.

Первая русская печатная книга явилась слишкомъ на 120 лѣтъ позже первыхъ печатныхъ книгъ въ Германіи, Франціи и Англіи, слишкомъ 70 лѣтъ спустя послѣ того, какъ первая книга на славянскомъ языкѣ была отпечатана въ Краковѣ, и лѣтъ на 30 позже того, какъ печатаніе на славянскихъ языкахъ и славянскими буквами уже производилось въ Венеціи:—даже позже введенія книгопечатанія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Причину такого поздняго введенія у насъ книгопечатанія слѣдуетъ, конечно, искать въ томъ, что единственнымъ грамотнымъ и сколько-нибудь образованнымъ сословіемъ было у насъ высшее духовенство и монашество, и весьма незначительное число лицъ высшаго боярскаго сословія и сословія служилаго дворянства. При тогдашнемъ положеніи общества, ни одинъ сколько-нибудь важный шагъ впередъ не могъ быть сдѣланъ иначе, какъ сверху, съ разрѣшенія царя и благословенія владыки-митрополита, и всякая частная попытка внесенія въ жизнь какой бы то ни было новизны была бы сочтена за ересь, за волшебство или „нѣчто отъ таковыхъ"... Да притомъ и въ книгахъ печатныхъ большой нужды не ощущалось, потому-что книгописное искусство развито было сильно и книги „грудами лежали на торжищахъ"... Не то было въ южныхъ славянскихъ земляхъ, гдѣ и общество, и Церковь терпѣли страшный недостатокъ въ книгахъ, „уничтоженныхъ невѣрными", или въ земляхъ славянскихъ, гдѣ католицизмъ стѣснялъ развитіе славянской письмен-

Дѣяния апостольская списаная святымъ апостоломъ и евангелистомъ Лукою

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, за а а
о Феофиле, онихже начатъ Іс, тво
рити же и учити, до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ Дхомъ стымъ,
ихже избра вознесеся. Предъ нимиже
и постави себе жива по страданіи
своемъ, во мнозѣхъ истинныхъ знаме
ніихъ, дньми четыридесятьми являя
ся имъ и глаголя яже о црствіи Бжіи. Съ ни
миже и ядый, повелѣваше имъ от Іерусали
ма не отлучатися, но ждати обѣтованіе
отчее, еже слышасте от мене. Яко Іоаннъ
убо кртилъ есть водою, вы же имате кре
ститися Дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ
сихъ днехъ. Они же убо сшедшеся, вопрашаху

в нлю стую и великую на пасхи, и на вознесеніе
Гне

Первопечатный „Апостолъ“ 1564 года. Въ величину оригинала.

ности различными ухищреніями. Этими особыми условіями вызвано было также появленіе книгопечатанія въ Краковѣ, гдѣ Часословъ, Псалтирь и Октоихъ были напечатаны уже въ 1491 г., какимъ-то Швайпольтомъ Фѣолемъ. Но здѣсь оно скоро, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, прекратилось и перенесено было въ Венецію, потомъ явилось въ Угровлахіи, въ Прагѣ, гдѣ из-

Доконьчанабысиѧкнигаѹвеликомьградѣоу
краковѣпридержавѣвеликагокоролѧполскѧго
ıказимира · идоконьчанабымѣщанинокраковь
скымьшваиполтомь, фѣоль, изнѣмецьне
мецкогородоу, франкь · искончашапобожием
нароженидь · дї съть · девѧтьдесѧт и а лѣто ·

Послѣсловіе къ Краковскому Часослову, напечатанному въ 1491 году Швайпольтомъ Фѣолемъ.

вѣстный ученый, докторъ *Францискъ Скорина*, напечаталъ Библію; потомъ на Волыни и, наконецъ, въ Москвѣ. Существовало еще недавно такое предположеніе, будто типографія въ Москвѣ была устроена датчаниномъ *Гансомъ Миссенгеймомъ*, котораго датскій король Христіанъ III прислалъ въ Москву, давъ ему втайнѣ порученіе—предложить царю принять протестантство [1]).

Но подробное изслѣдованіе всѣхъ документальныхъ данныхъ

[1]) Сохранилось извѣстіе, будто бы въ 1548 г. царь Іоаннъ Васильевичъ, между прочими мастерами, выписывалъ изъ Германіи и типографщиковъ. Но ихъ не пропустили въ Россію черезъ Ливонскую границу.

Въ стѫѭ и великѫѭ неделѭ пасхы. ѵ҃

Въ начѧло бѣ слово. и слово бѣ за

къ богѹ и бъ бѣ слово. сеи бѣ и а҃

скони къ бѹ. вьсѣ тѣмь бышѧ.

и без него, ни что же бы еже бы.

Начальный листъ Евангелія (отъ Іоанна), напечатаннаго въ Угро-Влахіи, въ 1512 году.

нашихъ ученыхъ изслѣдователей привело къ тому выводу, что книгопечатаніе въ Москвѣ началось вполнѣ самостоятельно, при участіи чисто-русскихъ дѣятелей, которые, притомъ-же, оказа-

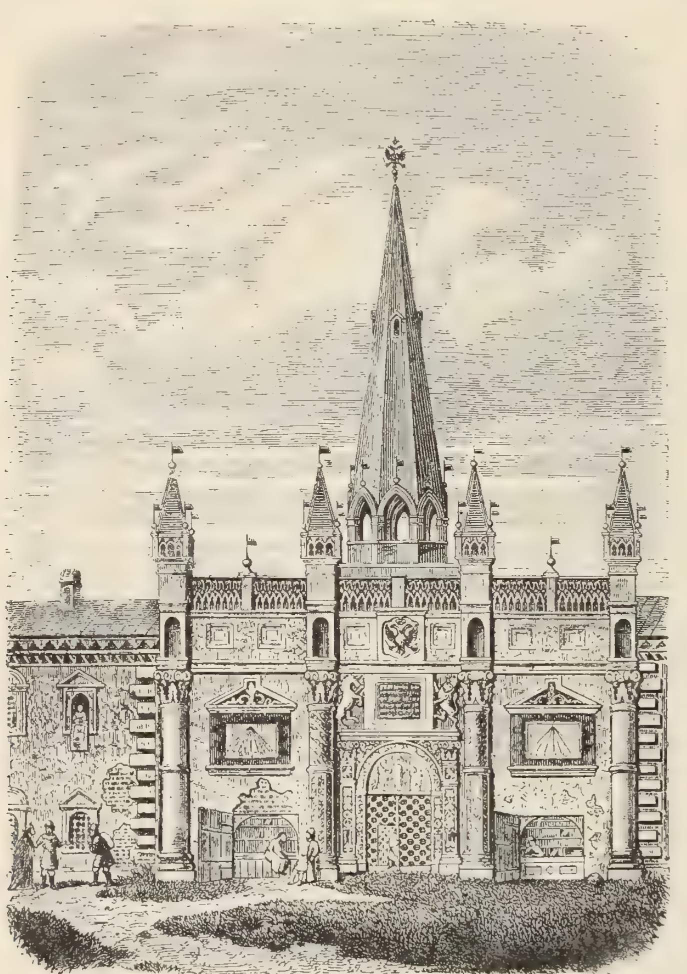
Изъ Библіи, изданной въ Прагѣ въ 1517 году Франциском Скориною. Портретъ издателя. Внизу монограмма его имени.

лись подготовленными къ своему дѣлу не нѣмецкими и не датскими мастерами, а итальянцами.

Легко можетъ быть, что первыя побужденія къ занятію книгопечатаніемъ, какъ и первыя свѣдѣнія объ этомъ искусствѣ, внушены были русскому монарху итальянцами, которыхъ въ половинѣ XV вѣка уже много проживало въ Москвѣ. По крайней

Поводы къ введенію книгопечатанія.

мѣрѣ, иначе трудно было бы объяснить, почему именно всѣ термины нашего первоначальнаго печатнаго дѣла оказываются заимствованными съ итальянскаго... Эта гипотеза подтверждается и любопытнымъ сказаніемъ „о воображеніи печатнаго дѣла“, написанномъ въ половинѣ XVII вѣка: въ этомъ сказаніи о нашихъ первопечатникахъ сказано, будто они, задолго до введенія у насъ книгопечатанія, уже пробовали печатать книги „малыми и неискусными начертаніями“, а затѣмъ уже въ искусствѣ типографскомъ усовершенствовались подъ руководствомъ „фрягов“ (т. е. итальянцевъ).

Видъ печатнаго двора въ Москвѣ, съ Никольской улицы, по рисунку XVII вѣка.

Книгопечатаніе и Стоглавъ.

Введеніе у насъ книгопечатанія въ царствованіе Грознаго неразрывно связано съ Стоглавымъ соборомъ 1551 года и съ именемъ Максима Грека. Въ числѣ особенно прискорбныхъ „нестроеній“, царь указалъ въ своей рѣчи на соборѣ, что священныя и богослужебныя книги подвергаются въ рукахъ невѣжественныхъ писцовъ сильнымъ искаженіямъ, и требовалъ, чтобы приняты были мѣры къ пресѣченію этого зла. Соборъ занялся обсужденіемъ этого вопроса и пришелъ къ тому выводу, что слѣдуетъ установить извѣстнаго рода надзоръ за переписчиками, поручить этотъ надзоръ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ, а книги, неисправно-писанныя, слѣдуетъ отбирать, безъ всякой оплаты, и у продавца, и у покупателя. Но все это, конечно, оказалось исполнимо только на словахъ, а не на практикѣ. Не слѣдуетъ забывать, что съ конца XV вѣка, когда потребность въ книгахъ стала

возрастать, множество рукъ обратилось къ письменному труду. Кромѣ надежныхъ и опытныхъ писцовъ, твердыхъ въ грамотѣ, работавшихъ по монастырямъ и при епископахъ, явился еще особый классъ писцовъ-промышленниковъ, которые переписывали и богослужебныя, и всякія „книги четьи“, по найму и заказу, на продажу. Рукописныя книги въ большомъ количествѣ продавались на торжищахъ.... Кому же было подъ силу всѣ эти книги пересмотрѣть, каждую порознь, и во всѣхъ исправить тѣ грубыя ошибки, которыми онѣ были переполнены?

Книгопечатаніе и М. Грекъ.

Въ 1553 году потребовалось закупить очень много книгъ богослужебныхъ для новыхъ храмовъ, воздвигаемыхъ царемъ во вновь завоеванномъ Казанскомъ царствѣ—и изъ всего закупленнаго количества книгъ лишь очень немногія оказались пригодными къ церковному употребленію. „Прочія же“, по выраженію разсматривавшаго ихъ Максима Грека, были „всѣ растлѣны отъ переписующихъ ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ“. Вѣроятно, этотъ случай побудилъ юнаго царя подумать о заведеніи въ Москвѣ типографіи, тѣмъ болѣе, что на эту мысль неоднократно наводилъ царя и Максимъ Грекъ, который, какъ мы видѣли выше, былъ даже близокъ и друженъ въ Венеціи съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ типографовъ своего времени, съ Альдомъ Мануціемъ. Максимъ Грекъ, говоря въ защиту типографскаго дѣла, могъ даже указать на прекрасные образцы его—печатныя книги, вывезенныя имъ изъ Венеціи. Онъ могъ даже указать на образцы славянской печати, вывезенные имъ оттуда же и изъ южно-славянскихъ земель.

Какъ только мысль о введеніи на Руси книгопечатанія зародилась въ головѣ юнаго царя, митрополитъ Макарій постарался всѣми силами ее поддержать. По одному современному свидѣтельству, онъ будто бы даже сказалъ царю, что „эта мысль внушена ему Самимъ Богомъ“, что это „даръ Свыше сходяй“.

Печатный дворъ и первая книга.

Одобренный въ своемъ благомъ начинаніи, царь Іоаннъ Васильевичъ тотчасъ принялся приводить свою мысль въ исполненіе. Мѣсто для постройки „печатнаго двора“ было избрано въ самомъ центрѣ города, на Никольской улицѣ, близъ Заиконоспасскаго монастыря [1]), въ самомъ средоточіи торговли книгами и иконами. Царь не жалѣлъ денегъ на постройку палаты для печатнаго дѣла и на обзаведеніе всѣмъ необходимымъ; но, несмотря на это, дѣло введенія книгопечатанія затянулось на цѣлое десятилѣтіе, и только уже 19 апрѣля 1563 г. на печатномъ дворѣ могла быть начата, а 1 марта 1564 г. окончена печатаньемъ „*первая въ Великой Руси*

[1]) Иначе: Спасскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ.

Видъ древняго зданія печатной палаты (внутри печатнаго двора) въ Москвѣ, по возобновленіи зданія въ 1874 году.

печатная книга „Дьянія Апостольскія“,—въ листъ, напечатанная четко, крупно и красиво, съ гравированными заставками и заголовками, съ большими рѣзными заглавными буквами [1]).

Главный дѣятель, по введенію у насъ книгопечатанія, *Иванъ Өеодоровъ* (род. ок. 1520 г.), дьяконъ (несуществующей нынѣ) кремлевской церкви Николы Гостунскаго,—былъ человѣкъ замѣчательный по энергіи и по той любви къ дѣлу, которую онъ выказалъ, всею душою предавшись своему искусству, и посвятивъ ему всю жизнь. Около него, въ качествѣ помощника и второстепеннаго дѣятеля является *Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ* [2]). Что же касается Ивана Өеодорова, то онъ былъ, видимо, тонкимъ знатокомъ всѣхъ частностей типографскаго дѣла: умѣлъ самъ не только набирать книги, не только печатать ихъ, но и отливать литеры и вырѣзать матрицы (т.-е. формы для отливки литеръ). Дѣйствительно, тщательное изслѣдованіе первопечатнаго Апостола (1564 г.) дало возможность знатокамъ типографскаго дѣла опредѣлить, что весь шрифтъ, которымъ была отпечатана въ Москвѣ первая русская книга, не былъ вывезенъ изъ-за границы, или изъ славянскихъ земель, или изъ Литвы, а былъ изготовленъ (и притомъ весьма искусно) въ самой Москвѣ, по особому образцу, отличному отъ другихъ современныхъ славянскихъ шрифтовъ и сохраняющему „строгую чистоту и правильность московскаго пошиба письма во всѣхъ буквахъ и знакахъ“.

Наши первопечатники.

Послѣ первопечатнаго *Апостола*, въ слѣдующемъ году, тѣми же мастерами былъ отпечатанъ въ Москвѣ „*Часовникъ*“ (1565 г.), и затѣмъ печатанье пріостановилось надолго... Сами первопечатники,

---

[1]) Всѣ заголовки и заставки, помѣщенныя нами въ этой и послѣдующихъ главахъ нашей книги, заимствованы изъ нашихъ первопечатныхъ книгъ.

[2]) Т.-е. уроженецъ города Мстиславля (нынѣ въ Минской губ.).

гостꙋнъского дїакону Иванꙋ Ѳедоровꙋ да Пе
трꙋ Тимофѣевꙋ Мстиславцꙋ на составленїе
печатномꙋ дѣлꙋ и къ ихъ ѹпокоенїю, до
ндеже и на совершенїе дѣло ихъ изыде. И пе
рвѣе начаша печатати сїа ст҃ыѧ книги,
дѣанїа апостольска. И посланїа соборнаѧ
и ст҃аго ап҃ла Павла посланїа, в лѣто. ҂зо,
первое, априлѧ, въ, ді. на памѧть,
прпⷣбнаго ѿца Іѡана Палеврета, иже въ
Ветхїи лавры, совершенни же быша, в лѣто
҂зо, второе, марта, въ, а, днь,
при архиепископе Афанасїе митрополите
всеѧ Росїѧ в первое лѣто ст҃тель
ства его въ славꙋ всемо
гꙋщаго и живона
чалныѧ Тр҃ца
ѿца и сн҃а
и ст҃аго
дх҃а
•
аминь.

Заключительныя строки первопечатнаго Апостола 1564 года.

Первопечатный „Апостолъ“ 1564 года. Изображеніе св. Евангелиста Луки, приложенное къ тексту.

по причинамъ, до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ, должны были поспѣшно бѣжать изъ Москвы, вѣроятно, обвиненные въ преднамѣренной порчѣ книгъ [1]). Существуетъ даже и такое преданіе, будто бы и самый типографскій домъ былъ сожженъ чернью, подстрекаемой какими-то недоброжелателями печатнаго дѣла. И вотъ для нашихъ первопечатниковъ наступило время скитаній и горестныхъ странствованій.

Сначала Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимофеевъ нашли себѣ

Входъ въ Справную палату въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора (возобновленномъ въ 1874 г.).

убѣжище въ Литвѣ, и тамъ, подъ покровительствомъ гетмана Г. А. Хоткевича, въ его имѣніи Заблудовьѣ, напечатали „*Евангеліе учительное*“ (1569 г.). Но, повидимому, они были недовольны своею дѣятельностью здѣсь и искали возможности примѣнить ее на болѣе широкомъ поприщѣ... Сначала ушелъ Петръ Тимофеевъ въ Вильно, гдѣ основалъ большую типографію при помощи Зарѣцкихъ, Мамоничей и другихъ ревнителей православія [2]).

[1]) Иванъ Ѳеодоровъ при Львовскомъ Апостолѣ (1573 г.) помѣстилъ любопытное «Послѣсловіе», въ которомъ сообщилъ о судьбахъ русскаго книгопечатанія весьма важные факты; но о причинахъ бѣгства изъ Москвы говоритъ весьма глухо и неопредѣленно.

[2]) Типографія эта просуществовала 60 лѣтъ и прославилась многими замѣчательными изданіями.

Иванъ Θеодоровъ еще нѣкоторое время оставался въ Заблудовьѣ, даже напечаталъ тамъ „*Псалтырь съ Часословцемъ*“ (1570 г.); но вскорѣ и онъ остался безъ дѣла. Старый гетманъ, обласкавшій его и даже подарившій ему „на успокоеніе немалую деревню“, вѣроятно возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ католическомъ духовенствѣ и католической шляхтѣ своимъ покровительствомъ московскому печатнику и славянскому (слѣдовательно, православному) книгопечатанью. Это, конечно, побудило бога-

Образцовый первопечатный станокъ. Хранится въ Справной палатѣ древняго Печатнаго Двора.

таго и стараго вельможу покинуть это хлопотливое дѣло послѣ того, какъ онъ удовлетворилъ своей прихоти и напечаталъ двѣ книги. Онъ думалъ, что и самъ Иванъ Θеодоровъ будетъ разсуждать точно такъ же и предпочтетъ спокойное житье и занятіе хозяйствомъ въ своей деревнѣ хлопотливому занятію своимъ мастерствомъ. Но въ этомъ идеалистѣ и страстномъ приверженцѣ книжнаго дѣла старый гетманъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ. Онъ отвѣчалъ добродушному вельможѣ, что не способенъ „коротать вѣкъ за плугомъ“ и что ему „надлежитъ вмѣсто житныхъ сѣмянъ, разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя и всѣмъ раздавать эту духовную пищу“. И дѣйствительно, онъ все бросаетъ,—и обезпеченное положеніе, и „немалую деревню“, забираетъ съ собой свой

типографскій запасъ и переѣзжаетъ во Львовъ. Здѣсь, однакоже, его встрѣтили не очень дружелюбно: лишь весьма немногіе изъ духовенства, да изъ гражданъ, принадлежавшихъ къ братству, доставили ему кое-какія средства, чтобъ завести типографію. Среди всякихъ „скорбей и бѣдъ“, онъ все же напечаталъ здѣсь въ 1574 г. „*Апостолъ*“ съ тѣмъ любопытнымъ „послѣсловіемъ“, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти біографическія данныя. И еще пять лѣтъ, кое-какъ перебиваясь, влачилъ онъ свое жалкое существованіе во Львовѣ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Иваномъ, который былъ переплетнымъ мастеромъ. Въ концѣ концовъ онъ дожилъ до такой крайности, что даже вынужденъ былъ заложить всѣ напечатанныя книги и всѣ принадлежности своей типографіи за 411 злотыхъ какому-то еврею.

Соединенный книгопечатный гербъ Ивана Ѳеодорова и города Львова.

Острожская библія.

Но и для этого усерднаго и увлекающагося труженика насталъ, передъ концомъ его жизни, блистательный расцвѣтъ; и его мечты о широкомъ примѣненіи его полезной дѣятельности наконецъ сбылись. Въ 1580 г. мы видимъ его на Волыни, въ г. Острогѣ, во главѣ большой типографіи, устроенной тамъ знаменитымъ ревнителемъ православія, княземъ *Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ*. Подъ его высокимъ покровительствомъ Иванъ Ѳеодоровъ могъ вполнѣ предаться своему любимому искусству. Въ 1580 г. напечаталъ онъ здѣсь, по желанію князя, Новый Завѣтъ съ Псалтыремъ, въ одной книгѣ, которую называютъ «*первымъ овощемъ*» (т. е. первымъ плодомъ) новаго печатнаго дѣла. Въ томъ же 1580 г. напечатано было первое, а въ слѣдующемъ и второе

изданіе знаменитой *Острожской Библіи* — первой *полной печатной Библіи славянской.*

Эта книга представляетъ собою верхъ совершенства въ современномъ типографскомъ дѣлѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ шрифты, всѣ заставки и типографскія украшенія этой книги были изготовлены и отлиты самимъ Иваномъ Ѳеодоровымъ, и что внѣшняя красота книги вполнѣ соотвѣтствовала внутреннимъ достоинствамъ ея текста [1]). Но, увы!.. Эта Библія была лебединою пѣсней

Книгохранильная палата въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора. На первомъ планѣ: снимокъ съ надгробной плиты Ивана Ѳеодорова.

нашего первопечатника. По причинамъ совершенно намъ неизвѣстнымъ, Иванъ Ѳеодоровъ вскорѣ, по отпечатаніи второго изданія Острожской Библіи, удалился изъ Острога. Мы видимъ его, еще въ 1581 г., переселившимся во Львовъ, гдѣ онъ, два года спустя, и умираетъ въ бѣдности, забытый всѣми (5 дек. 1583 г.). Тѣло его было погребено на кладбищѣ при Онуфріевской церкви; на его надгробной плитѣ, открытой въ недавнее время, оказалась

[1]) Издатели Острожской Библіи, принявъ въ основу своего изданія текстъ Геннадіевской Библіи, значительно дополнили, исправили и улучшили его. Для этой цѣли нѣкоторые переводы библейскихъ книгъ они замѣнили новыми; другіе, сдѣланные съ латинскаго, исправили по греческимъ текстамъ; а одну изъ книгъ напечатали по переводу, который не былъ извѣстенъ Геннадію. Сверхъ того, вообще, они старались весь свой текстъ сблизить не съ Вульгатой, а съ текстомъ греческой библіи.

Внутренній видъ Справной палаты въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора. Здѣсь помѣщается нынѣ музей Печатнаго дѣла и рукописный отдѣлъ библіотеки Московской Сvнодальной типографіи.

начертанная рукою невѣдомаго почитателя или сына его Ивана, лестная его памяти надпись:

„...Друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое (покинутое) обновилъ...“ И далѣе —внизу: на той же плитѣ:

.....„Друкарь книгъ предъ тымъ невиданныхъ...“

Послѣ этого значительнаго уклоненія въ сторону, по поводу изложенія печальной судьбы нашего знаменитаго первопечатника, намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ нашей московской типографіи.

Книгопечатный гербъ Григорія Александровича Хоткевича.

Андроникъ Невѣжа.

Три года спустя, послѣ бѣгства изъ Москвы нашихъ первопечатниковъ, печатаніе опять возобновилось на Печатномъ Дворѣ. Въ 1568 году была напечатана въ Москвѣ *Псалтирь* нѣкіимъ мастеромъ *Андроникомъ Невѣжею*, а въ слѣдующемъ году та же Псалтирь перепечатана въ типографіи, вновь устроенной въ Александровской Слободѣ—этой излюбленной резиденціи Грознаго и его новаго двора. Но книгопечатаніе не процвѣтало въ Москвѣ и елееле могло тягаться съ рукописнымъ изготовленіемъ книгъ, которыя, попрежнему, продолжали расходиться по лицу Русской земли.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпоха высшаго развитія царской власти.—Москва—третій Римъ.—Сочиненія Іоанна Грознаго.—Посланіе въ Кирилловъ монастырь.—Переписка Грознаго съ княземъ А. М. Курбскимъ.—Послѣдній дружинникъ.

Выше уже было замѣчено нами, что власть, сосредоточенная въ рукахъ князей московскихъ, начиная съ Іоанна III, возросла чрезвычайно и что, въ то же время, въ обществѣ не нашлось никакой силы, никакого начала, которое могло бы ей служить противовѣсомъ. Уже о Васильѣ III зоркій и наблюдательный Герберштейнъ писалъ въ своемъ описаніи Московіи, что „Московскій великій князь есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ владыкъ въ Европѣ"... Одновременно съ возрастаніемъ власти князей московскихъ слагалась и легенда о происхожденіи этой власти, будто бы по прямому преемству, отъ византійскихъ императоровъ; являлись, уже въ XV вѣкѣ, такія сказанія, какъ „повѣсть о Бѣломъ клобукѣ", которая должна была обозначить передачу изъ Византіи на Русь знаковъ высшаго іерархическаго достоинства; а въ XVI вѣкѣ другое—„сказаніе о шапкѣ Мономаха", которое къ Византіи же возводило и всѣ, употреблявшіеся при вѣнчаніи, знаки великокняжескаго и царскаго достоинства. Въ связи съ этими легендами явились и вымышленныя традиціи о происхожденіи Москвы, и о томъ высшемъ назначеніи, которое будто-бы испоконъ вѣковъ ей уготовано. „Пали и прешли два Рима—Западный и Восточный"—такъ гласили эти традиціи—„и третьимъ Римомъ суждено быть Москвѣ, а четвертому—никогда не бывать"... Отъ этихъ традицій оставался уже только одинъ шагъ до знаменитаго родословія, возводившаго древо царей московскихъ до временъ Августа, императора римскаго, съ которымъ они, будто бы, состояли въ ближайшемъ родствѣ... Среди такихъ-то и подобныхъ имъ легендъ и традицій созрѣлъ и проявился на московскомъ престолѣ такой

Дѣяниа стыхъ апслъ списаниа стго апсла и еѵглиста Лоукы

Первое оубо слово сътворихъ о всѣхъ, зач. а
ѡ Ѳеофиле. ѡниже нача Іс, тво
рити же и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра възнесесѧ. прениим
же и постави себе жива пострада
нии своемъ. въмнозѣхъ истинныхъ знаме
ниихъ. дньми четыри десатьми ꙗвла
ѧсѧ имъ и глѧ ꙗже о црствии бжии. сни
миже и ꙗды, повелѣваше имъ ѿ Іерусали
ма не ѿлꙋчатисѧ. но ждати обѣтованіе
ѿчее, еже слышасте ѿ мене. ꙗко Іѡаннъ
оубо крстилъ есть водою. выже имате кре
ститисѧ дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ сих
днех. ѡниже оубо сшедшесѧ, въпрашахꙋ

въ стꙋю и великꙋю нлю пасхи. и на възнесе
ние гне.

Страница изъ «Апостола», напечатаннаго во Львовѣ, въ 1574 году.

при́тча. о мытари и фари.

Поученїи избранныи ѿ ст҃ыхъ книгъ

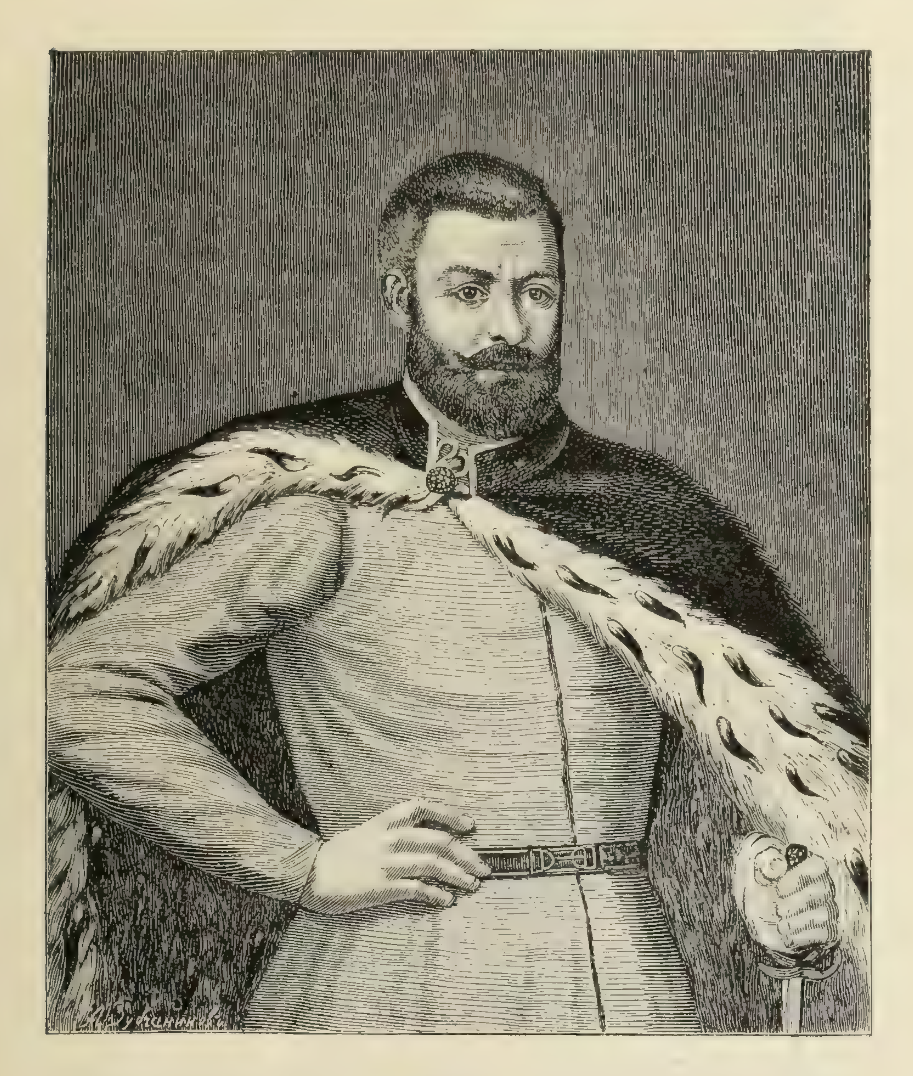
и ѿ многихъ бж҃ственыхъ писанїи. глемаа ѿ архи
ереа и златоустъ во всякую недѣлю, на поученїе
хр҃тоименитымъ людемъ, и на прочитаема.
такоже и на гд҃ьскїа празники. о мытари,
и фарисеи. еѵлїе, ѿ луки. слово. а.

Сже о мытари и фарисеи притча и вина,
яко поученїе нѣкое и подвиженїе оу
мышлено бысть ст҃ыми ѿцы, и оучи
нено пѣтися и прочитатися въ сию недѣ
лю, яко да направляемся и готовимся на
дх҃овныя подвиги поста. сего ради и прово

Евангеліе учительное, 1569 года, отпечатанное нашими первопечатниками въ Заблудовьѣ.

страшный правитель, какъ Іоаннъ Грозный, который оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ нашей исторіи и весьма видный слѣдъ въ современной ему литературѣ.

От Грознаго дошли до насъ два произведенія: его „посланіе къ Кузьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря", и „переписка съ княземъ А. М. Курбскимъ"—эти замѣчательные памят- Сочиненія Грознаго.

Гетманъ Литовскій, Григорій Александровичъ Хоткевичъ—извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія на Югѣ-Западѣ Руси.

ники нашей свѣтской литературы XVI вѣка, явившіеся послѣ двухъ-вѣкового перерыва, въ теченіе котораго грамотность сосредоточивалась почти исключительно въ одномъ духовномъ сословіи. Эти оба памятника свѣтской литературы, вышедшіе изъ-подъ пера Іоанна Грознаго, любопытны уже и потому, что въ нихъ еще впервые на русской почвѣ литературная форма послужила выраженіемъ личныхъ воззрѣній, впечатлѣній и мнѣній о вопросахъ отвле-

ченныхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ догматическими спорами, богословскими тезисами и бытовыми сторонами жизни духовенства или монашества. Въ произведеніяхъ Іоанна Грознаго мы видимъ живого и умнаго человѣка, который горячо и сильно высказывается по животрепещущимъ вопросамъ, и разборъ этихъ вопросовъ, видно, его волнуетъ, хватаетъ за живое и переполняетъ то негодованіемъ, то чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія.

Грозный и боярство.

Всматриваясь ближе въ характеръ и развитіе личности Іоанна Грознаго, какъ правителя, мы не можемъ опустить изъ виду тотъ важный фактъ исторической жизни Московскаго государства, что, по мѣрѣ возрастанія могущества великаго князя Московскаго, всѣ близкіе къ нему общественные элементы — духовенство и боярство — болѣе и болѣе утрачивали свое прежнее значеніе. Уже съ половины XV вѣка, та вольная и самостоятельная дружина, которая нѣкогда окружала великаго князя Московскаго, обратилась въ простую толпу придворныхъ, вполнѣ зависимую отъ произвола самого правителя, готовую на всѣ уступки и услуги, лишь бы этотъ произволъ направить себѣ на пользу. Отдѣльные княжескіе роды, нѣкогда гордые своимъ достоинствомъ и независимостью,

Книгопечатный гербъ князя К. К. Острожскаго.

своимъ богатствомъ и родословіемъ, были сокрушены Москвою и затерты въ ту общую массу боярства, въ которой, съ половины XV вѣка, рядомъ съ представителями старинныхъ родовъ русскихъ, видимъ и выходцевъ изъ Литвы, и крещеныхъ татарскихъ князьковъ... Само собою разумѣется, что эта толпа бояръ, безмолвная передъ княземъ, не опиравшаяся ни на какія законныя права, преданная однимъ своимъ личнымъ интересамъ, не способна была дать серьезный отпоръ все возраставшему произволу князя; она только окружала его сѣтью самыхъ разнообразныхъ интригъ, благодаря которымъ князь становился то игрушкой въ рукахъ одной партіи, то орудіемъ въ рукахъ другой. Самое духовенство, въ XIV вѣкѣ такъ сильно способствовавшее возвышенію и утвержденію власти великаго князя Московскаго, теперь оказывалось безсильнымъ и ослабленнымъ своими раздорами, своимъ пристрастіемъ къ мірскимъ благамъ, своимъ отчужденіемъ отъ стародавнихъ преданій. Произволу не было препонъ: не было ни такой силы, ни такого авторитета, который бы способенъ былъ сдержать, осадить его властные порывы. И вотъ онъ со всею страшною силою своихъ вожделѣній, со всею дикою разнузданностью своихъ прихотей и инстинктовъ, воплотился въ личности царя Іоанна Васильевича Грознаго.

Значеніе царствованія Грознаго.

Исторія его царствованія представляется намъ какою-то страшною волшебною сказкою, которая ведетъ насъ отъ одного поразительнаго и неожиданнаго эпизода къ другому, отъ одного невѣроятнаго и изумительнаго проявленія извращенной человѣческой личности къ такому, которое можетъ быть названо совершенно чудовищнымъ, неподходящимъ ни подъ какія обыденныя рамки человѣческихъ заблужденій. Ребенкомъ видимъ мы его среди крамолъ и борьбы разнузданныхъ придворныхъ партій, которыя завладѣли имъ и играютъ имъ, какъ игрушкой, прикрывая интересами юнаго царя свои грубыя цѣли, свою ненасытную корысть,

то развращая его, то раболѣпствуя передъ нимъ, то потворствуя его слабостямъ, то развивая въ немъ кровожадные инстинкты безпощадностью и мстительностью, которыя они сами проявляли по отношенію къ врагамъ своимъ.

Плоды воспитанія превзошли ожиданія воспитателей. Тотъ, кого одна партія двора старалась сдѣлать бичомъ для остальныхъ, сдѣлался вскорѣ самъ бичомъ для всего боярства. Онъ одинаково презиралъ всѣхъ, уважалъ только себя и свой личный произволъ, и въ этихъ видахъ старался до возможнаго предѣла возвысить значеніе своей личности и сана. Ему по вкусу пришлись тѣ московскія легенды и традиціи, которыя, въ теченіе послѣдняго вѣка, сложились около трона Московскихъ Государей, и онъ съ особенною любовью указывалъ на свое происхожденіе отъ знаменитыхъ предковъ—Владиміра Равноапостольнаго, Мономаха, Александра Невскаго и Дмитрія Донского. Съ такою же любовью и пристрастіемъ, Іоаннъ любилъ указывать въ отдаленномъ прошломъ идеалы, достойные подражанія въ настоящемъ—и въ то же время питалъ и ненависть, и отвращеніе ко всѣмъ завѣтамъ этого прошлаго, ко всему родовитому и именитому, ко всему способному предъявить извѣстныя права и преимущества или похвалиться заслугами предковъ. По этому именно побужденію имъ были уничтожены десятки боярскихъ и княжескихъ родовъ, и на мѣсто ихъ выдвинуты люди самаго невиднаго, неизвѣстнаго происхожденія; по тому же побужденію и самые монастыри, прославленные подвигами своихъ основателей-угодниковъ, обращены были въ мѣста для ссылки и насильственнаго постриженія опальныхъ вельможъ. По тому же побужденію и по страстному желанію все потоптать, все принести въ жертву своему авторитету, онъ рѣшился даже поднять руку на главу Церкви: на митрополита Филиппа, который не преклонился передъ его произволомъ... И вотъ, изъ этой-то безпрерывной и тревожной борьбы двухъ про-

тивоположныхъ началъ своего нравственнаго существа, изъ этой путаницы противорѣчій, Іоаннъ Грозный старался выйти при помощи ироніи, большею частью ѣдкой и злобной, и почти всегда вѣрно-намѣчавшей свою цѣль... Эта иронія, искусно скрытая подъ покровомъ внѣшняго спокойствія, представляетъ собою наиболѣе видную и яркую сторону всего, что было имъ написано.

Всѣ выдающіяся стороны Іоаннова литературнаго таланта ярко выступаютъ въ тѣхъ двухъ произведеніяхъ его пера, о которыхъ мы упоминали выше. Въ нихъ Іоаннъ является передъ нами человѣкомъ тонкаго и изворотливаго ума, достаточно начитаннымъ [1]), хотя и, видимо, не получившимъ никакого образованія; часто онъ даже не умѣетъ надлежащимъ образомъ воспользоваться тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который хранится въ его памяти; отсюда запутанность въ изложеніи мысли и неясность въ способѣ выраженія ея, въ особенности тамъ, гдѣ Іоаннъ старается облечь свою мысль въ формы книжной рѣчи и оставляетъ народный способъ выраженія, который, видимо, былъ имъ превосходно усвоенъ.

Посланіе въ Кир.-Бѣлозерскій монастырь.

Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (къ которому онъ особенно благоволилъ) было вызвано жалобами игумена Козьмы, который писалъ ему о невозможности воздержать иноковъ отъ общенія съ опальными боярами, насильно постриженными въ этомъ монастырѣ. Бояре продолжали и въ обители вести ту же разгульную и роскошную жизнь, какую они вели въ мірѣ, зазывали къ себѣ иноковъ и вовлекали ихъ въ свой разгулъ и бражничанье. Жалуясь Іоанну на братію, игуменъ просилъ его прислать въ обитель строгое наставленіе, съ которымъ должна была бы сообразоваться братія. Іоаннъ отвѣтилъ Козьмѣ довольно обширнымъ посланіемъ, въ которомъ противуполагаетъ идеальный образъ иноческаго со-

[1]) Онъ весьма свѣдущъ въ Св. Писаніи и близко знакомъ съ переводами сочиненій Отцовъ Церкви, съ русскими лѣтописями и съ хронографами, изъ которыхъ почерпалъ кое-какія свѣдѣнія и по Всеобщей Исторіи (Римской и Византійской).

вершенства тому нравственному упадку монашества, который въ большинствѣ современныхъ Іоанну обителей былъ явленіемъ общимъ; а затѣмъ, пользуясь случаемъ, онъ изливаетъ всю желчь своей ироніи противъ монашества, которое отрекается отъ завѣ-

Іоаннъ Грозный, по изображенію, помѣщенному въ «Титулярникѣ» XVII вѣка.

товъ великихъ русскихъ подвижниковъ и поблажаетъ развращеннымъ боярамъ.

„Подобаетъ вамъ"—такъ пишетъ Іоаннъ въ посланіи къ инокамъ—„усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о молитвѣ крѣпко подвизаться, а не

быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите все оружіе Божіе и не предавайте чудотворцево преданіе ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра... Отцы святые! Въ маломъ допустите ослабу — большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено; а если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже совсѣмъ не будетъ: вмѣсто него будетъ царскій дворъ!.. Великіе свѣтильники, Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Дмитрій и Пафнутій, и многіе преподобные въ Русской землѣ установили уставы иноческому житію, крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ намъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметевъ уставъ добръ — держите его, а Кирилловъ плохъ— оставьте его. Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, а завтра другой—иную слабость, и такъ, мало-по-малу, весь обиходъ монастырскій упразднится и будутъ у васъ обычаи мірскіе... Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ?—прочтите въ житіи чудотворцевъ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости; и теперь что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается... Вотъ въ нашихъ глазахъ, у Діонисія Преподобнаго, на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. А у васъ, сперва Іосифу Умнову дали оловянники въ келью; дали и Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину; а Шереметеву дали уже и поставецъ, и поварню. Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, да завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы, то подкеларникъ отвѣчалъ: „объ этомъ мнѣ приказу не было; теперь ночь—

взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надо больше бояться". Такая у васъ тогда была крѣпость... А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь; а Хабаровъ къ нему приходитъ съ чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; и Шереметевъ, ни вѣсть со свадьбы, ни вѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи. А за монастыремъ у него дворъ, а на дворѣ запасы готовые всякіе—и вы, молча, смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью Шереметеву приносили: но, по монастырямъ и фряжское вино держать зазорно, не только что горячее! Такъ это-ли путь спасенія, это-ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы? Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ въ хлѣбное время, если бы не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ, небось, съ голоду бы померли?.. То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? У Троицы, при отцѣ нашемъ, келаремъ былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ... Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ 12 убогихъ (т.-е. апостоловъ) станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселѐнною, тогда Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить? Котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела?"

Разобравъ точно также отношеніе обители и къ другимъ инокамъ, Іоаннъ приходитъ къ такому заключенію:

„Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго, по любви къ вамъ и для иноческаго житія; больше писать нечего, а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ, такихъ же безлѣпицахъ намъ не до-

Гла҃. а҃.

Искони сътвори бг҃ъ нб҃о и зе
млю. земля же бѣ невиди
ма и неоукрашена. и тма
верху бездны. и дх҃ъ бж҃їи
ношашеся верху воды. и ре
бг҃ъ, да будеть свѣтъ, и бысть
свѣтъ. и видѣ бг҃ъ свѣтъ яко до
бро. и разлучи бг҃ъ между свѣтом
и между тмою. и нарече бг҃ъ свѣт
днь, а тму нарече нощъ, и бысть
вечеръ и бысть оутро днь єдинъ.
и рече бг҃ъ да будеть твердь посредѣ
воды, и будеть разлучаа посредѣ
воды и воды, и бысть тако. и съ
твори бг҃ъ твердь. и разлучи бг҃ъ ме
жду водою, яже бѣ подтвердїю. и
посредѣ воды, яже бѣ на твердїю.
и нарече бг҃ъ твердь нб҃о. и видѣ бг҃ъ
яко добро. и бысть вечеръ, и бысть
оутро днь вторый. и рече бг҃ъ, да
събереться вода яже поднб҃семъ,
въ собокупленїе єдино. и да явиться
суша, и бысть тако. и събрася
вода яже поднб҃семъ въ сонмы своя,
и явися суша. и нарече бг҃ъ сушу зе
млю, а составы водныя нарече море
и видѣ бг҃ъ яко добро. и рече бг҃ъ,
да прорастить земля былїе тра
вное, сѣюще сѣмя породу и по подо
бїю, и древо плодовито творящее
плодъ, ємуже сѣмя єго в немъ
породу на земли, и бысть тако.
и изнесе земля былїе травное, сѣю
ще сѣмя породу и по подобїю и древо
плодовито творящее плодъ, ємуже
сѣмя єго в немъ породу на земли,
и видѣ бг҃ъ яко добро. и бысть вечеръ
и бысть оутро днь третїи. и рече
бг҃ъ, да будуть свѣтила на тверди
нб҃нѣи, освѣщати землю, и ра
злучати между днемъ и между но
щїю. и да будуть в знаменїя и
в времена, и въ дни и въ лѣта.
и да будуть въ просвѣщенїе на тве
рди нб҃нѣи, яко свѣтити по земли
и бысть тако. и сътвори бг҃ъ двѣ
свѣтилѣ велицѣ свѣтило великое,
въ начатокъ дни. свѣтило же мен
шее, въ начатокъ нощи и звѣзды.
и постави их бг҃ъ на тверди нб҃нѣи.
яко свѣтити по земли, и владѣти
днем и нощїю. и разлучати меж
свѣтом и межу тмою. и видѣ бг҃ъ
яко добро, и бысть вечеръ, и бысть
оутро днь четвертыи. и рече бг҃ъ,
да изведуть воды, гады дш҃ъ жи
выхъ, и птицы лѣтающа на земли
по тверди нб҃нѣи, и бысть тако.
и сътвори бг҃ъ киты великїя, и вся
ку дш҃у животны гадъ, яже изведоша
воды породу их, и всяку птицу
пернату породу. и видѣ бг҃ъ яко до
бро. и благослови я бг҃ъ гля, растите
ся и множитеся, и наполните воды
яже в морѣхъ, и птицы да оумно
жатся на земли. и бысть вечеръ
и бысть оутро днь пятыи. и рече
бг҃ъ, да изведе земля дш҃у живу
породу, четвероногая и гады, и звѣ
ря земли породу. и бысть тако, и
сътвори бг҃ъ, звѣря земныя породу
и скоты породу их, и вся гады зе
мли породу их. и видѣ бг҃ъ яко добро
и рече бг҃ъ, сътворимъ чл҃ка по о
бразу нашему, и по подобїю.

Острожская Библія 1580—1581 года. Въ величину оригинала.

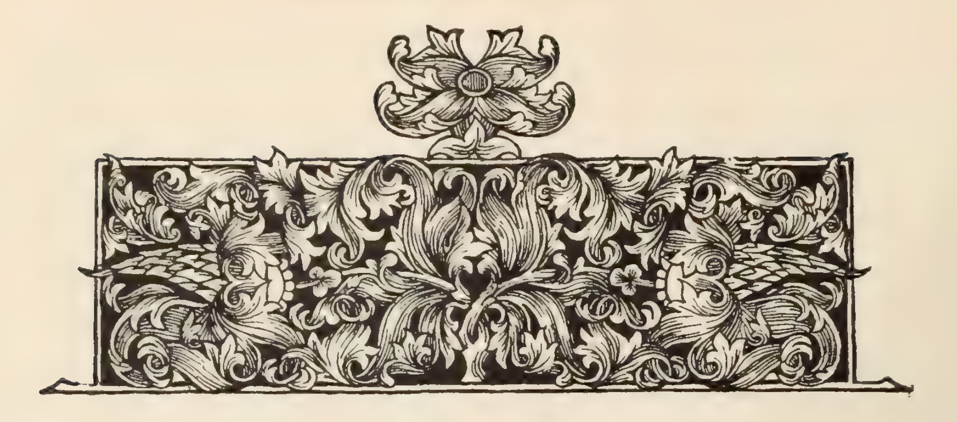

кучали: намъ отвѣта за это не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хоть золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте,—то вы вѣдаете! Установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ! какъ лучше, такъ и дѣлайте. Сами вѣдайтесь, какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ ни до чего того дѣла нѣтъ. Впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду".

Иронія Іоанна является еще болѣе злою и колкою въ другомъ его произведеніи — въ *Перепискѣ съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ* [1]). Переписка съ А. М. Курбскимъ.

Князь Курбскій (родился около 1528 г.) — личность крупная и замѣчательная. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ боярскихъ родовъ, и ближайшимъ его предкомъ былъ святой чудотворецъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, князь смоленскій и ярославскій, жившій въ концѣ XII вѣка и происходившій по прямой линіи отъ Владиміра Мономаха. Отецъ князя Андрея Михайловича отличался благочестіемъ и замѣчательною воинскою храбростью. Самъ Андрей Михайловичъ не уступалъ ему ни въ томъ, ни въ другомъ, и половину своей молодости провелъ на войнѣ: то подъ стѣнами Казани, то на Крымскомъ, то на Литовскомъ рубежахъ, то въ Ливоніи. При этомъ князь Андрей Михайловичъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, и принадлежалъ къ тѣсному кружку горячихъ приверженцевъ Максима Грека. Около 1563 года совершилась извѣстная рѣзкая перемѣна въ Іоаннѣ; ближайшіе друзья князя — Сильвестръ, Адашевъ, Шереметевъ и Воротынскій — подверглись опалѣ и были удалены отъ царскаго двора, а

[1]) Переписка съ Курбскимъ относится къ болѣе раннему періоду (1563—1579 г.г.). Вся переписка состоитъ изъ *двухъ* писемъ Іоанновыхъ, изъ которыхъ одно, по объему, равняется цѣлой книгѣ, и изъ *четырехъ* писемъ Курбскаго.

Репнинъ и Курлетевъ казнены... Тогда и князь А. М. Курбскій сталъ опасаться, что его должна будетъ постигнуть та же участь, и бѣжалъ въ Литву къ королю польскому, Сигизмунду-Августу, который уже давно присылалъ къ нему зазывные листы, суля ему милость и ласку, и богатое, привольное житье въ своемъ королевствѣ.

Покинувъ въ Юрьевѣ-Ливонскомъ жену, сына и зятя своего, князя Михаила Прозоровскаго, Курбскій (съ вѣдома и согласія ихъ) бѣжалъ въ Литву, и изъ перваго-же зарубежнаго города написалъ Іоанну письмо, исполненное упрековъ. Онъ отправилъ это письмо со своимъ вѣрнымъ слугою, Шибановымъ, въ Москву. Вѣрный слуга исполнилъ приказаніе Курбскаго, подалъ письмо самому царю, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ:

Гербъ князя А. М. Курбскаго.

„Отъ господина моего, а твоего измѣнника князя Курбскаго".

Пылая гнѣвомъ, царь приказалъ Шибанову приблизиться, пробилъ его ногу своимъ остроконечнымъ посохомъ, налегъ на рукоять его и приказалъ дьяку читать письмо Курбскаго. Шибановъ, не шевелясь съ мѣста, стоялъ и молчалъ; алая кровь струилась изъ раны... [1]). Впослѣдствіи, онъ приказалъ его пытать, довѣдываясь отъ него подробностей о бѣгствѣ Курбскаго и о намѣреніяхъ князя; но и злѣйшими пытками не могли добиться отъ вѣрнаго холопа никакихъ показаній. Онъ страдалъ

[1]) Этотъ страшный эпизодъ послужилъ для графа А. К. Толстого сюжетомъ его превосходной баллады, подъ заглавіемъ: Василій Шибановъ.

и молчалъ, и своимъ геройствомъ такъ поразилъ самого Іоанна, что тотъ даже и Курбскому приводитъ его въ примѣръ и образецъ преданности и вѣрности.

Съ того времени завязалась между княземъ Курбскимъ и Іоанномъ знаменитая ихъ переписка,— этотъ памятникъ борьбы послѣдняго дружинника съ княземъ и господиномъ — но уже борьбы словесной, такъ какъ время борьбы матерьяльной миновало для дружины, давно переродившейся въ Московскомъ Государствѣ въ служилое сословіе. Здѣсь, впервые, царю московскому пришлось услышать голосъ отдѣльной личности, вступившейся за свое право противъ всемогущаго властителя, и точно такъ же основывавшей эти права на преданіи, какъ на преданіи же самъ Іоаннъ любилъ основывать свое безпредѣльное и страшное могущество. Исходя изъ этого основанія, Курбскій, въ своихъ письмахъ, старается постоянно укорить Іоанна въ злоупотребленіяхъ властью, данной ему отъ Бога, старается доказать, что его правленіе только до тѣхъ поръ и было славнымъ, пока онъ былъ окруженъ доблестными боярами, которые были ему и совѣтниками, и сподвижниками на все благое. Іоаннъ, въ своихъ возраженіяхъ на эти доводы, имѣющія весьма серьезное основаніе, держится какъ разъ противуположной логики: онъ отвергаетъ всякое значеніе боярства и одному себѣ приписываетъ всю славу первыхъ лѣтъ своего царствованія. Сверхъ того, онъ пытается всѣми силами доказать Курбскому, что тотъ, своей измѣной, погубилъ не только свою душу, но и души предковъ своихъ — доводъ, весьма ловко придуманный, чтобы встревожить пугливую совѣсть благочестиваго князя. Словесная распря.

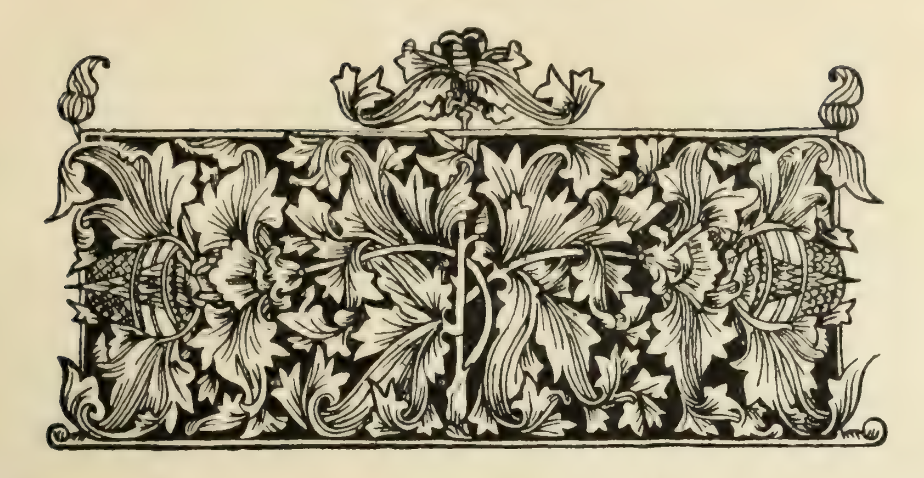
„Зачѣмъ же, о князь, если ты считаешь себя благочестивымъ“,— такъ пишетъ онъ къ Курбскому,— „зачѣмъ отвергнулъ ты единородную свою душу? Что дашь ты взамѣнъ ея, въ день Страшнаго Суда? Если ты даже весь міръ пріобрѣтешь — смерть.

все-таки, на-послѣдяхъ похититъ тебя! Чего же ты, изъ-за тѣла, и душу свою продалъ? Ты возъярился на меня, и, погубивъ свою душу, рѣшился даже на раззореніе церковное... Или же ты думаешь, окаянный, что убережешься раззоренія церковнаго? Никакъ! Коли тебѣ пріидется заодно съ ними (т.-е. съ литовцами) воевать (противъ насъ), тогда и церкви тебѣ пріидется раззорять, и иконы попирать, и христіанъ погублять... Помысли же, князь, какъ во время браннаго-то нашествія нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и истерзаемы конскими копытами"... „Если ты праведенъ и благочестивъ, то почему же не изволилъ ты отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать? Ты, ради тѣла, погубилъ свою душу — и не на человѣка возъярился ты, но на Бога. Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты, и въ какую пропасть сошелъ ты душою и тѣломъ?.. Изъ самолюбія ты себя погубилъ... Я думаю, что и окружающіе тебя тамъ, имѣющіе разумъ, тоже могутъ понять твой злобный ядъ, да и то, что ты, изъ желанія мимолетной славы и богатства, все это сдѣлалъ, а не потому, чтобы отъ смерти бѣгалъ. Коли ты точно праведенъ и благочестивъ, какъ ты самъ о себѣ говоришь, такъ чего же ты испугался неповинной смерти: вѣдь такая-то смерть не есть смерть, а пріобрѣтенье. Все равно, вѣдь напослѣдокъ умрешь же!"

Рядомъ съ этой страшною логикою, Іоаннъ, въ періодъ своихъ успѣховъ въ Ливоніи, не пренебрегаетъ ни злой насмѣшкою, ни бранью, для униженія своего врага и для удовлетворенія своей ненависти... Но Іоаннъ, при всемъ своемъ умѣ и даже при несомнѣнномъ литературномъ талантѣ, не можетъ писать и излагать складно: онъ не прошелъ никакой школы, онъ, въ полномъ смыслѣ слова — только самоучка и начётчикъ. Этотъ недостатокъ ученія много вредитъ точности его изложенія и часто заставляетъ его распространяться въ излишнемъ многословіи...

Не то мы видимъ въ письмахъ Курбскаго. Не говоря уже о

Общій характеръ писемъ Курбскаго.

томъ, что они написаны гораздо правильнѣе и что мысли въ нихъ изложены вполнѣ ясно, письма Курбскаго, сравнительно съ письмами Іоанна, поражаютъ своимъ приличнымъ тономъ, своею сдержанностью, даже нѣкоторою изысканностью выраженій. Изъ этихъ писемъ видно, что Курскій былъ человѣкъ образованный, воспитанный, умѣвшій тонко понимать и глубоко чувствовать многое изъ того, что едва ли было и доступно пониманію его противника. Курбскій, видимо, самъ это сознаетъ и постоянно ставитъ въ укоръ Іоанну грубость и рѣзкость его выраженій, его неумѣлость въ изложеніи мыслей и малограмотность. Такъ, въ самомъ началѣ своего второго письма къ Іоанну, Курбскій прямо говоритъ, что царю стыдно бы такъ нескладно писать, сравниваетъ его изложеніе, по непослѣдовательности, съ „бабьими бреднями" и говоритъ, что царь пишетъ такимъ варварскимъ слогомъ, что не только искуснымъ и ученымъ людямъ, но даже и дѣтямъ читать его письма смѣшно и удивительно": въ особенности же странно читать его письма въ „чужой землѣ, гдѣ находятся люди, опытные не только въ грамматикѣ и риторикѣ, но даже въ діалектикѣ и философіи". Въ концѣ своего письма Курбскій прибавляетъ:

„Могъ бы я тебѣ отвѣчать на каждое твое слово; но мужамъ благороднымъ не прилично ссориться, словно рабамъ; въ особенности же стыдно христіанамъ изрыгать изъ устъ своихъ слова нечистыя и кусательныя".

Въ отвѣтъ на брань и насмѣшки Іоанновы, Курбскій замѣчаетъ ему, что онъ не заслуживаетъ ни насмѣшекъ, ни брани, а сожалѣнія, какъ несчастный изгнанникъ, вынужденный къ скитанію по чужимъ землямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ писемъ, тамъ, гдѣ онъ вспоминаетъ о погибшихъ сотоварищахъ своихъ и въ гибели ихъ укоряетъ Іоанна — письма Курбскаго, по справедливому замѣчанію историка нашего, Соловьева, напоминаютъ „болѣзненный вопль изъ могилы". Таково, напр., слѣдующее мѣсто изъ перваго посланія:

„Зачѣмъ, о царь!“ — восклицаетъ тамъ Курбскій, — „зачѣмъ побилъ ты сильныхъ въ Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ? Зачѣмъ побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ пороги церковные обагрилъ? Чѣмъ провинились они передъ тобой, о царь! Или — чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель? Не прегордыя ли царства храбростью своею раззорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе, тщаніемъ разума ихъ, отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое имъ воздаяніе — всѣхъ насъ губишь! Или думаешь, что самъ ты безсмертенъ? Или, прельщенный ересью, полагаешь, что не будетъ суда Іисусова? Христосъ, сидящій на престолѣ Херувимскомъ, судья между мною и тобою“.

Дѣятельность Курбскаго въ Литвѣ.

Большую часть жизни, послѣ бѣгства въ Литву, князь Курбскій провелъ въ *Миляновичахъ*, мѣстечкѣ, близъ пожалованнаго ему города Ковля. Суровый и одинокій, среди сосѣдей „ненавистныхъ и лукавыхъ“, онъ жилъ замкнуто, никого у себя не принимая и предаваясь исключительно изученію латинскихъ классиковъ и переводамъ сочиненій Св. Отцевъ. На пользу православія, которое онъ старался всѣми силами поддержать въ Литвѣ, онъ перевелъ нѣкоторыя *бесѣды Іоанна Златоуста* и написалъ правдивую *исторію Флорентійскаго собора;* трудясь самъ, онъ и другихъ поощрялъ къ подобнымъ же трудамъ. И угасая на непривѣтной чужбинѣ, вдали отъ любимой и милой ему родины, о которой онъ не могъ забыть — князь Курбскій не переставалъ ей служить, поддерживая энергію въ средѣ неокатоличившейся русской знати и борясь съ іезуитами, попиравшими вѣру его отцовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Историческая литература: лѣтописи; лѣтописныя повѣсти и сказанія. — Первыя попытки складнаго и систематическаго изложенія исторіи. — Исторія Казанскаго царства.—„Исторія о дѣлѣхъ", написанная княземъ Курбскимъ.

По мѣрѣ того, какъ жизнь, слѣдуя своимъ путемъ, вызывала въ обществѣ новыя потребности, поднимала новые вопросы и создавала новыя формы, исторія—это отраженіе жизни общества—также начинала видоизмѣняться, и не ограничивалась уже болѣе одною формою лѣтописнаго изложенія. Лѣтопись, которую вели когда-то только по монастырямъ, стала, мало-по-малу, разрастаться въ болѣе широкій историческій разсказъ, въ которомъ личный авторскій элементъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе значенія и оказывалъ вліяніе на весь ходъ разсказа, даже на подборъ фактовъ. Когда власть княжеская стала усиливаться и стягивать разрозненныя области русской земли въ рукахъ великихъ князей московскихъ, тогда и лѣтописи, изъ стѣнъ монастырскихъ, стали переходить въ палаты княжескія, въ тѣсный кругъ грамотныхъ людей, приближенныхъ къ князю. Есть полнѣйшее основаніе думать, что эти первые, приближенные къ князю грамотѣи (въ особенности въ періодъ татарщины, когда грамотность была въ такомъ упадкѣ) были изъ духовнаго сословія и что изъ духовнаго сословія именно и произошли *княжеские дьяки* [1])—эти секретари и чиновники. Въ руки дьяковъ, съ теченіемъ времени, перешло и веденіе лѣтописи, которая, съ XIV—XV вѣка, пріобрѣтаетъ въ современной общественной жизни характеръ документа: на нее ссылаются, ею оправдываютъ свои дѣйствія, на ней утверждаютъ свои права: — свидѣтельства *старой лѣтописи* считають непреложнымъ доказательствомъ. Это указаніе на *старую лѣтопись* въ особенности представляется намъ важнымъ, какъ проти-

Лѣтопись старая и новая.

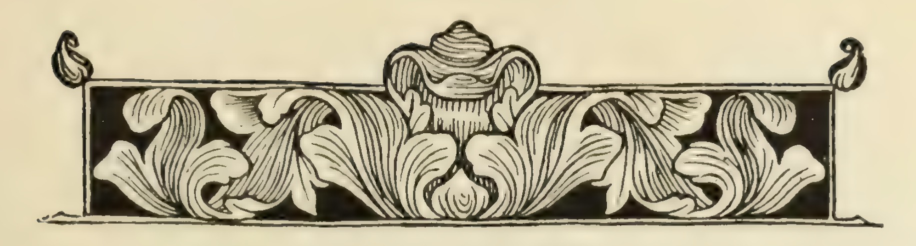
[1]) Самое названіе отчасти указываетъ на происхожденіе сословія.

воположеніе *лѣтописи новой*, которая велась у всѣхъ на глазахъ, и въ которую, очевидно, факты заносились уже съ извѣстнымъ разборомъ и критикой. Уже въ началѣ XV вѣка нашъ лѣтописецъ, восхваляя одного изъ своихъ предшественниковъ, „не украшая“ пишущаго, говоритъ, что „первіи властодержцы безъ гнѣва повелѣвающа вся добрая и недобрая прилучившаяся написывать“,—показываетъ этимъ весьма ясно, что уже и въ его время, и ранѣе существовало два рода лѣтописей: одна была *правительственною и оффиціальною*, а другая—*частною, келейною*. Въ описи царскаго архива временъ Грознаго даже прямо упоминаются черновые матерьялы лѣтописи—„списки черные, что̀ написать въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ“. Ясно, что съ черновыхъ набѣло писались въ лѣтопись факты съ опредѣленнымъ выборомъ, окраскою и направленіемъ; а отсюда уже не далекъ переходъ къ послѣдовательному историческому разсказу, прагматически связывающему факты.

Лѣтопись общая и мѣстная.

Одновременно съ лѣтописью оффиціальною, велась въ разныхъ мѣстахъ и лѣтопись неоффиціальная, лѣтопись оппозиціи и порицанія, служившая выраженіемъ частнаго, личнаго мнѣнія. Въ то самое время, когда лѣтописью всероссійскою становится съ конца XIV вѣка лѣтопись московская, да и во всѣхъ лѣтописяхъ Сѣверо-Востока Руси извѣстія московскія начинаютъ преобладать надъ всѣми остальными—продолжаютъ существовать и мѣстныя лѣтописи: тверскія, рязанскія, нижегородскія, новгородскія, псковскія. Эти мѣстныя лѣтописи, въ свою очередь, съ конца XV и начала XVI вѣка, начинаютъ входить въ составъ большихъ лѣтописныхъ сборниковъ, преимущественно составляемыхъ въ Москвѣ. Но и мѣстныя, частныя лѣтописи начинаютъ около этого времени утрачивать первоначальный свой характеръ полной обособленности; такъ, напримѣръ, новгородская лѣтопись уже не ограничивается одними только фактами новгородской жизни: въ софійскихъ лѣтописяхъ, которыя велись при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и изъ которыхъ въ XVI вѣкѣ создался такъ-называемый „Софійскій Временникъ“, уже весьма подробно означается исторія Московскаго государства, которою, очевидно, всѣ уже гораздо болѣе интересовались, чѣмъ мѣстною исторіею обезличеннаго Новгорода.

Отдѣльныя сказанія и „Степенная книга".

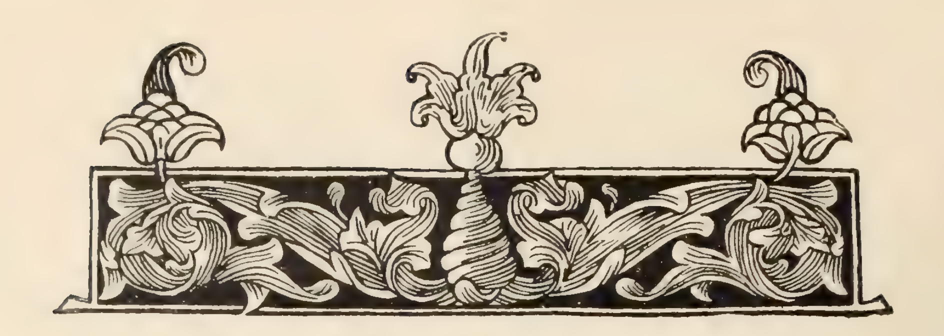
Личный элементъ, по-прежнему, продолжаетъ проявляться въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, которыми XVI вѣкъ довольно богатъ. Между такими произведеніями въ особенности заслуживаютъ вниманія: *„Сказаніе о паденіи Пскова"*; *„Сказаніе о второмъ бракѣ великаго князя Василія III"*, сочиненное *Паисіемъ Ярославовымъ*, *„Сказаніе о казни Новагорода при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ"* и *„Сказаніе объ осадѣ Пскова Баторіемъ"*, написанное нѣкіимъ *Серапіономъ*.

Любопытны также явившіяся въ XVI вѣкѣ попытки приведенія историческаго матерьяла въ нѣкоторую систему. Одна изъ такихъ попытокъ приписывается (по замыслу и началу) митрополиту Кипріяну: это такъ-называемая *„Степенная книга"*, въ которой изложены церковныя и гражданскія событія Русской исторіи съ исключительно религіозной точки зрѣнія; въ ней факты расположены по великимъ князьямъ, а великіе князья по родословному порядку или *по степенямъ рода великихъ князей*. Въ одномъ, болѣе раннемъ, спискѣ „Степенная книга" доведена до 13-й степени (современной Кипріяну), но впослѣдствіи она дополнялась, и главнымъ представителемъ ея явился митрополитъ Макарій, при которомъ она доведена была до 17-й степени [1]) (считая отъ князя Владиміра до Іоанна Грознаго) и ея содержанію придана была окончательная редакція. При такой обработкѣ и самый слогъ ея былъ значительно украшенъ, во вкусѣ времени. Въ образецъ этого слога приведемъ оттуда слѣдующія строки изъ похвалы Василію III:

„Поистинѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Тѣмъ убо бысть сей: истовый, велеумный правитель, вседоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ Русскимъ и боярамъ, и прочимъ вельможамъ, и всѣмъ людемъ, и всему священному собору благоразумный соглагольникъ", и т. д.

Къ началу XVI же вѣка относится и окончательная (первая) редакція *хронографа*, составленнаго по византійскимъ источникамъ,

[1]) Впослѣдствіи „Степенная книга" была продолжена до Алексѣя Михайловича, т.-е. добавлена въ ней еще 18-я степень.

но со вставкою оригинальныхъ русскихъ статей, которыя внесены у мѣста и кстати въ плавный разсказъ о событіяхъ всеобщей исторіи.

История Казанскаго Царства.

Такою же любопытною и немаловажною попыткою является *Исторія Казанскаго Царства*, составленная священникомъ *Іоанномъ Глазатымъ*, который провелъ 20 лѣтъ въ плѣну въ Казани и послѣ освобожденія своего изложилъ все, что̀ ему было извѣстно о казанскомъ царствѣ отъ его начала до самаго завоеванія Казани.

Историческій трудъ Курбскаго.

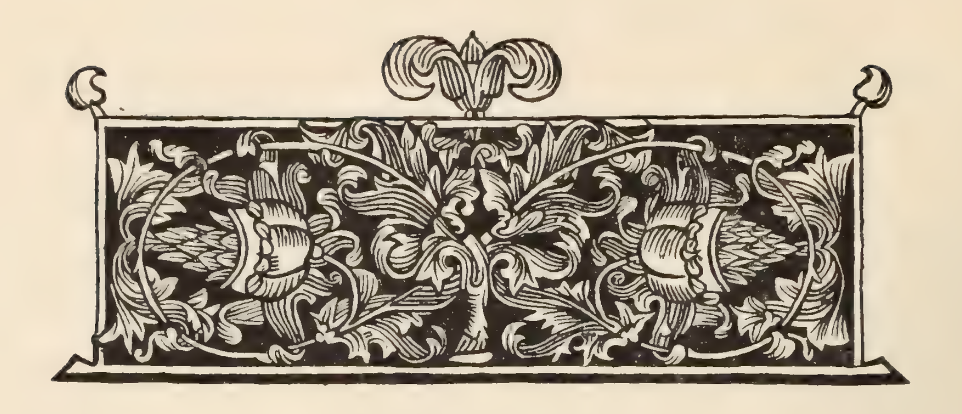
Но самымъ выдающимся явленіемъ въ исторической литературѣ XVI вѣка является, конечно, трудъ князя А. М. Курбскаго, подъ заглавіемъ: „*Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ* (т.-е. дѣяніяхъ), *яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима*". Это уже настоящая прагматическая исторія, въ которой изложеніе событій ведется въ послѣдовательности и правильной связи, съ опредѣленіемъ причины и указаніемъ послѣдствій. Сочиненіе довольно объемистое (оно содержитъ въ себѣ девять главъ), представляетъ собою полное жизнеописаніе Іоанна Грознаго, отъ самаго дѣтства, и написа̀но живо, горячо и съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Самъ Курбскій говоритъ, что написалъ это сочиненіе по просьбѣ многихъ, обращавшихся къ нему съ вопросами о причинѣ рѣзкой перемѣны, происшедшей въ характерѣ царя, который былъ сначала добрымъ и мудрымъ правителемъ, а потомъ сдѣлался страшнымъ мучителемъ своего народа. Отвѣтомъ на эти вопросы была книга, въ предисловіи къ которой Курбскій такъ объясняетъ цѣль своего труда:

„Славныя дѣла великихъ мужей мудрыми людьми въ исторіяхъ для того описаны, да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла для того написаны, чтобы остерегались ихъ люди, какъ смертоноснаго яда или повѣтрія не только тѣлеснаго, но и душевнаго".

Приступая къ своей „Исторіи" съ такою назидательною цѣлью, Курбскій излагаетъ все, извѣстное ему объ Іоаннѣ, далеко не безпристрастно и все свое повѣствованіе строитъ и подлаживаетъ къ одной предвзятой мысли. По его убѣжденію, не одинъ только

Іоаннъ, но и всѣ князья московскіе отступились отъ старины, насильствами уничтожили другіе роды княжескіе, унизили боярство, и это привело къ великимъ бѣдствіямъ. Исходя изъ этого взгляда, Курбскій и всю „исторію" Іоанна Грознаго излагаетъ вотъ съ какой точки зрѣнія: Іоаннъ, дурно воспитанный и окруженный дурными и безнравственными приверженцами, вселившими жестокость въ его сердце, былъ хорошимъ правителемъ только до тѣхъ поръ, пока около него стояли Сильвестръ и Адашевъ и добрые бояре. Сильвестру и Адашеву и добрымъ совѣтникамъ приписываются всѣ славныя дѣянія Іоанна; а чуть только эти совѣтники были устранены отъ дѣлъ, такъ тотчасъ произошла извѣстная перемѣна въ характерѣ Іоанна Грознаго. При этомъ, преувеличивая достоинство и значеніе Сильвестра и Адашева, умалчивая о дѣлахъ самого Грознаго, Курбскій ни однимъ словомъ не проговаривается о тѣхъ дѣйствіяхъ бояръ, которыми вызваны были первыя опалы и казни, описываемыя Курбскимъ весьма подробно. Въ виду такого односторонняго и пристрастнаго изложенія, одинъ изъ нашихъ историковъ справедливо замѣчаетъ о сочиненіи Курбскаго, что это „скорѣе памфлетъ, чѣмъ исторія". Но, помимо всякихъ недостатковъ, которые могутъ уменьшать цѣну труда Курбскаго, этотъ трудъ все-же имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи Русской Словесности, какъ первое проявленіе вполнѣ сознательнаго отношенія автора къ воспроизводимой имъ дѣйствительности. Онъ приступаетъ къ этому воспроизведенію съ предвзятою мыслью, которую проводитъ отъ начала и до конца своего труда, построеннаго по опредѣленному, весьма стройному плану, изложенному вполнѣ литературно, красиво и складно. Эта исторія Курбскаго, можетъ-быть, единственное произведеніе въ древнемъ періодѣ нашей литературы, которое и теперь еще можно читать съ интересомъ и даже съ увлеченіемъ: такъ все въ немъ живо, ярко и рельефно. Не даромъ увлекся имъ и Карамзинъ, и создалъ, на основаніи его, свой типъ Іоанна Грознаго!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Свѣтскія повѣсти и сказанія въ XVI вѣкѣ.—Тѣсная связь ихъ съ дѣйствительностью и современностью.—Назиданіе, положенное въ основу нѣкоторыхъ сказаній.—Царь Иванъ Васильевичъ въ пѣсняхъ народныхъ.

Свѣтская литература повѣстей, сказокъ и сказаній всякаго рода, обильная уже въ XV вѣкѣ, продолжала разрастаться и въ XVI, пополняясь и оригинальными, и переводными произведеніями, изъ которыхъ многія проникали къ намъ черезъ Болгарію и Сербію. Князь Курбскій, въ предисловіи къ своему переводу книги Іоанна Дамаскина „Небеса", горько жалуется на то, что „нынѣшняго вѣка мнимые учители больше въ болгарскихъ басняхъ и въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ ихъ и хвалятъ, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются"...

Названіе „басней" и „бредней", однакожъ, менѣе всего подходитъ ко многимъ повѣстямъ и сказаніямъ XVI вѣка, которыя, въ большинствѣ своемъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ исторической дѣйствительностью и живою русскою современностью.

І. Грозный въ сказаніяхъ.

Крупная личность Іоанна Грознаго—перваго русскаго Царя—и то обиліе быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ событій, которыми такъ была богата его эпоха, видимо, сильно воздѣйствовало на умы современниковъ и придало извѣстное направленіе, извѣстный оттѣнокъ всему, что выходило около этого времени изъ-подъ пера грамотныхъ людей, всему, что создавалось вымысломъ книжниковъ или народной фантазіей. Чрезвычайно любопытно то, что, во многихъ сказаніяхъ, грозный Царь сближается съ „султаномъ Махмудомъ" (Магометомъ II, покорителемъ Византіи) — который произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ своею личностью и дѣятельностью; сказанія восхваляютъ его за правдолюбіе и даже оправдываютъ тѣ жестокія мѣры, которыми онъ старался утвердить и поддержать правосудіе въ турецкихъ судахъ. Въ этомъ оправданіи высказывается довольно откровенно воззрѣніе на

подобныя-же мѣры Іоанна Грознаго, которыя многимъ, какъ мы увидимъ далѣе, могли представляться не простыми проявленіями прирожденной жестокости, а также—разумными дѣйствіями, направленными къ установленію равнаго для всякихъ сословій права на „правду Божію“.

На первомъ планѣ, въ ряду подобныхъ сказаній стоятъ два сказанія XVI вѣка: „*Сказаніе о турецкомъ царѣ Магмедѣ, какъ онъ хотѣлъ сжечь книги греческія*“ и „*Сказаніе о Петрѣ, Волошскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю, Ивану Васильевичу всея Руси*“. Оба сказанія одинаково приписываются одному и тому же автору, извѣстному *Ивану Пересвѣтову*, и, дѣйствительно, чрезвычайно близки между собою по внутреннему содержанію, по многимъ подробностямъ и—что всего важнѣе—по той основной мысли, которая, въ концѣ сказанія, приводитъ автора къ опредѣленному выводу.

Въ первомъ изъ этихъ сказаній разсказывается, какъ турецкій султанъ, послѣ завоеванія Константинополя, задумалъ рѣшиться на страшное дѣло: собрать въ одно мѣсто всѣ книги „греческаго закона“ (т.-е. церковно-божественныя), перевести ихъ на турецкій языкъ, а послѣ сжечь ихъ и оставить однѣ турецкія во всемъ завоеванномъ царствѣ греческомъ. Патріархъ, услышавъ о такомъ намѣреніи султана, пришелъ въ ужасъ и сталъ усердно молить Бога, чтобы Онъ избавилъ православное царство греческое отъ такой великой напасти. Богъ внялъ его молитвѣ, и, въ сонномъ видѣніи, воспретилъ султану исполнить задуманное имъ намѣреніе. Султанъ призвалъ къ себѣ патріарха и спросилъ его: „ты ли на меня жаловался своему Богу? Онъ привидѣлся мнѣ во снѣ, страшенъ зѣло и повелѣлъ мнѣ отдать вамъ книги ваши“. При этомъ султанъ прямо сознался патріарху, что ему теперь сталъ ясенъ гнѣвъ Божій, тяготѣющій на грекахъ, и что ему, султану, „невозможно было бы и помышлять о ихъ царствѣ, если бы того царства Богъ ему не выдалъ, и если бы на то не было воли Божіей“. И вотъ, по приказанію султана, книги греческія переведены на турецкій языкъ, и султанъ, предъ лицомъ всѣхъ своихъ начальныхъ людей, призналъ, что „вѣра христіанская лучше всѣхъ иныхъ вѣръ и законъ ихъ праведенъ; но христіане забыли о своемъ законѣ, и Богъ прогнѣвался на нихъ и предалъ ихъ въ наши руки“. Для того, чтобы съ турками не случилось того же, султанъ рѣшаетъ „утвердить правду накрѣпко“. Затѣмъ въ сказаніи описываются тѣ суровые законы и жестокія наказанія, какія были султаномъ введены противъ всякаго рода преступленій и, въ особенности, противъ несправедливости судей. Въ заключеніе сказанія, авторъ влагаетъ въ уста султану такія слова: „какъ грозы на людей не будетъ, такъ и книгъ законныхъ не станутъ

слушать:—какъ конь подъ человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы".

Въ „сказаніи о Петрѣ, Волошскомъ воеводѣ", приводится точно такое же сравненіе между царствомъ русскимъ и царствомъ турецкимъ, какое уже видѣли мы въ „повѣсти о Царѣградѣ". Мнѣніе о царствѣ Русскомъ влагается не только въ уста самого Петра (лица, вполнѣ историческаго) [1]), но и въ уста какого-то служащаго у него москвитина, Васьки Мерцалова. Васька „гораздо знаетъ царство московское", и потому воевода Петръ его обо всемъ „подлинно распрашиваетъ". Петръ сказываетъ ему, что они „нынѣ за царство русское Бога молятъ и имъ хвалятся"; но далеко не все хвалитъ въ царствѣ Русскомъ: не хвалитъ царя за то, что онъ „даетъ города и волости вельможамъ своимъ держать, а вельможи отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ"... Недоволенъ онъ еще болѣе того вельможами царскими, которые „сами богатѣютъ и лѣнтяйничаютъ, а о царѣ и царствѣ его не болѣютъ и сами его царство обездоливаютъ и потому только и называются *на потѣхъ* слугами царскими, что „*цвѣтно и людно и конно" выѣзжаютъ, а крѣпко за вѣру крестьянскую (христіанскую) не стоятъ и противъ недруга лютою смертною игрою не играютъ*". Москвитинъ Васька можетъ возразить на это только одно, что „вѣра въ русскомъ царствѣ добрая, что красота церковная великая и служеніе въ церквахъ совершается благоговѣйное и безпрестанное..." Но и онъ вынужденъ согласиться съ воеводою Петромъ, что „правда въ московскомъ государствѣ умалися". На это Петръ, прослезившись, сказалъ: „коли по грѣхамъ въ московскомъ государствѣ правды нѣтъ, то у государя и всего добраго нѣтъ и онъ живетъ прежними чудотворцами да святительскими молитвами". Но въ заключеніе и какъ бы въ утѣшеніе онъ добавляетъ: „Если Христосъ по вѣрѣ помилуетъ, то и правду въ нихъ вселитъ".

Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа.

Въ сущности, въ обоихъ сказаніяхъ выражается одна и та же мысль: порицаніе русскимъ вельможамъ и боярамъ, и обвиненіе ихъ въ томъ, что изъ-за нихъ правды въ Русской землѣ не стало, а слѣдовательно—косвенное оправданіе тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя противъ этихъ вельможъ примѣнялись царемъ Іоанномъ Грознымъ. Та же личность Грознаго и обстоятельства его царствованія несомнѣнно играютъ роль еще въ одномъ литературномъ произведеніи XVI вѣка, а именно въ „*Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа*". Историкъ нашъ Соловьевъ весьма удачно сопоставляетъ её съ однимъ мѣстомъ въ Псковской лѣтописи, которая

[1]) Петръ Стефановичъ, Молдавскій воевода, который въ 1535 г. прислалъ въ Москву своего боярина—хлопотать о протекторатѣ Московскаго Государства надъ Валахіею и Молдавіею.

очень своеобразно объясняетъ причину гнѣва и ненависти Іоанна противъ бояръ:

„Когда царь возвратился на Русь (изъ Ливоніи), то нѣмцы собрались изъ заморья да Литва пришла изъ Польши, и всѣ города (Ливонскіе) себѣ побрали, русскихъ людей въ нихъ побили, а къ царю прислали нѣмца, лютого волхва, именемъ Елисея, и былъ онъ у него въ приближеніи, любимцемъ. Безбожные нѣмцы узнали по своимъ гаданьямъ, что быть имъ до конца раззореннымъ: для этого они такого злого еретика и подослали къ царю, потому что падки русскіе люди къ волхвованію. Навелъ Елисей на царя страхованье (опасенье) на русскихъ людей, свирѣпство внушилъ; а къ нѣмцамъ на любовь преложилъ. И наустилъ Елисей царя на убійство многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, напослѣдокъ и самому внушилъ бѣжать въ Англійскую землю, и тамъ жениться, а своихъ остальныхъ бояръ побить. Но Елисея до этого не допустили, самого смерти предали, да не до конца раззорится русское царство и вѣра христіанская“ [1]).

Та же фабула, почти дословно, повторяется и въ „*Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа*“, въ которой повѣствуется о царѣ праведномъ, боголюбивомъ и милостивомъ, строго исполнявшемъ заповѣди Божіи. Но „по дѣйствію дьявольскому“, явился къ нему одинъ злой чародѣй, сумѣлъ войти къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; царь оскорбилъ ихъ различными печалями и несправедливостями, и тѣмъ вооружилъ противъ себя. Но Богъ наказалъ его за это: поднялись противъ него окрестные города и области, повоевали его земли, а города раззорили и воинство побили и до самаго царствующаго града дошли. Царь только тѣмъ и спасся отъ бѣды немпнучей, что чистосердечно покаялся въ своихъ поступкахъ и сжегъ чародѣя съ его товарищами.

Нѣкоторое отношеніе къ новому царству московскому и новымъ московскимъ традиціямъ имѣетъ „*Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ*“, которая, видимо, много разъ передѣлывалась и измѣнялась, благодаря тому, что самое содержаніе ея легко подчинялось передѣлкамъ и перестановкамъ. Въ основѣ своей, сказаніе было придумано византійскими книжниками для того, чтобы указать на происхожденіе византійскаго чина вѣнчанія и всѣхъ необходимыхъ для него царственныхъ утварей съ того далекаго, таинственнаго Востока, который изстари почитался колыбелью всякаго царственнаго могущества и мудрости. Поэтому сказаніе своди- Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ.

[1]) Здѣсь, подъ именемъ *Елисея* разумѣется медикъ царя Грознаго, *Бомелій* — голландецъ родомъ; по свидѣтельству иноземцевъ, это былъ большой негодяй, дѣйствительно побуждавшій Іоанна на убійства и въ помощь ему составлявшій отравы. Въ свою очередь обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ, онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ.

лось къ такому немногосложному и нехитрому содержанію: греческій царь Левъ (или иной) посылаетъ въ Вавилонъ пословъ, которые на пути къ этому древнему городу встрѣчаютъ всякія препятствія; всѣ эти препятствія, благодаря личной своей мудрости и помощи свыше, преодолѣваютъ и возвращаются въ Византію, неся съ собой тѣ драгоцѣнныя царственныя утвари, которыми вѣнчались императоры византійскіе. Въ дальнѣйшихъ переработкахъ на русской почвѣ эта повѣсть о вавилонскомъ царствѣ дополняется нѣкоторыми подробностями; въ числѣ пословъ, отправленныхъ греческимъ царемъ въ Вавилонъ, является уже и Русинъ, Славянинъ; въ числѣ регалій царскихъ „Номахова (или Мономахова) шапочка". Въ болѣе позднихъ редакціяхъ то же сказаніе уже связывается со сказаніемъ о великихъ князьяхъ владимірскихъ, какъ первоначальныхъ основателяхъ Московскаго Государства, и о шапкѣ Мономаховой, будто бы присланной Владиміру Мономаху царемъ греческимъ Константиномъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ бармами и золотою цѣпью, также якобы добытыми съ Востока. Въ этомъ видѣ „сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ", наравнѣ съ гораздо болѣе раннею „повѣстью о бѣломъ клобукѣ", представляетъ еще одну литературную попытку связать только-что возникающее царство московское съ болѣе древнимъ царствомъ греческимъ, отъ котораго мы приняли вѣру и обязанность защищать православіе отъ невѣрныхъ.

Слово о Динарѣ царицѣ. Совершенно одиноко стоитъ въ группѣ этихъ сказаній „*Слово о дѣвицѣ, Иверскаго царя дщери, Динаріи-царицѣ*". Основанная на сюжетѣ историческомъ и заимствованномъ изъ хронографа, эта повѣсть, конечно, должна была болѣе другихъ привлекать къ себѣ вниманіе грамотныхъ людей заманчивою оригинальностью своего содержанія. Главной героиней повѣсти является подъ именемъ Динаріи-царицы, историческое лицо — грузинская царица Тамара, правившая царствомъ грузинскимъ въ началѣ XII вѣка. Въ „Словѣ" о ней разсказывается приблизительно слѣдующее...

Динара въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ осталась наслѣдницей *Иверскаго властодержца* Александра Мелека, и мудро управляла народомъ. Персидскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери. Динара послала царю дары, но не думала отказываться отъ своей власти. Разгнѣвавшись, царь пошелъ противъ нея войною. Страхъ и трепетъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы, но она сумѣла внушить имъ твердость и поднять ихъ духъ; облеклась въ броню, „*надѣла шлемъ и восріяла копье въ дѣвичьи длани*". Принеся горячую и усердную молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда Динара пришла пѣшкомъ и босикомъ, „по острому каменью и жесткому пути", она мужественно выступила противъ враговъ, вступила съ

ними въ битву и убила одного персіянина. Враги ужаснулись ея вида и голоса, и побѣжали. Динара же, преслѣдуя ихъ, отсѣкла голову персидскому царю и на копьѣ принесла ее въ Тавризъ; города покорялись ей, одинъ за другимъ, и она съ богатою добычею вернулась въ отечество. Лучшую и самую цѣнную долю добычи она раздала въ храмы Божіи. Потомъ она правила народомъ 38 лѣтъ и „оставила царство“ сродникамъ въ наслѣдство.

Былины о Грозномъ.

Крупная личность Іоанна Грознаго, отразившаяся въ современной ему свѣтской литературѣ повѣстей и сказаній, должна была найти себѣ отголосокъ и въ народной поэзіи. Завоеватель Казани и Астрахани, грозный бичъ боярства, тотъ, передъ кѣмъ трепетали всѣ (по выраженію сказаній) „питавшіеся отъ слезъ и крови народной“, долженъ былъ, несомнѣнно, оставить видный слѣдъ въ народной памяти. Не украшая Грознаго, народъ сумѣлъ, однакоже, выставить его, въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, въ весьма привлекательномъ видѣ, а именно—другомъ народа, защитникомъ слабыхъ противъ сильнаго, сочувствующимъ всему русскому, народному, и мудро-правящимъ въ странѣ своей. Такимъ-то грознымъ, но справедливымъ царемъ является намъ Іоаннъ въ былинѣ о царскомъ шуринѣ Мастрюкѣ Темрюковичѣ, гдѣ царь Иванъ Васильевичъ хвалитъ и награждаетъ русскихъ борцовъ-молодцовъ за то, что они изувѣчили и поборолп его шурина Мастрюка-татарина, о которомъ сокрушается Мастрюкова сестра-царица. Такимъ представляется онъ въ особенности въ былинѣ, извѣстной подъ названіемъ; „*Никитѣ Романовичу дано село Преображенское*“.

Эта высоко-поэтическая былина начинается съ того, что царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Грознаго; въ то время какъ царь-отецъ похваляется, что онъ вывелъ измѣну на Руси, сынъ-царевичъ осмѣливается возразить, что онъ не вывелъ ее и изъ бѣлокаменной Москвы. Царь требуетъ, чтобы сынъ указалъ измѣнниковъ, и сынъ указываетъ на его любимыхъ бояръ Годуновыхъ, сидящихъ съ нимъ за однимъ столомъ. Царь, въ гнѣвѣ, приказываетъ схватить сына и вести его на плаху. Но никто не рѣшается исполнить безумное приказаніе.

А и всѣ палачи испужалися,
Что и всѣ по Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачъ не пужается,
Единъ злодѣй выступается —
Малюта палачъ, сынъ Скуратовичъ;
Хватилъ онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву-рѣку.

Вѣсть объ этомъ доносится къ старому боярину Никитѣ Романовичу. Не теряя ни минуты, на неосѣдланномъ конѣ, старый бояринъ мчится вслѣдъ за Малютою, захвативъ съ собою только

одного любимаго своего конюха. Настигнувъ Малюту на полу-пути, кричитъ ему бояринъ зычнымъ голосомъ:

„Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ,
Не за свойскій кусъ ты хватаешься,
А и этимъ кусо̀мъ ты подавишься...
Не переводи ты роды царскіе...“

Малюта „немилостивый палачъ“ говоритъ боярину, что его дѣло подначальное, что, ослушавъ царскаго приказа, онъ самъ долженъ будетъ лечь на плаху. „А чѣмъ окровенить саблю острую? и чѣмъ окровенить руки бѣлыя? Съ чѣмъ придти предъ царскія очи?“ Въ отвѣтъ на это, бояринъ предлагаетъ ему „сказнить“ своего любимаго конюха и уводитъ царевича „въ село Романовское, во боярское“. И вотъ, между тѣмъ какъ царь, глубоко опечаленный и раскаивающійся въ своемъ страшномъ поступкѣ, отпѣваетъ и хоронитъ боярскаго конюха, у стараго боярина Никиты Романовича — идетъ въ палатахъ шумный пиръ и веселье... Забѣгаютъ къ царю „бояре Годуновые“, докладываютъ ему, что старый бояринъ не сочувствуетъ его печали и дерзаетъ веселиться у себя на селѣ. „А грозный царь, онъ и крутъ добрѣ, посылаетъ посла немилостиваго“ — велитъ Никиту къ себѣ привести, и какъ только тотъ явился, царь ткнулъ его въ ногу своимъ острымъ посохомъ, „пришилъ его къ сырой земли“. И сталъ царь его допрашивать, „чему онъ добрѣ ра̀дошенъ?“

„Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»

Никита отвѣчаетъ ему, „не съ упадкою“:

„Ты, грозный царь, Иванъ Васильевичъ,
Не вели меня казнить, прикажи говорить:
Для того у меня пиръ на веселѣ,
Въ трубочки трубятъ по-ратному,
Въ барабаны бьютъ по-воинскому —
Утѣшаютъ люди царевича,
Что меньшого Өедора Ивановича.“

„Много царь не выспрашивалъ“, пошелъ въ боярскія палаты и увидѣлъ тамъ сына своего за столомъ, на переднемъ мѣстѣ. Въ восторгѣ грозный царь жалуетъ боярину погребъ „злата и сребра“ и другой — питья разнаго; а затѣмъ выдаетъ ему тарханную грамоту, по которой его село Романовское получаетъ большія льготы...

«А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той грамотѣ тарханныя
Отнынѣ оно слыветъ и до вѣку...»

Сочувственно настроенное творчество народное не забываетъ

и о завоеваніяхъ Іоанна Грознаго; они также воспѣты въ отдѣльныхъ пѣсняхъ и прославлены на память потомству. Взятіе Казани и Астрахани, завоеваніе Сибири, связавшее имя Грознаго съ именемъ другого народнаго любимца, удальца-атамана Ермака Тимоѳеевича — все это яркими чертами запечатлѣлось въ народной памяти и выразилось въ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, созданныхъ народной фантазіей.

Изъ области пѣсенъ личность Грознаго перешла даже и въ область сказокъ. Здѣсь онъ рисуется народнымъ героемъ, въ родѣ калифа Гаруна-Аль-Рашида; онъ бродитъ, никѣмъ не замѣчаемый, среди народа, присматривается къ его нуждамъ, отличаетъ добрыхъ отъ злыхъ и награждаетъ своими царскими милостями того смышленаго мужика, которому удается перехитрить или одурачить боярина. Такимъ изображается онъ въ *сказкѣ о горшенѣ,* который, случайно встрѣтясь съ царемъ, понравился ему своими бойкими и умными рѣчами. Между прочимъ, онъ сказалъ царю, что живетъ своимъ ремесломъ не худо, да и вообще-то „на свѣтѣ всего только три худа и есть: худой сосѣдъ, худая жена, да худой разумъ; а послѣднее-то худо хуже всѣхъ, потому что худой разумъ все съ тобой, и отъ него никуда не уйдешь“. Эту мысль горшеня блистательно и доказалъ царю. Онъ ухитрился продать товаръ свой глупому боярину на такихъ условіяхъ, что всѣ деньги боярина перешли въ карманъ горшени, а товару все еще много осталось незакупленнаго бояриномъ. Тогда горшеня предложилъ боярину: „свези меня на себѣ до моего двора — отдамъ тебѣ и товаръ, и всѣ деньги“. Бояринъ согласился: выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ. Поетъ себѣ горшеня и, противъ того дома, гдѣ былъ государь, высо́ко поднялъ голосъ; услыхалъ государь и вышелъ на крыльцо. „Да на чемъ же ты, горшенюшка, ѣдешь?“ спрашиваетъ царь. — „А на худомъ-то разумѣ, государь“. — „Ну, горшеня — умѣлъ товаръ продать; а ты, бояринъ, не съумѣлъ боярствомъ владѣть! Скидавай свою строевую одежду и сапоги, и отдай все горшенѣ; а ты, горшеня, скидавай кафтанъ и лапти. Обувай-ка ты ихъ, бояринъ; а ты, горшеня, надѣнь и носи его строевую одежду. Умѣлъ ты товаръ продать. И немного послужилъ, да много заслужилъ“.

Сказка о Горшенѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Борьба съ Уніей на западѣ и юго-западѣ Руси. — Умственное и образовательное движеніе, вызванное этою борьбою. — Братства и братскія школы. — Основаніе Кіевской Академіи. — Что творилось въ Москвѣ въ это же время? — Первыя школы и первые шаги по пути просвѣщенія.

Западная и юго-западная половина Руси, въ силу историческихъ обстоятельствъ подпавшая подъ власть Литвы и Польши, въ XVI вѣкѣ очутилась въ положеніи крайне-затруднительномъ. До того времени, русскіе подданные литовскихъ великихъ князей пользовались равными правами гражданскими со всѣми остальными подданными и не терпѣли никакихъ существенныхъ стѣсненій въ отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ, въ исповѣданіи своей православной вѣры. Но, послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею (Люблинской Уніей 1569 г.), обстоятельства значительно измѣнились: въ Польшу и Литву открытъ былъ доступъ іезуитамъ, которые должны были положить предѣлъ быстро распространявшемуся въ Польшѣ кальвинизму и лютеранству. Но іезуиты, какъ рьяные защитники католицизма, поняли свою задачу шире: они стали бороться не только съ кальвинизмомъ и лютеранствомъ, но и съ православіемъ, и всѣ усилія свои обратили на то, чтобы искоренить его во владѣніяхъ польскихъ королей. Началась жестокая борьба русскихъ людей съ іезуитами, за спиною которыхъ стоялъ самъ король, вся знать польская, все властное и богатое... Эта борьба за вѣру отцовъ, за родной языкъ и народность, какъ извѣстно, весьма несчастливо окончилась для православныхъ соборомъ 1596 года, гдѣ провозглашена была „Церковная Унія“ и положено начало неисчислимымъ насиліямъ, соблазнамъ и бѣдствіямъ для всего православнаго населенія Литвы и Польши... Въ концѣ концовъ, эта борьба привела къ кровавой казацкой расправѣ и — позднѣе — къ гибели Польши...

Однакоже, задолго до начала этой открытой борьбы, русскіе люди въ литовско-польскихъ владѣніяхъ уже почуяли близость какой-то надвигающейся грозы и стали стремиться къ соединенію въ болѣе тѣсные кружки, центрами которыхъ, естественно, должны были явиться приходскія православныя церкви.

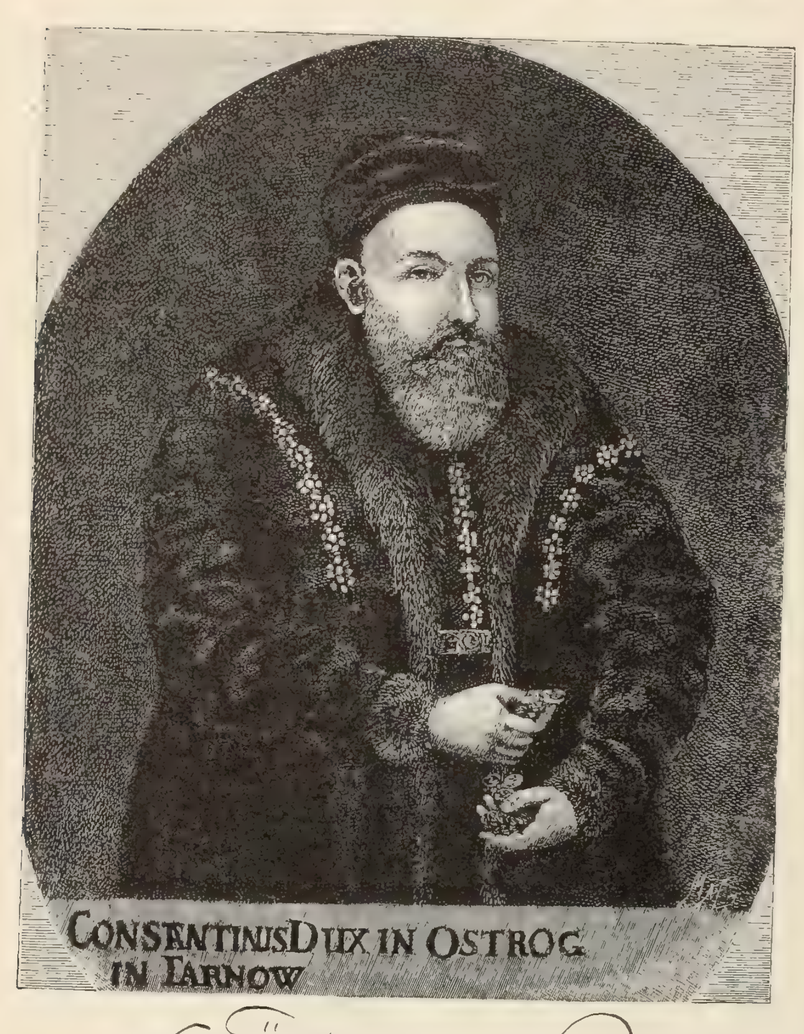
Первыя проявленія этого стремленія не трудно прослѣдить Православныя братства на западъ Руси

Виленскій Св. Троицкій монастырь—нѣкогда центръ православнаго братства.

уже съ конца XV вѣка, когда около тѣхъ же церквей заводятся *первыя православныя братства*, которыя должны были служить для православныхъ точкою нравственной опоры и поддерживать извѣстныя начала въ средѣ русскаго населенія, уже начинавшаго сознавать свою тяжкую безпомощность среди чуждыхъ ему проявленій общественнаго и религіознаго быта Литвы и Польши. Въ началѣ кругъ дѣятельности этихъ братствъ былъ весьма

ограниченнымъ: онъ исчерпывался почти исключительно благотворительностью. „Дѣла любви и милосердія, взаимная помощь, которую обязывались подавать другъ другу члены братства, — вотъ что составляло главную основу ихъ дѣятельности. Такого рода православныя братства, учрежденныя по приходамъ, видимъ мы съ первой половины XV вѣка во *Львовѣ, Вильнѣ*, а затѣмъ — позднѣе — въ *Кіевѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и Брестѣ*. Но, когда нетерпимость іезуитовъ начинаетъ проявляться въ стѣсненіи правъ православнаго населенія и въ преслѣдованіяхъ всякаго рода, тогда братства церковныя измѣняютъ и цѣли свои, и самый характеръ своей дѣятельности: отъ дѣятельности благотворительной они переходятъ къ ревностной оборонѣ своей религіозной и національной независимости противъ покушеній католичества. Среди дѣлъ „любви и милосердія“, братства уже и прежде, съ конца XV вѣка, заботились о распространеніи грамотности въ средѣ городского населенія; когда же православные были вы-

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Внизу, подъ портретомъ, его автографъ.

званы на борьбу съ іезуитской проповѣдью и на оборону своихъ религіозныхъ убѣжденій оружіемъ духовнымъ, тогда (въ концѣ XVI вѣка) братства посвящаютъ всѣ нравственныя и матерьяльныя средства свои на то, чтобы сравняться съ іезуитами въ образованности своихъ пастырей и проповѣдниковъ. При этомъ приходскія школы, въ которыхъ прежде православные обучались только чтенію и письму, оказываются, конечно, уже недостаточными: въ кругъ преподаванія этихъ школъ (съ конца XVI в.) вводится разомъ много новыхъ предметовъ, въ видѣ языковъ: греческаго, латинскаго, церковно-славянскаго, русскаго и польскаго; вводятся и науки: богословіе, грамматика, риторика, піитика, діалектика и другіе предметы.

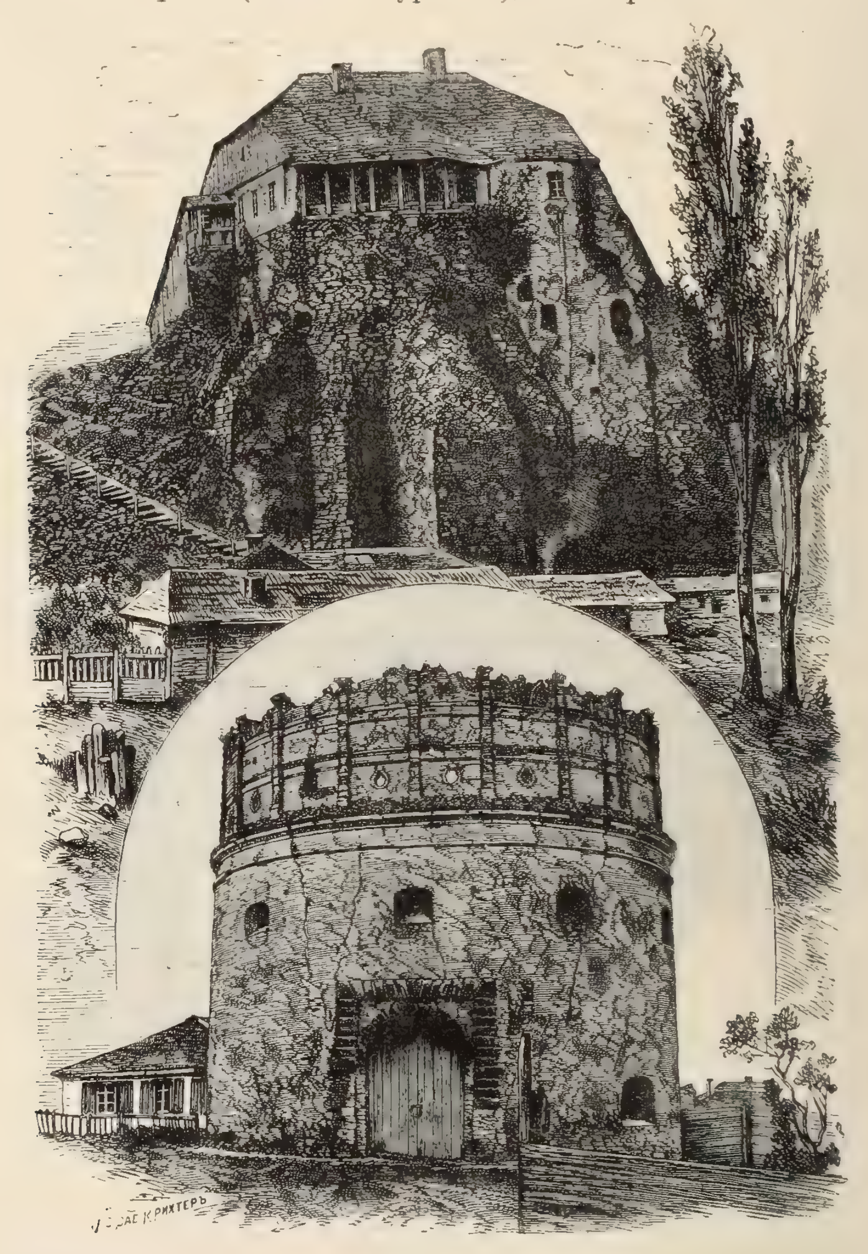
Первое изъ такихъ высшихъ училищъ заводитъ у себя въ Острогѣ извѣстный ревнитель православія, *князь Константинъ Острожскій*, въ 1580 г., и, вскорѣ послѣ того, такія же точно училища, почти одновременно, являются во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ и Кіевѣ. Видно, что всѣ эти училища явились подъ давленіемъ одной и той же тягостной исторической необходимости—явились плодомъ одного общаго стремленія, одновременно охватившаго все русское населеніе Литвы и Польши. Быстро и прочно принявшееся на доброй почвѣ образованіе привело къ тому, что вскорѣ православные могли уже выставить изъ среды своей смѣлыхъ и сильныхъ борцовъ, которые вступили въ ожесточенную словесную борьбу съ элементами, враждебными православію и народности. На помощь этимъ смѣлымъ борцамъ явилось, кстати и во̀-время, безсмертное изобрѣтеніе Гуттенберга, которое давало возможность мысли быстро выливаться въ форму печатнаго общедоступнаго слова, а печатному слову — еще быстрѣе распространяться въ массѣ... И такимъ образомъ зародилось и перешло въ жизнь то движеніе, которое спасло и православіе, и народность на западной и юго-западной окраинѣ Руси отъ полнаго обезличенія и неминуемой гибели.

Высшія училища.

Какъ сильно было это стремленіе къ образованію среди русскихъ людей на далекой, польско-литовской окраинѣ, мы это можемъ видѣть изъ переписки Курбскаго съ его друзьями, въ которой онъ разсказываетъ, ка̀къ онъ приступалъ къ своимъ трудамъ по переводу твореній Св. Отцовъ. Не только онъ „самъ, будучи уже въ сѣдинахъ“, употребилъ нѣсколько лѣтъ на изученіе латинскаго языка; но и другихъ побуждалъ еще на бо̀льшіе подвиги. Такъ онъ убѣдилъ *князя Михаила Оболенскаго*, также отъѣздчика [1]), отправиться въ Краковъ, чтобы „въ тамошней Академіи изучить высшія науки на языкѣ Римскомъ“. Тотъ провелъ

[1]) «Отъѣздчикъ»—т.-е. *отъѣхавшій* въ Литву изъ Московскаго Государства.

три года въ Краковской Академіи и потомъ оттуда поѣхалъ въ Италію для усовершенствованія въ наукахъ, покинувъ домъ и жену, и дѣтей. Въ Италіи пробылъ онъ два года, „и теперь возвратился здоровъ (пишетъ Курбскій) и въ праотеческомъ бла-

Замокъ князя К. К. Острожскаго и башня на Красной горкѣ въ городѣ Острогѣ.

гочестіи невредимъ, какъ корабль, преисполненный дорогихъ корыстей“...

Вслѣдствіе чисто-случайныхъ обстоятельствъ и частныхъ усилій одного изъ ревнителей просвѣщенія въ юго-западной Руси, на долю Кіева — этого древнѣйшаго центра русской образован-

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ЧЕТЬИ. СКА

зание. и страдание. стыхъ апль
и прркъ. и стль. и мчнкъ
и мчниць. и преподобныи оць
бгоу оугожьших мужь и женъ
и приденїе. и стртїи. и справле
нїа. мца авгоуста въ. а. днь стра
сти макавее елеазара. иерѣа
и соломонии. и седми снъ еа аки
ва. антонина. гоурїа. елеазара
еусевона. самона. макела. вдни
Антиохоу црю сноу селевкиноу. сѡ
оубивши оуптоломѣа. и приимъ
египетъ. вознесеся срцемъ. и прде на
землю юдѣискоую. и поплѣнени
ерлма. и всѣ богатьство его взятъ.
поставивже и полифоса воеводоу
да приноудит ѧзыкы быти невѣ
рныма. и моусѣѡва закона ѿ
врещи. а непокоривши сѧ оубива
ти к смрти. и оуби многиѡ собора
праведны. и тогда ꙗтъ бы елеа
за. иже бѣ ходилъ въ египетъ со инѣ
ми прописати моусѣѡва закона
итоломѣеви. и приведоша пре
полифоса. и рече емоу елеаза
ре ѡтвори колю црко. ꙗмаса свин
на и живъ боудеши. и рече елеаза

рѣ нѣсть мнѣ на ползоу престоупи
ти заповѣди бжїа и прадѣда. и
рече емоу полифос се та. ты вѣси
ꙗко ѡцѣ мою люблю тѧ. дако
змоу лѧса ѧже бы нас ти. и напре
весѣм и дане боудеши оуби. и гла
елеаза. есть ми днесь лѣ т. и нѣмь
соблазни нахъ люди бжїихъ. и нѣ
жерекоуть. елеазаръ ѿверже сѧ
бга. и мы престоупимъ подоу
зачинѣ грѣхыи моукоу. и нѣко
камо ѡ рукоу бжїю оубѣжати.
ꙗко вл дѣ живыми и мртвыми
да оумроу днес закона ради бжїа. и се
слышавъ полифосъ и разгнѣва
и повелѣ моучити его бемати. и свѧ
занъ рукама и ногама крѣпко
биенъ бысть. и въ нозрю оцѣсти
смрадныѧ воли аша. и посемь ко
огнь въвержен бы. и помоли
сѧ ко гоу крови прияти быти за
избавление всѣ ѧзыкъ. и преда
сть дшю бгви. и посемь изима
ша. з. братиа съ материю. и по
слаша к црю. и возва црь старѣи
шаго. и рече емоу ѿверзи закона
своего. и боуде бы ѡ мне честь ве
лиа. и рече ако въ мы наоучихом сѧ
ѿ оца пре ѡбидѣти земи бюттъ.
и есть готови есмы прияти смерть за
кона ради бжїа. и повелѣ црь при
нести раждещие сковрадоу. и ѡдравъ
главоу его и роуцѣ и нозѣ. и въ зло
жиша и на сковрадоу пред очима
братиѥго. престрашаа братию с

Снимокъ съ рукописи «Четьихъ-Миней» митрополита Макарія, хранящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ.

почти еще разъ выпала весьма важная роль въ исторіи просвѣщенія Россіи. Кіевское братство, около 1589 года, учредило, при церкви Богоявленія, одно изъ тѣхъ высшихъ образовательныхъ училищъ, о которыхъ мы уже упоминали выше. Училище это съ 1594 года получаетъ наименованіе школы „*еллино-славянскаго и латино-польскаго письма*“.

Петръ Могила.

Счастливая случайность послала этой школѣ просвѣщеннаго и богатаго покровителя, въ лицѣ *Петра Могилы*, сына молдавскаго воеводы. Онъ родился въ 1597 году, и получилъ въ Парижскомъ университетѣ блестящее по тому времени образованіе. Затѣмъ онъ поселился въ Польшѣ, одно время служилъ даже въ военной службѣ, и здѣсь, будучи невольнымъ свидѣтелемъ страданій, претерпѣваемыхъ его единовѣрцами, проникся къ нимъ глубочайшимъ сочувствіемъ и рѣшился посвятить дѣятельность всей своей жизни и всѣ свои богатства на распространеніе между ними образованности, въ которой видѣлъ ихъ единственное спасеніе отъ козней іезуитизма. Задавшись этою цѣлью, Петръ Могила поступилъ въ 1625 г. въ монахи Кіево-Печерской Лавры; три года спустя былъ возведенъ въ архимандриты этой древней обители, а впослѣдствіи и въ митрополиты Кіевскіе.

Кіево-Могилянская коллегія.

Первою заботою его было отправленіе на свой счетъ за границу нѣсколькихъ иноковъ и мірянъ для завершенія ихъ образованія и подготовленія къ преподавательской дѣятельности. По возвращеніи ихъ изъ-за границы, Петръ Могила приступилъ къ устроенію въ Кіевѣ такой-же точно коллегіи, какія были въ разныхъ мѣстахъ Польши заведены іезуитами на подобіе западно-европейскихъ духовныхъ коллегій. Мѣстомъ для учрежденія коллегіи онъ избралъ сначала Кіево-Печерскую лавру, но кіевское братство упросило его не разъединять силы русской общины и обратить въ коллегію кіевское братское Богоявленское училище. Петръ Могила изъявилъ на это согласіе и, съ 1631 г., братское училище было преобразовано въ „Кіево-Могилянскую коллегію“ [1]).

Усердный ревнитель просвѣщенія выстроилъ на свои средства обширное новое каменное помѣщеніе для классовъ коллегіи, пожертвовалъ богатыя вотчины на ея содержаніе и поддержку бѣднѣйшихъ учениковъ, завелъ при коллегіи хорошую библіотеку и основалъ въ г. Винницѣ другое, низшее училище, которое должно было служить приготовительнымъ для поступающихъ въ коллегію. Не довольствуясь этими пожертвованьями, Петръ Могила и впослѣдствіи посвящалъ всѣ свои досуги на составленіе учебниковъ и учебныхъ пособій для своей коллегіи и на печатанье такихъ учебныхъ книгъ, которыя, по современ-

[1]) Въ 1701 г. оно же было переименовано въ «Кіевскую Академію».

нымъ педагогическимъ понятіямъ, должны были наиболѣе способствовать развитію учащейся молодежи и совершенствованію ея въ наукахъ.

Не переставая усердно заботиться о своей коллегіи до самаго конца жизни (Петръ Могила умеръ въ 1646 г.), онъ создалъ такой центръ, которому еще въ томъ же XVII вѣкѣ суждено было оказать серьезныя услуги не только мѣстному, но и всероссійскому просвѣщенію и литературѣ.

Развалины церкви Богоявленія въ бывшемъ замкѣ князей Острожскихъ, въ г. Острогѣ.

Въ это же время въ Москвѣ и во всемъ государствѣ Московскомъ русскіе люди переживали одинъ изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ тягостныхъ моментовъ во всей исторіи Руси. То были года Смутнаго времени, самозванцевъ и междуцарствія, которые, по количеству бѣдствій, разореній и утратъ всякаго рода, ничуть не уступали первымъ временамъ Батыева нашествія; утраты нравственныя, понесенныя за этотъ періодъ, были еще гораздо страшнѣе всѣхъ неисчислимыхъ утратъ вещественныхъ и матерьяльныхъ! Люди „*расшатались*“, „*измалодушествовались*“, связи общественныя ослабли или порвались вовсе; нравы страшно загрубѣли; мракъ невѣжества еще болѣе усилился отъ того, что

инстинкты самосохраненія возобладали надъ всѣми высшими побужденіями человѣческими, да къ тому же, среди пожаровъ и разореній всякаго рода, погибла масса книжныхъ и рукописныхъ запасовъ, такъ что во многихъ церквахъ не по чемъ было ни служить, ни пѣть, ни читать... Въ пламени московскаго пожара, во время пребыванія въ Москвѣ поляковъ, сгорѣлъ и печатный дворъ, погибла и „вся штамба" (т.-е. шрифты, матрицы и проч.), а мастерà печатнаго дѣла разбѣжались по окрестнымъ городамъ.

Первое исправленіе книгъ.

По воцареніи Михаила Θеодоровича, печатный дворъ былъ вновь отстроенъ. „Хитрецы" печатнаго дѣла, *Никита Θедоровъ Фофановъ* съ товарищами, жившіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, вновь были вызваны въ Москву; но когда принялись за печатанье богослужебныхъ книгъ, то выяснился весьма печальный фактъ: прежде, чѣмъ печатать книги, надо было ихъ исправить, потому-что онѣ были переполнены грубѣйшими описками и ошибками. Исправленіе печатныхъ богослужебныхъ книгъ было поручено иноку Троицкаго Сергіева монастыря *Арсенію Глухому* и попу *Ивану Клементьевскому* (т.-е. изъ села Клементьева), а для высшаго надзора надъ ихъ работами былъ поставленъ прославившійся своими подвигами человѣколюбія въ Смутное время архимандритъ *Діонисій*. Этимъ „духовнымъ и разумнымъ старцамъ" поручено было наблюденіе за книжнымъ дѣломъ потому именно, что имъ „подлинно извѣстно книжное ученіе, и грамматику, и риторику знаютъ",—такъ гласитъ указъ новаго, молодого царя.

Страданія справщиковъ.

Но какъ только „духовные и разумные старцы" принялись за исправленіе книгъ, противъ нихъ поднялись невѣжественные иноки и начётчики, привыкнувшіе къ ошибкамъ, внесеннымъ въ книги, и защищавшіе печатную и писанную букву противъ здраваго смысла и внутренняго значенія. Благодаря этимъ темнымъ людямъ, справщики были открыто обвинены въ ереси и въ произвольномъ искаженіи текстовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Несчастныхъ (въ особенности Діонисія) заточили, стали истязать, домогались у нихъ признанія въ мнимой винѣ. Но старцы все терпѣли и сносили, защищались мужественно, отстаивали свою правоту и свои исправленія книжныя, и доказывали, что между ихъ порицателями „есть и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ: не знаютъ, *которыя въ азбукѣ буквы гласныя, согласныя и двогласныя*, и что восемь частей слова надо разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги,—то имъ и на разумъ не всхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала! А не зная этого, легко можно погрѣшить не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ"...

Но никакія оправданія не помогали; споръ продолжался, оже-

сточеніе разрасталось и несчастные справщики продолжали терпѣть жестокія муки. Печальнѣе всего было то, что и высшіе представители духовенства не могли разрѣшить спора, затѣяннаго невѣждами; и только тогда, когда пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, Діонисій и его товарищи были оправданы и всѣ поправки ихъ подтверждены самимъ патріархомъ.

Тотъ же глубокій сумракъ тяготѣлъ надъ московской Русью даже и десять-пятнадцать лѣтъ спустя. Любопытнымъ памятникомъ этого сумрака осталось намъ описаніе диспута, происходившаго въ 1827 г., на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, въ присутствіи боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго и думного дьяка Ѳедора Лихачева. Поводомъ къ диспуту послужила книга *Катехизисъ* или „*Оглашеніе*", которую привезъ въ Москву самъ авторъ—*Лаврентій Зизаній*, протопопъ Корецкій, пріѣхавшій изъ Западной Руси просить патріарха Филарета, чтобы онъ приказалъ его книгу разсмотрѣть и исправить. Исправленіе началось съ того, что патріархъ зачеркнулъ заглавіе книги, и вмѣсто „Оглашеніе"—назвалъ ее „*Бесѣдословіе*", на томъ основаніи, что подъ именемъ „*Оглашенія*" уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а „подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быти нелѣпо". Объ остальныхъ статьяхъ, которыя найдены въ книгѣ несогласными съ нашимъ церковнымъ преданіемъ, патріархъ велѣлъ переговорить съ Зизаніемъ богоявленскому игумену Ильѣ да Гришкѣ-справщику. Говорить велѣно „любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава". Каковъ былъ уровень знаній и каковы понятія этихъ представителей московской учености,—можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка этого любопытнаго диспута. Ученый диспутъ XVII вѣка.

Илья и Гришка, между прочимъ, говорили *Зизанію:*

— „У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затменіи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи и шибаніи, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ; но эти статьи взяты изъ книги астрологіи, а эта книга, астрологія, взята отъ волхвовъ эллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію не сходна".

Зизаній отвѣчалъ на это:

— „Я написалъ только для знанія—пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія".

— „А зачѣмъ писалъ для знанія?"—допытывались Илья и Гришка.

— „Да какъ же по-вашему писать о звѣздахъ?"

— „Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ",—отвѣчали Илья и Гришка:—„сотворилъ Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ на тверди небесной свѣтить на землѣ и

владѣть днемъ и ночью: а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ".

„Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?"—спросилъ Зизаній.

„По повелѣнію Божію ангелы служатъ и ихъ водятъ"—отвѣчали ему московскіе мудрецы...

Потребность образованія.

Но и среди этого сумрака начинаетъ уже сказываться необходимость образованія: и само правительство, и частные люди начинаютъ заботиться о его распространеніи и объ усиленіи его средствъ. Въ 1633 году патріархъ учреждаетъ ***первое высшее училище при Чудовомъ монастырѣ,*** которое и получаетъ названіе ***Чудовской или греко-латинской школы.*** Нѣсколько лѣтъ спустя, по государеву же указу, переводится съ латинскаго языка „Полная космографія" ***Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ*** (1637 году). Въ 1639 г. выдается отъ государя „опасная" грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому голштинцу, ***Адаму Олеарію,*** и въ ней значится:

„... Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ". Наконецъ, въ 1649 году, бояринъ ***Ртищевъ,*** вмѣстѣ съ ***Ординымъ-Нащокинымъ*** и ***Артемономъ Матвѣевымъ,*** принадлежавшій къ числу наиболѣе образованныхъ покровителей и ревнителей образованія въ Россіи XVII вѣка, основываетъ еще одно ***новое училище при Андреевскомъ монастырѣ*** для обученія юношества и рѣшается вызвать для преподаванія въ училищѣ нѣсколько ученыхъ иноковъ изъ Кіева.

Во главѣ этихъ иноковъ является въ Москву человѣкъ весьма замѣчательный, іеромонахъ ***Епифаній Славенецкій,*** воспитавшійся въ Кіево-Могилянской коллегіи и въ заграничныхъ школахъ, обладавшій основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ и языка славянскаго (т. е. книжнаго). Съ пріѣзда этихъ иноковъ въ Москву, съ того дня, когда они получили возможность внести плоды своего образованія и учености въ среду русскаго юношества, начинается новая эпоха въ исторіи нашей образованности — новый періодъ въ исторіи нашей словесности.

Періодъ четвертый.

Отъ половины XVII вѣка до эпохи Преобразованія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отличительныя черты кіевской учености и литературы. — Выдающіяся достоинства и крупные недостатки всѣхъ ученыхъ дѣятелей юго-западной Руси. Важнѣйшіе представители кіевской учености. Новые литературные роды и виды. — Страсть къ виршамъ.

Общее направленіе образованія въ каждомъ народѣ опредѣляется тѣми нравственными потребностями, которыя вызываютъ это образованіе къ жизни, и тѣми историческими условіями, среди которыхъ оно зачинается. Это положеніе какъ нельзя лучше подтверждается на томъ примѣрѣ, который представляетъ намъ образовательное движеніе, такъ сильно проявившееся на всемъ Юго-Западѣ Руси въ половинѣ XVII вѣка. Не слѣдуетъ забывать, что это образовательное движеніе вызвано было необходимостью защитить и отстоять во что бы то ни стало православную вѣру и русскую народность отъ враждебныхъ началъ; съ этими началами приходилось вступить въ ожесточенную борьбу и биться съ ними равнымъ оружіемъ; а для этого надо было стремиться, во что бы то ни стало, къ поднятію общаго образовательнаго уровня въ массѣ народа и къ подготовкѣ такихъ бойцовъ, которые бы могли вступить въ состязаніе съ учеными и ловкими въ діалектикѣ іезуитами-проповѣдниками.

Съ этою именно цѣлью и была основана Петромъ Могилою Кіево-Могилянская коллегія, такъ естественно выросшая изъ высшихъ школъ при братствахъ, которыя возникли около приходскихъ церквей. Но Петръ Могила призналъ тѣ школы несоотвѣтствую- Успѣхи образованія въ Ю.-З. Руси.

щими положенію православной церкви въ польско-литовскихъ областяхъ. Онъ не только расширилъ въ нихъ объемъ преподаванія наукъ, но измѣнилъ самую систему ихъ преподаванія. Насколько въ братскихъ школахъ преобладалъ прежде греческій языкъ и греческое образованіе, настолько же теперь сталъ въ коллегіи преобладать языкъ латинскій, на которомъ производилось преподаваніе и печатались всѣ учебники, причемъ латинскій языкъ являлся для студентовъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ и въ школѣ, и дома. Только славянская грамматика и катехизисъ преподавались по-русски. Важнѣйшею изъ всѣхъ преподаваемыхъ наукъ было, конечно, богословіе. Вся система преподаванія этой науки была разсчитана такъ, чтобы уже на школьной скамьѣ подготовить людей, способныхъ бороться съ іезуитами и съ уніатами и защищать истины своей вѣры, опровергая и разоблачая заблужденія противной стороны; поэтому, послѣ каждаго научнаго положенія, въ учебникахъ помѣщался *рядъ возможныхъ на него возраженій и опроверженій*. Въ такомъ же полемическомъ направленіи производилось преподаваніе философіи, въ видѣ ряда диспутацій, въ которыхъ приходилось на практикѣ опровергать, подтверждать или доказывать то или другое положеніе. Даже экзамены производились не иначе, какъ въ видѣ публичныхъ диспутовъ, въ которыхъ одна сторона доказывала, а другая—опровергала различныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ. Кромѣ катехизиса, славянской грамматики, богословія и философіи, изъ наукъ преподавались еще реторика, піитика и ариѳметика. Въ реторикѣ обо всѣхъ видахъ прозаическихъ сочиненій говорилось очень кратко, и все вниманіе было обращено на ораторскую рѣчь, которая признавалась важнѣйшею и необходимѣйшею формою сочиненій. Въ учебникахъ реторики подробно говорилось не только о различныхъ пріемахъ ораторскаго искусства, но преподавались даже самыя обстоятельныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ сочинять и располагать рѣчи поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, надгробныя и т. д. Въ виду тѣхъ условій, среди которыхъ предстояло дѣйствовать будущимъ проповѣдникамъ, ихъ учили говорить рѣчи на латинскомъ, церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ. На тѣхъ же языкахъ студенты должны были владѣть и *стихотворною формою*, которая была вовсе не сродною нашему языку, богатому разнообразными удареніями, такъ какъ русскій стихъ, по образцу польскаго, насильственно подчиняли *силлабическому* стихосложенію [1]).

[1]) Напомнимъ читателямъ, что строка *силлабическаго* стихосложенія основывалась не на долготѣ и краткости отдѣльныхъ стопъ, а только на *опредѣленномъ количествѣ* слоговъ въ каждой строкѣ, на *цезурѣ* или пересѣченіи голоса около середины строки, и на *удареніи*, т. е. повышеніи голоса на предпослѣднемъ слогѣ.

Направленіе ораторскаго искусства и стихотворныхъ произведеній (которыя, кстати сказать, не имѣли ничего общаго съ поэзіей)[1], было чисто-искусственное и притомъ приноровленное къ обстоятельствамъ практической жизни, которымъ литература Ораторство и вирша

Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.

была предназначена служить. Такъ, по примѣру іезуитскихъ коллегій, поэзіи и ораторству придавалось по преимуществу направле-

[1]) Отъ латинскаго *versus*, силлабическимъ стихамъ стали придавать названіе «виршей». Вмѣсто: «писать стихами» — говорилось: «*писать на виршъ*».

ніе ***панегирическое,*** восхвалительное, преувеличенно-изображавшее доблести превозносимаго лица или достоинство и значеніе избраннаго предмета. Въ риторическомъ руководствѣ по поводу этихъ преувеличеній, помѣщались даже и такія наивныя указанія: распространяя что-либо при посредствѣ сравненія съ Богомъ, „мы не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или же, что онъ самъ Богъ: достаточно сказать, что или ***кажется подобнымъ Богу***, или ***немного ниже его***“.

Въ стихотворной формѣ слагались такъ-называемые ***псальмы*** или ***канты***, т. е. переложенія духовныхъ пѣснопѣній и общеупотребительныхъ молитвъ въ силлабическія вирши; въ той же формѣ писались и тѣ духовныя драмы, которыя разыгрывались на школьной сценѣ студентами. И тотъ, и другой литературный родъ были невиданною новинкою въ Русской Словесности, и порождены были подражаніемъ польскимъ образцамъ [1]).

На почвѣ такой подготовки и такого обученія въ коллегіи развилась и выросла обширная и разнообразная литература, главнымъ образомъ направленная на защиту вѣры и народности отъ прямого или косвеннаго вліянія со стороны католичества и Уніи. Само собою разумѣется, что преобладающимъ въ этой литературѣ было направленіе ***полемическое,*** къ которому относятся всѣ сочиненія, написанныя въ защиту православія и его догматовъ; не менѣе богатъ въ той же литературѣ отдѣлъ сочиненій по ***богословію***, отчасти также направленныхъ къ поддержанію той же полемики; при такомъ направленіи, особенно богатымъ оказывается отдѣлъ проповѣдей, собираемыхъ въ обширные сборники подъ различными мудреными общими заглавіями. Одновременно, свѣтская литература Юго-Западной Руси выразилась цѣлымъ рядомъ произведеній драматическихъ, стихотвореніями на разные случаи и учебниками по разнымъ предметамъ.

Подражательное направленіе.

Большимъ недостаткомъ всѣхъ произведеній литературы, созданной кіевскими учеными, воспитавшимися въ Кіево-Могилянской коллегіи, было слѣпое подражаніе польскимъ и латинскимъ образцамъ и преобладаніе внѣшней формы надъ содержаніемъ произведенія. Но весьма важнымъ, неоцѣненнымъ достоинствомъ этой литературы являлась ея тѣсная связь съ жизнью и наукой. Все, въ сочиненіяхъ юго-западныхъ ученыхъ, излагалось въ строгой системѣ, на научномъ основаніи, въ связи и послѣдовательности; а при доказательствахъ и подтвержденіи извѣстной истины примѣрами, эти ученые поль-

[1]) Такимъ же точно подражаніемъ явились и тѣ мелкія лирическія стихотворенія, въ которыхъ вниманіе автора обращено было, главнымъ образомъ, не на содержаніе, а на ту фигуру, какая составлялась изъ строкъ: напримѣръ, фигуру яблока, кубка, пирамиды, яйца и т. п.

зовались уже не одними только текстами Св. Писанія и твореніями Отцовъ Церкви, но и фактами свѣтской науки, заимствованными въ равной мѣрѣ и изъ исторіи, и изъ философіи, и изъ естествознанія. И эта сторона даетъ литературнымъ произведеніямъ кіевской школы громадное преимущество надъ произведеніями современной московской литературы; эта именно сторона и представляетъ собою шагъ впередъ на пути прогресса и цивилизаціи.

Дѣятели кіевской науки.

Почва Юго-Запада Руси, на которой зародилось новое направленіе науки и литературы, оказалась весьма удобною и плодовитою: съ конца XVI вѣка и на пространствѣ всего XVII вѣка видимъ цѣлый рядъ ученыхъ и талантливыхъ дѣятелей, которые неутомимо трудятся на поприщѣ литературы богословско-полемической, исторической и ученой, и досуги свои посвящаютъ виршамъ и драматическимъ опытамъ. Послѣдовательно, одинъ за другимъ, выступаютъ со своими произведеніями Кириллъ Транквиліонъ, Исаія Копинскій, Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій, Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Иннокентій Гизіель, Лазарь Барановичъ, Іоасафъ Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ и Димитрій Ростовскій. Всѣ эти дѣятели первоначально обучались въ мѣстныхъ училищахъ, продолжали образованіе въ Кіево-Могилянской коллегіи, а многіе, для усовершенствованія въ наукахъ, ѣздили еще и въ заграничныя высшія училища; нѣкоторые изъ нихъ, съ теченіемъ времени, успѣли достигнуть высшихъ степеней духовной іерархіи — и всѣ они, безъ исключенія, всюду вносили любовь къ просвѣщенію и наукамъ, и живое, сильное, проповѣдное слово. Нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Епифанію Славинецкому, и, въ особенности, Симеону Полоцкому, суждено было провести большую часть жизни въ Москвѣ и тамъ принять на себя просвѣтительную миссію, соединивъ около себя лучшую часть русскаго высшаго общества и положивъ труды свои въ основу будущей реформы Великаго Преобразователя Россіи.

Минуя всю ту ожесточенную полемику, которая поднялась между православными и католиками изъ-за Брестскаго собора (1596 г.), окончательно утвердившаго Унію въ ея правахъ, мы перейдемъ къ обзору того, что было сдѣлано въ литературѣ выдающимися представителями кіевской школы. Изложимъ этотъ періодъ нѣсколько подробнѣе и даже заглянемъ въ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ произведеній, чтобы нѣсколько ближе ознакомиться съ общимъ духомъ и направленіемъ писателей и ученыхъ кіевской школы.

Первымъ и весьма плодовитымъ писателемъ этой школы является ректоръ кіево-могилянской коллегіи, *Іоанникій Голятовскій* (ум. 1688 г.). Это былъ неутомимый и ревностный защит-

никъ православія отъ всякихъ постороннихъ вліяній и примѣсей, одинаково горячо готовый ратовать и противъ католиковъ съ уніатами, и противъ магометанъ, и противъ іудеевъ, среди которыхъ, около того времени, явился обманщикъ, называвшій себя Мессіею [1]). Для характеристики современныхъ религіозныхъ воззрѣній важно одно изъ его сочиненій, подъ заглавіемъ „*Души людей умершихъ*"—написанное противъ католическаго ученія о „чистилищѣ". Въ этомъ произведеніи авторъ подробно разсказываетъ о загробной жизни и о томъ, какъ распредѣляются души праведниковъ въ раю и души грѣшниковъ въ аду. Души праведниковъ размѣщаются на небесахъ въ девяти обителяхъ, соотвѣтственно девяти чинамъ ангельскимъ и тѣмъ обязанностямъ, какія на эти чины возложены. „Въ нижнемъ отдѣленіи, въ хорѣ ангеловъ, которымъ поручено надзирать за душами людей во время земного ихъ бытія, витаютъ души крещеныхъ дѣтей, убогихъ, сиротъ, вдовъ и жившихъ честно въ супружескомъ союзѣ; во второмъ хорѣ, архангеловъ, священники и церковные учители; въ третьемъ хорѣ, обязанномъ наблюдать надъ государствами и народами, пребываютъ души царей, князей, воеводъ, *право правившихъ* и никому не сдѣлавшихъ обидъ; въ четвертомъ хорѣ, ведущемъ постоянную борьбу съ злыми духами, видимъ души *ры-*

Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Кутеинскій Оршанскій монастырь.

[1]) Такое сочиненіе Голятовскаго противъ евреевъ было весьма умѣстнымъ въ ту пору, когда евреи, пользуясь польской неурядицей, такъ страшно угнетали православныхъ, являясь то неумолимо-жестокими арендаторами, то откупщиками церквей и всѣхъ важнѣйшихъ духовныхъ потребностей русскаго населенія въ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи.

царей, которые противились злымъ духамъ и побѣждали грѣхъ; въ пятомъ хорѣ — души чудотворцевъ; въ шестомъ — души дѣвственниковъ, пустынниковъ и иноковъ; въ седьмомъ — души справедливыхъ судей; въ восьмомъ хорѣ, херувимскомъ — души апостоловъ, епископовъ, митрополитовъ и т. д.; въ девятомъ — серафимскомъ — души мучениковъ". Устройство ада гораздо менѣе сложно, по представленію Голятовскаго: тамъ только два отдѣла: въ первомъ, вмѣстѣ съ душами мучениковъ, до пришествія Спасителя, пребывали души ветхозавѣтныхъ праведниковъ, ожидавшихъ его пришествія; оттуда онѣ и были возведены на небеса, а души язычниковъ тамъ и остались; во второмъ, *пещи огненной*, пребываютъ души грѣшниковъ, осужденныхъ на многоразличныя муки.

Учебные труды Голятовскаго.

Тому же Голятовскому принадлежитъ и первое русское руководство по составленію проповѣдей: „*Наука албо способъ сложенія казаній*" [1]. Здѣсь онъ излагаетъ всѣ правила и пріемы проповѣдническаго искусства, какъ его понимали въ современной схоластической школѣ, основываясь на образцахъ латинскихъ и польскихъ. Чрезвычайно любопытною, отличительною чертою этого руководства служитъ, между прочимъ, то, что авторъ постоянно ссылается на свои собственныя проповѣди, какъ на образецъ ораторскаго искусства. По этому руководству и по проповѣдямъ наиболѣе замѣчательныхъ проповѣдниковъ кіевской школы (Антонія Радивиловскаго или Лазаря Барановича) мы можемъ легко ознакомиться съ общимъ характеромъ и духомъ современнаго духовнаго ораторства.

Наука о сложеніи „казаній" весьма практично приложена Голятовскимъ къ его же сборнику проповѣдей, подъ заглавіемъ „*Ключъ разумѣнія*", и это въ значительной степени облегчаетъ ему ссылки на образцы. Голятовскій смотрѣлъ (какъ и всѣ его современники) на ораторское искусство не какъ на даръ Божій, не какъ на врожденную человѣку способность выражать мысль въ словѣ, и говорить красно, сильно и убѣдительно; онъ видитъ въ ораторствѣ только умѣнье, которымъ можетъ овладѣть каждый, при помощи извѣстныхъ усилій, при посредствѣ хорошаго руководства и знакомства съ классическими образцами. Проповѣднику нужно, прежде всего, твердо знать, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь, и какъ нужно составлять каждую отдѣльную ея часть? И вотъ онъ разсматриваетъ каждую изъ нихъ отдѣльно: *Экзордіумъ* (приступъ), *пропозицію* (предложеніе), *нарраціо* (изложеніе) и *конклюзіо* (заключеніе). Затѣмъ, переходя къ разсужденію о матеріяхъ для проповѣди, онъ, конечно, на первый планъ ставитъ

[1]) *Казанье* — то же, что проповѣдь. Отсюда: казнодѣй — проповѣдникъ.

Св. Писаніе и Творенія Св. Отцовъ Церкви; но отводитъ видное мѣсто и свѣтскимъ наукамъ. Для оживленія проповѣди, по мнѣнію Голятовскаго, надо читать „исторіи и хроники о разныхъ церквахъ и странахъ: что̀ въ нихъ прежде происходило и что̀ теперь происходитъ; также книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ и камняхъ — все это замѣчать и приспособлять къ своей

Петръ Могила, основатель Кіево-Могилянской коллегіи.

рѣчи: нужно читать и проповѣдниковъ нынѣшняго времени, и имъ слѣдовать". И въ этихъ наставленіяхъ слышится уже голосъ человѣка, европейски-просвѣщеннаго, не способнаго ни къ какой косности и застою, открывающаго каждому проповѣднику обширное поле дѣйствій, не придерживаясь исключительно одной только буквы текстовъ Св. Писанія.

Теорія красноречія.

Важнѣйшею изъ всѣхъ сторонъ проповѣди, по мнѣнію Голятовскаго, должна быть ея *завлекательность*: проповѣдникъ долженъ заставить себя слушать внимательно и безъ скуки. Для этой цѣли Голятовскій предлагаетъ ему пользоваться самыми разнообразными средствами и пріемами. Съ одной стороны — обязательными считаетъ онъ всякія украшенія риторическія и стилистическія: затѣмъ рекомендуетъ пользоваться всякими *циркумстанціями* (общими мѣстами или обстоятельствами), разсматривая въ своей проповѣди: „кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какимъ способомъ? въ какое время?“ Но особенно важное значеніе придаетъ Голятовскій умѣнью пользоваться скрытымъ, внутреннимъ значеніемъ словъ и символистикой для того, чтобы изъ каждаго слова, изъ каждаго намёка, изъ подробностей герба, даже изъ того, что событіе происходило въ тотъ или другой день— извлекать тэмы для вступленія въ проповѣдь или для украшенія ея замысловатыми и вычурными прикрасами. Такъ, напримѣръ, въ день того или другого святого проповѣдь слѣдовало начинать съ истолкованія самаго имени и затѣмъ говорить о свойствахъ, выражаемыхъ именами: для вступленія въ надгробную рѣчь какого-нибудь вельможи или сановника, необходимо было внимательно разсмотрѣть его гербъ и къ подробностямъ герба примѣнить тотъ или другой текстъ Св. Писанія, которымъ и начать проповѣдь. Можно было заимствовать тэму для начала проповѣди отъ того дня, когда совершилось событіе, отъ того времени года, къ которому этотъ день относится... Можно было даже, ради возбужденія любопытства слушателей, „обѣщать имъ, что въ слѣдующей проповѣди сообщишь имъ „нѣчто важное или новое и никому неизвѣстное“ и т. д.

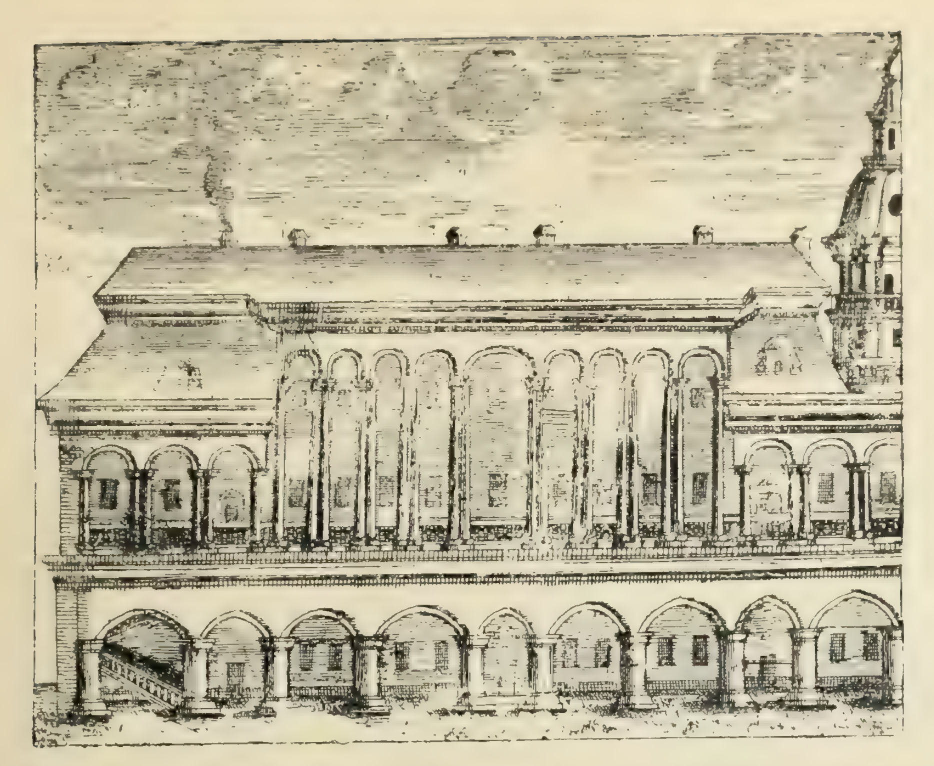
Придавая такое существенное значеніе внѣшней сторонѣ проповѣди, Голятовскій, сверхъ того, училъ проповѣдниковъ умѣнью пользоваться его собственными и всякими иными проповѣдями, какъ пригодною канвою для новыхъ ораторскихъ произведеній. По его мнѣнію и воззрѣніямъ, это все очень легко и просто должно было дѣлаться: „изъ слова на день св. великомученика Георгія, ты легко можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ: та же будетъ тэма, тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія: только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія и т. д.“ —такъ научаетъ Голятовскій. Точно такъ же легко, по его понятіямъ, цѣлое „слово“ обратить въ одну часть другого „слова“, и изъ одной части развить цѣлое „слово“: для этого нужно только „ту часть слова распространить и расширить, прибавить къ ней примѣры, подобія, изреченія и фигуры — и небольшая часть слова сдѣлается большимъ словомъ“.

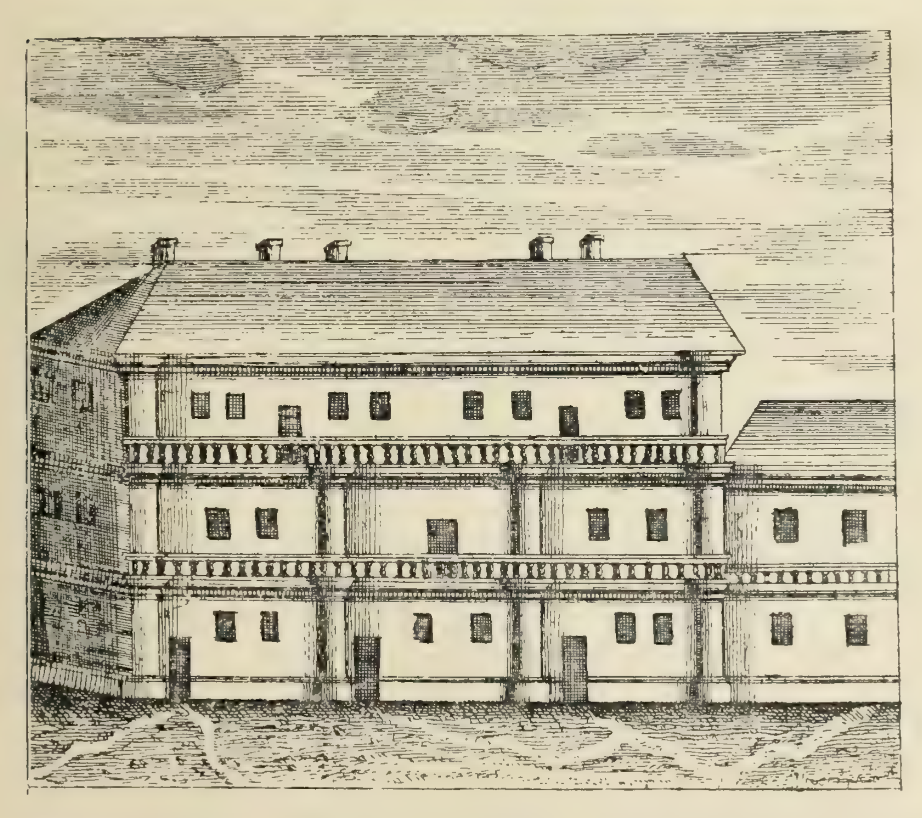
Настарожитный и Преславный Гербъ их Милостей
ПАНОВЪ МОГИЛОВЪ
Господаровъ Земли Молдовлахійской.

Домъ преславный МОГИЛОВЪ в Клейноты обфитый,
Прес одважный дела, стался знаменитый.
В томъ Марсъ збройно ставаетъ, трудно приступити
Врагомъ, тутъ урадила слава гнездо мети.
Славный, где тежъ цноты, окрито прибыли,
В ПЕТРЕ МИТРОПОЛИТУ, гнезда звили.
Слнце, Месяцъ, з Звездами Нбо освецуютъ,
Славнымъ МОГИЛОВОМЪ, Зімане знать тане шацуютъ.

Титульный листъ кіевскаго изданія съ изображеніемъ герба «Пановъ Могиловъ».

Каменное помѣщеніе для классовъ Кіево-Могилянской коллегіи, воздвигнутое П. Могилою. (По современному рисунку).

Каменное помѣщеніе для учениковъ Кіево-Могилянской коллегіи, построенное П. Могилою. (По современному рисунку).

Послѣдователи Голятовскаго.

Ближайшими послѣдователями теоріи духовнаго краснорѣчія, развиваемой Голятовскимъ, были два оратора-современника, славившіеся своими проповѣдями во второй половинѣ XVII вѣка: *Антоній Радивиловскій* и *Лазарь Барановичъ*. Первый былъ игуменомъ кіево-николаевскаго монастыря и оставилъ по себѣ два обширныхъ сборника проповѣдей; „*Огородокъ* (т. е. садъ) *Маріи Богородицы*" (1676 г.), посвященный Богородицѣ, и „*Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ* (т.-е. розовыхъ) *сплетенный*" — посвященный Спасителю. Въ началѣ перваго сбор-

Ученики Кіево-Могилянской коллегіи, съ греческими и латинскими тезисами въ рукахъ. (По современному рисунку).

ника, авторъ такъ объясняетъ заглавіе своего труда: „сей начатокъ труда смиренно приноситъ Тебѣ въ жертву прахъ, пепелъ, недостойный рабъ и насадитель огородка... Молю, да за этотъ насажденный Тебѣ огородъ, Ты введешь меня, на второмъ пришествіи Сына Твоего, въ небесный огородъ вмѣстѣ со святыми"... Тотчасъ, вслѣдъ за этимъ, онъ считаетъ необходимымъ истолковать и мудреную заглавную гравюру на титульномъ листѣ книги [1]). „Какъ Новуходоносоръ" — такъ говоритъ онъ — „устроилъ въ Ва-

[1]) По современному издательскому обычаю во главѣ книги обыкновенно помѣщалась гравюра, изображающая, символически, все содержаніе книги въ видѣ рисунка, въ смыслъ и значеніе котораго очень было трудно вникнуть человѣку, незнакомому съ тонкостями современной схоластики и символизма. Далѣе, на стр. 261, 262 и 264 мы приводимъ образцы такихъ титульныхъ листовъ изъ кіевскихъ изданій.

вплонѣ висячій садъ на высокихъ каменныхъ столпахъ, такъ и ты, о Маріе, стоишь на Дарахъ Духа Святого, будто на столпахъ".

Лазарь Барановичъ.

Современникъ Радивиловскаго, *Лазарь Барановичъ*, архіепископъ черниговскій, оставилъ намъ также два сборника проповѣдей, на которыхъ въ значительной степени отразилась бурная и тревожная эпоха происходившихъ въ это время казацкихъ войнъ и борьбы за независимость Малороссіи.

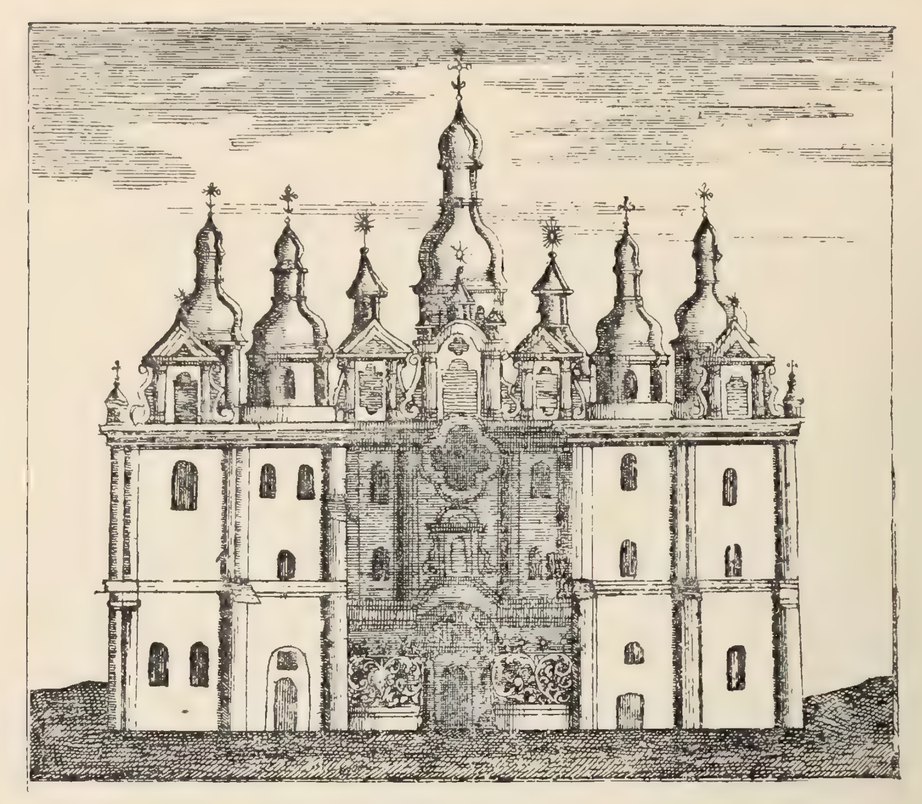
Первый изъ сборниковъ Лазаря Барановича, подъ заглавіемъ „*Мечъ духовный*", изданъ былъ въ 1666 г. и заключаетъ въ себѣ проповѣди на каждую недѣлю; второй — *Трубы словесъ проповѣдныхъ* (изданъ въ 1674 г.) состоитъ изъ проповѣдей на разные праздники церковные. Въ предисловіи къ первому, авторъ говоритъ: „въ сіи времена, полныя брани, ничто такъ не полезно, какъ мечъ, читатель возлюбленный!... Не таковъ сей мечъ, какъ у Петра, который урѣзалъ ухо Малху... Сей мечъ духовный, — глаголъ Божій, исходящій изъ устъ Христовыхъ, — не убиваетъ, но живитъ... Потому я и подаю сей мечъ духовный, — глаголъ Божій, исходящій ихъ устъ Божіихъ, — на помощь Церкви воюющей".

Барановичъ талантливѣе обоихъ своихъ современниковъ-ораторовъ—и Голятовскаго, и Радивиловскаго; притомъ онъ и строже ихъ относится къ своей задачѣ, не разбрасываясь въ выборѣ своихъ доводовъ и примѣровъ, „не прибавляя (по его собственнымъ словамъ) не только никакихъ басней, но даже исторій, внѣ Писанія святого и ученія церковнаго сущихъ". Но и онъ — сынъ своего схоластическаго вѣка,—и онъ поглощенъ заботами о чрезмѣрной витіеватости и вычурной украшенности въ изложеніи своихъ проповѣдей, чѣмъ много вредитъ ихъ стройности и ясному теченію основной мысли. Вездѣ — сопоставленія, сближенія, уподобленія, игра словъ, символистика весьма туманная и потому требующая истолкованій. Но, несмотря на это, многія изъ проповѣдей Лазаря Барановича проникнуты истиннымъ религіознымъ чувствомъ и способны растрогать слушателя, точно также, какъ и слѣдующее мѣсто его предисловія къ „Мечу духовному":

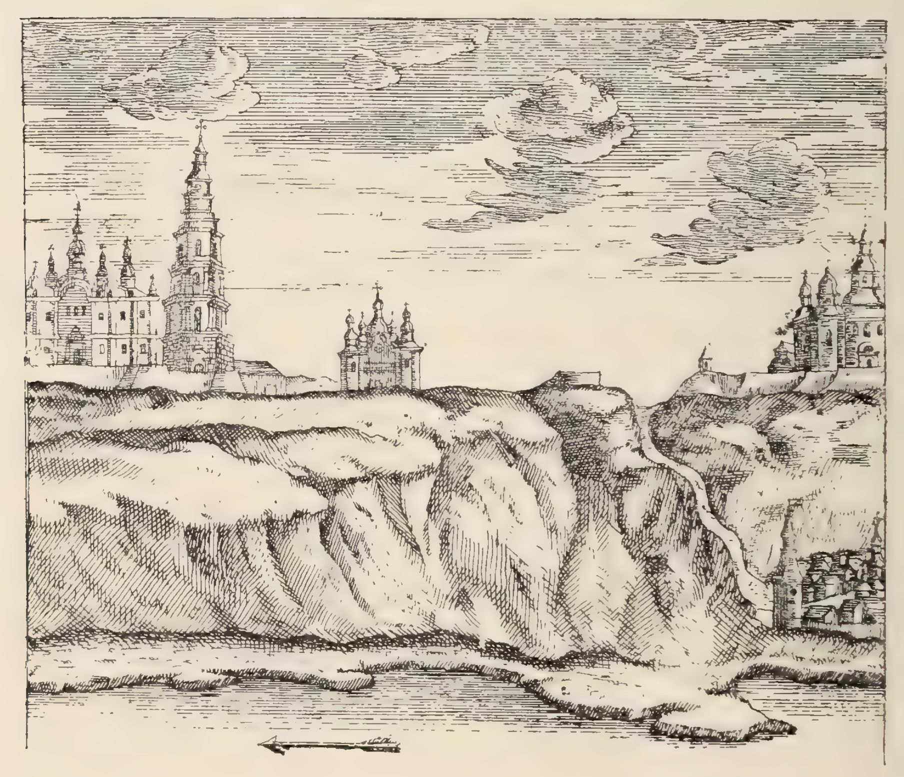
„Сіи проповѣди скорѣе съ одра смертнаго, чѣмъ съ амвона проповѣдуются [1]); вмѣсто амвона для меня былъ уже уготованъ одръ смертный, но Христосъ, тезоименитаго мнѣ Лазаря воскресившій изъ гроба, Тотъ же Жизнодавецъ коснулся своею благодатію и моего одра болѣзни смертной и сказалъ: тебѣ глаголю, возстани! Азъ же возстахъ и почахъ глаголати духомъ устъ Его— мечомъ духовнымъ".

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ сильно развившагося ду-

[1]) Во время изданія въ свѣтъ этого сборника проповѣдей, авторъ былъ тяжко боленъ.

Видъ храма Успенія, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ XVII в. (По современному рисунку).

Общій видъ Кіево-Печерской лавры, съ Днѣпра, въ XVII в. (По современному рисунку).

Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ Лазаря Барановича „Трубы словесъ проповѣдныхъ“.

Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ „Евхологіонъ альбо молитвословъ или Требникъ“.

ховнаго ораторства, помимо риторическихъ руководствъ, въ теченіе XVII вѣка явилось еще много различныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для пополненія недостатка въ матерьялѣ, необходимомъ для духовнаго оратора. Такъ, напр., мы видимъ цѣлый рядъ сборниковъ, посвященныхъ чудесамъ Дѣвы Маріи и святыхъ. Сборники эти являются подъ различными заглавіями, въ родѣ: *„Небо новое, съ новыми звѣздами*, т.-е. *Преблагословенная Дѣва Марія съ чудами своими“* (1665 г.); или же *„Скарбница, потребная всему свѣту“*, въ которомъ чудеса, допускаемыя Западною Церковью, дополнены чудесами Церкви русской. Въ числѣ этихъ сборниковъ особенно любопытенъ сборникъ св. Димитрія Ростовскаго, подъ заглавіемъ: *„Руно орошенное“* (1680 г.), заключающій въ себѣ 24 чуда, по числу часовъ дня. Каждому изъ этихъ чудесъ посвящена особая глава, подраздѣленная на четыре части: 1) описаніе чуда, 2) бесѣду, 3) нравоученіе и 4) прилогъ, т.-е. разсказъ о чудѣ по восточнымъ или западнымъ источникамъ.

Рядомъ съ этою проповѣдническою литературою развилась, и даже очень быстро, литература учебная по важнѣйшимъ предметамъ школьнаго преподаванія—по славянскому языку, богословію и исторіи. Учебники

Ранѣе всѣхъ явились учебники грамматическіе: *Лаврентій Зизаній* уже въ 1596 г. издалъ (первую) грамматику славянскаго языка, въ которой, кромѣ правилъ грамматическихъ, были изложены и правила стихосложенія, по образцу древне-греческаго. Затѣмъ въ 1619 г. вышла въ свѣтъ грамматика *Мелетія Смотрицкаго*. Само собой разумѣется, что эти грамматики не исходили изъ точнаго и внимательнаго изученія законовъ языка славянскаго (до этого было еще очень далеко), а только представляли нѣкоторое подобіе или примѣненіе грамматики славянской къ образцу грамматикъ классическихъ, и нерѣдко навязывали современному книжному языку такія формы греческаго и латинскаго синтаксиса, какихъ даже вовсе и не существовало въ языкѣ славянскомъ. Притомъ, съ теченіемъ времени, формы церковно-славянскаго языка сильно перемѣшались съ формами языка древне-русскаго, и авторы первыхъ грамматикъ положительно были неспособны отличать формы одного языка отъ формъ другого. Несмотря на всѣ эти недостатки, грамматика Смотрицкаго, какъ учебникъ, получила весьма обширное примѣненіе въ школахъ Юго-Запада и Сѣверо-Востока Руси, и даже геніальному Ломоносову пришлось еще обучаться въ школѣ по грамматикѣ Смотрицкаго.

Одновременно съ первыми грамматиками явились и первые опыты словарей; такъ Лаврентій Зизаній прибавилъ краткій словарь славянскаго языка къ своей грамматикѣ; а лѣтъ 30 спустя кіево-печерскій монахъ *Памва Берында* предпринялъ трудъ болѣе

Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ „Столпъ Цнотъ“.

обширный, подъ общимъ заглавіемъ: „*Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе*“ (1697 г.).

Катехизисы.

За грамматиками послѣдовали катехизисы. Одинъ изъ нихъ былъ уже упомянутъ нами въ концѣ прошлой главы (см. выше стр. 245). Мы видѣли, что онъ былъ представленъ въ Москвѣ патріарху Филарету, подвергся пересмотру и исправленію и, наконецъ, былъ напечатанъ. Вслѣдъ за этимъ катехизисомъ явился другой, подъ заглавіемъ: „*Православное исповѣданіе каѳолической вѣры*“ — сочиненный *Исаіею Козловскимъ*, игуменомъ одного изъ кіевскихъ монастырей. Онъ составленъ былъ по порученію Петра Могилы, и потому часто называется „катехизисомъ Петра Могилы“.

Мелетій Смотрицкій, архіепископъ Полоцкій.

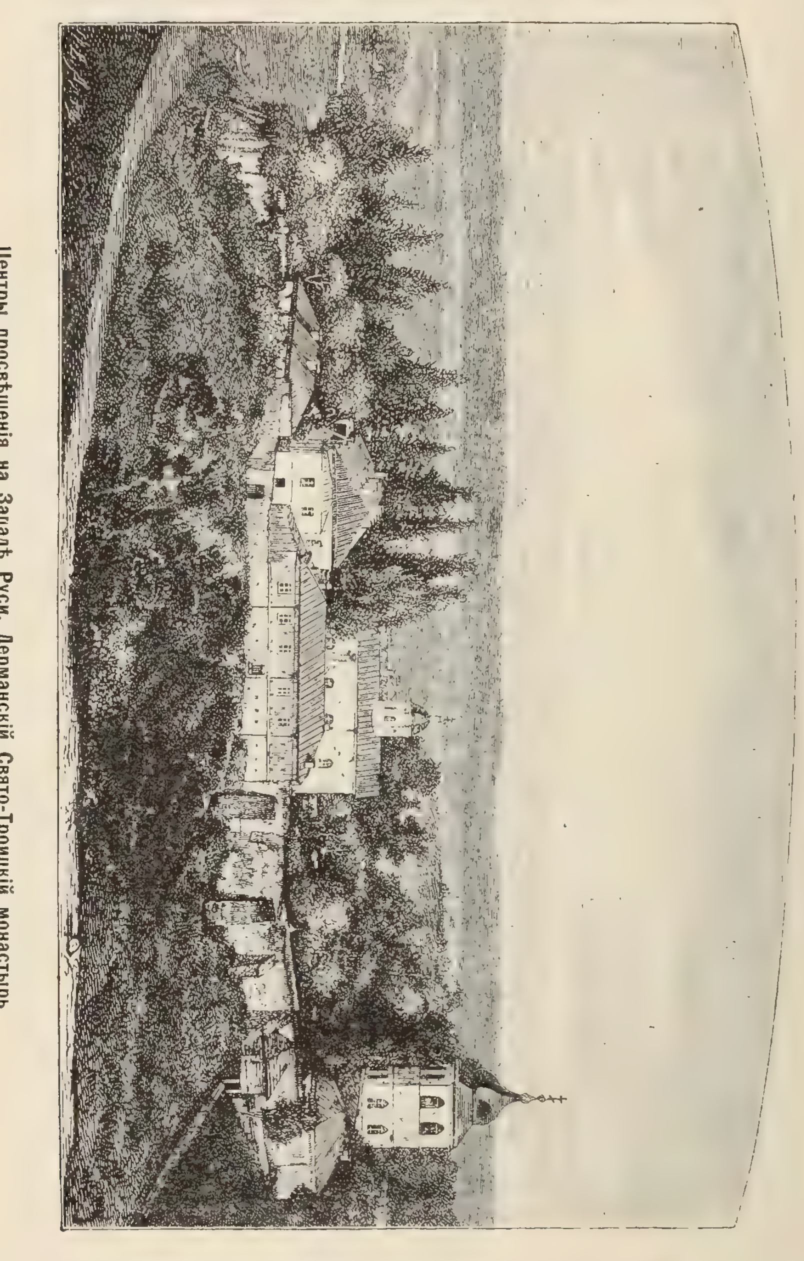
За катехизисами и грамматиками—этими насущнѣйшими пособіями всякаго школьнаго преподаванія — являются учебники богословія. Сначала *Кириллъ Транквиліонъ Ставровецкій* (учитель Львовскаго братства) издалъ въ свѣтъ, около 1618 г., свое „*Зерцало Богословія*“; затѣмъ, на томъ же поприщѣ трудятся: *Исаія Копинскій*, митрополитъ кіевскій, и *Иннокентій Гизіель*, архимандритъ Кіево-Печерской обители.

Наконецъ, между 1693 — 1697 гг. является замѣчательный учебникъ другого кіевскаго митрополита, *Іоасафа Кроковскаго*, въ которомъ всѣ отдѣльныя статьи дѣлятся на-двое: на часть *созерцательную* (догматическую) и часть *состязательную* (полемическую).

Историческіе учебники.

Здѣсь-же, на той же благодатной почвѣ русскаго Юго-Запада, явились и первые учебники по русской исторіи: „*Хроника*“ игу-

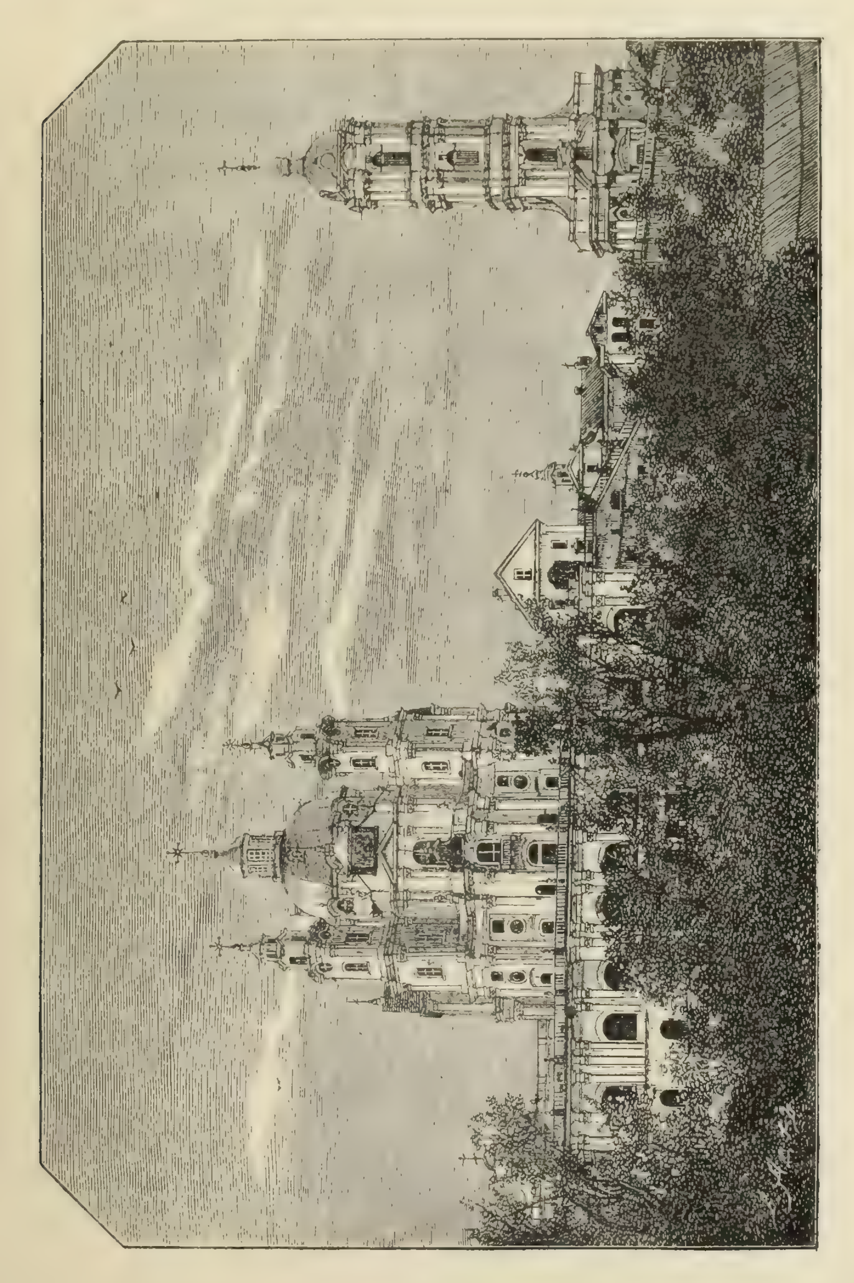
мена Кіево-Михайловскаго монастыря, *Θеодосія Сафоновича*, излагающая событія русской исторіи до конца XIII вѣка, и болѣе подробный, болѣе обширный трудъ Иннокентія Гизіеля, подъ заглавіемъ:—„*Синопсисъ*“ (обозрѣніе) *или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ*

Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Дерманскій Свято-Троицкій монастырь (Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.)

князей богоспасаемаго града Кіева“. Гизіель воспользовался трудомъ Сафоновича, дополнивъ его событіями позднѣйшихъ вѣковъ. Изложеніе Гизіеля довольно напыщенно и переполнено восхваленіями и преувеличеніями во всемъ, что онъ повѣствуетъ о древнихъ

князьяхъ русскихъ. Много и баснословія, и наивныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ гипотезъ... Но, несмотря на всѣ эти крупные недостатки, учебникъ Гизіеля все же былъ явленіемъ замѣчательнымъ по тому времени; онъ несомнѣнно былъ плодомъ сознанія своей національной обособленности и долженъ былъ вызывать въ

Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Почаевская лавра (съ южной стороны).

сердцахъ всѣхъ русскихъ людей польско-литовскаго Юго-Запада надежды на лучшее будущее. Въ школахъ онъ продержался вплоть до половины XVIII вѣка, когда на смѣну его явились лучше-составленные учебники.

Духовная драма и вирши.

Для полной характеристики этого любопытнаго періода въ развитіи нашей словесности на русскомъ Юго-Западѣ, намъ остается упомянуть еще о двухъ любопытныхъ особенностяхъ того обильнаго запаса литературныхъ произведеній, которыя намъ оставила кіевская школа. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить тотъ литературный родъ, который, до XVII вѣка, былъ рѣшительно неизвѣстенъ въ русской литературѣ, и сталъ весьма обыкновеннымъ и сильно распространеннымъ литературнымъ родомъ въ средѣ писателей кіевской школы: — это *духовная драма,* о которой мы будемъ подробнѣе говорить въ одной изъ ближайшихъ главъ. Затѣмъ нельзя не упомянуть о чрезвычайномъ обиліи и распространенности *силлабическихъ стиховъ* или *виршей*, которыя всѣми писались по самымъ разнообразнымъ поводамъ и случаямъ житейскимъ, ради всякихъ торжествъ и празднествъ, семейныхъ и общественныхъ. Въ многихъ случаяхъ, стихи замѣняли собою торжественную и возвышенную прозу, а иногда являлись только простой украсой;— такъ наприм., каждая книга, выходившая въ свѣтъ, снабжалась, по современному обыкновенію, стихотворнымъ прологомъ или эпилогомъ, или, наконецъ, посвященіемъ какому-нибудь именитому современнику. Пристрастіе къ виршамъ было настолько велико и сильно, что иногда виршами писались цѣлыя книги. Въ виршахъ этихъ не было даже и тѣни какой бы-то-ни было поэзіи; содержаніе ихъ, большею частью, было посвящено какому-нибудь весьма обыденному духовно-нравственномуназиданію — но на вирши была мода (заимствованная изъ Польши, отъ іезуитовъ) и вирши писались всѣми въ великомъ изобиліи. Чрезмѣрною, почти изумительною любовью къ „виршеплетенію“ отличался въ особенности *Іоаннъ Максимовичъ,* архіепископъ черниговскій, написавшій громадное стихотвореніе: „*Богородице, Дѣво радуйся*“—заключавшее въ себѣ около 25.000 силлабическихъ виршей. Затѣмъ онъ изложилъ, также въ виршахъ, молитву „*Отче Нашъ*“ и „*восемь блаженствъ евангельскихъ*“. Не довольствуясь этимъ, онъ еще посвятилъ много труда и времени на то, чтобы издать „*Алфавитъ духовный, рифмами сложенный*“, и въ этомъ алфавитѣ имѣлъ терпѣніе собрать стихотворныя похвалы святымъ, которыя и расположилъ въ азбучномъ порядкѣ. Очевидно, что и этотъ „алфавитъ“ предназначался кропотливымъ и усидчивымъ „виршеписцемъ“ на пользу проповѣдниковъ, которые, въ концѣ своей торжественной праздничной проповѣди въ честь того или другого святого, могли пользоваться заимствованными изъ его „Алфавита“ виршами, какъ самымъ удобнымъ и излюбленнымъ заключеніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Московскій застой. — Борьба изъ-за книжнаго исправленія. -Дѣятельность Никона, просвѣтительная и преобразовательная. —Кіевскіе ученые въ Москвѣ и ихъ отношеніе къ московскому духовенству.

Въ то время, когда на Юго-Западѣ Руси проявлялось новое и весьма сильное, весьма опредѣленное и характерное движеніе, свидѣтельствовавшее о быстромъ развитии самосознанія во всей массѣ общества—въ Москвѣ жизнь текла по прежнему, среди глубокаго сумрака и застоя, въ который только едва начинали проникать первые, случайно-западавшіе лучи просвѣщенія. Просвѣщеніе, неизбѣжно вносившее измѣненія въ воззрѣнія и мнѣнія, вынуждавшее отказываться отъ застарѣлыхъ предубѣжденій и предразсудковъ,—не привлекало, а пугало огромное большинство современнаго московскаго общества, и главный отпоръ встрѣчало со стороны высшаго духовенства, которое, ко всякой попыткѣ расширить кругъ знаній и распространить школьное ученіе, относилось съ крайнимъ недовѣріемъ и нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Уступки со стороны высшихъ представителей духовной власти вызывались только крайнею необходимостью — только такими печальными явленіями, какъ общая порча книгъ, возбуждавшая въ средѣ духовенства и народа соблазнъ и зловредныя заблужденія. Мы выше уже видѣли, какъ нерѣшительно и неловко приступали къ искорененію этого зла, избирая на это дѣло лучшихъ и надежнѣйшихъ людей, и въ то же время не довѣряя имъ, опасаясь ихъ и даже предавая ихъ на истязаніе и мученіе въ руки изступленныхъ невѣждъ и изувѣровъ... А между тѣмъ зло успѣло пустить глубокіе корни и настоятельная, необходимая борьба съ нимъ требовала громадной энергіи и твердости, при большихъ знаніяхъ и при умѣньи ими пользоваться. Чтобы оцѣнить энергію и рѣшимость первыхъ русскихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, необходимо припомнить, что „*вѣра въ букву*“ Писанія и

богослужебныхъ книгъ была общимъ недостаткомъ огромнаго большинства грамотныхъ русскихъ людей, начиная отъ высшихъ представителей духовнаго сословія и до послѣдняго причетника. Грубѣйшія описки и ошибки писцовъ утвердились въ памяти цѣлыхъ поколѣній, какъ неприкосновенные и неизмѣняемые тексты, и на всѣ доводы людей ученыхъ и знающихъ, невѣжественные справщики и закоренѣлые фанатики отвѣчали неизмѣнно однимъ и тѣмъ же неопровержимымъ софизмомъ: „по этимъ книгамъ, которыя ты дерзаешь исправлять, святые мужи молились и угодили Богу... Ужели ты думаешь, что ты ихъ умнѣе или дальновиднѣе?“

Порча книгъ. И вотъ, по странной игрѣ случайностей, тотъ самый типографскій станокъ, который оказалъ такія неисчислимыя услуги распространенію просвѣщенія на Западѣ, при данныхъ условіяхъ московской жизни, способствовалъ быстрому усиленію и распространенію ересей и лжеученій, выпуская въ свѣтъ въ большомъ количествѣ книги священныя и богослужебныя, совершенно испорченныя невѣжественными справщиками. Особенно много такихъ книгъ было отпечатано и распространено въ патріаршество *Іосифа* (съ 1642 г. по 1652 г.) и значительную долю внесенныхъ за это время въ книги искаженій можно даже предположить преднамѣренными, такъ какъ справщиками являлись при этомъ патріархѣ лица, вскорѣ послѣ того заявившія себя открытыми противниками общепринятыхъ церковныхъ обычаевъ и мнѣній. То были: протопопъ *Аввакумъ*, прославившійся впослѣдствіи своей борьбою съ Никономъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора *Ѳеодоръ*, царскій духовникъ *Стефанъ Вонифантьевъ*, ключарь Успенскаго собора *Иванъ Нероновъ* и многія другія лица [1]), принадлежавшія къ тому же кружку. Они и стали во главѣ того движенія, которое открыто проявилось въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII вѣка и стало впослѣдствіи извѣстно подъ общимъ наименованіемъ *раскола*.

Необходимость борьбы противъ невѣжества и его печальныхъ и зловредныхъ проявленій въ общественной жизни чувствовалась и предвидѣлась уже давно, и въ первой четверти XVII в. правительство принимаетъ уже мѣры для этой борьбы: заводитъ школы, вызываетъ ученыхъ иноземцевъ съ Запада, ищетъ потребныхъ и пригодныхъ себѣ людей даже въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, хотя противъ нихъ въ Москвѣ существовало нѣкоторое предубѣжденіе. Къ этому источнику пришлось обратиться поневолѣ: въ Москвѣ уже давно были въ ходу книги, сочиненныя кіевскими учеными и напечатанныя въ Кіевѣ. Въ числѣ первыхъ

---

[1]) Священники: *Логинъ* изъ Мурома, *Даньянъ* изъ Костромы; московскіе попы: *Никита* и *Лазарь*; и наконецъ *князь Львовъ*, начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ.

такихъ книгъ были: „*Учительное Евангеліе*“ Кирилла Транквиллiона и „*Катехизисъ*“ Лаврентія Зизанія. Къ этимъ книгамъ образованные представители московскаго духовенства относились весьма сурово, писали противъ нихъ „свитки укоризнъ“, отыски-

Царь Алексѣй Михайловичъ, по современному портрету въ „Титулярникѣ“ XVII вѣка.

вали въ нихъ „погрѣшительныя словеса“ и даже указывали на „служеніе ересямъ“. Вслѣдствіе этого, иногда, книги кіевскихъ ученыхъ задерживались на рубежѣ и вовсе не допускались къ обращенію въ книжной торговлѣ; иногда царскими указами повелѣвалось даже истреблять всѣ вывезенные въ Москву экзем-

Письмо царя Алексѣя Михайловича, изъ Смоленскаго похода, къ сестрамъ.

ЧЕЛОБИТНАЯ ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 г.

Изъ конца челобитной заимствуемъ ту часть, на которой изображена геенна огненная, готовая поглотить несчастнаго, кающагося дьяка. Около изображеній въ этой части челобитной читаемъ:

1170. Оніи Восточніи Царіе къ рождшемуся насъ
ради Христу Богу нашему принесо-
ша дары, злато и ливанъ
и смирну. Ты же,
великій государь,
Восточній царь
и Восто чныя
святыя церкве
сынъ прине-
си то му-жъ
рождше муся
насъ ра ди, и у-
мерше му, и во-
скресше му
Христу Богу
нашему оста-
вленіемъ своимъ
прежде грѣхъ
моихъ въ че сомъ виненъ
я рабъ твой тебѣ великому
государю долга дѣля множестве
иного сребра тво его, и по вѣ-
рнемъ моемъ послуженіи тебѣ великому
государю, обѣщанное воздавше Богу и тебѣ великому государю
отпущеніемъ мене во иночество, сія дары грѣшную мою душу;
поне того ради той Единородный Сынъ и Слово Божія сниде съ небесе.

Господи Царю святый, молюся
И преклоняю грѣшный
И осужденный рабъ твой
Колѣни мысленніи
Вкупѣ же и чувственніи
Ради рождшагося въ Ви-
ѳліемѣ Іюдѣйстемъ,—и убогими
пеленами повившагося и въ скоті

ЧЕЛОБИТНАЯ ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

НАЧАЛО.

(Уменьшено въ пять разъ.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ЧЕЛОБИТНАЯ ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

Челобитная дьяка Всполохова, изданная *fac-simile* въ трудахъ Общества Древней Письменности, представляетъ собою памятникъ въ высшей степени любопытный, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, которое выказываетъ въ дьякѣ весьма искуснаго и толковаго иллюстратора. Къ сожалѣнію, историческое значеніе памятника остается невполнѣ выясненнымъ. Неизвѣстно, за какую именно вину дьякъ Всполоховъ подвергся опалѣ и заточенію; еще менѣе извѣстно, въ какой степени облегченію его участи помогла эта затѣйливая и художественно-исполненная челобитная. Челобитная начинается такъ:

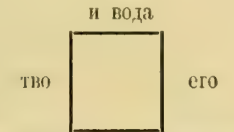
Крестомъ разбойникъ отверзе врата св. раю. Тѣмъ же святымъ
крестомъ и на немъ распятымъ, нашего ради спасенія, Христомъ Спасомъ
нашимъ и азъ разбойникъ
и незапно и не хотѣніемъ,
стію св. твоей милости
сохъ, но уже врагъ
ношеніе
къ тебѣ
страдничей
Господи, Царю Святый,
Желаю отве
вра
милосердія

паче и врагъ твой, аще
но нѣкоею неосторожно-
вей душѣ печаль сію не-
чрезъ покаяніе во при-
второе
великому государю
вины своей
умилосердися!
рзенымъ быть
тамъ
твоего;

огнь

огню чистительный не-
опално милостію очи-
сти мя
христолюбивому
и великому князю
чю всеа Вели
Росіи само

и вода

милосердія сущи источникъ
милости сподоби
мя
великому государю царю
Алексѣю Михаиловн-
кія и Малыя и Бѣлыя
держцу

(Въ полукружьяхъ)

Не огнь ярости праведнаго царскаго твоего на мя гнѣва, великій
государю, излій; но водою милосердія и щедротъ твоихъ молю твою еже ко всѣмъ
человѣкомъ любную благость, царю святый, и по пречестному царскаго твоего
... Христу притекшая умиленно припада....
... рабъ Гришка Всполоховъ, Ямского Приказа подъячей, плам...
твоего на мя гнѣва услышавъ мое второгодичное покаяніе
... На милосердіе и щедроты...

Досаждаяй,
царя моего
есмь азъ у

твой царскій мечъ

а моя рабія
винная голова.

рече, царю—смертію да умретъ и уже...
и владыку Божія Христа прогнѣвалъ...
мрети

А ащели, великій государь, возможно
ради распятаго Сына Божія
за его св. честную Божествен-
ную неправедно изліянную кровь,—
Умилосердися! умилосердися! услышавъ
гласъ глаголовъ молебныхъ и по-
каянныхъ и съ болѣзненны... ми
душа. Не вели, государь, меня вин-
наго смертію казнити, зло-
дѣйскія моея крови праведно
пролити! И не лобзанія ти, великому

ЧЕЛОБИТНАЯ ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

КОНЕЦЪ.

(Уменьшено въ два раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

пляры той или другой книги... Но эти книги были нужны, были желательны и пригодны, и окончательно преградить имъ путь въ Москву оказывалось невозможно. Вслѣдъ за книгами, въ Москву

Патріархъ Никонъ съ клиромъ, по современному изображенію.

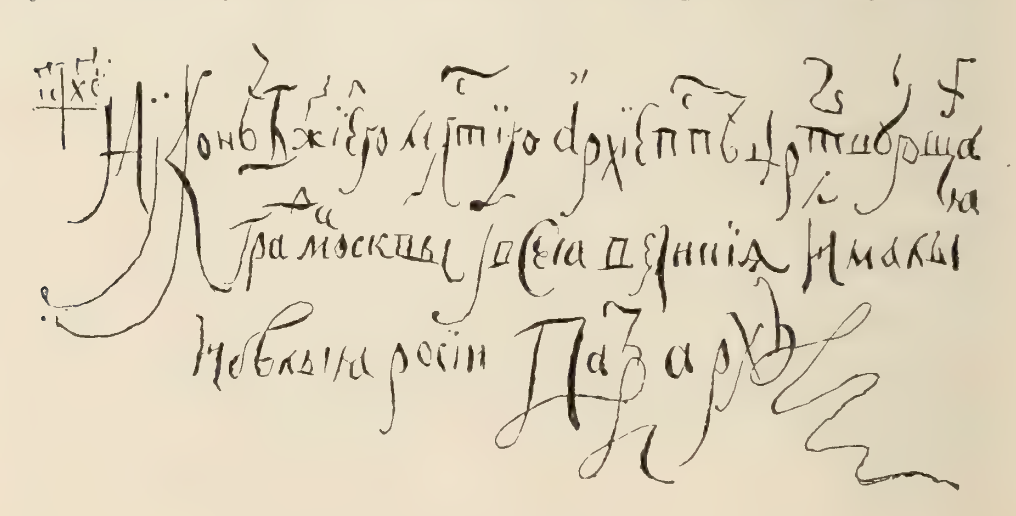
стали наѣзжать и авторы книгъ, вызываемые изъ Кіева для устройства училищъ, для составленія учебниковъ и пособій и для полемики съ нарождающимся расколомъ. Сношенія съ Кіевомъ усилились со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Первый вызовъ ученыхъ изъ Кіева былъ сдѣланъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 году, когда бояринъ Ртищевъ завелъ свое училище въ Андреевскомъ монастырѣ. Въ числѣ первыхъ прибывшихъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ явились два замѣчательныхъ дѣятеля: *Епифаній Славинецкій* и *Симеонъ Полоцкій*, люди способные, знающіе и трудолюбивые, оказавшіе цѣлый рядъ весьма серьезныхъ услугъ Русской Словесности и просвѣщенію. Они же явились и ближайшими, усерднѣйшими помощниками энергичнаго и настойчиваго борца противъ церковныхъ нестроеній и раскола— знаменитаго патріарха Никона.

Книгопечатный гербъ Никона.

Біографія Никона.

Біографія этого крупнаго историческаго дѣятеля, до возведенія въ санъ архіепископскій, очень немногосложна и не богата фактами. Никонъ родился въ 1605 г.; онъ былъ сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вальдеманова. Отъ самой ранней юности онъ уже сталъ выказывать расположеніе къ аскетизму и уединенію и увлекаться тѣмъ идеаломъ созерцательнаго успокое-

Автографъ патріарха Никона.

нія, который для многихъ русскихъ людей въ XVII вѣкѣ являлся единственною нравственною цѣлью жизни. Двѣнадцати-лѣтнимъ отрокомъ онъ уже убѣгаетъ изъ родительскаго дома въ монастырь и тамъ поражаетъ всю братію своимъ суровымъ подвижничествомъ. Родители, однакожъ, не допускаютъ Никона до постриженія: они вызываютъ его изъ обители и почти вынуждаютъ жениться... Но Никонъ остается вѣренъ себѣ, и вскорѣ возвращается опять на ту же дорогу. Онъ уговариваетъ свою жену по-

Видъ Воскресенскаго (Ново-Іерусалимскаго) монастыря, основаннаго патріархомъ Никономъ.

стричься, постригается и самъ, и удаляется въ Соловецкую обитель. Въ 1646 году мы уже видимъ Никона игуменомъ въ Кожеозерскомъ монастырѣ; въ этомъ году онъ является по дѣламъ своего монастыря въ Москву и обращаетъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, котораго поражаетъ величавая внѣшность и необычайная сила рѣчи Никона. По желанію царя, онъ уже не возвращается на Сѣверъ, остается въ Москвѣ и чрезвычайно быстро повышается по ступенямъ церковной іерархіи: два года спустя, мы видимъ его митрополитомъ новгородскимъ, а въ 1652 году—патріархомъ „всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи“.

Дѣятельность Никона.

Никонъ, человѣкъ умный и сильный волею, не даромъ принялъ на себя высокій санъ патріарха. Онъ задумалъ твердо и разумно править русскою Церковью и, сознавая необходимость исправленія церковныхъ книгъ, прежде всего рѣшился посвятить

этому трудному дѣлу свою несокрушимую энергію. Прекрасно понимая и ясно сознавая всю обширность и трудность этой задачи, онъ рѣшился обставить ея исполненіе всѣми условіями, которыя могли бы, съ одной стороны, обезпечить успѣхъ дѣла, а съ другой—убѣдили бы закоренѣлыхъ изувѣровъ и поклонниковъ буквы въ томъ, что они заблуждаются. Съ этою цѣлью Никонъ, прежде всего, собралъ въ Москвѣ соборъ (въ 1653—1654 гг.) и на немъ поднялъ вопросъ о необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ и по древнимъ славянскимъ рукописямъ; соборъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ Никона и постановилъ приступить къ исправленію книгъ немедленно. Никонъ, однакоже, не удовольствовался этимъ; онъ отправилъ постановленіе собора на разсмотрѣніе и утвержденіе константинопольскому патріарху и, только уже заручившись этимъ утвержденіемъ, рѣшился приступить къ дѣлу.

Удаливъ изъ типографіи тѣхъ невѣжественныхъ справщиковъ, о которыхъ одинъ изъ современниковъ говорилъ, что „они не знаютъ, кои въ азбукѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя", Никонъ приставилъ къ печатанію и исправленію книгъ людей надежныхъ и несомнѣнно обладавшихъ обширными и прочными знаніями: Епифанія Славинецкаго и *Арсенія Грека*, котораго для этой цѣли вернулъ даже изъ ссылки [1]).

Чтобы доставить этимъ ученымъ справщикамъ полную возможность дѣлать исправленіе основательно, Никонъ приказалъ немедленно собрать изъ всѣхъ монастырскихъ библіотекъ, со всѣхъ концовъ Московскаго государства, древнѣйшія рукописи славянскія; одновременно онъ озаботился и о пріобрѣтеніи древнѣйшихъ греческихъ рукописей и съ этою цѣлью отправилъ въ Грецію и на Аѳонъ инока *Арсенія Суханова*, человѣка опытнаго въ этомъ дѣлѣ и уже не впервые совершавшаго поѣздку въ Грецію и на Востокъ [2]). Снабженный обширными полномочіями и обильными матерьяльными средствами, Арсеній Сухановъ добросовѣстно выполнилъ возложенное на него порученіе и вывезъ изъ Греціи множество книгъ и до 500 драгоцѣнныхъ греческихъ ру-

[1]) Арсеній Грекъ былъ человѣкъ ученый, получившій, подобно Максиму Греку, высшее образованіе въ Италіи. Въ Москву онъ прибылъ въ 1649 году съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ Лигаридомъ, и остался въ Москвѣ по личной просьбѣ царя Алексѣя Михайловича. Но и это особенное благоволеніе царя не спасло Арсенія отъ бѣдствій, которыя онъ навлекъ на себя рѣзкими отзывами о нѣкоторыхъ неправильностяхъ въ богослужебныхъ обрядахъ: за эти-то отзывы онъ и сосланъ былъ патріархомъ Іосифомъ въ Соловки.

[2]) Арсеній Сухановъ, за три года предъ тѣмъ, былъ посыланъ въ Грецію и Іерусалимъ для описанія церковныхъ чиновъ и составилъ это описаніе въ видѣ записокъ, въ которыхъ далъ полный отчетъ обо всемъ своемъ путешествіи. Запискамъ этимъ онъ придалъ названіе «Проскинитарія».

Скитъ Никона въ Воскресенскомъ (Ново-Іерусалимскомъ) монастырѣ.
По старому рисунку, какъ онъ былъ въ концѣ прошлаго и началѣ XIX вѣка.

Тотъ же скитъ, въ его нынѣшнемъ видѣ.
(По монастырской фотографіи).

копiсей, которыя и положены были въ основу богатѣйшей патріаршей библіотеки.

Исправленіе книгъ.

Съ такимъ-то богатымъ матерьяломъ подъ руками, справщики приступили къ исправленію богослужебныхъ книгъ и прежде всего исправили и напечатали „*Служебникъ*“ (1655 г.), взамѣнъ того, который былъ напечатанъ съ важными и грубыми ошибками и искаженіями при патріархѣ Іосифѣ. „Служебникъ“ этотъ былъ представленъ Никономъ для одобренія на соборъ 1656 года, вмѣстѣ съ книгою „*Скрижаль*“, заключавшею въ себѣ объясненіе обрядовъ православной церкви; книга эта была переведена съ греческаго Арсеніемъ Грекомъ. Соборъ разсмотрѣлъ и „Скрижаль“, и „Служебникъ“, одобрилъ обѣ книги и постановилъ: новый „Служебникъ“ повсюду разослать по церквамъ и монастырямъ, а старый, Іосифовскій, повсюду отобрать и уничтожить.

Это постановленіе собора вызвало цѣлую бурю въ средѣ ревнителей старыхъ книгъ, которыя они стали впослѣдствіи отождествлять со „старою вѣрою“, будто бы поколебленною „новшествами“ Никона. Они стали подавать царю челобитныя, умоляя его защитить яко бы погибающее православіе; сами стали являться на печатный дворъ — ругать новыхъ справщиковъ, кричать всюду, по площадямъ и базарамъ, что „древнее благочестіе“ поколеблено, и всенародно хулить дѣйствія патріарха, открыто напрашиваясь на борьбу съ нимъ. Борьба, какъ извѣстно, началась вскорѣ и для главныхъ зачинщиковъ движенія впослѣдствіи окончилась ссылками и казнями; но, съ другой стороны, и эти фанатики добились своего: они вызвали народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ *раскола*, весьма характерно проявившееся на первыхъ порахъ открытымъ сопротивленіемъ власти на дальнемъ Сѣверѣ, гдѣ съ 1656 года начинается „Соловецкій мятежъ“ и длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ подъ рядъ [1]).

Жезлъ Правленія.

Минуя всѣ подробности этой борьбы, не имѣющія значенія для Исторіи Русской Словесности, мы упомянемъ здѣсь только о важнѣйшихъ явленіяхъ той обширной литературы, которая была вызвана борьбою противъ раскола, и въ которой видную роль играли приглашенные въ Москву кіевскіе ученые. Въ этой литературѣ однимъ изъ первыхъ выступилъ смѣлый Симеонъ Полоцкій со своею книгою: „*Жезлъ правленія*“. Авторъ разбираетъ въ этой книгѣ челобитныя расколоучителей Никиты и Лазаря, опровергаетъ тѣ обвиненія, которыя они взводятъ на православныхъ, и для этихъ опроверженій весьма искусно пользуется ссылками на творенія Отцовъ Церкви, на

---

[1]) Соловецкіе монахи отказались принять новыя, никоновскія, книги и, пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей обители, цѣлое двадцатилѣтіе отсиживались за ея стѣнами отъ царскихъ воеводъ и войскъ, высылаемыхъ для ихъ усмиренія.

исторію и другіе источники; но, согласно обычаю времени, а отчасти и побужденный къ тому грубыми выходками расколоучителей, Симеонъ сводитъ мѣстами полемику съ ними на степень весьма рѣзкой площадной брани. „Клевещеши, окаянне!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ Никитѣ: — свинія еси, попирающе бисеры; вепрь еси гнусный въ царскомъ вертоградѣ, лисъ еси, губяй виноградъ церковный!..“ Обращаясь, въ другомъ мѣстѣ книги, къ другому расколоучителю, Лазарю, Симеонъ Полоцкій восклицаетъ: „Твое обличеніе оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживые жезломъ, какъ псу лающему, заградити, нежели отвѣтъ тебѣ дати...“

Розыскъ Д. Ростовскаго.

Но рядомъ съ этою рѣзкою, задорною и ругательною полемикою, которая служитъ яркимъ отраженіемъ ожесточенія и злобы, охватившей обѣ борющіяся стороны, стали являться нѣсколько позднѣе и болѣе спокойные, и болѣе серьезные труды полемическіе, въ родѣ „*Увѣта духовнаго*“ (1682 г.), которымъ патріархъ Іоакимъ старался опровергнуть челобитныя соловецкихъ раскольниковъ, причемъ совершенно правильно вдавался въ разборъ исторіи прежнихъ ересей и лжеученій. Самою важною и самою серьезною изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ противъ раскола и притязаній раскольниковъ, было обширное сочиненіе *св. Дмитрія Ростовскаго,* подъ общимъ заглавіемъ „*Розыскъ*“. Воспользовавшись всѣмъ, что было противъ раскола до того времени написано, авторъ раздѣляетъ свой трудъ на три части, изъ которыхъ въ первой разсматриваетъ сущность раскольническихъ заблужденій и доказываетъ, что исповѣдуемая ими вѣра *не есть правая, не есть старая,* и проявляется лишь въ привязанности къ внѣшнимъ обрядамъ, которые они принимаютъ за сущность вѣры. Во второй части св. Дмитрій доказываетъ, что ученіе раскольниковъ ложно, потому что проповѣдуется людьми, самовольно присвоившими себѣ право проповѣди и отрицающими церковное преданіе. Въ третьей части св. Дмитрій разсматриваетъ дѣла, къ которымъ многихъ заблуждающихся приводитъ раскольническое ученіе, и старается выяснить, въ чемъ именно заключается истинная вѣра и сущность христіанской жизни.

Отвлекаясь въ сторону отъ этой полемики, любопытно сравнить уже помянутыхъ нами выше троихъ писателей — Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и св. Дмитрія Ростовскаго — какъ типы литературныхъ и общественныхъ дѣятелей переходной эпохи конца XVII вѣка.

Еп. Славинецкій.

Епифаній Славинецкій былъ то, что мы называемъ въ настоящее время „кабинетный ученый“. Онъ получилъ солидное образованіе, сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ и за границей, и обладалъ весьма обширными свѣдѣніями по бого-

словію и словеснымъ наукамъ. Науку любилъ онъ искренно и безкорыстно, не связывая ее ни съ какими посторонними, утилитарными цѣлями, и посвящалъ ей весь свой досугъ; любилъ онъ и преподавать ее, и самъ долго былъ преподавателемъ, сначала въ кіевской братской школѣ, а потомъ въ патріаршемъ училищѣ при Чудовѣ монастырѣ. Сверхъ этой преподавательской дѣятельности, онъ занимался труднымъ дѣломъ исправленія книгъ и переводомъ твореній Отцовъ Церкви на русскій языкъ, и Русская Словесность обязана ему переводомъ „словъ" свв. Аѳанасія, Григорія Богослова, св. Іустина и „Богословія" Іоанна Дамаскина. Далѣе этой скромной дѣятельности ученаго переводчика, педагога и справщика Епифаній Славинецкій и не выдвигался, хотя и стоялъ во главѣ всего кружка вызванныхъ и вызываемыхъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ, и пользовался среди нихъ общимъ уваженіемъ.

С. Полоцкій. Не таковъ былъ *Симеонъ Полоцкій* [1]) — живой, энергичный, неутомимо-дѣятельный, отзывчивый на всѣ вопросы своего времени, умѣвшій ловко пользоваться всѣми новыми теченіями и прислушиваться къ новымъ вѣяніямъ. У него не было ни такихъ знаній, ни такихъ способностей, ни такой усидчивости, какими обладалъ Славинецкій, но зато у него было въ высокой степени развитое знаніе людей и практической жизни, при помощи котораго онъ сумѣлъ занять выдающееся положеніе въ московскомъ обществѣ и надолго сохранить его за собою. Неизвѣстно ни происхожденіе этого замѣчательнаго человѣка, ни тѣ условія, среди которыхъ онъ воспитался въ юности; знаемъ только, что онъ родомъ былъ изъ Полоцка и что въ Полоцкъ вернулся онъ изъ Кіево-Могилянской коллегіи, гдѣ былъ ученикомъ Лазаря Барановича; въ Полоцкѣ-же принялъ монашество и былъ назначенъ дидаскаломъ (т. е. преподавателемъ) въ братское училище при полоцкомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Есть основаніе предполагать, что онъ, послѣ Кіево-Могилянской коллегіи, побывалъ и въ польскихъ католическихъ училищахъ. Въ Полоцкѣ, во время ливонской войны, онъ сталъ лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, понравился ему и былъ приглашенъ въ Москву. Тамъ, въ 1672 году, царь назначилъ его воспитателемъ къ юному царевичу Ѳеодору Алексѣевичу, который полюбилъ своего учителя и выказывалъ къ нему постоянное расположеніе до конца жизни. Расположеніе это было настолько сильно, что Симеонъ Полоцкій могъ занять въ обществѣ положеніе независимое, могъ свободно печатать свои проповѣди и сочиненія, несмотря на открытую непріязнь къ нему со стороны патріарха Іоакима и на всѣ обвиненія въ

[1]) Полное имя его было: Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій.

неправославіи, даже въ латинствѣ, которыя взводили на него окружавшія патріарха лица. И вотъ, онъ выступилъ сначала съ полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ раскольническихъ челобитныхъ—съ „Жезломъ Правленія", о которомъ мы упоминали выше; затѣмъ напечаталъ обширное богословское сочиненіе, подъ заглавіемъ: *„Вѣнецъ вѣры"*, изложенное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ [1]), и, наконецъ, собралъ всѣ свои, весьма многочисленныя проповѣди въ два обширные сборника подъ заглавіемъ: *„Обѣдъ душевный"* и *„Вечеря душевная"*.

Несмотря на эти вычурныя заглавія, вполнѣ соотвѣтствовавшія

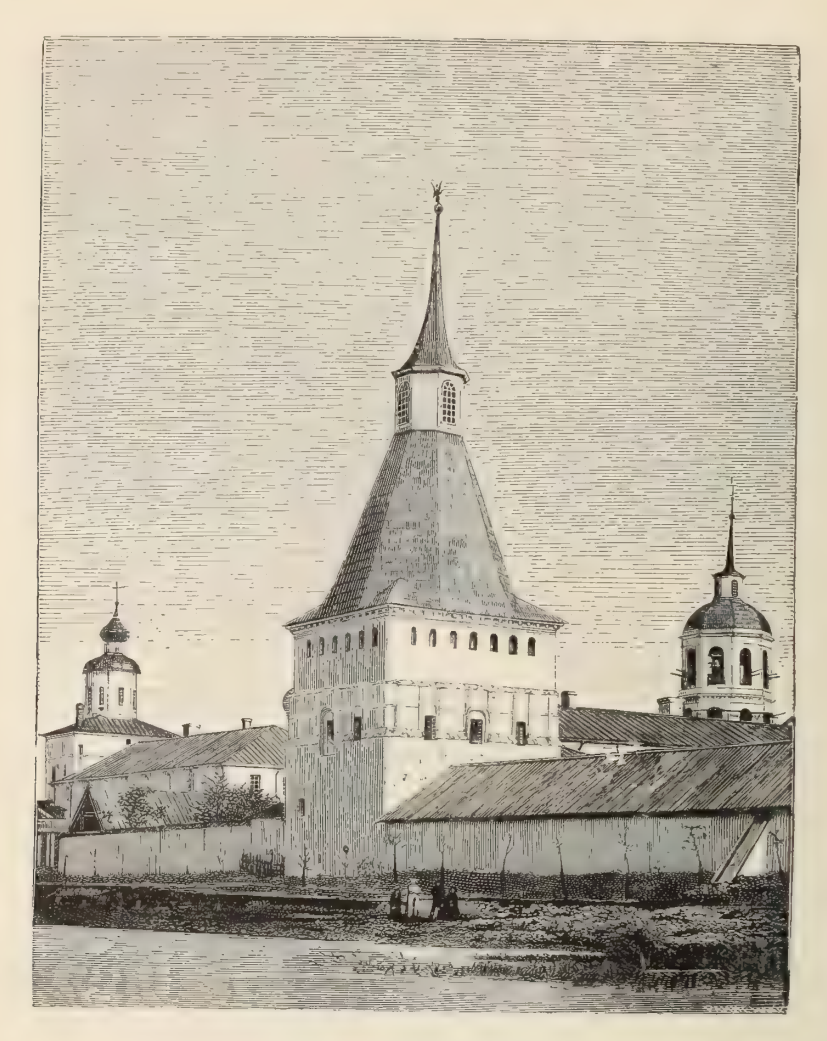

Валдайскій Иверскій монастырь—мѣсто отдыха патріарха Никона, во время его переѣздовъ изъ Новгорода въ Москву.

современнымъ литературнымъ вкусамъ и воззрѣніямъ, проповѣди Симеона написаны языкомъ простымъ и яснымъ и, вѣроятно, были вполнѣ доступны современникамъ. Многія изъ нихъ драгоцѣнны по заключающимся въ нихъ описаніямъ современныхъ народныхъ суевѣрій, предразсудковъ и обычаевъ. Кругъ дѣятельности этого пло-

[1]) По обычаю, общепринятому въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, Симеонъ, въ этой книгѣ, рядомъ съ вопросами, имѣющими важное значеніе, помѣщаетъ и цѣлый рядъ другихъ, мелкихъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ богословію, въ родѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ Христосъ родился въ декабрѣ? Въ какой часъ дня совершилось Благовѣщеніе и Рождество Христово? Могъ-ли Христосъ говорить тотчасъ послѣ своего рожденія? Зачѣмъ Спасителя пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями?» и т. п. Въ подтвержденіе отвѣтовъ, даваемыхъ на подобные вопросы, Симеонъ ссылается и на западныхъ богослововъ, и даже на апокрифическія сказанія.

довитаго и неутомимаго писателя, однакоже, далеко не исчерпывался этими обширными трудами богословскими, полемическими и проповѣдническими: онъ находилъ еще время писать силлабическія вирши по поводу каждаго сколько-нибудь выдающагося событія придворной и общественной жизни, и создалъ цѣлый рядъ духовныхъ драмъ, о которыхъ мы будемъ подробнѣе говорить въ одной

Типографская башня въ Валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ.

изъ послѣдующихъ главъ. Но самою важною заслугою Симеона Полоцкаго является (по тому времени), конечно, упорное и настойчивое стремленіе его къ распространенію и прочному укорененію образованія въ московскомъ государствѣ. И съ церковной каѳедры, къ великому смущенію приверженцевъ старины, онъ утверждалъ смѣло, что „и зло, и благо нисходитъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія; учиться же слѣдуетъ каждому — и монаху, и мірянину, ибо чтеніе божественныхъ писаній

всѣмъ полезно: и мужчинамъ, и женщинамъ..." И въ присутствіи патріарховъ восточныхъ [1]) на соборѣ, Симеонъ обращается къ царю все съ тѣмъ же моленіемъ: „положи въ сердцѣ твоемъ училища греческія, словенскія и иныя назидати, учащихся умножати, учителей взыскати..."

Третій изъ вышепомянутыхъ нами представителей кіевской учености, *св. Дмитрій Ростовскій*, вступилъ на поприще литературной дѣятельности въ самомъ концѣ XVII вѣка. Онъ такъ же, какъ Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій, получилъ образованіе въ кіевской академіи и затѣмъ былъ въ Черниговѣ проповѣдникомъ, обучаясь церковному краснорѣчію подъ руководствомъ Лазаря Барановича. Послѣ Чернигова онъ занималъ соотвѣтствующее положеніе въ Слуцкѣ, Батуринѣ и Кіевѣ, и, наконецъ, въ такой степени прославился своею проповѣдническою дѣятельностью, что обратилъ на себя вниманіе высшей духовной власти и былъ посвященъ въ митрополита сибирскаго. По слабости здоровья, онъ не могъ предпринять долгое и трудное путешествіе къ своей далекой паствѣ и возведенъ былъ въ санъ митрополита ростовскаго. Здѣсь онъ много лѣтъ сряду трудился на пользу духовнаго просвѣщенія, завелъ *первую въ Россіи духовную семинарію* и неутомимо боролся съ расколомъ. Выше мы уже упоминали о его „Розыскѣ"—капитальномъ полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ заблужденій старовѣровъ. Сверхъ этого объемистаго труда, памятникомъ ученаго усердія и знаній св. Дмитрія Ростовскаго остался его другой, по тому времени весьма важный догматическій трудъ—„*Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ, ко знанію христіанскому нужнѣйшихъ*" — въ которомъ онъ излагаетъ сущность христіанскаго ученія, придерживаясь отдѣльныхъ членовъ символа вѣры, и сообщаетъ важнѣйшія свѣдѣнія о семи вселенскихъ соборахъ; а въ концѣ излагаетъ ученіе о Троицѣ, о Церкви, объ образѣ Божіемъ, о святыхъ, о заповѣдяхъ, о молитвѣ и о христіанской добродѣтели вообще. Это весьма обстоятельное и ясное изложеніе догматической стороны религіи было особенно важно въ ту пору постоянныхъ, повсемѣстныхъ религіозныхъ споровъ и церковныхъ смутъ и послужило образцомъ для составленія всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ православныхъ катехизисовъ. Другимъ почтеннымъ памятникомъ религіознаго рвенія и литературнаго трудолюбія св. Дмитрія Ростовскаго остался намъ объемистый трудъ: сокращенное изложеніе Макарьевскихъ „Четьи-Миней". Но о немъ мы будемъ говорить далѣе, а теперь закончимъ нашъ краткій очеркъ лич-

Св. Дмитрій Ростовскій.

[1]) Патріархи эти прибыли въ Москву на соборъ, созванный для суда надъ патріархомъ Никономъ.

ности и дѣятельности св. Дмитрія упоминаніемъ о томъ, что и онъ, подобно Симеону Полоцкому, посвящалъ свои досуги сочиненію духовныхъ драмъ, которыя и разыгрывались въ стѣнахъ ростовской духовной семинаріи ея воспитанниками. Просвѣщенный и дѣятельный, искренно-преданный идеѣ о необходимости возможно большаго распространенія просвѣщенія въ смыслѣ западно-европейскомъ, св. Дмитрій явился однимъ изъ первыхъ цѣнителей и сторонниковъ просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго. Не выходя изъ предѣловъ того круга дѣятельности, который опредѣлялся его духовнымъ саномъ, св. Дмитрій, однакоже, вполнѣ сочувствовалъ всему, что творилось добраго въ современномъ ему русскомъ обществѣ, и „все человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ". Этимъ онъ значительно отличался отъ всѣхъ московскихъ начётчиковъ и книжниковъ, которые сумрачно замыкались въ тѣсномъ кругу своей дѣятельности и боялись отступить отъ буквы текста или признать законность вторженія въ жизнь тѣхъ „новшествъ", которыя вносили свѣжую струю новыхъ вѣяній въ затхлую атмосферу московскаго застоя. Вообще говоря, св. Дмитрій прекрасно заканчиваетъ собою, какъ писатель-богословъ и какъ проповѣдникъ, тотъ рядъ дѣятелей, воспитанныхъ кіевскою академіею, который въ значительной степени способствовалъ пробужденію среди русскаго общества потребности къ интеллектуальной дѣятельности и къ выступленію на свѣтлый путь просвѣщенія и прогресса.

Значеніе кіевскихъ ученыхъ.

Въ исторіи нашего просвѣщенія кіевскіе ученые несомнѣнно играютъ важную роль: они были и первыми ходатаями объ учрежденіи училищъ, и первыми дѣятелями, при помощи которыхъ вновь-учреждаемыя училища могли правильно организоваться и устроиться. Газскій митрополитъ, *Паисій Лигаридъ,* побывавшій въ Москвѣ въ 1660 году, былъ пораженъ общимъ невѣжествомъ, царившимъ среди духовенства и высшихъ классовъ общества въ древней столицѣ Московскаго Государства, и совершенно справедливо указывалъ на это невѣжество, какъ на корень и основу быстро развивавшихся и преуспѣвавшихъ ересей. „Это зло", говорилъ онъ, „происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ неимѣнія народныхъ училищъ и библіотекъ. И если бы меня спросили, какіе столпы Церкви и Государства, я отвѣчалъ бы: училища, училища и училища". Прямымъ отвѣтомъ на это, вполнѣ вѣрное и безпристрастное мнѣніе сторонняго наблюдателя-иноземца были горячія проповѣди и обращенныя къ царю мольбы Симеона Полоцкаго. Настойчивымъ и непрестаннымъ напоминаніемъ о необходимости училищъ, Симеону Полоцкому, несмотря на всѣ препятствія и козни его противниковъ, удалось-таки добиться у царя Ѳеодора того, что, кромѣ Чудовскаго патріаршаго и Ртищевскаго училища

при Андреевскомъ монастырѣ, было заведено въ Москвѣ и третье, *типографское* училище при печатномъ дворѣ (1679 г.). Существовало даже намѣреніе придать этому третьему училищу значеніе высшаго учебнаго заведенія, въ родѣ академіи:—не только планъ этого заведенія, но даже и грамота объ учрежденіи академіи была изготовлена Симеономъ Полоцкимъ. Но онъ не дожилъ до выполненія своего излюбленнаго замысла. Сначала смерть царя Ѳеодора

Симеонъ Полоцкій.

и послѣдовавшія за нею стрѣлецкія смуты помѣшали учрежденію академіи, а затѣмъ явились новыя, болѣе существенныя препятствія...

Положеніе кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ эту пору значительно пошатнулось. На нихъ недружелюбно и подозрительно смотрѣли косные и сумрачные московскіе грамотѣи, окружавшіе патріаршій престолъ. Воспитанные вѣками въ томъ убѣжденіи, **Упреки въ латинствѣ.**

что всякое ученіе и просвѣщеніе можетъ приходить въ Московское Государство только изъ Греціи или съ далекаго Востока, эти сторонники старины смотрѣли на выходцевъ изъ Кіева, воспитывавшихся въ Кіево-Могилянской коллегіи, какъ на *латинщиковъ*, т.-е. какъ на людей не только наклонныхъ къ латинству, но даже зараженныхъ пристрастіемъ къ латинскимъ (католическимъ) церковнымъ обычаямъ и догматамъ... [1]) Обвиненіе тяжкое, и отъ

Св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій.

котораго трудно было вполнѣ очиститься и оправдаться людямъ, воспитывавшимся въ школахъ, устроенныхъ по образцу іезуитскихъ коллегій, и получившимъ образованіе на латинскомъ языкѣ. Къ тому же, недостаточно-знакомые съ московскими церковными

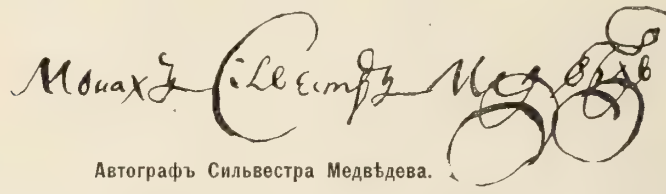
[1]) Кажется, единственнымъ исключеніемъ въ этомъ смыслѣ былъ Епифаній Славинецкій, отлично знакомый съ греческимъ языкомъ, постоянно занимавшійся переводами съ греческаго, а потому и пользовавшійся расположеніемъ патріарха.

обычаями, воспитанники кіевской академіи впадали иногда въ нѣкоторыя недоразумѣнія, дѣлали промахи, которыхъ значеніе преувеличивалось ихъ противниками, а главное—дозволяли себѣ и ученикамъ своимъ входить въ обсужденіе такихъ богословскихъ

Автографъ св. Дмитрія Ростовскаго. Письмо къ М. Г. Грохольскому.

вопросовъ, которые, по установившемуся въ московскомъ духовенствѣ преданію, не могли подлежать никакой критикѣ. Особенно сильно повредилъ кіевскимъ ученымъ извѣстный эпизодъ съ ученикомъ Симеона Полоцкаго, *Сильвестромъ Медвѣдевымъ*, который настолько увлекся латинскими богословскими трактатами, что въ своемъ сочиненіи „*Манна*" рѣшился высказать неправославныя

воззрѣнія на догматъ о пресуществленіи св. Даровъ [1]). Противъ него поднялась такая буря, что онъ едва не погибъ, и, по его винѣ, даже и ни въ чемъ неповинные остальные кіевскіе ученые временно подверглись суровому гоненію... Результатомъ этого эпизода было значительное замедленіе въ открытіи высшаго учебнаго заведенія, отчасти по тому именно, что царевна Софья Алексѣевна предназначала въ главные руководители этого учебнаго заведенія именно Сильвестра Медвѣдева, какъ человѣка ученаго, энергичнаго и талантливаго. Въ этихъ видахъ онъ даже и посвятилъ царевнѣ-правительницѣ большое стихотворное посланіе, въ которомъ молилъ ее „о водвореніи наукъ въ Россіи". Но послѣ эпизода съ „Манной" и сама царевна Софія не могла защитить своего любимца; а патріархъ требовалъ, чтобы предположенная къ открытію академія была непремѣнно поручена ученымъ грекамъ, а не воспитанникамъ кіевской академіи. Въ подтвержденіе своихъ требованій онъ могъ бы, пожалуй, сослаться на безпощадный отзывъ о кіевскихъ уче-

Автографъ Сильвестра Медвѣдева.

ныхъ, данный іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, который такъ былъ противъ нихъ вооруженъ, что даже прямо совѣтовалъ не посвящать ихъ ни въ высшія степени духовной іерархіи, ни даже въ священники, какъ получившихъ воспитаніе „въ странѣ, глаголемой казацкая земля". Есть, однакожъ, полное основаніе думать, что невыгодное мнѣніе, высказываемое восточными патріархами о кіевскихъ ученыхъ, не столько происходило отъ того, что они опасались за чистоту православія, сколько вызывалось ихъ опасеніями—утратить свое давнее вліяніе на Россію...

Братья Лихуды.

Какъ бы то ни было, открытіе московской академіи замедлилось, и послѣдовало уже только въ 1685 году (въ зданіи Заиконоспасскаго монастыря), когда въ Москву прибыли ученые греки—братья *Іоанникій* и *Софроній Лихуды*, рекомендованные патріархомъ Досиѳеемъ. Академія эта получила названіе *Эллино-греческаго* училища и просуществовала подъ этимъ названіемъ до 1700 года [2]).

[1]) Онъ доказываетъ, что хлѣбъ и вино въ Евхаристіи пресуществляются въ тѣло и кровь Христову одними словами Спасителя («Пріимите, ядите» и т. д.), а не призываніемъ св. Духа. Это ученіе, на соборѣ 1689 г., было предано анаѳемѣ. Книгу «*Манна*» повелѣно сжечь, а самого С. Медвѣдева заточить въ Троицкой обители, гдѣ онъ и принесъ полное покаяніе въ своемъ заблужденіи.

[2]) Съ 1700 по 1775 годъ это высшее учебное заведеніе называлось «Славяно-латинской» академіей; затѣмъ, съ 1775 года стало называться «*Славяно-греко-латинской академіей*» и сохранило это названіе до 1814 года.

Въ народѣ же она была болѣе извѣстна подъ названіемъ *Заиконоспасскихъ* школъ. Проектъ устава и программа преподаванія въ ново-учрежденной академіи были выработаны Симеономъ Полоцкимъ. Въ академіи предполагалось преподавать: грамматику, піитику, реторику, діалектику, философію и богословіе, право церковное и гражданское и другія свободныя науки. Но братья Лихуды значительно сократили эту обширную программу и въ теченіе

Чудовъ монастырь въ Москвѣ, при которомъ учреждено было первое, Патріаршее училище.

восьми лѣтъ преподавали (на греческомъ и латинскомъ языкѣ) грамматику, піитику, реторику, логику и физику. Изъ тѣхъ учебниковъ, которые братья Лихуды сами составляли, для удобства и пользы своихъ слушателей, видно, что они были люди дѣйствительно ученые и знающіе; можно даже думать, что ихъ преподаваніе было въ достаточной степени доступно и охотно воспринималось слушателями, потому что въ короткое время имъ удалось воспитать многихъ полезныхъ дѣятелей, которые впослѣдствіи сами явились преподавателями въ той же академіи или учеными справщиками типографіи. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ упоминанія:

Ѳеодоръ Поликарповъ, Николай Головинъ, Каріонъ Истоминъ и, въ особенности, *Палладій Роговскій*. Несмотря, однакоже, на эту успѣшность преподаванія братьевъ Лихудовъ, они не угодили патріарху іерусалимскому Досиѳею тѣмъ, что допустили у себя въ училищѣ преподаваніе на латинскомъ языкѣ и, по требованію патріарха, были за это удалены изъ академіи и приставлены сначала справщиками къ типографіи, а потомъ опредѣлены преподавателями при новгородскомъ духовномъ училищѣ. Самое же эллино-греческое училище было впослѣдствіи поставлено подъ непосредственное завѣдываніе митрополита рязанскаго *Стефана Яворскаго* (съ 1701 г.), и при немъ совершенно преобразовано по образцу кіевской академіи. Здѣсь-то впослѣдствіи и получилъ первоначальное образованіе нашъ знаменитый ученый поморъ—Ломоносовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Историческая литература въ концѣ XVII вѣка. — Лѣтописные своды. — Записки современниковъ. — Общія изложенія исторіи. — Путешествія. — Четьи-Минеи Св. Дмитрія Ростовскаго.

Предшествующія главы нашего труда представляютъ намъ XVII вѣкъ, сравнительно съ предшествующими вѣками русской жизни, по преимуществу, вѣкомъ оживленія и усиленнаго движенія въ области мысли. Въ началѣ—ужасы и бѣдствія Смутнаго времени; въ исходѣ первой половины вѣка и въ началѣ второй—ожесточенная борьба религіознаго характера; въ концѣ вѣка—страшный бунтъ Стеньки Разина, кровавыя стрѣлецкія смуты и возникающая грозная личность Петра... Все это должно было найти себѣ отраженіе въ литературѣ, которая, какъ мы уже видѣли въ XVI вѣкѣ, начала мало-по-малу входить въ свои права и служить гласнымъ выраженіемъ идей, волновавшихъ общество.

Какъ событія народной жизни находятъ себѣ отраженіе въ народной пѣснѣ, а отдѣльные эпизоды религіозной борьбы въ произведеніяхъ литературы полемической и въ направленіи пастырской проповѣди, такъ и весь ходъ государственной и общественной жизни выражается въ XVII вѣкѣ цѣлымъ рядомъ сочиненій историческихъ, оффиціальнаго и неоффиціальнаго характера, частныхъ хроникъ и личныхъ воспоминаній. Всѣ эти памятники имѣютъ важное значеніе историческое; многіе изъ нихъ — существенныя достоинства литературныя. Минуя частныя сказанія о Смутномъ времени, въ родѣ „*Лѣтописи о мятежахъ*“ или „*Повѣсти о Самозванцахъ*“, укажемъ, прежде всего, на такъ-называемую „*Рукопись Филарета*“, приписываемую одному изъ крупнѣйшихъ дѣятелей эпохи Смутнаго времени—*Филарету Никитичу Романову*. Не менѣе любопытны и относящіяся къ той же эпохѣ „*Записки князя Семена Шаховскаго*“ (отъ 1601—1649), въ которыхъ онъ разсказываетъ свои личныя приключенія и рисуетъ довольно полную и правдивую картину жизни служилаго дворянина въ XVII вѣкѣ. Историческія сказанія.

Гораздо болѣе важно, по своимъ литературнымъ достоинствамъ „*Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря*“, написанное знаменитымъ келаремъ этой обители—*Аврааміемъ Палицынымъ* (ум. 1626 г.). Это — вполнѣ литературное произведеніе, рисующее намъ событія достопамятной эпохи, яркими красками изображающее ея важнѣйшихъ дѣятелей и героевъ, передающее намъ ихъ страданія, ихъ радости, ихъ упованія, поддерживаемыя чудесами и разсказами о чудесахъ св. покровителей и подвижниковъ знаменитой обители.

Къ половинѣ XVI и къ половинѣ XVII вѣка относятся два весьма важныхъ лѣтописныхъ свода: *Воскресенскій* и *Никоновскій*. Первый изъ нихъ составленъ преимущественно по новгородскимъ и тверскимъ лѣтописямъ и заканчивается 1560 г.; второй (называемый *Никоновскимъ*, потому что въ концѣ его находится собственноручная надпись патріарха Никона) составленъ по тѣмъ рукописямъ, которыя накопились въ патріаршей библіотекѣ въ то время, когда Никонъ подбиралъ матерьялы для книжнаго исправленія. Въ немъ сохранились намъ свѣдѣнія, важныя потому, что они заимствованы изъ такихъ рукописей, которыя впослѣдствіи были утрачены и исчезли безслѣдно. Разсказъ этого „Никоновскаго“ лѣтописнаго свода доведенъ до 1630 г. Лѣтописные своды.

Въ то время, когда въ средѣ людей, наиболѣе близкихъ къ патріарху Никону, составлялись вышеупомянутые лѣтописные своды, въ средѣ, близко стоявшей къ царю, явились новыя попытки создать нѣчто въ родѣ общихъ обзоровъ всей исторіи Московскаго государства. Появленіе подобныхъ обзоровъ вызывалось необходимостью частыхъ справокъ по лѣтописямъ и инозем- Историческіе обзоры.

нымъ хроникамъ для нуждъ „Посольскаго приказа“, на который возложены были всѣ дипломатическія сношенія съ Западомъ и Востокомъ. И вотъ, „ближній“ бояринъ и другъ царя Алексѣя Михайловича, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, съ товарищами своими по Посольскому приказу, съ приказными людьми и переводчиками, „строитъ“ новую „*Государственную большую книгу*“, или „*описаніе великихъ князей и царей россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и мусульманскими были въ ссылкахъ* (т.-е. въ сношеніяхъ), *и какъ великихъ государей именованье и титулы писаны по нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ патріарховъ и римскаго папы, и окрестныхъ государей всѣхъ персоны* (т.-е. портреты) *и гербы*“. „Персоны“ эти были писаны иконописцами *Иваномъ Максимовымъ* и *Дмитріемъ Львовымъ*, которые надъ изображеніемъ „персонъ“ и гербовъ трудились цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Любопытно, что книга эта „построена“ была, по обычаю времени, въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ былъ оставленъ для справокъ и руководства въ Посольскомъ приказѣ, а другой „*взнесенъ на Верхъ Государевъ*“, т.-е. въ собственные дворцовые покои царя.

Дьякъ Грибоѣдовъ.

Около того же времени дьякъ *Өедоръ Грибоѣдовъ* составилъ краткое повѣствованіе объ исторической судьбѣ Россіи подъ весьма пышнымъ и не совсѣмъ складнымъ заглавіемъ: „*Исторія, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно-державствующихъ и святопожившихъ Благовѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй землѣ благоугодно державствовавшихъ*“. Грибоѣдовъ излагаетъ русскую исторію отъ Владиміра Равноапостольнаго до царя Өеодора Алексѣевича, преимущественно въ родословномъ порядкѣ, но весьма небрежно, такъ что иногда пропускаетъ цѣлыя княженія. Главная цѣль книги — вывести родъ московскихъ государей отъ „*Августа Кесаря Римскаго*“. Всему изложенію дьякъ-авторъ придаетъ характеръ панегирика, о которомъ не трудно получить надлежащее понятіе по слѣдующему отзыву объ Іоаннѣ Грозномъ:

„Житіе благочестно имѣя и ревностью по Бозѣ присно препоясуясь, и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, и народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя похвалы Богу возсылаху“.

Неудачный опытъ Грибоѣдова вызвалъ, однакоже, подражанія. Какой-то іеродіаконъ, *Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій*, также выпустилъ въ свѣтъ два историческихъ труда: „*О началѣ славяно-россійскаго народа*“ и „*Лѣтопись о началѣ Москвы*“; смоленскій свя-

щенникъ, *Андрей Лызловъ*, составилъ (въ 1692 г.) „*Скиѳскую исторію*“, въ которой пространно изложилъ свѣдѣнія о татарахъ и туркахъ; наконецъ тобольскій боярскій сынъ, *Сергѣй Кубасовъ*, выступилъ со своимъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ „*Написаніе вкратцѣ о царяхъ московскихъ, о образѣ ихъ, и о возрастѣ, и о нравахъ*“. Свое „Написаніе“ онъ начинаетъ съ Іоанна III и заканчиваетъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Житія современниковъ.

Гораздо важнѣе этихъ первыхъ общихъ историческихъ опытовъ, въ смыслѣ литературномъ, оказываются записки современниковъ, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка, и тѣ „житія“ или біографіи и автобіографіи, въ которыхъ рисуются намъ, болѣе или менѣе ярко, крупнѣйшія, типическія личности современныхъ общественныхъ дѣятелей. Сохранилось извѣстіе о томъ, что самъ царь, Алексѣй Михайловичъ, велъ „памятныя записки“ о своей жизни; но эти драгоцѣнныя записки до насъ не дошли; точно такъ же не сохранились намъ и записки боярина *Ордина-Нащокина,* одного изъ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей второй половины XVII вѣка. Зато сохранились два любопытнѣйшихъ памятника: „*Житіе патріарха Никона*“, написанное горячимъ приверженцемъ, его келейникомъ Шушеринымъ, и „*Житіе протопопа Аввакума*“, злѣйшаго врага Никонова, имъ самимъ написанное и представляющее собою, по простотѣ и своеобразности изложенія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній разсматриваемой нами эпохи.

Шушеринъ относится къ Никону, какъ горячій поклонникъ, и не щадитъ никакихъ усилій на то, чтобы оправдать его отъ всѣхъ взодимыхъ на него нареканій и обвиненій и выставить его идеаломъ добродѣтели — почти святымъ. Чрезвычайно любопытно и характерно то, что Шушеринъ, подробно перечисляя подвиги благочестія Никонова — постройку храмовъ и различные вклады, сдѣланные имъ въ церковную казну — въ то же время почти вскользь касается его заботъ объ исправленіи книгъ и, повидимому, не придаетъ этому важному дѣлу большого значенія. Аввакумъ рисуетъ намъ въ своей автобіографіи [1]) очень правдивую картину современныхъ нравовъ въ русской областной жизни, преисполненной народныхъ бѣдствій отъ безправія и отъ произвола властей. Съ стоическимъ хладнокровіемъ и твердостью глубоко-убѣжденнаго человѣка разсказываетъ онъ о своихъ страданіяхъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, изрѣдка пересыпая свое повѣствованіе

---

[1]) Припомнимъ вкратцѣ важнѣйшія біографическія данныя объ Аввакумѣ; родился онъ между 1605—1610 гг.; вызванъ въ Москву патріархомъ Іосифомъ изъ Юрьева, гдѣ былъ протопопомъ, и опредѣленъ справщикомъ книгъ; при Никонѣ сталъ во главѣ раскола и сосланъ въ Сибирь; возвращенъ въ 1664 г.; осужденъ на Соборѣ 1666 г.; сосланъ въ Пустозерскъ и сожженъ, какъ еретикъ, въ 1681 году.

наивными замѣчаніями и сатирическими выходками. Его житіе и теперь читается съ интересомъ и возбуждаетъ къ себѣ невольное сочувствіе читателя горячею настроенностью автора, его готовностью постоять до конца за идею, его равнодушіемъ и къ земнымъ благамъ, и къ бѣдствіямъ. Въ каждой строкѣ автобіографіи Аввакума читатель невольно видитъ живой образъ того поколѣнія, которое вступило въ открытую борьбу съ новыми идеями при Никонѣ и позднѣе—уступило только желѣзной волѣ Петра...

Ближній бояринъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Къ той же эпохѣ относится любопытное „*Житіе милостиваго мужа Θеодора Ртищева*", знаменитаго боярина, прилагавшаго такія усердныя заботы къ распространенію училищъ и стоявшаго во главѣ цѣлой общины переводчиковъ въ Андреевскомъ монастырѣ. Неизвѣстный авторъ сообщаетъ намъ въ этомъ житіи любопытныя свѣдѣнія о характерѣ и личности самого Ртищева, объ устроеніи имъ общины, о его благотворительной дѣятельности и отношеніи къ народу.

Записки. Къ восьмидесятымъ годамъ XVII вѣка относятся „*Записки Сильвестра Медвѣдева*", рьянаго сторонника царевны Софіи, описывающаго стрѣлецкій бунтъ и всѣми силами старающагося оправдать Софью отъ взводимыхъ на нее нареканій. Именно это оправданіе Софьи и было, кажется, основною цѣлью автора „Записокъ", который очень ловко умѣетъ пользоваться оффиціальными данными для того, чтобы избѣгнуть необходимости высказать прямо и открыто свое мнѣніе.

Къ самому концу XVII вѣка слѣдуетъ отнести „*Діаріушъ*“ (или „Дневникъ“) св. Димитрія Ростовскаго, начатый имъ въ 1681 году и оконченный въ 1703 г. Онъ важенъ только для освѣщенія литературной дѣятельности самого автора, и для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ мракѣ невѣжества, съ которымъ постоянно приходилось считаться архипастырю даже въ средѣ самого духовенства.

Но гораздо бо́льшею заслугою св. Димитрія былъ другой важный трудъ его — „*Четьи-Минеи*“, — эти заново-изложенныя житія святыхъ, составленныя на основаніи двухъ важнѣйшихъ источниковъ: Великихъ Четьихъ-Миней митрополита Макарія и выписанныхъ съ Аѳона книгъ *Симеона Метафраста*, который, уже въ X вѣкѣ, занимался собираніемъ житій святыхъ. Составленіемъ этого обширнаго, всѣмъ доступнаго сборника житій Димитрій Ростовскій оказалъ весьма важную услугу благочестивымъ русскимъ читателямъ, потому что Макарьевскія Четьи-Минеи не были никому доступны, а потребность въ такомъ назидательномъ чтеніи была весьма велика. Св. Димитрій изложилъ житія просто, безъ всякихъ вычурныхъ стилистическихъ украшеній; искренняя вѣра, которою его изложеніе проникнуто, придаетъ особенную цѣнность его разсказамъ, представляющимъ плодъ почти 20-тилѣтняго труда.

Путешествія.

Въ заключеніе этой главы, намъ остается еще сказать о путешествіяхъ, описанія которыхъ сохранились намъ отъ XVII вѣка. Наибольшаго вниманія, въ числѣ ихъ, заслуживаетъ, конечно, путешествіе инока *Арсенія Суханова*, который былъ посылаемъ патріархомъ Іосифомъ въ Грецію и на Востокъ для ближайшаго наблюденія и обстоятельнаго описанія греческихъ церковныхъ обычаевъ. Арсеній придалъ своему описанію путешествія названіе: „*Проскинитарій*“ и подраздѣлилъ его на три части: въ первой онъ описываетъ весь свой путь и всѣ тѣ мѣста, какія ему удалось посѣтить и видѣть; во второй—онъ говоритъ только о Іерусалимѣ; въ третьей—разсказываетъ, „како Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ“. Въ этой-то именно части онъ, близко присмотрѣвшись къ Грекамъ, даетъ о нихъ отзывъ весьма неблагопріятный и не скрываетъ своего предубѣжденія противъ нихъ. Минуя нѣкоторыя другія путешествія XVII вѣка [1]), не представляющія литературнаго интереса, упомянемъ, однакоже, что въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе значительнаго развитія дипломатическихъ сношеній съ европейскимъ Западомъ, посольства въ различ-

[1]) Путешествіе казанца Василія Гагары въ Іерусалимъ и Египетъ въ 1634 году и «Хожденіе въ Персидское царство торговаго человѣка Ѳедота Котова въ 1623—1624 г.»

ныя европейскія страны стали довольно частымъ явленіемъ, и эти-то частыя посольства и поѣздки русскихъ людей за границу вызвали цѣлый рядъ любопытныхъ произведеній литературныхъ. Дѣло въ томъ, что каждый, посылаемый въ Европу, гонецъ, посолъ или посланникъ обязывался представить государю, черезъ начальника Посольскаго приказа, подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ во время путешествія за границу; и вотъ, эти-то отчеты, извѣстные подъ названіемъ „*статейныхъ списковъ*", весьма полно и живо передаютъ намъ весь кругъ понятій русскихъ людей, ихъ воззрѣнія, ихъ предразсудки, ихъ наивное отношеніе къ западно-европейской цивилизаціи, быту и свѣтскимъ обычаямъ. Эти любопытные памятники, лучше всякихъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, указываютъ намъ на ту китайскую стѣну, которая даже въ половинѣ XVII вѣка еще отдѣляла Московское Государство отъ Европы и которую разрушить удалось только Великому Преобразователю Россіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новые литературные роды, внесенные въ Московскую Русь кіевскими учеными.— Вирши и виршеслагательство.—Древне-русскія «Дѣйства» и западныя «Мистеріи».— Школьныя духовныя драмы.—Драмы С. Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго.— Начало русскаго театра.

Кіевскіе ученые, явившись впервые въ Москвѣ, были сами въ значительной степени виновны въ томъ, что ихъ московскіе собратья отнеслись къ нимъ непріязненно. Прибывъ въ Москву, они держали себя очень высокомѣрно, ни съ кѣмъ изъ московскихъ книжниковъ не сходились и пребывали больше въ своемъ кружкѣ, сторонясь отъ москвичей.

Нѣкоторое высокомѣріе и обособленность кіевскихъ ученыхъ станутъ намъ, впрочемъ, весьма понятны, если мы припомнимъ, какъ противоположны были бытовыя условія русскихъ городовъ въ Литвѣ и на Волыни, во владѣніяхъ польскихъ королей — и въ центрѣ Московскаго государства, въ „царствующемъ градѣ Москвѣ". Въ

Автографъ царя Ѳеодора Алексѣевича: письмо къ патріарху Іоакиму.

Кіевѣ и другихъ русскихъ городахъ, русское населеніе, тѣсно сплоченное, пользовалось самоуправленіемъ и другими правами гражданства, наравнѣ со всѣми остальными гражданами. Грамотность была общимъ достояніемъ, и даже нѣкоторая степень просвѣщенія въ средѣ его была распространена широко и равномѣрно. Нѣкоторыя стѣсненія ощущались только въ области церковно-общественной и религіозной; но и тутъ возможна была борьба, препирательство, оппозиція и отпоръ, скрытый и открытый. Вообще говоря, личность здѣсь имѣла большое значеніе, пользовалась уваженіемъ и была способна называть вліяніе.

Не то было въ Москвѣ, гдѣ личность была подавлена общимъ строемъ жизни, гдѣ авторитетъ власти былъ поглощающій, гдѣ немыслимо было никакое свободное слово, въ особенности въ вопросахъ религіознаго мышленія; гдѣ все и всѣ были стѣснены буквою устава и узкими рамками непоколебимо-установившагося обычая и даже предразсудка, гдѣ все приводило къ застою и неподвижности. Воспитанные вдали отъ этихъ стѣснительныхъ условій, воспринявшіе всю школьную премудрость въ опредѣленной системѣ, отъ ранней юности научившіеся владѣть и живою, ораторскою рѣчью, и силлабическимъ стихомъ, кіевскіе ученые невольно должны были сторониться отъ москвичей. Они чувствовали себя болѣе образованными, болѣе развитыми и смотрѣли нѣсколько свысока на тѣхъ представителей московскаго духовенства или тѣхъ справщиковъ типографіи, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія въ Москвѣ. И въ этомъ самомнѣніи не послѣднюю роль играло то, что кіевскіе ученые имѣли за собою нѣкоторую литературную извѣстность, понимали значеніе печатнаго слова и были болѣе москвичей опытны во всѣхъ литературныхъ родахъ. Можно сказать даже, что они вносили съ собою въ Москву и московскую словесность такія литературныя произведенія, о которыхъ въ данное время въ Москвѣ не бывало и слыхано. Не говоря уже о томъ, что, именно благодаря вліянію кіевскихъ ученыхъ, возобновлена была въ Москвѣ, въ церквахъ, давно уже умолкнувшая живая проповѣдь, мы должны припомнить и то, что, только благодаря имъ, Москва впервые ознакомилась съ *виршами*, т.-е. со стихотворною формою изложенія мысли, и впервые узнала о существованіи драматическихъ произведеній, когда Симеонъ Полоцкій поставилъ свои духовныя драмы на придворной сценѣ, на Государевомъ Верху.

Вирши. *Вирши* или стихи (отъ латинскаго versus) на русскомъ языкѣ появляются впервые подъ непосредственнымъ вліяніемъ польской поэзіи, на Юго-Западѣ Руси, не позже конца XVI вѣка. Подъ этимъ вліяніемъ русскими грамотными людьми былъ перенятъ съ польскаго совершенно несвойственный русскому языку силлаби-

Царевна Софія Алексѣевна. Снимокъ съ гравюры, напечатанной въ 1687 г. въ Голландіи, по ея заказу.

ческій стихъ [1]). Несмотря на то, что русскій стихъ выходилъ, въ этой формѣ, неуклюжимъ, тяжелымъ и негармоничнымъ, спо-

---

[1]) Силлабическій стихъ удобенъ только въ языкахъ съ однообразнымъ удареніемъ, какъ, напр., въ польскомъ или французскомъ. Главными основами силлабическаго стиха служатъ: а) количество слоговъ въ строкѣ; б) цезура на срединѣ стихотворной строки и в) удареніе (т.-е. повышеніе голоса) на предпослѣднемъ или на послѣднемъ слогѣ, смотря по тому, какое удареніе преобладаетъ въ языкѣ. При разнообразіи удареній, составляющемъ красоту нашего русскаго языка, стихъ силлабическій оказывался непригоднымъ. Для того, чтобы удовлетворять потребностямъ силлабическаго стиха, приходилось переиначивать русскія слова и дѣлать большое насиліе надъ самымъ расположеніемъ словъ въ русской фразѣ.

собъ изложенія мысли виршами такъ пришелся по нраву русскимъ людямъ, что „виршеслагательство" быстро вошло въ моду и вскорѣ внесено было въ учебный обиходъ русскихъ школъ Юго-Запада въ качествѣ риторическаго упражненія, какъ это было обычно и въ польско-іезуитскихъ коллегіяхъ, послужившихъ образцами для южно-русскихъ и западно-русскихъ училищъ. И вотъ, въ то время, когда вирши получили на всемъ Юго-Западѣ Руси огромное распространеніе, когда лучшіе представители кіевской учености, не смущаясь, посвящали виршамъ свои досуги, наполняли ими цѣлые фоліанты и придавали этому занятію самое серьезное значеніе—въ Москвѣ вирши представлялись какимъ-то запретнымъ плодомъ, какимъ-то непозволительнымъ новшествомъ; за вирши даже карали, и карали сурово... Мы это можемъ видѣть изъ современнаго сыскного дѣла о князѣ Иванѣ Хворостининѣ, который „въ книжкахъ своего слога писалъ про всякихъ московскихъ людей многія укоризны", и что„ они сѣятъ землю рожью, а живутъ будто все ложью", и притомъ, „оныя укоризненныя слова были у него *писаны на виршъ*, и то знатно, что такія слова говорилъ и писалъ гордостью и безмѣрствомъ своимъ въ разумѣ"... Горькая участь постигла этого перваго русскаго сатирика и виршеслагателя: его, какъ „самомнителя", приказано было сослать въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь со строгимъ наказомъ, чтобы ему не давали въ руки никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, „безъ которыхъ быть нельзя—да не впадётъ въ берегъ погибели"...

Мода на вирши.

Такъ было въ началѣ XVII вѣка, а въ другой половинѣ его, когда воспитателемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича явился кіевскій ученый, *Симеонъ Полоцкій* — вирши входятъ въ моду при Московскомъ Дворѣ и въ обществѣ, вирши становятся явленіемъ обыденнымъ и ознаменовываютъ собою каждое, сколько-нибудь выдающееся событіе въ жизни царской семьи и придворной среды. Всѣ свои стихотворенія Симеонъ Полоцкій собралъ въ два объемистые сборника, подъ заглавіемъ: „*Вертоградъ многоцѣльный*" (1678 г.) и „*Рифмологіонъ*" (того же года). Здѣсь видимъ мы и поздравленія царю и царицѣ отъ имени царевича Ѳеодора, и обширный панегирикъ царю Алексѣю Михайловичу подъ заглавіемъ: „*Орелъ Россійскій, въ солнцѣ представленный*", и утѣшительное посланіе царю по поводу кончины его первой супруги, и привѣтствіе по поводу вступленія царя во второй бракъ, и скорбную элегію на смерть царя Алексѣя Михайловича. Въ 1680 г. Симеонъ Полоцкій дерзнулъ даже напечатать переложеніе Псалтири на церковно-славянскій языкъ силлабическими стихами. Но этотъ, весьма почтенный литературный опытъ былъ встрѣченъ высшимъ московскимъ духовенствомъ настолько недружелюбно, что Симеону

пришлось оправдываться и поставить на видъ строгимъ судьямъ, что Псалтирь и въ еврейскомъ подлинникѣ написана также стихами, да притомъ же существуютъ уже и на другихъ языкахъ стихотворные переводы Псалтири, напр. на латинскомъ, гре-

Образецъ тайнописи XVII вѣка. Письмо царевны Софьи Алексѣевны къ князю В. В. Голицыну.

ческомъ и польскомъ. Любопытна цѣль, ради которой Симеонъ Полоцкій переложилъ Псалтирь въ стихи; онъ хотѣлъ сдѣлать эту священную книгу болѣе доступною для семейнаго чтенія и пѣнія, и съ этою цѣлью приложилъ даже къ своему переводу и „ноты“. Но такія литературныя попытки оказывались еще преждевременными въ московскомъ обществѣ конца XVII вѣка!

С. Медвѣдевъ. Ближайшимъ и усерднѣйшимъ послѣдователемъ Симеона Полоцкаго въ виршеслагательствѣ былъ его ученикъ, *Сильвестръ Медвѣдевъ*, уже извѣстный намъ настоятель и строитель Заиконоспасскаго монастыря. Кромѣ того обширнаго стихотворнаго посланія, съ которымъ онъ обратился къ царевнѣ Софьѣ, моля ее о распространеніи наукъ въ Россіи [1]), онъ оставилъ еще и другое большое стихотвореніе *„Плачъ и утѣшеніе о кончинѣ царя Θеодора Алексѣевича“* — произведеніе, вполнѣ передающее и духъ времени

Скоморошескія представленія, въ родѣ кукольной комедіи, въ XVII вѣкѣ. (По рисунку въ Путешествіи Олеарія).

и самые пріемы обработки всѣхъ подобныхъ сюжетовъ. Все это произведеніе, по современному пристрастію къ символизму и сопоставленіямъ, подраздѣлено на 22 пѣсни, по числу лѣтъ жизни покойнаго царя; по изложенію, оно очень напыщенно и переполнено всякими риторическими прикрасами. Достаточно припомнить—для характеристики этого рода поэзіи,—что по усопшемъ царѣ плачутъ не одна только его супруга-царица и родственники, но и духовенство, и воинство, и всѣ сословія, и Великая, Малая и

[1]) Сотрудникомъ его въ созданіи этого посланія былъ извѣстный уже намъ *Каріонъ Истоминъ*.

Бѣлая Россія, и даже „сугубо-главый царскій орелъ, преславный клейнодъ россійскій"... Въ заключеніе, самъ усопшій царь обращается къ оплакивающей его Россіи и говоритъ ей:

«Тѣмъ же, преставши плача, Россія, твоего,
Отъ пришествія въ небо радуйся моего».

Духовная драма при дворѣ.

Симеонъ Полоцкій, о виршахъ котораго мы только-что говорили выше, воспользовался своимъ надежнымъ и вполнѣ установившимся положеніемъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, чтобы ознакомить царское семейство съ еще однимъ новымъ литературнымъ родомъ и въ однообразіе дворцовой жизни внести нѣкоторое душеполезное развлеченіе. Опираясь на то, что и православная церковь допускала въ свой обиходъ нѣкоторыя „*дѣйства*" (обряды драматическаго характера), Симеонъ Полоцкій убѣдилъ царя Алексѣя Михайловича, что ничего грѣховнаго или противузаконнаго не будетъ въ постановкѣ на дворцовой сценѣ *духовной драмы*, заимствованной изъ Библіи. И вотъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны царя и подробныхъ спросовъ у патріарха, послѣ справокъ, изъ которыхъ оказалось, что духовная драма допускалась при дворѣ Византійскихъ Императоровъ, мы видимъ, наконецъ, на дворцовой сценѣ двѣ „комедіи" Симеона Полоцкаго: „*Комедію* [1] *о Блудномъ сынѣ*", основанную на извѣстной Евангельской притчѣ, и комедію „*о царѣ Навуходоносорѣ*", заимствованную изъ библейскаго разсказа о трехъ отрокахъ, сохранившихся невредимыми въ пещи вавилонской. Но прежде, чѣмъ сказать подробнѣе обо всѣхъ этихъ первоначальныхъ духовныхъ драмахъ, впервые игранныхъ въ Москвѣ, мы должны будемъ нѣсколько оглянуться назадъ и сообщить нѣкоторыя подробности о первоначальномъ происхожденіи этого литературнаго рода.

Мистерія на Западѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что ни наши духовныя драмы временъ царя Алексѣя Михайловича, ни тѣ немногія „дѣйства", какія сохранились до XVIII вѣка въ православной церкви и допускаемы были въ московскомъ церковномъ обиходѣ, не имѣли никакой связи съ нашими народными играми драматическаго характера, ни съ представленіями бродячихъ скоморошескихъ ватагъ. Эти драмы были отдаленными отголосками мистерій, которыя происходили на Западѣ въ церквахъ, наканунѣ Рождества Христова или въ концѣ Страстной недѣли, передъ Пасхой. Сначала въ западныхъ церквахъ только наканунѣ Рождества и Пасхи допускались представленія такихъ „мистерій" (или духовныхъ драмъ), въ которыхъ изображалось

[1]) Здѣсь слово «комедія», какъ терминъ литературный, употреблено не въ своемъ прямомъ, настоящемъ значеніи, а просто въ значеніи «сценическаго представленія».

явленіе Спасителя въ міръ, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ и бѣгство въ Египетъ; а въ канунъ Пасхи—крестныя страданія Спасителя, Его Воскресеніе и Вознесеніе. Первоначально эти представленія имѣли строго-обрядовый характеръ, текстъ ихъ былъ буквальнымъ повтореніемъ текста Св. Писанія, и даже дѣйствующими лицами въ этихъ представленіяхъ могли быть только духовныя лица, принадлежавшія къ церковному причту. Но, позднѣе, духовенство, угождая вкусу толпы, стало разнообразить содержаніе мистерій, то почерпая его изъ евангельскихъ притчей (напримѣръ, изъ притчи о десяти дѣвахъ, о блудномъ сынѣ, о богатомъ и Лазарѣ и т. д.), то дополняя рождественскія и пасхальныя мистеріи эпизодами изъ ветхозавѣтной исторіи или появленіемъ на сценѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, предвѣщавшихъ пришествіе Спасителя въ міръ. Съ Запада, нѣкоторое подобіе церковныхъ мистерій было позаимствовано и весьма строгою въ обрядовомъ смыслѣ Византіею, и уже черезъ ея посредство (какъ мы это увидимъ далѣе) введено въ обиходъ православной церкви въ Московскомъ государствѣ. Но далѣе немногихъ праздничныхъ обрядовъ мистерія въ Восточной Церкви и не пошла: не развиваясь и не пріобрѣтая никакого значенія, эти обряды такъ и сохранились въ теченіе многихъ вѣковъ въ Восточной Церкви, какъ обломокъ отдаленной и не вполнѣ понятной церковной старины... Не то было на Западѣ. Тамъ мистерія стала пріобрѣтать все болѣе и болѣе опредѣленный мірской характеръ; высшее духовенство увидѣло себя вынужденнымъ вытѣснить, мало-по-малу, мистеріи изъ стѣнъ церковныхъ, и представленія ея перешли сначала въ церковную ограду, а потомъ на площадь, гдѣ и пріобрѣли характеръ вполнѣ народной драмы. Такимъ-то образомъ, постепенно перерождаясь, духовная драма пережила здѣсь еще нѣсколько періодовъ и, наконецъ, обратилась въ драму чисто-мірского характера и легла въ основу европейскаго театра. Мистерія, быстро распространившаяся по всей католической Европѣ, уже очень рано явилась и въ Польшѣ. Здѣсь пришлось ей пережить почти всѣ формы развитія, какія она пережила въ Западной Европѣ, и въ концѣ XVI вѣка она уже сдѣлалась почти исключительнымъ достояніемъ іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ воспитанники, подъ руководствомъ наставниковъ, нѣсколько разъ въ годъ, разыгрывали пьесы духовно-нравственнаго содержанія, то на латинскомъ, то на польскомъ языкѣ. Въ школахъ русскаго Юго-Запада, созданныхъ по образцу польско-іезуитскихъ коллегій, конечно, драма духовная должна была получить такое же важное значеніе, и мы видимъ, дѣйствительно, что наставники здѣсь принимаютъ на себя сочиненіе духовныхъ драмъ, а воспитанники—исполненіе ихъ на сценѣ. Духовныя драмы въ такой степени

нравятся воспитанникамъ Кіево-Могилянской коллегіи, что нѣкоторое подобіе ихъ они переносятъ даже въ народъ [1])... Изъ этихъ первоначальныхъ школьныхъ драмъ ни одна не дошла до насъ, и старѣйшими изъ подобнаго рода произведеній являются тѣ „комедіи“ Симеона Полоцкаго, о которыхъ мы упоминали уже выше.

Церковныя дѣйства.

Не мѣшаетъ припомнить, что до 1672 года ни духовныя драмы, ни вообще какія бы то ни было сценическія представленія не были вовсе извѣстны въ сѣверо-восточной Руси. Но въ церковномъ обиходѣ, еще съ первой половины XVI вѣка [2]), существовали, подъ названіемъ „дѣйствъ“, нѣкоторые обряды, которые были какъ бы отдаленнымъ отголоскомъ первоначальнаго періода мистеріи, когда она еще являлась только нагляднымъ поясненіемъ текста Св. Писанія. Такихъ „дѣйствъ“ было въ русской Церкви три: *дѣйство Страшнаго суда*, происходившее въ воскресенье передъ Масляницей; дѣйство *шествія на осляти*—происходившее въ Вербное воскресенье, въ воспоминаніе о торжественномъ входѣ Спасителя въ Іерусалимъ; и, наконецъ, древнѣйшее изъ всѣхъ, ***пещное дѣйство***, въ которомъ изображалось вверженіе трехъ отроковъ въ вавилонскую пещь и чудесное избавленіе ихъ изъ пламени ангеломъ Божіимъ. Это дѣйство совершалось, обычно, въ концѣ Рождества, во время заутрени, въ которой принимали участіе трое юношей, облеченныхъ въ бѣлую одежду и съ золотыми царскими вѣнцами на головахъ, и двое халдеевъ, въ островерхихъ шапкахъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ. Въ опредѣленное время службы, „халдеи“ обвязывали отрокамъ руки полотенцами и подводили ихъ къ „пещи“, поставленной среди церкви [3]). Между ними завязывался небольшой діалогъ, въ которомъ халдеи стараются запугать отроковъ пещью, а тѣ отвѣчаютъ: „сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе“. Послѣ этого небольшого діалога, отроковъ вводятъ въ

[1]) На Святкахъ они ходили по домамъ и дворамъ съ вертепомъ—небольшимъ механическимъ, кукольнымъ театромъ—и на сценѣ вертепа представляли рождественскую драму. Одинъ изъ воспитанниковъ говорилъ рѣчи за куколъ; другіе, сопровождавшіе вертепъ, пѣли канты (т.-е. духовныя пѣсни), написанныя силлабическими виршами, и прославляли Рождество. Въ вознагражденіе за это, горожане угощали студентовъ или давали имъ небольшую плату. Обычай этотъ и доселѣ сохранился въ Польшѣ.

[2]) Въ расходныхъ книгахъ новгородскаго архіерейскаго дома о «пещномъ дѣйствѣ» упоминается впервые подъ 1548 годомъ.

[3]) Въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора сохранилась такая пещь. Она, по формѣ, кругообразная, деревянная, украшенная позолоченною рѣзьбою; въ нижнемъ ярусѣ, составляющемъ почти половину всего сооруженія, въ особыхъ рамкахъ, помѣщены выпукло-рѣзныя изображенія святыхъ. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщены были, въ отдѣльныхъ рамкахъ, иконы святыхъ. Въ верхнемъ-же ярусѣ помѣщалась и входная дверь, въ которую, вѣроятно, отроки вступали, поднимаясь по приставной лѣстницѣ. Пещь эта въ настоящее время хранится въ Музеѣ Императора Александра III.

пещь, а халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею, между тѣмъ какъ отроки, внутри пещи, поютъ священныя пѣсни. Въ концѣ стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“ — въ пещь на веревкѣ спускалось изображеніе ангела „съ великою трубою“... При этомъ халдеи падали ницъ, какъ бы пораженные этимъ явленіемъ, и между ними завязывался такой разговоръ:

Первый халдей. «Товарищъ!
Второй. «Чего тебѣ?»
Первый. «Видишь ли?»
Второй. «Вижу».
Первый. «Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился сыну Божію».
Второй. «Какъ онъ прилетѣлъ, и насъ побѣдилъ».

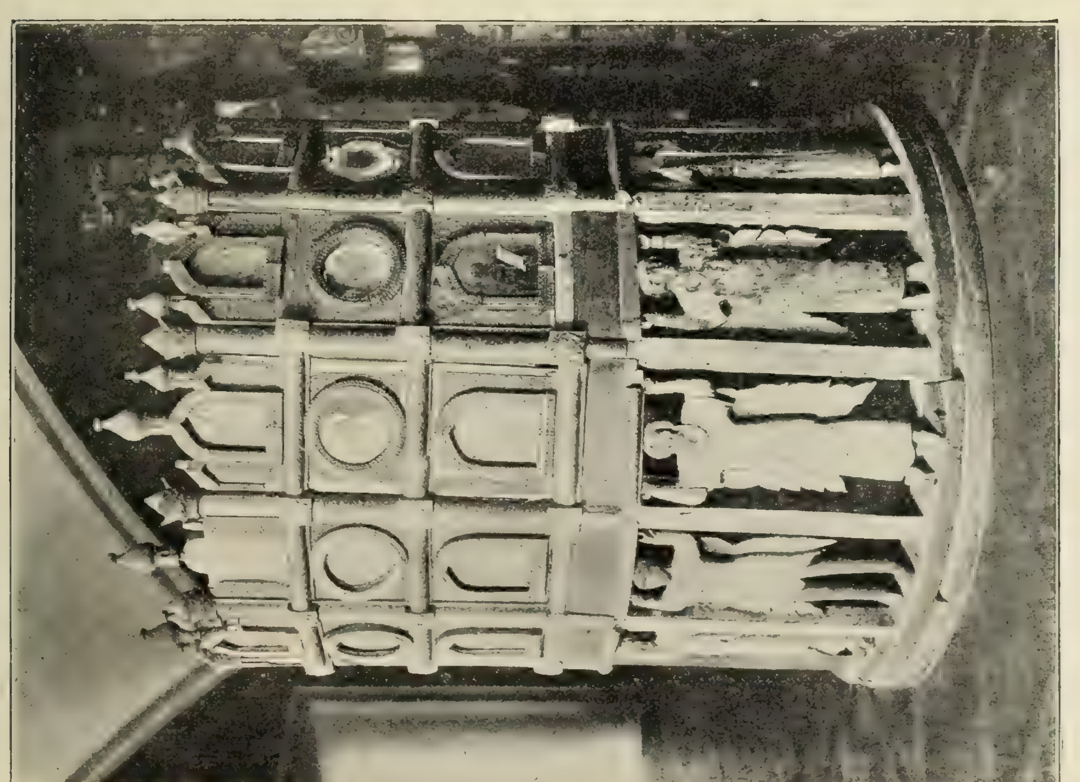
Послѣ этого халдеи выпускали отроковъ изъ пещи, и служба продолжалась въ обычномъ порядкѣ, съ тою только разницею, что халдеи и отроки, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, принимали участіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ [1]).

Простой и незамысловатый обрядъ „пещного дѣйства“ представлялся не только толпѣ, но и высшимъ слоямъ общества весьма любопытнымъ и привлекательнымъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что царь и царица (а за ними, конечно, и весь Дворъ) ежегодно присутствовали при совершеніи *пещного дѣйства*, несмотря на то, что изъ-года-въ-годъ совершалось одно и то же, безъ всякаго измѣненія. Тѣмъ болѣе пріятно былъ пораженъ и царь, и всѣ его приближенные, когда тотъ же сюжетъ, литературно-разработанный Симеономъ Полоцкимъ, былъ представленъ на придворной сценѣ въ полной сценической обстановкѣ, съ занавѣсомъ и кулисами, съ правильнымъ распредѣленіемъ ролей и самого дѣйствія на отдѣльные явленія и выходы.

Комедія о Навуходоносорѣ.

Въ началѣ „комедіи о Навуходоносорѣ“ является на сцену самъ Навуходоносоръ и повелѣваетъ вылить изъ золота свое изображеніе, для всенароднаго поклоненія; а боярину своему Зардану приказываетъ близъ того мѣста устроить пещь, и въ ту пещь бросать каждаго, кто не пожелаетъ поклониться истукану. Затѣмъ бояринъ Амиръ возвѣщаетъ царю, что уже всѣ люди стоятъ на полѣ Деирѣ. Царь приказываетъ трубить и играть гудцамъ... „И начнутъ трубити и пискати; народи же поклоняются, а три отроци не поклонятся, что видя Амиръ велитъ поймать ихъ...“ Отроки рѣшительно отказываются исполнить повелѣніе царя: царь угрожаетъ имъ смертью въ „пещи огненной“, и получаетъ отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ:

[1]) Послѣ утрени, пещь снималась изображеніе ангела—также; въ церкви все приводили въ прежній порядокъ; но и въ вечернѣ, и въ обѣднѣ того дня участвовали и отроки, и халдеи.

„Халдейская пещь", при посредствѣ которой совершалось „пещное дѣйство" въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Хранится въ настоящее время въ Музеѣ Императора Александра III.

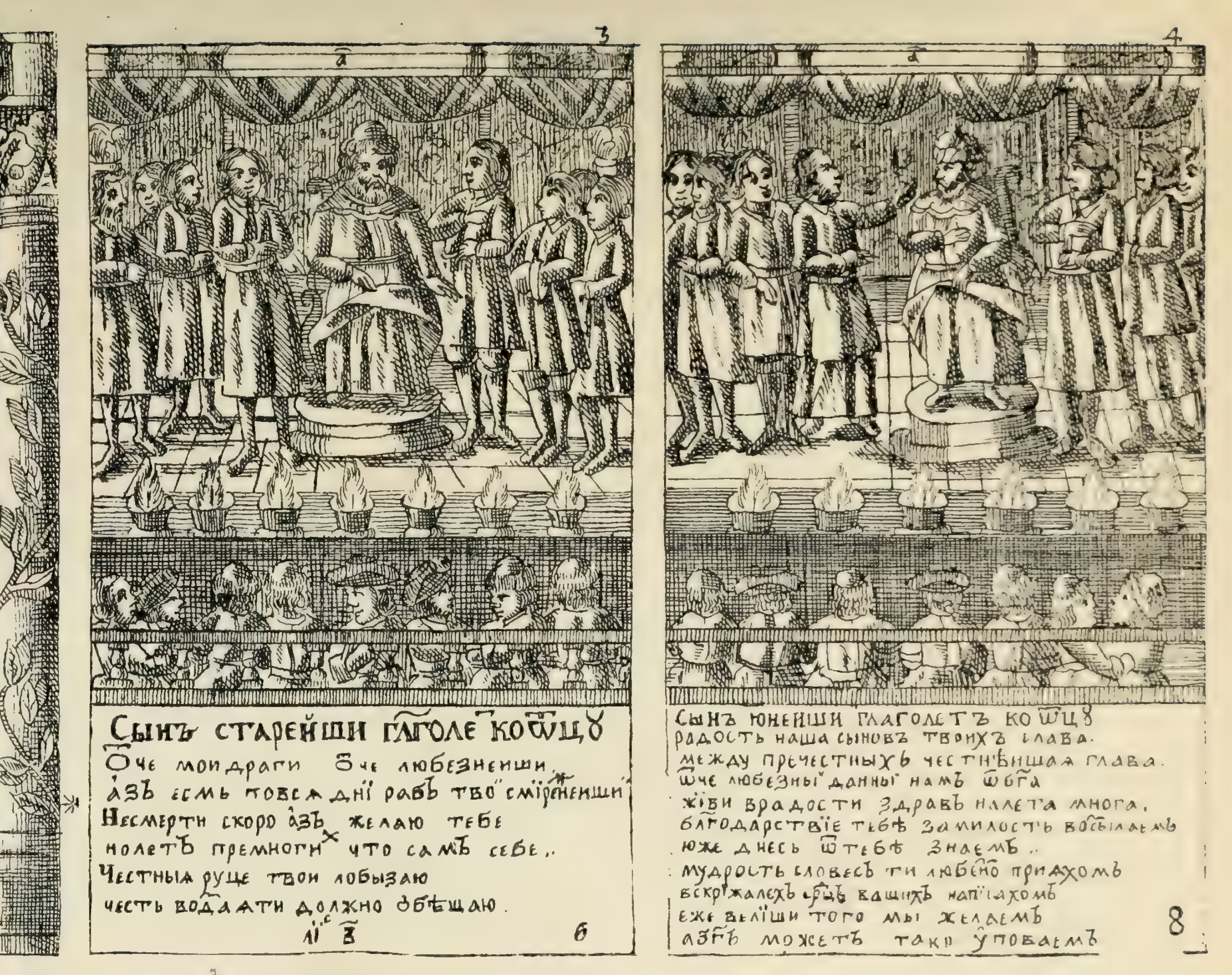
Седрахъ. «Нѣсть тебѣ, царю, намъ то отвѣщати.
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И освободити отъ руку твоею.
Мисахъ. Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ во прельщеніе;
Аще же огнь Богъ хощетъ ны дати,
Мы за честь его готовы страдати.
Авденаго. Живого Бога Небеснаго знаемъ:
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати —
Творецъ и Богъ нашъ, Того и хощемъ знати»...

Этотъ небольшой отрывокъ достаточно знакомитъ насъ съ характеромъ изложенія и діалогомъ „комедіи“ Симеона Полоцкаго; отмѣтимъ еще только одну любопытную черту въ ней: въ эпилогѣ этой комедіи, авторъ, по обычаю времени, приноситъ благодареніе царю за то, что онъ присутствовалъ на представленіи комедіи и выслушалъ ее терпѣливо отъ начала и до конца:

«Преславный царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый!
Благодаримь тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйство послушати;
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше;
Имъ же негли неугодни быхомъ,
Яко искусства должна не явихомъ:
Разума скудость выну погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ»...

Комедія о блудномъ сынѣ.

Самъ авторъ, въ этомъ заключительномъ обращеніи къ царю, называетъ свое произведеніе *дѣйствомъ*, вѣроятно, сознавая, что его мистерія есть ничто иное какъ драматизированное, литературно-обработанное дѣйство... Въ то же время онъ сознавалъ, что даже и въ этой формѣ его пьеса была смѣлымъ „новшествомъ“ въ царскихъ палатахъ, на придворной сценѣ. Можетъ-быть, онъ даже опасался за это „новшество“? И если опасался, то ошибся— „новшество“ понравилось, насколько мы можемъ судить по тому, что за первою пьесою на придворной сценѣ вскорѣ явилась и вторая—„*Комедія о Блудномъ сынѣ*“—уже по самому характеру сюжета своего дававшая бо̀льшій просторъ фантазіи автора. Эта любопытная комедія сохранилась намъ въ современномъ изданіи, съ гравюрами, изображающими отдѣльныя явленія. На этихъ гравюрахъ видимъ правильно-устроенную сцену съ рампою, изъ-за которой видны большія плошки (или жирники), доставлявшія передній свѣтъ всей сценѣ. Передъ рампою виденъ на гравюрахъ

Заглавный листъ и двѣ страницы текста съ иллюстраціями изъ „Исторіи о Блудномъ сынѣ“, представленной въ Москвѣ, на придворной сценѣ, и напечатанной отдѣльнымъ изданіемъ въ 1685 г.

передній рядъ публики, сидящей на скамьѣ съ рѣзною спинкою. На сценѣ - мебель и бутафорскія вещи: задній занавѣсъ, какъ кажется, состоитъ изъ ковровъ и полотнищъ какой-то матеріи [1]).

Постоянная сцена.

Полагаемъ, что на этихъ любопытныхъ гравюрахъ изображена сцена временная, дворцовая; но несомнѣннымъ оказывается тотъ фактъ, что уже въ концѣ 1672 года царь Алексѣй Михайловичъ принялъ всѣ надлежащія мѣры къ учрежденію сцены постоянной. Три дня спустя послѣ рожденія Петра Великаго, царь указалъ пастору московской лютеранской церкви (въ Нѣмецкой слободѣ), *Іоганну Готфриду Грегори*, „учинить хоромину новую для комедійнаго дѣйствія въ селѣ Преображенскомъ“.

3

Устъ твоихъ слово вѣрцы моемъ вынѹ.
сохраню яко подобаетъ снѹ
Да твое лице хощѹ вынѹ зрѣти.
всю мою радость ѿтебѣ имѣти.
Вничто злато і серебро вменяю.
паче сокровищъ тебѣ почитаю
Лѹчше стобою ізволяю жити
неже всемъ златомъ ѡбогащенъ быти
Ты моя радости ты мнѣ совѣтъ блгїи.
ты моя слава ѿмои ѿче драгїи
Виждѹ азъ свѣтло како насъ любиши
егда твоихъ блгъ ѡбщники твориши.
Несмь азъ достоинъ тоя блгодати
затвои трѹдъ і намъ то бгъ волитъ дати
Блгодарствїе бѹбо бгѹ возсылаю.
а твои рѹцѣ я лобызаю.
Любо приемля блгословения.
обѣщая ти повиновение
Желая вынѹ азъ стобою быти
вобоемъ сщастїи соѿцемъ моимъ жити
Всякия трѹды готовъ поимати.
ѿчия воли прилѣжно слѹшати.
Весь рабъ твои есмь радъ слѹшати
впослѹшанїи жизнь свою кончати.
Ѿцъ паки къснѹ старѣишемѹ глаголе
Бѹди натебѣ блгословение
всесилнаго бга затвое смирение.
Ты ѡбѣщался снами пребывати
бгъ имать натя млть изливати

Еще одна страничка изъ „Исторіи о Блудномъ сынѣ“ (безъ иллюстрацій).

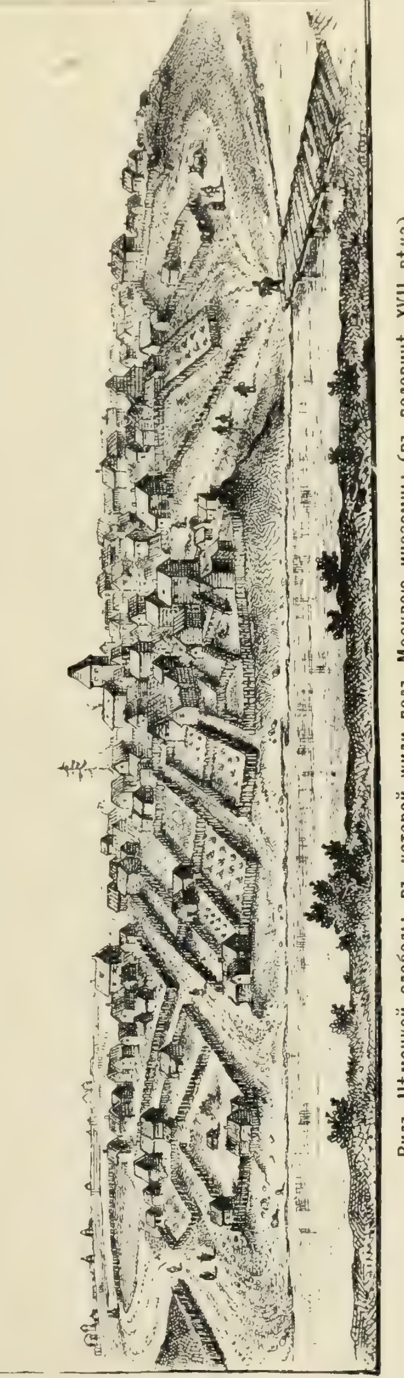
Готфридъ Грегори.

Грегори, человѣкъ (по отзыву современниковъ) ученый и умный, отлично справился съ даннымъ ему порученіемъ, и не только отстроилъ хоромину, удобную для театральныхъ представленій, но, вмѣстѣ съ какимъ - то учителемъ Юріемъ Михайловичемъ, собралъ и труппу „изъ дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка“. Съ ними онъ разучилъ духовную комедію, заимствованную изъ Библіи: „*Исторію объ Эсѳири*“ или такъ-называемое „*Артаксерксово дѣйство*“.

Новая комедія чрезвычайно понравилась царю Алексѣю Михайловичу. Грегори и его комедіанты были щедро награждены,

[1]) Это рѣдчайшее изданіе хранится въ числѣ диковинокъ печатнаго дѣла въ витринѣ Русскаго отдѣла Имп. Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ.

а самый текстъ „Артаксерксова дѣйства“ повелѣно было переплесть въ сафьянный переплетъ съ золотомъ для библіотеки на Государевомъ Верху. Въ слѣдующемъ 1673 году видимъ пастора Грегори уже во главѣ цѣлой школы мѣщанскихъ дѣтей, обучавшихся у него „комидійному дѣлу“ и „превысокая обыклая милость царскаго величества“ неослабно поощряла „неискусныхъ отрочатъ“ къ совершенствованію въ новомъ для нихъ „комидійномъ“ искусствѣ.

Видъ Нѣмецкой слободы, въ которой жили подъ Москвою иноземцы (въ половинѣ XVII вѣка).

Благодаря тому, что эта первая русская труппа обучалась и воспитывалась подъ руководствомъ учителя-нѣмца, первыя пьесы, представленныя на дворцовой сценѣ, должны были, конечно, заимствоваться изъ запаса пьесъ нѣмецкой сцены: онѣ на скорую руку переводились и передѣлывались съ нѣмецкаго. Намъ извѣстно даже, кто именно былъ сотрудникомъ пастора Грегори въ этихъ передѣлкахъ и переводахъ; а именно: переводчикъ Посольскаго Приказа, *Георгъ Гивнеръ*. Вѣроятно, благодаря этому сотрудничеству, пьесы быстро чередовались одна за другою: вслѣдъ за „*Артаксерксовымъ дѣйствомъ*“ явились, послѣдовательно, комедіи: „*Юдиѳь*“, „*Исторія о странствіи и бракѣ молодою Товіи, сына Товитова*“, „*Малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ Іосифа, сына Израилева*“, „*Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*“, „*Темиръ-Аксаково дѣйство или Баязетъ и Тамерланъ*“.

Драмы Дмитрія Ростовскаго.

Сверхъ этого переводнаго репертуара, отъ конца XVII и начала XVIII вѣка, намъ сохранились еще оригинальныя духовныя драмы другого автора—св. Дмитрія Ростовскаго. Ихъ сохранилось

всего шесть: *„Рождество Христово“*, *„Воскресеніе Христово“*, *„Грѣшникъ кающійся“*, *„Эсѳирь и Агасѳеръ“*, *„Драма Успенская“*, *„Драма Дмитріевская“*. По основному содержанію своему, всѣ эти произведенія представляютъ собою нѣчто среднее между мистеріей и тѣми пьесами, духовно - назидательнаго и аллегорическаго характера, которыя извѣстны были въ западно-европейской средне-вѣковой драмѣ подъ общимъ названіемъ *moralités* [1]. Въ этихъ произведеніяхъ св. Дмитрія Ростовскаго мы видимъ, рядомъ съ событіями и лицами, заимствованными изъ Библіи, —лица чисто-аллегорическія, олицетвореніе отвлеченныхъ свойствъ, добродѣтелей и пороковъ. *Натура людская, Надежда, Кротость, Незлобіе, Золотой вѣкъ, Смерть, Желѣзный вѣкъ, Зависть, Брань* (то-есть война), *Жизнь* и т. п. выводятся авторомъ на сцену, вмѣсто живыхъ лицъ. Всѣ пьесы, по современному обычаю, начинаются *прологомъ*, въ которомъ авторъ, устами одного изъ актеровъ, излагаетъ передъ зрителями содержаніе своей пьесы, а иногда указываетъ и на ея связь съ современностью: заканчиваются пьесы

MERCATOR IN RUSSIA.

CLXVII.

Alſo pflegen die Handelsleuth in Reuſſen bekleidt zu gehen.

In Reuſſen die alten Handelsleuth/ Die tragen gern ein langes Kleid.
Das iſt gwöhnlich von rauher Wahr/ Ein ſeltzam Hut auff jhrem Haar.

Купецъ-иноземецъ въ Россіи (въ половинѣ XVII вѣка). По современному рисунку.

[1]) Т.-е. пьесъ назидательнаго, нравоучительнаго характера.

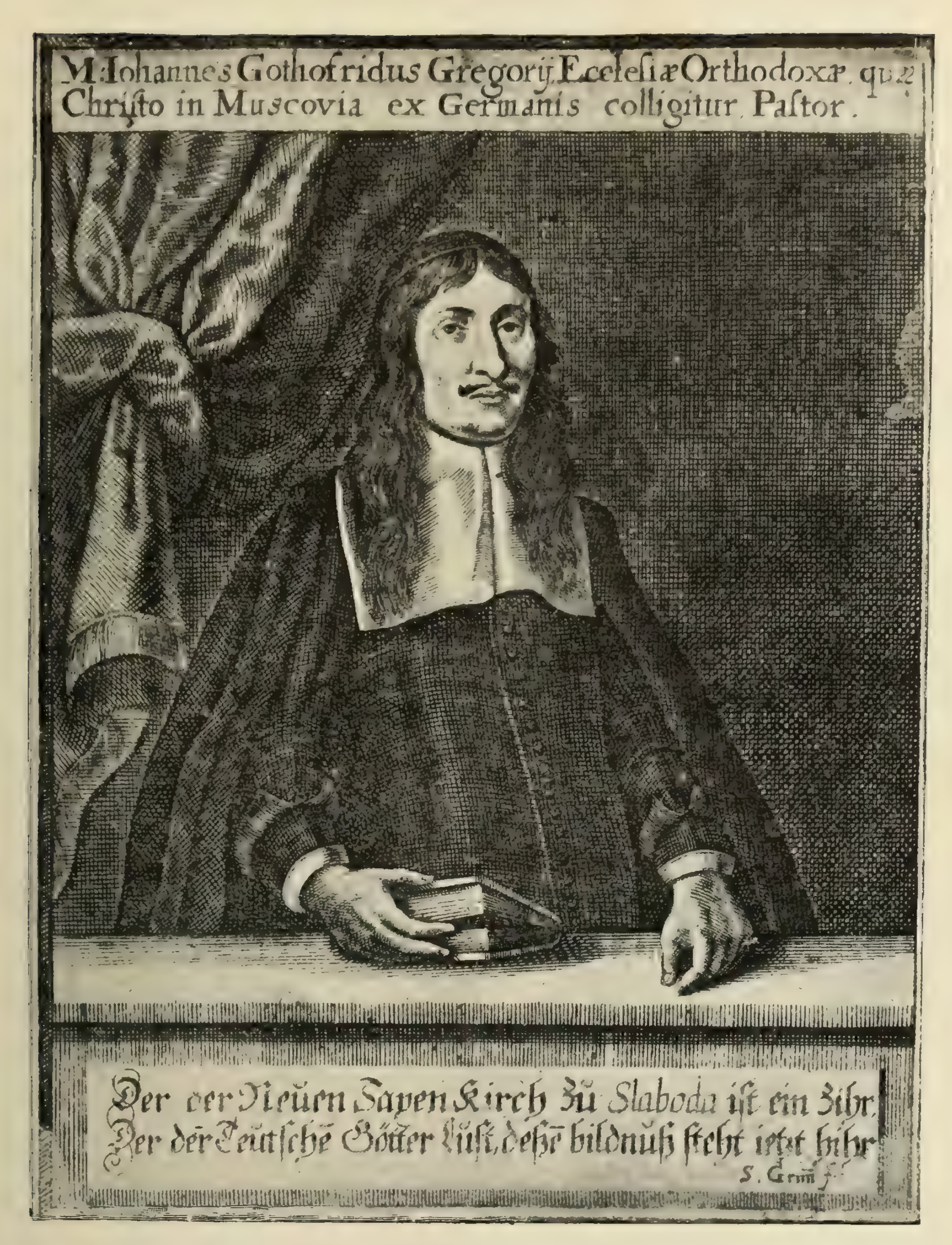
Господи помилуй, для Iесуса Христа.

Der tapfre Reüße wird ein Barbar zwar genannt,
Und ist kein Barbar doch, wie dieses Buch bekannt,
Wie man hier Werth auch weiß, und schwierig ist frey
dass in dem Barbarland fast nichts Barbarisch sey.
Mann siehet hier die Sonn auch auf- und nieder gehen,
Mann siehet das Erdreich hier voll reicher Früchte stehen;
Wie mancher schöner Fluss giebt manche frembde Fisch.
Der Wald giebt Mast und Wild zugleich auf unsern Tisch;
Das Holz auch in die Küch; und vor des Winters Schreck
Kann, was der Bauer fängt, Fuchs, Wolff und Zobel decken
Den Wohl-erwarmen Leib, der offtmahls wird bedacht
mit guten Brandtewein, der selbst die Liebste macht.
Der Bauer der ist fromm, lässt Gott und Einfalt walten,
Die Einfalt lehrt ihn schlecht und recht Gebot zu halten,
Die Einfalt wehrt der Sünd, die Einfalt macht ihn treu
die Einfalt ist zugleich der Glaub und Ketzerey.
Der Bürger ist nicht frech, er geniest in seinen Handel
Er ehrt Gott und den Czaren, ist redlich auch in Wandel
Doch kommt mann ihm zu nah, so glaubt er Hoffart voll,
Er sey darzu geboren, dass er sich rächen soll.
Er sey lang oder kurz Und wie soll ich genüg preisen
Den unvergleichen Czar, den Gross-Hertzog der Reüssen?
Der unser teutsches Volck mehr als die Reüssen liebt,
Und ihnen Kirch und Diz, Gold, Ehr und Schätze gebt.
O höchst-gepriesener Czar, Gott wolle dich belohnen.
Wer wollte doch nicht gern in diesem Lande wohnen?
Da auch mit mag [illegible] Frucht den höchsten liebt und ehrt,
als hier wo Gottes Wort zum Holz wird gelehrt.
Ade ihr teutschen Freund, zu tausend guten Zeiten,
Ich preise zwar hier Land und seine Herrlichkeiten,
doch kann bey wilden Volck ich noch vergnügter sein
Freund Allgaier auch Ade, gedenke am besten mein

Stuttgard
den 26. Octobr.
1667.

Johann Gottfried Gregorj
Der teutschen Evangelischen in Moscau
wohnenden Christlichen Gemeine Pastor

Автографъ пастора I. Г. Грегори.

Пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори, обучавшій придворную труппу актеровъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

эпилогомъ, въ которомъ авторъ, пытаясь возвысить значеніе и общее впечатлѣніе пьесы, собираетъ во-едино всѣ выдающіеся черты и моменты ея и сводитъ ихъ къ одному общему выводу [1]).

---

[1]) Пьесы св. Дмитрія Ростовскаго были написаны имъ еще въ бытность его въ Малороссіи; онѣ были впослѣдствіи поставлены на сцену въ Крестовой палатѣ въ Ростовѣ, когда св. Дмитрій былъ уже митрополитомъ ростовскимъ. Актерами при этихъ представленіяхъ были воспитанники духовнаго училища, основаннаго въ Ростовѣ св. Дмитріемъ.

Народныя сцены въ драмахъ.

Любопытною чертою различія между пьесами Симеона Полоцкаго и св. Дмитрія Ростовскаго являются тѣ народныя сцены, заимствованныя изъ живой дѣйствительности, которыя св. Дмитрій весьма искусно и умѣло вводитъ въ самое дѣйствіе своихъ духовныхъ драмъ. Едва ли не лучшею изъ нихъ представляется намъ въ „комедіи на Рождество Христово“ сцена явленія ангела, возвѣщающаго о рожденіи Спасителя пастырямъ. Она заслуживаетъ того, чтобы привести её здѣсь цѣликомъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ангелъ *(къ пастырямъ).*
(Убоятся).

Радость, о пастыріе, отъ меня пріймѣте
И не ужасайтеся, но словамъ внемлѣте.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду родися
Отъ пренепорочныя Маріи, дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы
Близъ града Вифлеема, въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслахъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами звитый.
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый,
Тамъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода?

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую,
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ Его посланный:
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю, тебе, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ: гето ты заблудилъ,
Или не вслухалъ. Вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти въ стайкѣ положенный,
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ:
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, чаетъ.

Борисъ.

Осударь! надобно-ли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ.

Господь нашъ и Богъ благихъ нашихъ не требуетъ.
Не хощетъ себѣ даровъ, но Онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце въ дары тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите,
Глаголанная мною скорѣе сотворѣте,
Азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдіомъ, праберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино.
Да и ты приберися; пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
«Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
Отъ дѣвы Маріи».
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли.
Отроча въ ясляхъ знашли,
Матерь съ Іосифомъ.
То дивное рождество
Не наречетъ витѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Пастыріе пришли къ вертепу).

Борисъ.

Постойте же вы здѣся, я посмотрю, пойду,
Есть ли въ яслѣхъ реченный, и знова къ вамъ приду.—
Есть, братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангелы поютъ, и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: «здравствуй»; ты рцы: «милость пошли»;
А ты скажи: «прости намъ, что ни съ чимъ здѣсь пришли».

Аврамъ.

Тихонько же отопри. Не спить-ли рожденный?
Не замай спить, чтобъ не былъ нами возбужденный.

Нынѣ въ вертепъ:

Нынѣ весь міръ да играетъ:
Дѣва Христа раждаетъ,
Младенца первенца,
Небеснаго возлюбенца;
Во вертепѣ днесь раждаетъ
И во яслѣхъ полагаетъ
Іисусъ Христа, Бога иста,
Повиваетъ дѣва чиста.

Борисъ *(поклоняется).*

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самовольно во яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту!
Чимъ бы Тебѣ нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, у тебе палатъ много;
А здѣсь, что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи и скоты,
Нища себѣ сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ, деревенскимъ, здѣ лежать прилично,
А Тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.
Но, понеже изволнѣ такъ себе смиряешь,
Царь царемъ сый, нищету толику примаешь,
Буди благословенный, Боже, въ вѣки вѣковъ,
Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
И паки реку: буди Богъ благословенный,
На спасеніе міру всему нарожденный!
И ты, того рождьшая, будь благословенна,
Ты, кормилецъ старенькій, буди же хвалимый,
Отъ него же отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшее привѣтство на насъ не дивѣте,
Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

Аврамъ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!
Плачеши, здѣ лежащій за грѣхи Адама.
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама!
Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ, стадо!
Спаси домы наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
Помилуй и насъ, нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
Мы Тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
Да хвалятъ Тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
И тебѣ, Бога Мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святой Осипе, челомъ ударяю:
Помолитеся за насъ къ воплощенну Богу,
Да подастъ намъ въ свояси щасливу дорогу.

Афоня.

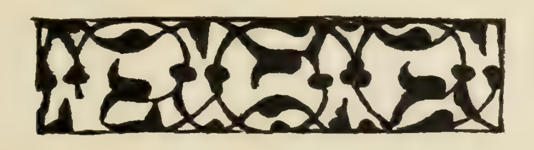
Напослѣдокъ и я нищъ къ Тебѣ припадаю,
Боже намъ нарожденный, и Тя величаю:
Буди благословенный, Боже нашъ, во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя палаты,
Изволилъ еси пожить здѣ между быдляты.
На одномъ сѣнцы лежиши, якъ какой сирота:
Всѣхъ одѣваешь, а Тя покрываетъ нагота.
Подобало-бъ, дабы мы чимъ Тя подарили,
Постлали-бъ что мяконько или чимъ покрыли;
Но прости: нищи есмы, имамы ничтоже.
Прости насъ, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо во свояси; насъ благословѣте!

Всѣ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте!

Пастыріе *(людемъ возвѣщаютъ).*

Радуйтеся, людіе! Родися Спаситель,
Истинный всего міра Богъ и откупитель
Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
При градѣ Виѳлеемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
Лежитъ въ яслѣхъ на сѣнѣ отрочокъ маленькій,
Тамъ и матушка его, и Осипъ старенькій.
Мы имъ поклонимся да домой ступаемъ;
А, что тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Свѣтская литература въ XVII вѣкѣ.— Повѣсти переводныя и оригинальныя.—Опытъ самостоятельной обработки русскихъ повѣстей.—Обработка сказокъ, въ видѣ смѣхотворныхъ повѣстей и разсказовъ. — Повѣсть о Горѣ-Злочастьи, какъ прямой отголосокъ тяжкой современной дѣйствительности.

Семнадцатый вѣкъ,—вѣкъ всякихъ волненій и смутъ, вѣкъ споровъ и распрей словесныхъ, вѣкъ борьбы различныхъ началъ въ нашей общественной жизни, предшествовавшій ея обновленію и повороту на новый путь,—вызвалъ къ жизни, какъ мы уже видѣли выше (въ предшествующихъ главахъ), обширную и разнообразную литературу духовную, проповѣдническую, политическую и богословскую, породилъ новые роды литературные, создалъ даже нѣчто въ родѣ поэзіи, пріумножилъ литературу историческую цѣлымъ рядомъ новыхъ и важныхъ историческихъ памятниковъ и историческихъ сочиненій... Рядомъ со всѣми этими отраслями литературы, въ XVII вѣкѣ широко распространилась и область литературы свѣтской, богатая и обиліемъ произведеній, и несомнѣннымъ внутреннимъ достоинствомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ памятниковъ, весьма цѣльно и полно отражающихъ живую современность и господствовавшія въ обществѣ стремленія и вѣянія.

Повѣсти и сказки XVII вѣка.

Свѣтская литература XVII вѣка, какъ и свѣтская литература предшествовавшихъ вѣковъ, состоитъ изъ *повѣстей* и *сказокъ*, книжнымъ образомъ обработанныхъ и изложенныхъ. Значительная доля этой легкой литературы, составлявшей, вѣроятно, излюбленное чтеніе грамотныхъ русскихъ людей, была, попрежнему, переводною, пересажденною посредственно или непосредственно съ Запада; другая, меньшая доля, представляетъ собою передѣлку иноземныхъ сюжетовъ или пересказъ русскихъ народныхъ сказокъ и апокрифовъ. Но, рядомъ съ этими переводами и передѣлками, видимъ уже и произведенія вполнѣ оригинальныя, заимствованныя изъ русской жизни, ярко рисующія намъ и бытъ, и нравы, и понятія современниковъ. Это уже не наивный лепетъ съ чужого

голоса, по чужимъ образцамъ и формамъ — это вполнѣ сознательныя, вполнѣ литературныя произведенія: результатъ наблюденій и опыта, яркое выраженіе мнѣній, вѣрованій и даже идеаловъ русскихъ людей этой любопытной эпохи, поколебленной въ своемъ исконномъ міровоззрѣніи.

Относительно переводной свѣтской литературы отмѣтимъ одинъ важный фактъ: насколько въ предшествующій вѣкъ главною сокровищницею всѣхъ иноземныхъ, восточныхъ и европейскихъ сказаній была для Руси Византія и ближайшія къ ней страны славянскія: Сербія и Болгарія — настолько же, въ XVII столѣтіи, главнымъ посредствующимъ звеномъ въ пересадкѣ на нашу почву иноземныхъ сказаній является Польша, съ которою все тѣснѣе и тѣснѣе связываются судьбы Московскаго государства. Польское вліяніе.

Вліяніе польской литературы на возникающую образованность русскаго Юго-Запада было настолько сильно, что черезъ Польшу стали проникать на Русь передѣлки и переводы рыцарскихъ романовъ, итальянскихъ и французскихъ новеллъ, въ родѣ „*Книги о Мелюзинѣ*“, „*Исторіи Петра-Златые-Ключи*“, „*Повѣсти о княгинѣ Алдорфской*“ и, наконецъ, знаменитой „*Исторіи о Бовѣ-королевичѣ*“, которыя потомъ, черезъ литературу книжную, перешли даже въ литературу лубочныхъ народныхъ изданій. Характернымъ образчикомъ всѣхъ подобнаго рода рыцарскихъ романовъ, пересажденныхъ на почву русской повѣсти, можетъ служить перешедшая къ намъ изъ чешской литературы „*Повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли*“, которую мы и приведемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи для нашихъ читателей.

Брунцвикъ остался, по кончинѣ отца своего, королемъ чешской земли. Но онъ, по молодости лѣтъ, не дорожилъ ни королевствомъ, ни молодою женою — и жаждалъ только славы рыцарскихъ подвиговъ. И вотъ, въ погонѣ за славою, онъ пустился въ море съ избранными спутниками. Послѣ долгаго плаванія, во время жестокой бури, корабль ихъ былъ увлеченъ теченіемъ къ магнитной горѣ, и Брунцвикъ со своими спутниками едва успѣли спастись на берегъ необитаемаго острова. Запасы ихъ, однакоже, вскорѣ истощились, и они стали одинъ за другимъ умирать съ голода. Когда въ живыхъ остались лишь двое — Брунцвикъ и его дядька — этотъ старый вѣрный рыцарь рѣшился спасти Брунцвика отъ гибели во что бы то ни стало: онъ зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ кровью и положилъ на гору, на которую, какъ ему было извѣстно, по временамъ прилетала громадная птица Ногъ. Чудовищная птица дѣйствительно прилетѣла, подхватила Брунцвика и унесла за тридевять земель, въ свое гнѣздо, на пропитаніе своимъ дѣтямъ. Но королевичъ перебилъ всѣхъ птенцовъ Нога-птицы, ушелъ изъ ея гнѣзда и пустился на поиски дальнѣй- Повѣсть о Брунцвикѣ.

шихъ приключеній. Бродя по горамъ и отыскивая жилья человѣческаго, королевичъ услышалъ вдали страшное рыканіе: оказалось, что это левъ борется съ дракономъ-василискомъ... Брунцвикъ избавилъ льва отъ десятиглаваго василиска и съ той поры благодарный левъ не покидалъ королевича ни на минуту. Завидя вдали городъ, королевичъ, вмѣстѣ со львомъ, направляется туда и съ ужасомъ видитъ, что въ городѣ живутъ какіе-то чудовищные люди и правитъ ими царь Алимбрусъ, у котораго двѣ пары глазъ — одни спереди, другіе сзади головы. Царь этотъ обѣщаетъ пропустить Брунцвика черезъ свое царство, если тотъ освободитъ его дочь, красавицу Африку, изъ-подъ власти еще одного, ужаснаго василиска. Королевичъ, при помощи льва, проникаетъ въ самое гнѣздо василиска (городъ, окруженный тройною стѣною и охраняемый чудовищами) — послѣ долгой битвы съ василискомъ и окружающими его гадами, чудовищами и „морскими привидѣніями", побѣждаетъ его и возвращаетъ красавицу Африку къ ея отцу, Алимбрусу. Тогда царь сталъ предлагать свою дочь въ жены королевичу и давалъ за нею огромныя богатства въ приданое; но Брунцвикъ отъ всего отказался и только просилъ отпустить его на родину. Такъ какъ царь не захотѣлъ исполнить свое обѣщаніе, то Брунцвикъ, при помощи случайно-найденнаго чудодѣйственнаго меча-кладенца, вырубаетъ все царство Алимбруса и отплываетъ вмѣстѣ со львомъ на родину. Онъ успѣлъ прибыть къ своему стольному городу какъ разъ во̀-время: его молодая жена, по истеченіи урочнаго времени, собиралась уже вступить во второй бракъ, побуждаемая къ тому своимъ отцомъ... Повѣсть заканчивается очень чувствительно: Брунцвикъ, послѣ долгаго и счастливаго царствованія, умираетъ, оставивъ свое царство сыну; левъ, опечаленный его кончиною, проливаетъ слезы, роетъ землю „отъ великой тоски и жалости" и, наконецъ, умираетъ, подавленный горемъ, на могилѣ Брунцвика.

Смѣхотворныя повѣсти. Рядомъ съ подобными рыцарскими романами, съ той же самой польской почвы переносились къ намъ на Русь цѣлые сборники небольшихъ *смѣхотворныхъ* повѣстей (фацецій) и *жартъ* (шутливыхъ, анекдотическихъ разсказовъ, въ родѣ новеллъ). Эти переводные сборники нерѣдко пополнялись и русскими оригинальными повѣстями, въ родѣ разсказовъ о царѣ Грозномъ и смышленомъ горшенѣ, или въ родѣ спора *„жидовскаго философа Тараски съ хромымъ скоморохомъ"*, который своею смѣлостью и находчивостью вынуждаетъ, наконецъ, „Тараску" отказаться отъ состязанія о превосходствѣ еврейскаго закона надъ христіанскимъ.

Среди оригинальныхъ и русскихъ повѣстей XVII вѣка замѣчаются два направленія, въ равной степени свойственныя самому характеру русскаго человѣка и его постоянному отношенію

къ дѣйствительности: одно — шутливое и веселое, съ оттѣнкомъ легкой и добродушной ироніи; другое — мрачное, безнадежное, суровое даже и въ выраженіи своихъ религіозныхъ вѣрованій и лучшихъ упованій.

Къ первому направленію относятся всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ осмѣивается жалкое состояніе современнаго судопроизводства, ненасытное корыстолюбіе и взяточничество судей и нескончаемая волокита тяжбъ. Сюда относятся, напримѣръ, „*повѣсть о судьѣ-Шемякѣ*“, повѣсть „*о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ*“, извѣстная въ другомъ видѣ, подъ названіемъ „*списка съ судного дѣла о тяжбѣ Леща съ Ершомъ*“. Дѣйствующими лицами въ послѣднихъ двухъ произведеніяхъ являются: бояринъ *Осетръ*, воевода *Сомъ*, выборные: *Судакъ* и *Щука*, челобитчикъ *Лещъ* и ябедникъ *Ершъ;* — а все изложеніе разсказа въ нихъ представляетъ собою вѣрный сколокъ съ современныхъ челобитныхъ и иныхъ приказныхъ бумагъ, съ тщательнымъ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ въ то время законныхъ формъ, порядковъ и обычаевъ. На всемъ этомъ лежитъ оттѣнокъ легкой, шутливой сатиры, умной, наблюдательной и добродушной. Подобныя же сатиры, направленныя противъ лицемѣрія и любостяжанія духовенства, нашли себѣ выраженіе въ „*повѣсти о Курѣ* (т.-е пѣтухѣ) *и Лисѣ*“. Къ тому же отдѣлу сатирическихъ произведеній слѣдуетъ отнести и цѣлый рядъ повѣстей въ прозѣ и въ пѣсенномъ складѣ: „*о происхожденіи винокуренія*“, „*о хлѣбномъ питіи*“, „*о хмѣлѣ высокоумномъ*“ и т. п., въ которыхъ апокрифическія сказанія о Ноѣ и происхожденіи виноградной лозы сплетаются съ народными сказками о бѣсахъ и объ изобрѣтеніи ими хмѣльного питія. „Хмѣль“ во всѣхъ подобныхъ повѣстяхъ является олицетвореннымъ, въ видѣ добраго молодца, непомѣрно хвастливаго и заносчиваго:

.....Я — Хмѣль“ — говоритъ онъ самъ о себѣ — „и происхожу отъ рода великаго и знатнаго; я силенъ и богатъ, хотя добра у меня за душою нѣтъ никакого. Ноги у меня тонки; зато утроба прожорлива, а руки мои обхватываютъ всю землю. Голова у меня высокоумная, языкъ многоглаголивый, а глаза мои не вѣдаютъ никакого стыда“.

Къ этому же легкому, шутливо-сатирическому роду слѣдуетъ отнести весьма любопытную, по бытовымъ подробностямъ, повѣсть о продѣлкахъ и плутняхъ мелкаго подьячаго и ябедника, который разными кривыми и темными путями выбивается въ люди и достигаетъ благосостоянія. Такая наивная эпопея похожденій русскаго Скапена представляется намъ въ „*Исторіи о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардинъ-Нащокина, Аннушкѣ*“ — и заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько подробнѣе ознакомить читателей съ ея содержаніемъ.

Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ.

Фролъ Скобѣевъ—изъ захудалыхъ и бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ—перебивался кое-какъ, живя со дня на день, пріискивая скудный заработокъ сутяжествомъ и ходатайствомъ въ судахъ по чужимъ дѣламъ. Притомъ не пользовался онъ и доброю славою: недаромъ всѣ звали его „плутомъ, воромъ и ябедникомъ". И вотъ, прослышавъ о томъ, что, по сосѣдству съ нимъ, въ своей новгородской вотчинѣ, проживаетъ дочь боярина Нардинъ-Нащокина, Аннушка, онъ задумалъ пуститься на всякія хитрости, чтобы съ ней познакомиться и какимъ-нибудь обманнымъ образомъ сманить ее за себя замужъ. Для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, Фролъ знакомится съ приказчикомъ нащокинской вотчины, а черезъ него съ мамкой „Аннушки", которую подкупаетъ подарками, такъ что та рѣшается быть пособницею въ исполненіи его темнаго плана. Мамка, по желанію Аннушки, сзываетъ дѣвицъ окрестныхъ дворянъ на вечеринку, и въ томъ числѣ — сестру Фрола Скобѣева; а та, подъ видомъ дѣвицы-сосѣдки, вводитъ въ дѣвичій теремъ и своего брата, переодѣтаго въ дѣвическое платье. Обманъ открывается, но Фролъ еще разъ подкупаетъ мамку и та сама способствуетъ его сближенію съ Аннушкой. Аннушка сначала смутилась, увидѣвъ себя наединѣ съ мужчиной; но потомъ, запуганная оглаской, согласилась на все, обѣщала выйти за Фрола замужъ и даже подарила ему 300 рублей, въ видѣ залога.

Но вскорѣ бояринъ Нардинъ-Нащокинъ вызываетъ дочь въ Москву, гдѣ за нее сватается женихъ. Туда же спѣшитъ и Фролъ и пускается на новые обманы и хитрости. Онъ узнаетъ, что за Аннушкой должна прислать карету ея тётка-монахиня, къ которой родители отпускаютъ ее гостить. Скобѣевъ выпрашиваетъ у одного пріятеля-стольника карету, самъ переодѣвается въ прислужническое платье, пріѣзжаетъ за Аннушкой въ домъ Нардинъ-Нащокина, будто бы изъ монастыря, и увозитъ Аннушку изъ родительскаго дома. Тайно повѣнчавшись съ боярышней, онъ начинаетъ съ нею жить въ Москвѣ тайкомъ, выжидая, что будетъ дальше. Когда отецъ Аннушки хватился пропавшей дочери, донесъ государю о ея похищеніи и сталъ искать ее, то Скобѣевъ бросился къ пріятелю-стольнику, который давалъ ему карету, и просилъ, чтобы тотъ за него ходатайствовалъ предъ разгнѣваннымъ отцомъ. „Ежели ты предстательствовать за меня не будешь, — угрожаетъ Фролъ пріятелю: — то я донесу на тебя, что ты давалъ мнѣ лошадей и карету; и ежели бы ты не далъ, то мнѣ бы это не учинить безъ тебя". Волей-неволей пришлось стольнику взяться за непріятныя хлопоты, и послѣ долгихъ усилій онъ добивается того, что Нардинъ-Нащокинъ обѣщается не преслѣдовать и не карать Фрола за его обманъ. Принявъ это рѣшеніе, бояринъ поѣхалъ за совѣтомъ къ женѣ; поговорили они и стали жалѣть

Изображеніе пишущаго монаха взято изъ Кёнигсбергскаго (иначе: Радзивиловскаго) списка нашей лѣтописи, хранящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Это довольно любопытный образчикъ рукописной миніатюры ранняго періода.

Текстъ лѣтописи, приводимый нами здѣсь, читается такъ:

„Феодосиеви же живущу въ монасты-
ре—и правящу добродѣтельная житие и чернецкое пра-
вило. и принимающу всякого приходяща(го) к(ъ) нему. к(ъ) не-
му ж(е) и азъ прид(о)хъ худыи. пріять мя лѣ(тъ) ми сущу з̄ı
отъ рожения моег(о). се-же написа(хъ) и положи(хъ) в(ъ) кое лѣто началъ
быти монастырь. и что ра(ди) зоветь(ся) печерскыи. а о фе(до)-
сиеви житьи. паки скажемъ...“

Списокъ лѣтописи, изъ котораго заимствована прилагаемая миніатюра и отрывокъ текста, писанъ полу-уставомъ конца XV или начала XVI вѣка. Эта рукопись была поднесена князю Богуславу Радзивилу Станиславомъ Зеновичемъ, а имъ подарена библіотекѣ Кёнигсбергскаго Университета въ 1668 году. Петръ Великій приказалъ снять съ нея списокъ; а въ 1761 г. и самый подлинникъ ея былъ пріобрѣтенъ для Академіи Наукъ.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Феѡсиєви же живѹщю въ монасты
ре. и правѧщю добродѣтелнаю житиє. и чернецкоє пра
вило. и приимающю всякого прихода щаѧ к нимѹ. к ни
мѹ и азъ прихъ ходыи. приятъ мѧ лѣ мнѣ сѹщю. з҃і
ѿ рожениꙗ моє. се же написах. и положих. в коє лѣ почалъ
быти монастырь. и что ради зоветь печерскый. а ѡ фе
ѡсиєвѣ житьи. паки скажимъ :

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. ИЗЪ РАДЗИВИЛОВСКОЙ РУКОПИСИ АКАДЕМІИ НАУКЪ (листъ 93-й).
(Въ натуральную величину).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

о дочери, почему и рѣшили послать къ ней своего человѣка — узнать о ея здоровьѣ. Скобѣевъ, узнавъ о приходѣ посланнаго, тотчасъ уложилъ Аннушку въ постель, велѣлъ ей притвориться больной, а посланному сказалъ: „видишь самъ, мой другъ, каково ея здоровье! Все отъ родительскаго гнѣва. Они ее бранятъ и клянутъ, а она изъ-за нихъ при смерти. Донеси ихъ милости, чтобы они заочно ей благословеніе дали". Родители тотчасъ же прислали заочное благословеніе и дорогой образъ, а потомъ и запасовъ на шести подводахъ. Затѣмъ, пообождавъ немного, дозволили своему зятю съ дочерью явиться къ нимъ въ домъ, простили ихъ послѣ строгаго внушенія, и даже пиръ имъ задали. Во время этого пріема, Нардинъ-Нащокинъ не велѣлъ никого къ себѣ пускать, кто бы ни пріѣхалъ: „всѣмъ, молъ, сказывайте, что мнѣ недосугъ, что я съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкой, кушаю". При прощаніи, бояринъ подарилъ зятю вотчину въ Симбирской области въ 300 дворовъ, и еще 300 руб. деньгами. Скобѣевъ зажилъ припѣваючи, и впослѣдствіи, по смерти тестя, наслѣдовалъ всѣ его земли и богатства.

Вѣроятно, такія случайности бывали не рѣдки въ описываемую эпоху [1]), потому что авторъ этой повѣсти, повидимому, нисколько не смущается за своего героя и во всѣхъ его дѣяніяхъ видитъ только одну ловкость и изворотливость, — качества, вѣроятно (по тому времени), являвшіяся нѣкоторою самозащитою отъ гнета, который долженъ былъ на себѣ выносить бѣдный, захудалый дворянчикъ со стороны богатыхъ и знатныхъ вельможъ. Какъ бы то ни было, „*Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ*" рисуетъ намъ бытовую картину весьма неутѣшительную и свидѣтельствующую о весьма невысокомъ уровнѣ нравственности въ русскомъ обществѣ конца XVII вѣка.

Духовныя повѣсти.

Но далеко не всѣ произведенія свѣтской литературы этого періода носятъ на себѣ отпечатокъ такого же игриваго и веселаго настроенія, такого же легкаго и насмѣшливаго отношенія къ жизни. Цѣлый большой отдѣлъ повѣстей и сказаній, которыми переполнены рукописные сборники XVII вѣка, отличается чрезвычайно мрачнымъ и сурово-аскетическимъ оттѣнкомъ своего духовно-нравственнаго содержанія, напоминающимъ большинство произведеній нашей аскетической литературы XII—XIII вѣка. Содержаніе этихъ произведеній заимствовано преимущественно изъ народныхъ и книжныхъ, русскихъ и иноземныхъ, духовныхъ легендъ: здѣсь преобладаетъ все „*чудесное*", разсказывается объ упорной борьбѣ человѣка съ бѣсами, о страшномъ паденіи людей, поддавшихся

[1]) Повѣсть, повидимому, относится къ 1680 году, т. е. къ послѣднему двадцатилѣтію XVII вѣка.

искушенію и потомъ искусившихъ свой грѣхъ раскаяніемъ и тяжкими подвигами самоизнуренія, самоистязанія. Личность человѣка выставляется въ этихъ разсказахъ ничтожною, ограниченною, слабою въ ея борьбѣ съ подавляющимъ зломъ, съ торжествующею смертью, съ скрежещущимъ адомъ, полнымъ нескончаемыхъ мукъ. Къ числу такихъ сказаній принадлежатъ повѣсти: „*О благочестивомъ рабѣ*", „*О грѣшной матери*", „*О корыстолюбцѣ*", „*Объ игрокѣ*", „*О роскошномъ житіи и веселіи*", „*О женской злобѣ*", „*О витязѣ и смерти*" [1]), „*О бѣсноватой женѣ Соломоніи*", „*О Саввѣ Грудцынѣ*".

Послѣдняя повѣсть настолько характерна по своимъ подробностямъ и въ такой степени наглядно и ярко передаетъ намъ преобладающее настроеніе всѣхъ подобныхъ повѣстей, что мы считаемъ не излишнимъ ознакомить читателей съ ея содержаніемъ. Любопытною отличительною чертою „*Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ*" представляется намъ то, что ея авторъ опредѣленно указываетъ и время, и мѣсто дѣйствія своей повѣсти, и даже вводитъ въ нее, въ качествѣ дѣйствующихъ, завѣдомо-историческія лица.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Въ Казани, въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, жилъ богатый купецъ, Ѳома Грудцынъ-Усовъ. Онъ велъ обширныя торговыя дѣла не только въ Поволжьи, но и за Хвалынскимъ моремъ, въ Шаховой области (т. е. въ Персіи); къ своимъ торговымъ дѣламъ онъ пріучалъ и сына своего, Савву Грудцына. Однажды, онъ послалъ сына съ товарами въ Соликамскъ. Савва, пользуясь полной свободой, загулялъ и повелъ такую дурную жизнь, что подпалъ власти дьявола. Когда онъ прожилъ всѣ товары и очутился въ нуждѣ, дьяволъ явился къ нему подъ видомъ торговаго человѣка изъ Устюга, и обѣщалъ вывести его изъ затруднительнаго положенія, если онъ дастъ ему на себя рукописаніе. Полуграмотный Савва, не вникая въ смыслъ рукописанія, поставилъ подъ нимъ свою подпись, и такимъ образомъ отдалъ дьяволу свою душу и отрекся отъ православной вѣры. Напрасно призывалъ его больной отецъ, прослышавшій о дурной жизни сына: дьяволъ побуждалъ его укрыться отъ отца и пойти искать счастья по другимъ городамъ. Такъ, послѣ нѣкотораго странствованія по разнымъ городамъ, Савва пришелъ съ дьяволомъ въ городъ Шую, гдѣ происходилъ въ то время наборъ войска для похода подъ Смоленскъ противъ польскаго короля. Оба товарища записались въ солдаты и вмѣстѣ съ другими солдатами были отправлены въ Москву. Здѣсь, при помощи дьявола, Савва оказалъ такіе быстрые успѣхи въ военномъ искусствѣ, что ему сразу поручили три роты новобранцевъ подъ его начало, и самъ царскій шуринъ

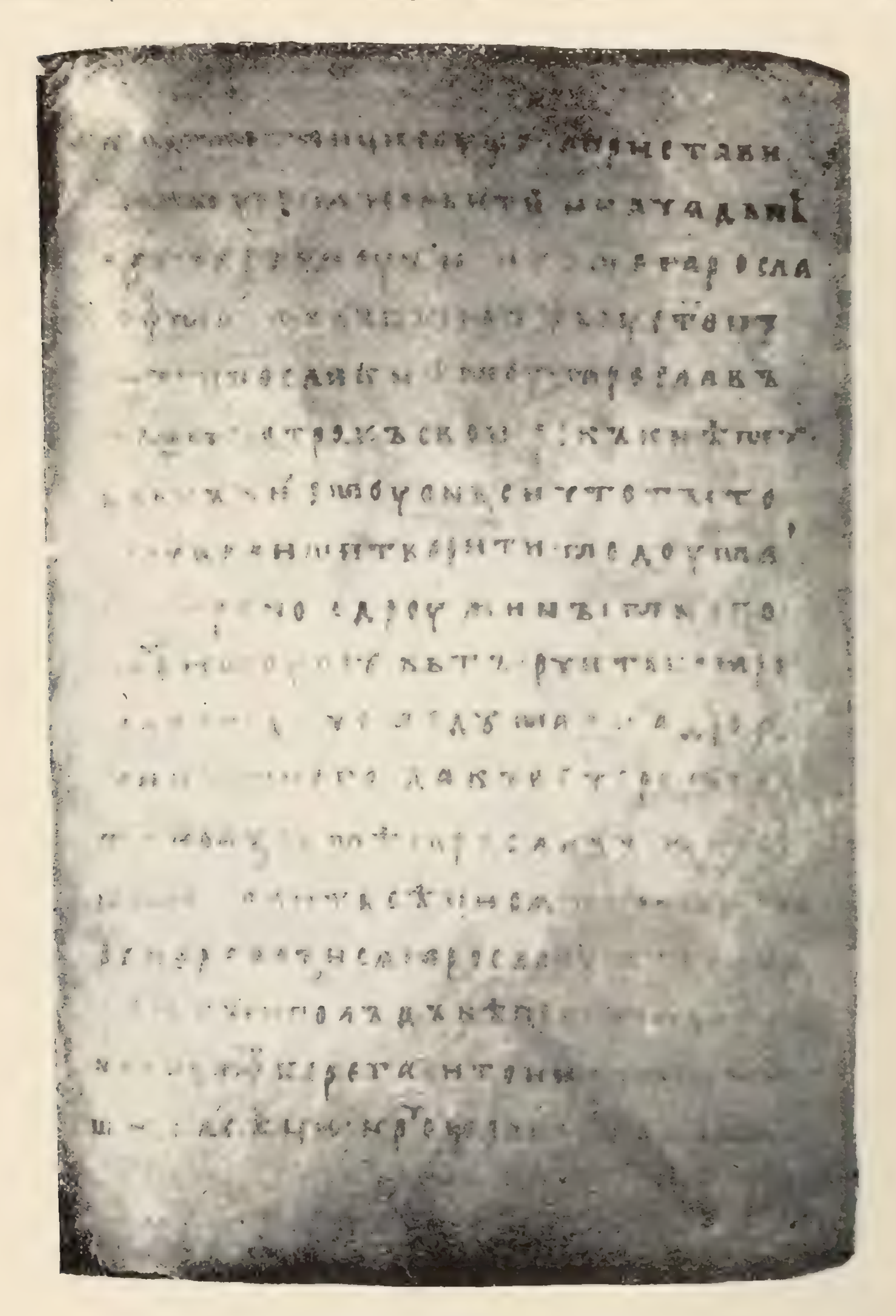
[1]) Эта повѣсть извѣстна еще подъ названіемъ: „Повѣсть о преніи Живота со Смертью" и была распространена во многихъ варіантахъ.

оказалъ ему особо-милостивое вниманіе: даже пригласилъ его къ себѣ на житье. Такую же дѣятельную и постоянную помощь оказывалъ дьяволъ Саввѣ и подъ Смоленскомъ, гдѣ онъ совершилъ цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, такъ что и самъ главный воевода, бояринъ Шеинъ, ему позавидовалъ и отослалъ его домой. Но Савва домой не поѣхалъ, а вернулся въ Москву и здѣсь вдругъ заболѣлъ такъ жестоко, что смерть его, повидимому, была неминуема. Тогда онъ почувствовалъ, что настаетъ для него время расплаты съ дьяволомъ за его услуги! Когда его стали исповѣдовать, въ ту комнату, гдѣ онъ лежалъ, явилась цѣлая толпа бѣсовъ подъ началомъ самого дьявола, который пришелъ на этотъ разъ уже не въ образѣ товарища и спутника его, а въ своемъ настоящемъ, бѣсовскомъ видѣ, и, желая укорить Савву, показалъ ему роковое рукописаніе. При этомъ бѣсы такъ страшно стали мучить Савву, что всѣ окружающіе ужаснулись и даже приставили къ Саввѣ стражу, чтобы онъ въ отчаяніи и изнеможеніи отъ мукъ не наложилъ на себя руки. Но вотъ, въ сонномъ видѣніи, явилась Саввѣ Пресвятая Дѣва и сказала ему въ утѣшеніе, что она спасетъ его душу и отниметъ его рукописаніе отъ дьявола, если Савва дастъ обѣтъ постричься въ монахи. Савва согласился и далъ обѣтъ въ душѣ своей. И вотъ, 8-го іюля, въ праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, Савва пожелалъ, чтобы его повели въ церковь. Вдругъ, во время пѣнія херувимской пѣсни, сверху, на средину храма, упало рукописаніе Саввино—и все написанное на немъ оказалось изглаженнымъ, какъ бы никогда не было писано. Послѣ этого Савва вскорѣ выздоровѣлъ и постригся въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ.

Повѣсть о Горѣ Злосчастіи.

Эта повѣсть, сама по себѣ, не представляетъ ничего оригинальнаго русскаго: сюжетъ ея не болѣе, какъ одинъ изъ множества разсказовъ о чудесахъ Богоматери, обильно разсѣянныхъ по всей Европѣ, въ различныхъ обработкахъ, редакціяхъ и сопоставленіяхъ. Оригинальна только русская бытовая обстановка, въ которую это чудо Богоматери вставлено, да пожалуй еще конецъ, приложенный къ разсказу совершенно во вкусѣ XVII вѣка, когда для многихъ удаленіе въ монастырь являлось желательнымъ, завиднымъ идеаломъ, а для иныхъ—даже единственнымъ исходомъ изъ того тяжкаго положенія, въ которое они сами себя поставили или были поставлены силою обстоятельствъ. Такъ же точно заканчивается и другая, горестная и мрачная эпопея того же времени — „*Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ*“. Эта повѣсть была отыскана въ половинѣ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ русскимъ ученымъ А. Н. Пыпинымъ, посвятившимъ много труда на изученіе обширной литературы древнихъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Она вхо-

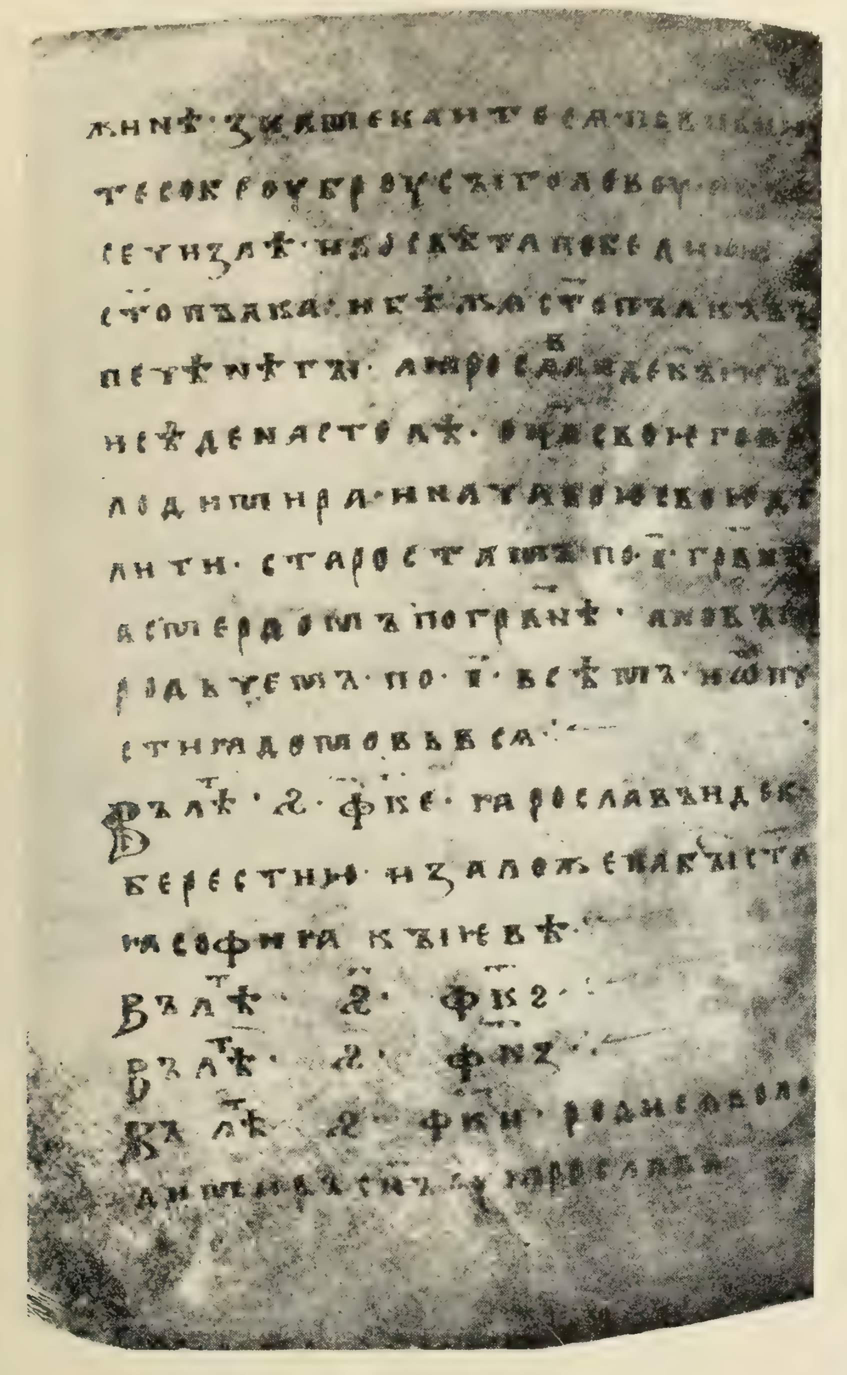
дила въ составъ одного изъ рукописныхъ сборниковъ XVII вѣка, принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ въ

Начало Новгородской лѣтописи, писанной на пергаменѣ, около 1262 г.

С.-Петербургѣ: она была напечатана—и поразила всѣхъ своею сумрачною поэзіею... Всѣ ученые въ одинъ голосъ признали ее такимъ же глубоко-прочувствованнымъ и высоко-поэтическимъ

памятникомъ древне-русской словесности, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, уже извѣстное намъ изъ предыдущаго (см. выше стр. 99—105).

Продолженіе той же лѣтописи.

Содержаніе „Повѣсти о Горѣ-Злочастіи“ очень не многосложно; его не трудно передать въ двухъ словахъ. Назиданіе, составляющее цѣль и основу всего произведенія, совершенно оче-

видно и ясно въ немъ выражено: въ изложеніи сюжета нѣтъ никакихъ эффектныхъ подробностей, никакихъ замысловатыхъ приключеній: но общій колоритъ всего произведенія такъ хорошо выдержанъ, краски такъ ярки, образы, выставленные авторомъ повѣсти, такъ естественны и такъ хорошо выражаютъ основную идею всего произведенія, что оно невольно оставляетъ въ насъ сильное впечатлѣніе.

Росъ добрый молодецъ у отца съ матерью и былъ ихъ любимымъ дѣтищемъ; какъ только онъ „вошелъ въ разумъ", родители

Учить его начали, наказывать [1],
На добрыя дѣла наставливать...

Но молодецъ не захотѣлъ ихъ слушать: „захотѣлъ жить, какъ ему любо". И вотъ, „нажилъ онъ пятьдесятъ рублевъ", и тотчасъ же „нашлось у него пятьдесятъ друговъ". Довѣрившись имъ и своему названному брату, молодецъ сталъ гулять съ ними и бражничать—и гульба кончилась тѣмъ, что они однажды напоили его дò-пьяна и обобрали дò-чиста. Увидалъ онъ себя покинутымъ всѣми: въ головахъ у него кирпичъ положенъ, въ ногахъ—лапотки-отòпочки; самъ онъ покрытъ „гунькою кабацкою", то-есть отрепьями, рубищемъ... Молодцу стыдно стало своего положенія—не захотѣлъ онъ вернуться къ отцу съ матерью и къ прежнимъ друзьямъ: надѣлъ на себя нищенское платье и пошелъ „на чужу сторону, дальну-незнаему". Тамъ онъ сталъ учиться уму-разуму у чужихъ людей: принялъ онъ ихъ наставленіе и зажилъ припѣваючи. И вотъ онъ нажилъ на чужой сторонѣ много имѣнія, сталъ жить богато и, присмотрѣвъ себѣ невѣсту, по обычаю, сталъ ужъ думать о томъ, чтобы жениться. И возгордился онъ, и сталъ передъ людьми похваляться.

А всегда гнило слово похвальное:
Похвальба живетъ человѣку пагуба.

И дѣйствительно, Горе-Злочастіе подслушало его хвастливыя рѣчи и говоритъ ему:

«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатествомъ:
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряя тебя, и досужае,
И я ихъ, Горе, перемỳдрило.
Учинися имъ несчастіе великое:
До смерти со мною боролися»

И вотъ, оно насѣдаетъ на молодца и начинаетъ его преслѣ-

[1]) Въ смыслѣ: давать наставленія, поучать. «Наказаніе» въ древне-русскомъ то же, что—поученіе, назиданіе.

довать, научая на все злое и дурное, совѣтуя отказаться отъ помысловъ о женитьбѣ, и пропить-прогулять все имѣніе...

Молодецъ не захотѣлъ ему вѣрить. И вотъ Горе-Злочастіе излукавилось: оно архангеломъ Гавріиломъ молодцу явилося и повторило тѣ же рѣчи. Тогда молодецъ повѣрилъ этимъ рѣчамъ, „сошелъ онъ пропивать свои животы“ и допилъ-догулялъ до того, что опять пришлось ему покрыть тѣло бѣлое „гунькою кабацкою“. И опять направился онъ отъ стыда на чужбину. А поперекъ его дороги протекала быстрая рѣчка; за рѣкою—перевозчики и просятъ у него перевознаго, а у него и дать нечего,—самъ не ѣлъ ужъ больше сутокъ. Вотъ и вздумалъ онъ съ горя топиться; но чуть только подошелъ онъ къ рѣкѣ, какъ Горе-Злочастіе выскочило изъ-за камня,

Бо́со, на́го, нѣтъ на Го́рѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано».

Воскликнуло оно богатырскимъ голосомъ: „Стой ты, молодецъ. Отъ меня, Горя, не уйдешь никуда“,—и стало надъ нимъ издѣваться, доказывая, что „въ горѣ жить—не кручинну быть“. А къ издѣвательствамъ своимъ оно еще прибавило ему въ назиданіе, чтобы еще болѣе усилить горечь его положенія:

«Постыдился ты родителямъ поклонитися,
А захотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе-Злочастіе».

И требуетъ Горе-Злочастіе, чтобы добрый молодецъ поклонился ему до сырой земли, покорился бы ему до конца,—предался бы въ его полную власть. Тогда и перевозчики-то его перевезутъ даромъ, и накормятъ еще, напоятъ его до-сыта. Видитъ молодецъ бѣду неминучую, поклонился Горю-Злочастію до сырой земли. И что же? Все вдругъ измѣнилось.

«Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе,
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ не о чемъ!»

Запѣлъ онъ, подходя къ берегу, веселую „молодецкую припѣвочку“, и она такъ перевозчикамъ полюбилась, что они перевезли молодца за рѣку безденежно, напоили и накормили его, сняли съ него гуньку кабацкую, дали ему платье крестьянское. Дали ему и добрый совѣтъ: идти на родную сторону, помириться съ отцомъ, съ матерью, выпросить у нихъ себѣ благословеніе.

И пошелъ-было онъ на родину, да Горе его въ чистомъ полѣ встрѣтило, поперекъ дороги ему стало, „учало надъ молодцомъ граяти, какъ злая ворона надъ соколомъ“—и видитъ молодецъ, что никуда не уйти ему отъ Горя-Горинскаго.

Полетѣлъ молодецъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;

Евангеліе, по преданію, писанное самимъ Св. Алексѣемъ митрополитомъ.

Пошелъ молодецъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы [1]).
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,

---

[1]) Выжлецы—охотничьи собаки.

Изображеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго (изъ Троицкаго списка житія его съ лицевыми изображеніями). Рукопись XVI вѣка.

Изображеніе это, подобно многимъ другимъ современнымъ рукописнымъ миніатюрамъ, не отличается правильностью рисунка (въ особенности, въ размѣрахъ фигуры); все вниманіе художника, видимо, сосредоточивалось на отдѣлкѣ подробностей и украшеній и на роскоши и пестротѣ въ сочетаніи красокъ, въ позолотѣ фона и т. д.

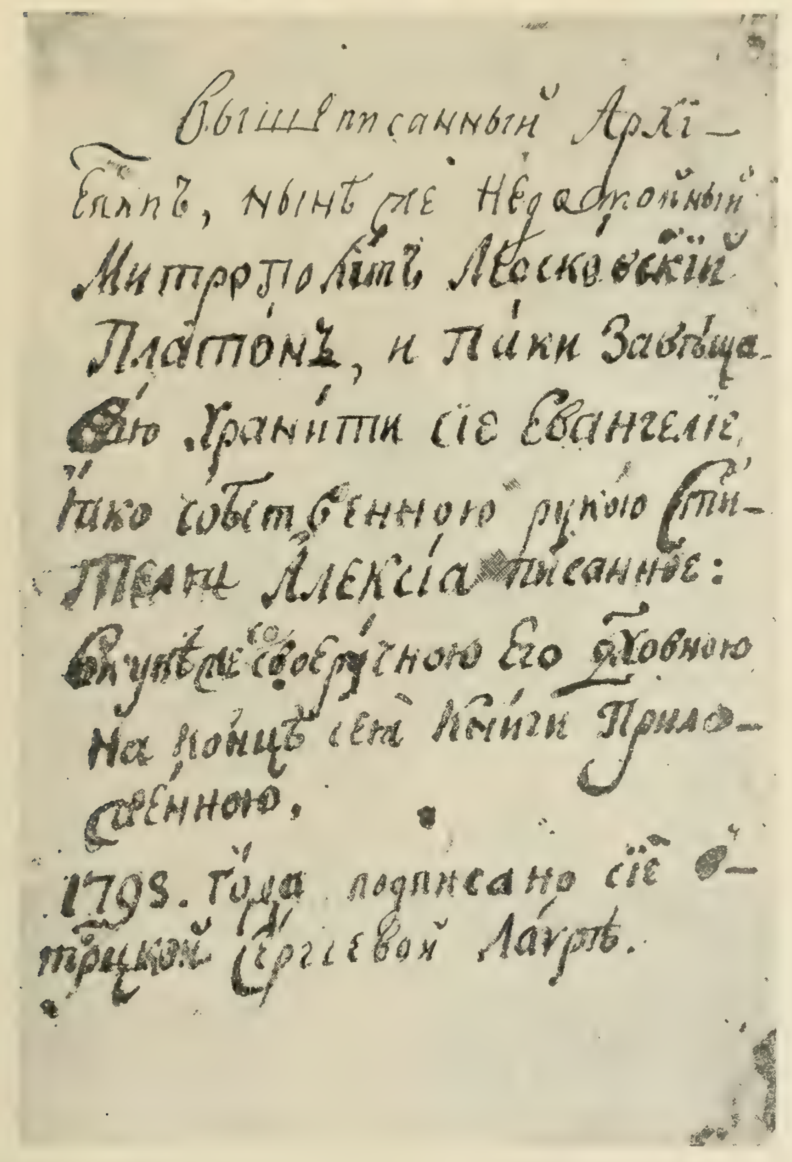
Надпись на верху изображенія, около сіянія надъ главою угодника гласитъ: *„Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ“*. На свиткѣ грамоты въ рукѣ преподобнаго: *„Не скорбите убо, братіе, но по сему разумѣйте...“*

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.
(Изъ Троицкаго списка его житія съ лицевыми изображеніями. Рукоп. XVI в.).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
«Лежать тебѣ, травонька, посѣченной,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».

Вышеписанный Архі-
епископъ, нынѣ же недостойный
Митрополитъ Московскій
Платонъ, и паки завѣща-
ваю хранити сіе Евангеліе,
яко собственною рукою свя-
тителя Алексія писанное:
въ утвержденіе собственноручною его духовною
на концѣ сея книги прило-
женною.
1798. года подписано сіе въ
Троицкой Сергіевой Лаврѣ.

Свидѣтельство митрополита Платона о подлинности Алексѣевскаго Евангелія, приписанное въ концѣ его.

Пошелъ молодецъ путемъ-дорогою, а неразлучный спутникъ его съ нимъ рука-объ-руку, и шипитъ молодцу на ухо злыя рѣчи, нашептываетъ ему, чтобы разжился чужимъ добромъ, убилъ бы и ограбилъ бы: хочетъ молодца подъ позорную казнь подвести. И тутъ вспомнилъ молодецъ „о спасёномъ пути“, и пошелъ молодецъ въ монастырь постригатися,—зналъ, что Горе у воротъ обители останется и не посмѣетъ къ нему привязаться:

«А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь, Господи, вѣчныя муки
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ—аминь».

На этомъ заканчивается скорбная повѣсть о добромъ молодцѣ, который дерзнулъ понадѣяться на свои силы и жить по своей волѣ! Послѣдній отголосокъ древне-русскихъ воззрѣній на жизнь,— на грани того новаго, грядущаго періода, который, прежде всего, долженъ былъ вызвать къ дѣятельности людей, сильныхъ волею, не доступныхъ никакому унынію, ни Горю-Горинскому,—людей, все побѣждающихъ трудомъ и энергіей.

Отмѣтимъ въ этой замѣчательной, поэтической повѣсти ея странную двойственность — укажемъ на то, что она служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между произведеніями книжной, писанной литературы и произведеніями литературы народной, устной. Планъ повѣсти такъ же простъ, какъ и ея изложеніе: складъ той мѣрной рѣчи, которой она написана, напоминаетъ отчасти складъ древнихъ былинъ и бытовыхъ пѣсенъ. Но въ особенности привлекаетъ къ себѣ вниманіе главное дѣйствующее лицо повѣсти—этотъ странный злой духъ, олицетворяющій людскую духовную немочь—это неотвязчивое Горе-Злочастіе! Оно цѣликомъ, какъ олицетвореніе и воплощеніе отвлеченной силы, заимствовано авторомъ повѣсти изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ о Горѣ. Многія черты, даже отдѣльныя выраженія несомнѣнно занесены авторомъ въ его повѣсть изъ произведеній народной поэзіи. Но дѣло не въ этихъ заимствованьяхъ, а въ томъ замѣчательномъ умѣньѣ, съ которымъ авторъ ими воспользовался,—онъ такъ искусно усвоилъ ихъ своему произведенію, что мы должны признать въ немъ автора-художника, способнаго проникнуться духомъ народной поэзіи и сочувствіемъ къ тѣмъ „мо̀лодцамъ“, которыхъ Горе-Злочастіе низводило на послѣднюю ступень общественной лѣстницы и которыхъ оберечь отъ гибели могъ только одинъ „спасёный путь“.

Многія черты повѣсти поражаютъ насъ своимъ поэтическимъ колоритомъ и правдивостью, свѣжестью образовъ, которые авторъ набрасываетъ легко и изящно, то изображая преслѣдованія неотвязчиваго Горя-Горинскаго, то коварныя ласкательства лукавыхъ друзей, то рисуетъ передъ нами живую и прелестную картину матери, любующейся своимъ ненагляднымъ дѣтищемъ.

Безпечальна мать меня породила,
Гребешкомъ кудёрцы расчесала,
Драгими порты меня одѣяла,
И, отшедъ, подъ ручку посмотрѣла:
«Хорошо ли, мое чадо, во драгихъ портахъ [1])?

---

[1]) *Порты*—древнее слово, обозначающее платье вообще. Отсюда и слово «*портной*».

А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣту!»
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!

Такая необычайно-милая картина, полная жизни и красокъ, и вставленная въ общій, мрачный фонъ всей эпопеи —сдѣлала бы честь любому изъ русскихъ поэтовъ, и намъ остается только жалѣть, что имя автора прекрасной повѣсти XVII вѣка осталось доселѣ неизвѣстнымъ.

Древніе изразцы Московскаго печатнаго двора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народная поэзія въ XVII вѣкѣ.— Русскія историческія пѣсни, записанныя англичаниномъ.—Малороссійскія думы.—Духовные стихи и духовныя пѣсни.—Вліяніе раскола на духовные стихи.—Пѣснь про осаду Соловецкаго монастыря

Въ то время, когда историческая жизнь народа шла своимъ опредѣленнымъ путемъ—то нѣсколько продвигаясь впередъ, то замедляясь и задерживая ростъ Русскаго государства,—жизнь низшихъ слоевъ народа, оставалась на той же, почти первоначальной стадіи развитія и не выходила изъ тѣхъ условій, въ которыя она была поставлена пять-шесть вѣковъ тому назадъ. Въ концѣ XVI вѣка крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и жизнь народа, конечно, не стала отъ этого ни легче, ни лучше. Затѣмъ наступила, въ началѣ XVII вѣка, эпоха общаго экономическаго и нравственнаго броженія—Смутное время,—съ его нескончаемыми раззореніями, опустошеніями и неисчислимыми утратами и ущербами народнаго богатства и благосостоянія. За Смутнымъ временемъ послѣдовали войны съ сосѣдями, въ которыхъ главныя тягости опять-таки выпадали на долю народа; а въ то же время поднялась и выросла *смута церковная*, въ которой народъ невольно принялъ участіе, руководимый изувѣрными расколоучителями, и внесъ въ свою жизнь новыя страданія, новыя гоненія и преслѣдованья... Къ концу XVII вѣка тягости народной жизни возросли до крайности: недовольство сдѣлалось общимъ и съ одной стороны стало

Древнiе переплеты книгъ Типографской библiотеки при Сунодальной типографiи въ Москвѣ.

выражаться открытыми бунтами и возстаніями; съ другой тѣмъ, что цѣлыя волости разбѣгались врозь. Одни уходили въ недоступные лѣса и дебри, другіе выселялись за литовско-польскій рубежъ, третьи или пополнять собою шайки привольно-гулявшей и грабившей поволжской вольницы или донского казачества.

Всѣ эти явленія и условія народной жизни въ XVII вѣкѣ

Древніе переплеты книгъ Тилографской библіотеки.

нашли себѣ, конечно, болѣе или менѣе полное выраженіе и въ народной поэзіи, которая, въ этотъ періодъ, представляется намъ особенно отзывчивой и разнообразной.

Разнообразны въ народной поэзіи этого періода, конечно, не формы. Формы остаются все тѣ же: *былина* или подобная былинѣ по складу *историческая пѣсня*, *пѣснь лирическая*, преимущественно съ элегическимъ оттѣнкомъ, и *духовный* стихъ. И мораль этой

поэзіи остается точно такою же простою и, если можно такъ выразиться,—такою же прямолинейною, какъ и всегда. Но и въ области пѣсни являются новые виды, новыя направленія, новые герои; и въ духовномъ стихѣ нарождаются новые идеалы, новые образы, новыя стремленія.

Пѣсни XVII вѣка.

Бытовыя или историческія пѣсни XVII вѣка сохранили намъ не только память объ историческихъ событіяхъ и лицахъ—о нечестіи и гибели Гришки-Растриги, о несчастной участи Борисовой дочери, о загадочной кончинѣ юнаго героя Скопина Шуйскаго—въ этихъ пѣсняхъ выразился и взглядъ народа на современныя событія и на дѣянія современниковъ. Такъ, напримѣръ, гибель Самозванца народъ объясняетъ въ пѣснѣ тѣмъ, что онъ былъ ***не прямой царь*** (т. е. не законный) и не уважалъ русской вѣры и обычаевъ; смерть Скопина Шуйскаго народъ приписывалъ отравѣ, а злодѣйскій умыселъ противъ него объясняетъ завистью бояръ къ молодому, талантливому воеводѣ, и въ этомъ объясненіи намъ слышится отголосокъ народной молвы, вѣроятно, широко распространенной въ свое время. Отмѣтимъ кстати очень любопытный фактъ: шесть пѣсенъ XVII вѣка дошли до насъ чрезвычайно оригинальнымъ, окольнымъ путемъ. Нѣкто Ричардъ Джемсъ, баккалавръ Оксфордскаго университета, состоялъ въ 1619—1620 годахъ священникомъ при англійскомъ посольствѣ, пребывавшемъ въ это время въ Москвѣ; внимательно наблюдая все русское, этотъ любознательный иноземецъ, между прочимъ, записалъ въ своей памятной книжкѣ шесть слѣдующихъ пѣсенъ: ***„Въѣздъ Филарета въ Москву“***, ***„Смерть Скопина-Шуйскаго“***, ***„Двѣ пѣсни о Ксеніи Борисовнѣ“***, ***„Весновая служба“*** и ***„Набѣгъ Крымскихъ Татаръ“***. Приведемъ здѣсь одну изъ этихъ пѣсенъ, вложенную въ уста Ксеніи Годуновой и полную глубокаго лиризма:

А сплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже Спасъ милосердый!
За что наше царство загибло:
За батюшково-ли согрѣшенье,
За матушкино-ли немоленье?
А, свѣтъ вы, наши высокія хоромы,
Кому вами будетъ владѣти
Послѣ нашего царскаго житья?
А свѣты браные-убрусы,
Береза-ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки,
Лѣсы-ли вами дарити?
А свѣты яхонты-серёжки,
На сучьё ли васъ задѣвати,
Послѣ царскаго нашего житья,

А свѣтъ Бориса Годунова?
А что ѣдетъ къ Москвѣ Разстрига
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ, царевну, поймати,
А на Устюжну на желѣзную послати,
Меня хочетъ, царевну, постритчи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино, ахти мнѣ, горевати,
Какъ мнѣ въ темну келію вступати,
У игумены благословитися?»

Пѣсни разбойничьи.

Любопытнымъ и новымъ видомъ эпической пѣсни являются въ XVII вѣкѣ пѣсни *разбойничьи*; особенное изобиліе ихъ, конечно, должно быть объяснено тѣмъ, что и разбойничество съ конца XVI вѣка сдѣлалось повсемѣстнымъ, общераспространеннымъ явленіемъ русской жизни, противъ котораго правительство оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ, потому что не могло въ корнѣ уничтожить тѣ бытовыя условія, которыя приводили многихъ изъ народной массы къ этому страшному промыслу. Разбойничьи пѣсни, близко соприкасаясь съ бурлацкими и казацкими, стали, въ концѣ XVII вѣка, группироваться около крупной личности страшнаго Стеньки Разина, который, для огромнаго большинства народа, представлялся идеаломъ беззавѣтной удали и дерзкаго молодечества; а неприглядныя условія народной жизни, о которыхъ мы уже упоминали выше, придавали этому темному дѣятелю въ глазахъ неразвитой народной массы обаятельное значеніе — возводили его чуть ли не въ народные герои. Масса народа видѣла въ Стенькѣ Разинѣ мстителя за свои обиды и страданія, народнаго вождя, призваннаго освободить народъ отъ власти помѣщиковъ, отъ притѣсненій воеводъ и отъ корысти приказныхъ. Благодаря такому значенію Стеньки Разина въ глазахъ народа, до насъ дошло множество пѣсенъ о немъ, воспѣвающихъ его подвиги, его удаль, его щедрость и широкій разгулъ. Любопытною (хотя и не новою) чертою личности Стеньки Разина, какъ она рисуется въ пѣсняхъ о немъ, является то, что онъ изображается въ нихъ не только богатыремъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но и *вѣдуномъ-чародѣемъ,* для котораго нѣтъ ничего невозможнаго, ничего недостижимаго. То онъ *отводитъ глаза* царскимъ воеводамъ, уходя отъ ихъ преслѣдованій; то издѣвается надъ пулями и ядрами, которыми осыпаютъ его царскія войска; то ускользаетъ изъ тюрьмы, усѣвшись въ лодку съ гребцами, нарисованную на стѣнѣ углемъ. Чтобы еще болѣе возвысить въ собственныхъ глазахъ значеніе Стеньки, народъ связываетъ его съ любимымъ героемъ своихъ былевыхъ пѣсенъ: самъ „старый матерой казакъ Илья Муромецъ служитъ у Стеньки есауломъ"... И всѣ тѣ „удалы добры мо-

лодцы", изъ которыхъ состоитъ ватага Стеньки, это все не простые воры и разбойники, по представленію народа, а нѣчто иное — словно бы особое сословіе. Такъ они о себѣ и въ пѣснѣ поютъ:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,

Новоспасскій монастырь въ Москвѣ, въ которомъ долгое время жилъ Максимъ Грекъ.

Есауловы всѣ помощнички.
Мы весломъ махнемъ — корабель возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Народъ старается придать имъ даже и внѣшность красивую, заманчивую, привлекательную: они нарядны и щеголеваты:

На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьяны сапожки,

Титульный листъ Катехизиса Лаврентія Зизанія.

Заглавная миніатюра его изображаетъ диспутъ, происходившій въ 1627 г. на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, по поводу книги Лаврентія Зизанія, привезенной авторомъ въ Москву на разсмотрѣніе. (См. выше, стр. 245 и сл.).

Ниже миніатюры, въ текстѣ, читаемъ:

„Книга, глаголемая, по гречески ка
тихисисъ. По литовски оглашеніе. Русскимъ же языкомъ
нарицаема бесѣдословіе. Избрана отъ божественныхъ писаній
Евангельскія проповѣди. Апостольскихъ ученій святыхъ
богоносныхъ отецъ. Въ вопросѣхъ и отвѣтехъ. Рекше во образѣ
хотящаго разумѣти. Во образѣ могущаго разумъ
дати. Вопросъ:

Понеже вся наша мудрость христіанская въ семъ пред
лежитъ еже Господа Бога намъ знати и самѣхъ себе,
сего ради вопрошаю тя, что еси ты. *Отвѣтъ:*
азъ есмь человѣкъ, созданіе Божіе словесно, тво
реніе руку его. по образу его и по подобію его:
Вопросъ: чесо ради тя Богъ человѣка сотвори:

Книга глаголемая по грецески Катихисис. По литовски оглашение. Обыкновенным же языком нарицаеться беседословие. Избрана от божественных писаний. Евангелския проповеди. Апостольския учения. Святых богоносных отец. Вопросов ради и ответов. Рекше от образа хотящаго разумети. И от образа могущаго разум дати. Вопрос.

Понеже вся наша мудрость христианская все предлежит, еже Господа Бога познати, и самех себе. Сего ради вопрошаю тя, что еси ты? Ответ. Аз есмь человек, создание Божие словесно, творение руку его, по образу его и по подобию его. Вопрос. Чесо ради тя Бог человека сотвори.

А

а

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ РУКОПИСНАГО „КАТИХИЗИСА“ ЛАВРЕНТІЯ ЗИЗАНІЯ.
(Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 г. по поводу исправленія «Катихизиса» Лаврентія Зизанія.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

RHETORI
CA PRACTICA
DE OMNIUM TRIUM GE
NERUM DEMONSTRATIVI
DELIBERATIVI & IUDICIALIS
Speciebus
composita per me Samuele Pro
toński Sitnianowicz aud: phil
eiusdemq magisterii candidato
Anno dni 1653
Incepta 20 Martij
Adsis inceptis Virgo benigna meis

Автографъ Симеона Полоцкаго, въ Типографской библіотекѣ.

На нихъ штаники кумачны, во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ.

Народное преданіе даже и самому Стенькѣ приписываетъ сочиненіе одной изъ пѣсенъ—той, въ которой онъ, прощаясь съ

товарищами, проситъ ихъ предать его тѣло землѣ на перекресткѣ, между трехъ дорогъ: „межъ Московской, Астраханской, славной Кіевской“... Съ достоинствомъ и сознаніемъ своего значенія въ народѣ, онъ дѣлаетъ и дальнѣйшія распоряженія:

Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается —
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевичъ, по прозванію.

Духовные стихи.

Прямою противоположностью этимъ пѣснямъ объ „удалыхъ добрыхъ молодцахъ“ являются въ XVII вѣкѣ *духовные стихи*. Мы уже знакомы съ этимъ видомъ народной поэзіи, уже сообщили въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 166) мнѣнія ученыхъ о происхожденіи духовныхъ стиховъ, упомянули о древнѣйшихъ произведеніяхъ этого вида, стоящихъ въ тѣсной связи съ двоевѣрнымъ періодомъ нашей культуры. Указывали мы тамъ же на главнѣйшіе сюжеты, полагаемые въ основу духовныхъ стиховъ: на житія святыхъ, на евангельскія притчи и апокрифическія сказанія. Въ XVII вѣкѣ— вѣкѣ усиленной религіозной борьбы, вѣкѣ сомнѣній и споровъ, открытой и рьяной проповѣди расколоучителей и суровыхъ преслѣдованій за религіозныя мнѣнія и убѣжденія — духовные стихи становятся болѣе разнообразными по содержанію и пріобрѣтаютъ особый оттѣнокъ. Тяжелыя и сумрачныя условія современной исторической жизни налагаютъ свою печать на произведенія этой области народной поэзіи: страшный судъ, мученія, ожидающія грѣшниковъ въ аду, вѣчное пребываніе во тьмѣ кромѣшной и въ огнѣ неугасимомъ — вотъ о чемъ поютъ духовные стихи этой эпохи. Полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ благамъ жизни, мертвящее и принижающее человѣка сознаніе своего ничтожества, сознаніе суетности всѣхъ трудовъ, заботъ и усилій человѣка передъ всепоглощающею властью смерти — вотъ чѣмъ полны эти скорбные, мрачные отголоски печальной, невыносимо-тяжелой дѣйствительности. Поэтому, среди духовныхъ стиховъ видимъ во множествѣ такія произведенія, какъ стихъ „о страшномъ судѣ“, стихъ „о разставаніи души съ тѣломъ“, стихъ „о мукахъ грѣшниковъ“ и цѣлый рядъ различныхъ обработокъ одного и того же излюбленнаго сюжета — „борьбы человѣка со смертью“. Чаще всего этотъ сюжетъ излагается въ видѣ спора „между Жизнью и Смертью“ или же въ видѣ бесѣды между сильнымъ и могучимъ богатыремъ „Аникою-воиномъ“, котораго „Смерть“ приходитъ скосить своею острою косою среди славныхъ его подвиговъ, не внимая никакимъ его мольбамъ и просьбамъ. Въ этомъ послѣднемъ сюжетѣ намъ

слышится какъ бы отдаленный отголосокъ распространеннаго и въ западныхъ литературахъ, и въ западномъ искусствѣ средневѣкового сказанія о „плясках Смерти“, всюду торжествующей надъ человѣкомъ, какое бы ни занималъ онъ общественное положеніе.

Болѣе утѣшительнымъ, болѣе примирительнымъ характеромъ отличаются духовные стихи, въ которыхъ отразилось благотворное вліяніе, оказываемое природою на человѣка, ищущаго среди нея уединенія и покоя: это тѣ, въ которыхъ воспѣвается „пустыня“ или „мать-пустыня“; многіе ихъ нихъ извѣстны подъ названіемъ „похвала пустыни“ или „разговоръ съ пустынею“ и отличаются несомнѣнными поэтическими красотами. Приводимъ отрывокъ одного изъ подобныхъ духовныхъ стиховъ, извѣстнаго подъ названіемъ „стихъ Іосафа-царевича къ пустынѣ“.

Стихъ начинается съ того, что „младой царевичъ Осафій“ проситъ мать-пустыню принять его въ свое лоно. Отвѣчаетъ ему „прекрасная мать-пустыня“:

«Ты, младый царевичъ Осафій,
Не жить тебѣ во-пустынѣ...
Нѣтъ во мнѣ царскаго ѣства,
И нѣтъ во мнѣ царскаго пойла;
Ѣсть-воскушать — гнилая колода;
Пить-испивать — болотна водица».
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
«Прекрасная ты моя пустыня,
Любимая моя мати!
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Своими великими страстями.
Могу я жить въ пустыни,
Волю Божію творити;
Житье наше, мать, часовое,
А богатство наше, мать, временное,
Радъ я на тебя работати,
Земные поклоны справляти
До своего смертнаго часу.»
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня:
«Ты, младый царевичъ Осафій,
Не жить тебѣ во пустыни:
Придетъ мать-весна кра̀сна—
Лузья-боло̀та разо̀льются,
Древа листами одѣнутся
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами;
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!»
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
«Прекрасная мать-пустыня!

Любезная моя мати!
Хоть прійдетъ мать весна-красна,
И лузья-болота разольются,
И древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами —
Не прельщусь я на благовонные цвѣты,
И не буду взирать на вольное царство,
Изъ пустыни я вонъ не изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину».

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти стихи, обращенные къ „пустыни", сложены были именно раскольниками; до такой степени живо передается въ нихъ то глубокое впечатлѣніе, которое дѣвственные лѣса нашего Сѣвера, съ ихъ непроницаемыми чащами и болотными дебрями, должны были производить на людей, убѣгавшихъ въ ихъ лоно и отъ „прелестей міра", и отъ жестокости суровыхъ гоненій. Но далеко не всѣ раскольничьи стихи производятъ такое же примиряющее впечатлѣніе, какъ вышеприведенный нами стихъ; въ нѣкоторыхъ проявляется ихъ сектантская нетерпимость, описываются мученія грѣшниковъ въ аду, и при этомъ указывается на несоблюденія самыхъ мелкихъ обрядовъ, какъ на поводы для осужденія на вѣчную муку.

Пѣсня объ осадѣ Соловецкой обители.

Раскольникамъ же, конечно, принадлежитъ и ѣдкая сатира, осмѣивающая Никоновскія новшества и указывающая на то, что во многихъ мѣстахъ эти новшества вводились силою. Сатира эта нашла себѣ выраженіе въ извѣстной „пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря", — осадѣ, памятной всѣмъ своею продолжительностью и тѣмъ несокрушимымъ упорствомъ, которое было выказано раскольниками въ этой открытой борьбѣ съ властью.

Пѣснь начинается съ того, что въ Москвѣ бояре выбираютъ изъ своей среды воеводу, „Ивана Петрова, изъ того ли рода Салтыкова", и становятъ его предъ царскія очи. И говоритъ ему царь:

Охъ, ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Къ тому монастырю непокорному,
Къ Соловецкому;
Ты нарушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую.

„Любимый царскій воеводушка", конечно, выражаетъ удивленіе и начинаетъ утверждать, что „нельзя объ этомъ и подумати, нельзя объ этомъ и помыслити". Царь на это „распаляется", и воевода, вынужденный къ повиновенію, проситъ, чтобы царь ему далъ войско большое и сильное.

Затѣмъ пѣсня переходитъ къ идиллически-привлекательной картинѣ монастырской тишины и благоговѣйнаго смиренія:

Какъ и было въ самый-ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было̀ на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было- -
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы молитвы пѣли...

Какъ вдругъ бѣжитъ пономарь и объявляетъ чернецамъ, что къ стѣнамъ обители идетъ большое войско и съ пушками; при этомъ онъ выражаетъ сомнѣніе насчетъ намѣреній подступающаго войска православнаго: „Не то они идутъ ратитися, не то они идутъ молитися..."

Старцы отвѣчаютъ пономарю съ укоризною: „Охъ ты, глупый звонарь, неразумный пономарь! Вѣдь это же войско православное: не идетъ оно ратитися, а идетъ оно молитися". И тотчасъ послѣ того пѣсня добавляетъ:

На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрышко калёное,
Забивали въ пушечку мѣдную.
Палили въ тотъ честно̀й монастырь,
Въ Соловецкій.

Такъ заканчивается пѣсня -- печальный памятникъ безплодной борьбы, вызванной духовною распрею, которая привела къ еще болѣе печальному историческому недоразумѣнію...

Древніе изразцы Московскаго Печатнаго Двора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Недовольство существующимъ порядкомъ вещей.—Голосъ обиженныхъ и обойденныхъ.—Котошихинъ и его критика современнаго общества.—Крижаничъ; его порицанія и разсужденія о благѣ и пользѣ Московскаго Государства.

Изъ того общаго, хотя и краткаго обзора различныхъ отраслей литературы XVII вѣка, который приведенъ нами въ предшествующихъ главахъ, не трудно видѣть, что жизнь умственная въ этомъ періодѣ сдѣлала большіе успѣхи въ опредѣленномъ смыслѣ пробужденія сознательнаго отношенія къ дѣйствительности... Весьма естественно, это возрастающее и крѣпнущее самосознаніе должно было выразиться, между прочимъ, и въ формѣ осужденія и порицанія, вызываемыхъ критическимъ отношеніемъ къ существующему порядку вещей. Мы видѣли первые, робкіе и нетвердые шаги русской сатиры, въ виршахъ князя Хворостинина; видѣли суровыя, рѣзкія, ожесточенныя обличенія и горькія насмѣшки протопопа Аввакума и его собратій надъ церковными „новшествами" Никона. Гораздо болѣе важными по своему критическому значенію являются два другихъ труда, въ которыхъ современная русская жизнь подвергнута весьма полному и разностороннему анализу, и этотъ анализъ даетъ намъ возможность всмотрѣться въ разнообразныя ея проявленія и ознакомиться съ ними довольно подробно и близко. Мы говоримъ о двухъ замѣчательныхъ трудахъ, сохранившихся намъ отъ XVII вѣка: о книгѣ Котошихина, озаглавленной *„О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича"* и о книгѣ Крижанича, которой новѣйшій издатель придалъ произвольное и весьма неопредѣленное заглавіе: *„Русское государство въ половинѣ XVII вѣка"* [1]). Какъ то, такъ и другое сочиненіе заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Котошихинъ и его трудъ.

Григорій Котошихинъ былъ подьячимъ Посольскаго Приказа, гдѣ на службѣ (даже и въ низкихъ степеняхъ) состояли обыкновенно люди болѣе или менѣе образованные, знакомые съ иностранными языками и иноземными обычаями. Во время второй польской войны, начавшейся въ 1660 году, мы видимъ Котошихина на службѣ при воеводѣ князѣ Долгорукомъ, вѣроятно для сношеній по дипломатической части. Во время этой службы онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ, который подговаривалъ его донести на своего товарища-воеводу, и, опасаясь (не безъ основаній) мести князя, увидѣлъ себя вынужденнымъ бѣжать сначала въ Польшу, потомъ въ Пруссію, и наконецъ еще дальше—въ Швецію.

[1]) Такъ назвалъ книгу Крижановича издавшій ее П. Безсоновъ, хотя въ подлинникѣ, какъ мы увидимъ далѣе, она носитъ совсѣмъ другое заглавіе.

Здѣсь онъ жилъ въ Стокгольмѣ, вѣроятно занимаясь какою-нибудь профессіею или проживая нажитый на службѣ достатокъ, и обратилъ на себя вниманіе просвѣщеннаго вельможи, канцлера Магнуса де-ла-Гарди, сына Якова де-ла-Гарди, извѣстнаго по той роли, какую онъ игралъ въ Московскомъ Государствѣ въ эпоху Смутнаго времени. Вѣроятно, по его желанію и настоянію, а можетъ быть даже и по заказу, Котошихинъ здѣсь и написалъ свою любопытнѣйшую книгу (между 1666 — 1667 г.г.).

Одна изъ залъ бывшей Патріаршей, нынѣ Сvнодальной, библіотеки въ Москвѣ.

Такъ можемъ мы заключить по тому, что книга эта была впослѣдствіи переведена на шведскій языкъ, по желанію того же канцлера. Самъ же авторъ, несмотря на то, что его положеніе было такъ, повидимому, хорошо обставлено въ странѣ, которая дала ему убѣжище, кончилъ жизнь очень печально: онъ былъ казненъ за убійство хозяина того дома, въ которомъ жилъ; убійство произошло во время ссоры, и причиною ссоры были отношенія Котошихина къ женѣ домохозяина.

Собственно говоря, книгу свою Котошихинъ долженъ былъ бы назвать: „*Нравы и обычаи Московскаго Государства*“, и никакъ не ограничивать ея содержанія заглавіемъ, въ которомъ упоминается только о царствованіи Алексѣя Михайловича, между тѣмъ

какъ онъ даетъ весьма полную картину быта высшихъ слоевъ русскаго общества въ томъ видѣ, какъ этотъ бытъ сложился при великокняжескомъ дворѣ, въ концѣ XV вѣка, и установился при царяхъ, въ XVI и XVII вѣкѣ. Низшихъ сословій и народа Котошихинъ не касается, потому-ли, что не считалъ ихъ бытъ достойнымъ описанія, или потому, что бытъ этихъ сословій и народа менѣе интересовалъ того высокаго покровителя - иноземца, который побудилъ его написать книгу.

Свое сочиненіе Котошихинъ начинаетъ съ краткаго повѣствованія о предкахъ царя Алексѣя Михайловича, и ведетъ свой разсказъ со временъ перваго царя московскаго, Іоанна Грознаго. Свой разсказъ о временахъ Алексѣя Михайловича онъ ведетъ отъ его вступленія на престолъ и вѣнчанія на царство, а затѣмъ переходитъ къ его женитьбѣ; пользуясь этимъ, онъ подробно описываетъ весьма сложные свадебные обряды и пиры на царской свадьбѣ. За этимъ слѣдуетъ, въ прямой послѣдовательности, описаніе внутренняго быта царской семьи и жизни дворца во всѣхъ ея внутреннихъ и внѣшнихъ проявленіяхъ. Къ описанію дворцовыхъ порядковъ и обычаевъ примыкаетъ такое же обстоятельное и подробное описаніе двора и всѣхъ чиновъ, окружающихъ царя и царицу. Весьма понятно, почему Котошихинъ такъ подробно останавливается на описаніи русскихъ посольствъ къ иностраннымъ дворамъ и пріемѣ иноземныхъ пословъ въ Московскомъ Государствѣ: ему, какъ бывшему подьячему Посольскаго Приказа, были до мелочей извѣстны всѣ обычаи и обстановка подобныхъ отправокъ и пріемовъ. Затѣмъ, отъ обстоятельнаго описанія царскаго быта и быта придворной, ближайшей къ царю среды, Котошихинъ отвлекается въ сторону и въ нѣсколькихъ главахъ говоритъ о государственномъ строѣ и управленіи Московскаго Государства, о различныхъ Приказахъ и завѣдываньи ими, о земельномъ устройствѣ, о войскѣ, о торговлѣ и сословіяхъ. Въ концѣ книги онъ вновь переходитъ къ описанію жизни, обычаевъ и нравовъ боярскаго сословія, и рисуетъ намъ картину подробную, любопытную, но далеко непривлекательную. Замѣчательно, что о церкви и духовенствѣ Котошихинъ не упоминаетъ вовсе; было-ли это съ его стороны заранѣе принятымъ намѣреніемъ, или явилось только слѣдствіемъ того, что онъ не успѣлъ вполнѣ окончить свою книгу по опредѣленному плану? Но даже и при этомъ важномъ пробѣлѣ, книга Котошихина — по справедливому замѣчанію нашего историка — должна была представляться весьма важною и цѣнною для иностранца, такъ какъ она „даетъ свѣдѣнія, которыя, по понятіямъ того времени, составляли канцелярскую тайну и иноземцу были не доступны".

Котошихинъ писалъ свою книгу за границей, вдали отъ вся-

Razgowori ob Wladátelystwei

Predgowórie

Автографъ Юрія Крижанича.

Двѣ страницы (1-я и 2-я) изъ его рукописи «Разговоры о владательству», хранящейся въ Москвѣ, въ Типографской библіотекѣ.

Predgowórie.

2

Twerdnost, Precénba, Zakonostávie.

=žênim cárstwa: ob umnožênii sil: i o wsêtich rátnich prómislech.
Ob brežênii czesti i weliczastwa: wezi wsákako znat potrébni, i doo=
=sele (tako sumnyáiu) nikoli nenaweszeni. Ob zakónech, i obicájech,
i ob zakonostáwiu: Káko ono so wrêmenem biwáet naruszeno. Káko
dobrich zakónow brêz u celost; a zlich izkorenyát.

Ob nedúgech, libo núžach Naródnich.

4. Swêtiy Ambrôziy gowórêc ob onom mertwecu, kogo Spasitely woskresil w grádu

Gdárstwa, chorobám podwéržena.

Naimu, sice welit: Mertwecá onogo ko grobu noszachu czetiri perwosotwornije
wêci: kotorije wsjem nawódat tljênie, i ko grobu neustáino wlekut wsá=
=ko czlowêczeskoe têlo. Powedáiut bo, têlo násze sostáwlyeno bit iz czet=
=irech perwosotwôrnich wecey: sé iest iz Zemlyi, Wodi, Wozducha, i Og=
=nya. Pokazáta pák tača meżu sobóiu sut supotiwna: i iedno iest razor=
=lyiwo drúgomu (wsegda bo súcho z mokrim, i toplo so studenim se
borit) zaradi togo nemożet w nyich prebiwat mir, ni obstoiálno bit
sostawlyênie nyichowo. Zaradi togo i tělo násze, ot takowa swo=
=yich czastey nezgódia, wsegdasznyuiu rát w sebê nosit, i iscezáet:
i potrébna mu iest iezedény kormôwaia poprawa. Kogda bo nasz
ot yêstwi i pitia (: a na wremé i ot wraczestwa) obnawlyena tela iego
sila; borzo bi sé ono razwalilo i zgiblo. Tako prawo
wsáko wladatelystwo iest sostáwlyeno iz mnogich nezgódnich czastey:
Kotoriye swoyim nezgódiem, i borênieem, wladatelystwu nanosyat
tljennuiu nužu: i prypierzáiut k iego narusżenii ili k razorênii.
To iest, iéże wo wsáko wreme, neoczeitanim naiimom podwechódat
domáczniy zli zakóni, a naródniczeskie libo nauke, libo do=
=máczni chitrosti: kójimi gdárstwo, bedstwo nedugmi, zarażáetse, cho=
=rêet, i tlêet: i potrêbna mu iest neustáina popráwa.

5. Tljénie pák, ili izchowênie naródnoe razumjéet sé biwát po raznich priczinach.

Chorosi Gospodárstwênye.

i Wsee kralyestwa dospjêt pod oblast inich naródow: iakoże Polyskoe, gde
inoplemênniki kralyuiut.

кихъ нескромныхъ взглядовъ, въ полной безопасности отъ всякихъ доносовъ, и потому обо многомъ говоритъ откровенно, не стѣсняясь, не стараясь ни представить въ измѣненномъ видѣ, ни прикрасить неказистую дѣйствительность. Въ одномъ только можно заподозрить Котошихина: въ нѣкоторой односторонности воззрѣній и въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на современную русскую жизнь, общество и семью, въ которыхъ онъ не видитъ никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, ничего утѣшительнаго, подающаго надежду на лучшее будущее. Такая односторонность взгляда была, очевидно, слѣдствіемъ того раздраженія, которое было вызвано въ Котошихинѣ его неудачами и необходимостью покинуть отечество и искать убѣжища на чужбинѣ. Это раздраженіе въ значительной степени способствуетъ тому, что все *западное* ему нравится и что всюду, гдѣ онъ имѣетъ случай сравнить наши учрежденія съ учрежденіями европейскими, онъ безусловно отдаетъ преимущество послѣднимъ. Нельзя, однакоже, усомниться въ томъ, что онъ вполнѣ искренно проникнутъ идеею необходимости просвѣщенія для Россіи и твердо вѣритъ, что лишь оно можетъ способствовать исправленію многихъ золъ и неправдъ, тяготѣющихъ надъ его отечествомъ. Вотъ почему онъ, указывая на несостоятельность бояръ, какъ правителей и совѣтниковъ царскихъ, говоритъ съ увѣренностью о причинѣ этой несостоятельности, которую видитъ въ томъ, что многіе изъ нихъ „грамотѣ не ученые и нестудерованные“. Указывая на многія мрачныя стороны семейной жизни въ боярской средѣ, Котошихинъ и тутъ видитъ причину ихъ въ томъ, что *„Московскаго государства женскій полъ неграмотный“*. Съ ужасомъ и отвращеніемъ упоминая о разныхъ нестроеніяхъ въ общественной жизни, достигшихъ крайняго предѣла развитія, Котошихинъ повторяетъ ту же пѣсню: „надо учиться, у иностранцевъ учиться, и дѣтей къ нимъ же для обученья посылать“. И эта мысль лежитъ въ основѣ всего его труда, весьма замѣчательнаго, при многихъ его недостаткахъ.

Трудъ Крижанича, о которомъ мы упомянули выше, рядомъ съ трудомъ Котошихина, представляетъ собою нѣчто иное и является, во всякомъ случаѣ, плодомъ болѣе разносторонняго, болѣе глубокаго наблюденія и болѣе безпристрастнаго отношенія къ русской жизни.

Юрій Крижаничъ былъ, по происхожденію, хорватъ, а по званію—католическій священникъ. Родился онъ въ 1617 г. [1]), въ Загребской жупаніи, и происходилъ отъ одного изъ весьма древнихъ и знатныхъ, но обѣднѣвшихъ и захудалыхъ, мѣстныхъ дворянскихъ родовъ. Подобно многимъ другимъ бѣднымъ дво- Ю. Крижаничъ.

[1]) Въ Россію онъ прибылъ въ 1659 году, слѣдовательно на 42 году—въ цвѣтѣ силъ и физическихъ, и нравственныхъ.

рянамъ, Юрій Крижаничъ вынужденъ былъ избрать духовную карьеру: при этомъ ему, какъ юношѣ талантливому и умному, удалось обратить на себя особенно-милостивое вниманіе загребскаго епископа Винковича, который сталъ ему покровительствовать и направилъ его, на свои средства, сначала въ вѣнско-хорватскую семинарію (около 1638 г.), а затѣмъ даже и въ Болонью, для изученія высшихъ наукъ, преимущественно юридическихъ. Однакоже Юрій Крижаничъ этимъ не удовольствовался; онъ перебрался изъ Болоньи въ Римъ и здѣсь поступилъ въ коллегію св. Аѳанасія, учрежденную папами съ цѣлью распространенія Уніи между славянами. Здѣсь Крижаничъ впервые сошелся съ нѣкоторыми выходцами изъ Россіи и Польши, которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, бывало въ этой коллегіи не мало. Есть основаніе думать, что, при ихъ именно помощи, ученый хорватъ ознакомился съ языками русскимъ и церковно-славянскимъ; отъ нихъ же получилъ онъ первыя понятія о Россіи и русскомъ народѣ. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ свѣдѣній о могущественномъ и обширномъ славянскомъ государствѣ, живой и воспріимчивый Крижаничъ сталъ мало-по-малу переходить отъ идеи Уніи церковной — къ болѣе широкой и болѣе привлекательной идеѣ Уніи государственной, при посредствѣ которой должно было создаться, въ будущемъ, громадное всеславянское государство подъ непосредственнымъ главенствомъ Россіи. Крижанича побуждало къ увлеченію этой идеей то жалкое положеніе, въ которомъ онъ видѣлъ хорватовъ и всѣ родственныя имъ племена славянскія (кромѣ поляковъ и русскихъ), изнывавшія подъ тяжкимъ гнетомъ турокъ и нѣмцевъ. Онъ чрезвычайно вѣрно угадалъ, что государственный строй Россіи болѣе проченъ и надеженъ по отношенію къ будущему, нежели строй вольнолюбивой Польши; и вотъ, въ 1659 году, Крижаничъ, черезъ Галицію, отправился въ Малороссію. Здѣсь и въ Бѣлоруссіи онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и хорошо изучилъ отношеніе коренного русскаго населенія къ пришлому и господствующему польскому; затѣмъ уже Юрій Крижаничъ явился въ Москву. Самъ онъ говоритъ, что явился въ Россію для выполненія слѣдующихъ трехъ главныхъ задачъ: „во-первыхъ, хотѣлъ поднять славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобы мы могли правильно говорить и писать и чтобы было у насъ изобиліе рѣченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ; во-вторыхъ, думалъ написать исторію славянства, и въ ней опровергнуть нѣмецкія лжи и клеветы; въ-третьихъ, обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, славянъ“. Задачи эти, въ важнѣйшей ихъ части, онъ и выполнилъ; но уже въ Тобольскѣ, куда онъ былъ отправленъ

въ 1661 году, очевидно, въ ссылку. Ссылкѣ этой приданъ былъ видъ почетнаго порученія, такъ какъ въ указѣ государевомъ Крижаничу повелѣвается: „быть въ Тобольскѣ у Государевыхъ дѣлъ у какихъ пристойно“. Историкъ нашъ, Соловьевъ, предполагаетъ, что причинами ссылки слишкомъ рьянаго и черезчуръ откровеннаго хорвата были, вѣроятно, его выходки противъ заѣзжаго греческаго духовенства, пользовавшагося большимъ вліяніемъ и значеніемъ въ Москвѣ, и которое Крижаничъ старался изобличить въ своекорыстіи и злоупотребленіи щедростью и довѣрчивостью русскихъ людей... Какъ бы то ни было — но это была ссылка, какъ мы можемъ видѣть изъ сохранившагося „благодарственнаго посланія Крижанича къ царю Ѳеодору Алексѣевичу за его освобожденіе“ (по смерти царя Алексѣя Михайловича, въ 1676 году). Крижаничъ былъ, слѣдовательно, возвращенъ изъ Сибири, но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; есть, впрочемъ, основаніе думать, что онъ умеръ внѣ Россіи.

Во время пребыванія въ ссылкѣ, гдѣ Крижаничъ провелъ пятнадцать лѣтъ, онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій богословско-догматическаго содержанія; написалъ и грамматику славянскую; написалъ и самое важное изъ своихъ сочиненій — „*Политику*“, — которое и было издано у насъ, полъ-вѣка назадъ, подъ весьма неопредѣленнымъ и невѣрнымъ общимъ заглавіемъ: „*Русское государство въ половинѣ XVII вѣка*“, хотя въ рукописи Крижанича оно называется: „*Разговоръ о владательству*“.

„Политика“ Крижанича — это весьма обширный и замѣчательный трактатъ, изложенный въ формѣ разговоровъ и отдѣльныхъ разсужденій, въ которыхъ онъ развиваетъ теорію устройства государствъ вообще и Русскаго государства въ частности, притомъ сравнительно съ другими славянскими и европейскими государствами. Затѣмъ уже онъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію русской современности, т. е. состоянія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но между трудомъ Крижанича и трудомъ Котошихина существуетъ огромная разница: Котошихинъ, по личнымъ поводамъ, все огуломъ отрицаетъ или порицаетъ: Крижаничъ, съ поразительнымъ безпристрастіемъ, отличаетъ хорошее отъ дурного, и въ характерѣ, и въ бытѣ, и въ обычаяхъ русскаго народа, и, порицая что-либо, старается тотчасъ же указать и средства, необходимыя для исправленія зла, настаиваетъ на необходимости преобразованій, отмѣчаетъ повсемѣстную нужду въ просвѣщеніи, причемъ ко всему относится съ большимъ критическимъ тактомъ, выказывающимъ въ Крижаничѣ человѣка не только образованнаго, но и просвѣщеннаго.

Вся „Политика“ Крижанича раздѣляется на три части: въ первой онъ говоритъ „о народномъ и державномъ благѣ и богат-

ствѣ"; во второй, посвященной царю Алексѣю Михайловичу—„о силѣ державной"; въ третьей—„о мудрости державной". Первая часть касается вопросовъ чисто-экономическихъ, къ которымъ Крижаничъ относится такъ разумно и практично, что многіе изъ его совѣтовъ и предположеній и теперь бы еще могли имѣть значеніе и примѣненіе, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ говоритъ и о ремеслахъ, и о торговлѣ, и о промышленности, подробно останавливаясь на всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства [1]).

Во второй части авторъ говоритъ о силѣ государства, т. е. о крѣпостяхъ, оружіи и войскѣ. Здѣсь, между прочимъ, Крижаничъ возстаетъ противъ современнаго русскаго обычая—избирать иноземцевъ въ начальники надъ полками и поручать имъ обученіе войска. Но самою важною частью „Политики" является у Крижанича третья, въ которой онъ разсуждаетъ о мудрости вообще, и въ частности -о мудрости государственной. Здѣсь-то и высказываетъ онъ много весьма справедливыхъ сужденій о Россіи—много истинъ, и до настоящаго времени не утратившихъ своего значенія въ отношеніи къ жизни народной и государственной. „Высшій даръ человѣка есть разумъ", — говоритъ Крижаничъ;—„дѣятельность разума выражается въ мудрости; мудрость же пріобрѣтается ученіемъ и книгами. Мудрость столько же нужна для государей, какъ и для обыкновенныхъ людей; при живыхъ совѣтникахъ нужны еще лучшіе совѣтники мертвые — книги! Книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью—книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину"... Любопытны по своей вѣрности и опредѣленности и дальнѣйшія разсужденія Крижанича. „Никто не можетъ сказать",—говоритъ онъ:—„чтобы намъ, славянамъ, опредѣленіемъ неба, закрытъ былъ путь къ знанію, какъ бы намъ вовсе не слѣдовало усваивать себѣ науки; вѣдь и другіе народы не въ одинъ день или годъ научались, но мало-по-малу перенимали отъ другихъ; такъ же точно и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся... И теперь именно время учиться, когда Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало; а у иныхъ народовъ мы видимъ, что науки тогда и начинаютъ цвѣсти, когда государство достигаетъ наибольшей силы... Скажутъ пожалуй: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости... А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ? Отъ огня, воды и желѣза умираютъ многіе; а, между тѣмъ, люди не могутъ жить безъ нихъ: такъ же точно и мудрость потребна людямъ".

Мудрость *государственная*, по мнѣнію Крижанича, заключается

[1]) Не поддаваясь никакимъ современнымъ русскимъ предразсудкамъ, Крижаничъ, напр., прямо совѣтуетъ разводить табакъ, считая табаководство весьма прибыльнымъ.

только въ слѣдующемъ: „*народъ долженъ познать самою себя и не вѣровать инородникамъ* (т. е. иноземцамъ)“. Для поясненія своей мысли Крижаничъ прибѣгаетъ къ такому наглядному сравненію: врачъ не можетъ лѣчить человѣка, пока не узнаетъ его болѣзни; такъ точно и политикъ, не узнавъ своихъ силъ и нуждъ, не можетъ ни поправить своихъ дѣлъ, ни промыслить о своихъ нуждахъ. Все зло въ народѣ происходитъ отъ незнанія своихъ силъ и способностей, своихъ пороковъ и недостатковъ: „въ этомъ случаѣ“, — добавляетъ Крижаничъ удивительно тонко: — „люди сами себя и свои обычаи пышные любятъ, и считаютъ себя и сильными, и богатыми, и мудрыми, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ“. Послѣ этого совершенно вѣрнаго заключенія, Крижаничъ переходитъ къ перечисленію народныхъ пороковъ, не спеціально русскихъ, но обще-славянскихъ, и опять-таки вполнѣ вѣрно намѣчаетъ важнѣйшіе изъ нихъ: лѣность, чрезмѣрную расточительность и рядомъ съ нею скудость, пированіе, пьянство и излишнее гостепріимство, жестокость къ подвластнымъ, какъ слѣдствіе расточительности, недостатокъ благородной гордости, неумѣренность во власти, какъ слѣдствіе склонности къ крайностямъ, гибельную страсть мѣшаться въ чужія дѣла и неумѣнье поддержать миръ между собою. И, вслѣдъ за этимъ перечисленіемъ нашихъ недостатковъ, Крижаничъ укоряетъ насъ въ томъ, что мы почти половину года проводимъ въ праздникахъ и праздниками пользуемся только для того, чтобы упиться „на-уморъ“. Но всѣ эти пороки и недостатки русскаго народа и всѣхъ славянъ вообще Крижаничъ почитаетъ за ничто, въ сравненіи съ пристрастіемъ славянъ и русскихъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, и даже придаетъ этому пристрастію особое названіе „чужебѣсія“, которое почитаетъ смертоносною болѣзнью. „Неисчислимы бѣдствія и срамоты, какія терпѣлъ и терпитъ нашъ народъ отъ того, что мы черезчуръ довѣрчивы къ иноземцамъ и допускаемъ ихъ дѣлать въ своей землѣ все, что они хотятъ“. Самымъ лютымъ врагомъ славянъ Крижаничъ почитаетъ нѣмцевъ; но въ то же время весьма опредѣленно высказываетъ свою непріязнь и къ грекамъ. Очень оригинально проводитъ онъ различіе между тѣми и другими, какъ между двумя крайностями. „Нѣмцы“,—говоритъ онъ:—„убѣждаютъ насъ ко всему новому, хотятъ, чтобы, презрѣвши всѣ похвальныя наши древнія учрежденія и нравы, мы сообразовались съ ихъ развращенными нравами и законами. Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну. Кричатъ и повторяютъ, что все новое—зло. Нѣмцы стараются насъ увлечь въ свою школу... а греки осуждаютъ всякую науку, всякое знаніе и внушаютъ намъ невѣжество... Расходясь такъ далеко между собою, въ большей части вопросовъ, они въ томъ только отлично соглашаются между собою,

что тѣ и другіе ищутъ надъ нами господства [1]." Само собою разумѣется, что Крижаничъ, укоряя своихъ соплеменниковъ въ чрезмѣрной приверженности ко всему иноземному, самъ ужъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи всего чужого, позабывая, что цивилизація всегда строила свое зданіе прогресса, пользуясь различными, уже готовыми элементами и все подводя подъ одинъ общій уровень.

Въ противоположность Котошихину, который, набросавъ мрачную картину быта и нравовъ современнаго ему общества, видитъ одно спасеніе въ томъ, чтобы всему учиться у Запада и все съ Запада перенимать—Крижаничъ, перечисливъ всѣ пороки, недостатки и пробѣлы, какъ въ характерѣ русскаго народа, такъ и въ самомъ строѣ его жизни, тутъ же рядомъ указываетъ и предлагаетъ различныя преобразованія и нововведенія, которыя, по его мнѣнію, должны принести русскому народу существенную пользу. При этомъ, съ поразительною проницательностью, онъ оцѣниваетъ значеніе той страшной мощи, которая сосредоточена въ рукахъ русскаго царя. Обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу и умоляя его собрать во-едино всѣхъ славянъ подъ своимъ скипетромъ, онъ высказываетъ ему, какъ бы подъ внушеніемъ особаго вдохновенія, слѣдующее:

„О царь, въ твоихъ рукахъ чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса: въ твоихъ рукахъ самодержавіе—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Давно уже на свѣтѣ не было такого царя или владѣтеля, который бы имѣлъ силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать, и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земного царства, царство небесное".

Затѣмъ, устами самого царя, Крижаничъ излагаетъ планъ предполагаемыхъ имъ преобразованій, въ подробности которыхъ мы не вдадимся, отмѣтивъ, однакоже, что разумною основою всѣхъ этихъ преобразованій являются у Крижанича — уничтоженіе всякихъ монополій и общее, равное для всѣхъ сословій, правосудіе.

Значеніе труда Крижанича.

Въ заключеніе того, что̀ высказано нами выше о Юріи Крижаничѣ, мы должны добавить, что придаемъ его „Политикѣ" весьма серьезное значеніе по отношенію къ наступившей вскорѣ послѣ того Эпохѣ Преобразованій. Сочиненіе Крижанича, какъ достовѣрно извѣстно, находилось въ числѣ прочихъ книгъ „на

[1]) При этомъ Крижаничъ приводитъ весьма любопытный анекдотъ, который отлично характеризуетъ отношеніе грековъ къ Московскому государству: «Я знавалъ одного грека, который сердился на блаженнаго Кирилла Солунскаго за то, что тотъ изобрѣлъ намъ и передалъ славянскія буквы и перевелъ Св. Писаніе. Онъ говорилъ, что слѣдовало бы не давать тѣмъ людямъ буквъ и не переводить Св. Писанія, а принудить ихъ, чтобы они учились языку и буквамъ грековъ; пусть бы, такимъ образомъ, нуждались всегда въ греческихъ учителяхъ».

Верху Государевомъ", т. е. въ Царской Дворцовой библіотекѣ. Можно предположить почти безошибочно, что книга ученаго хорвата, если и была въ рукахъ у царя Алексѣя Михайловича и его благородныхъ совѣтниковъ, то, конечно, не могла имъ понравиться по своему содержанію—по смѣлости мыслей и сужденій, и многимъ другимъ своимъ сторонамъ. Но зато можно утверждать съ полною увѣренностью, что та же книга не миновала рукъ царя Петра, который, конечно, съ юныхъ лѣтъ все перерылъ и перечиталъ въ библіотекѣ своего отца, и изо всѣхъ книгъ, попадавшихся ему подъ руку, сумѣлъ, со свойственною ему живостью и воспріимчивостью, извлечь то, что ему было потребно. Ему должны были прійтись по сердцу совѣты умнаго и ученаго хорвата — воспользоваться единодержавіемъ для введенія необходимыхъ преобразованій въ Россіи *сверху*, чисто-административнымъ путемъ, не обращая вниманія на сопротивленіе массы и не затрудняясь имъ. Ему должны были понравиться и строгія осужденія Крижанича по отношенію къ той лѣни и праздности, которыя онъ указывалъ въ числѣ существеннѣйшихъ недостатковъ русскаго народа; должны были даже показаться весьма пригодными и умѣстными взгляды, высказываемые Крижаничемъ на образованіе [1]), въ значительной степени сходившіеся съ его утилитарными воззрѣніями на науку и обученіе. Энергичная рѣчь безкорыстнаго и восторженнаго поклонника русской мощи, его громкія и горячія воззванія къ царю московскому, какъ къ царю всеславянскому, его настойчивыя указанія на то, что каждый народъ долженъ сознательно относиться къ своимъ силамъ и способностямъ и слѣдовать своей самостоятельной стезѣ въ политикѣ — всѣ эти мысли должны были глубоко запасть въ душу юнаго Петра и несомнѣнно найти себѣ отголосокъ въ его будущей дѣятельности.

Древніе изразцы Печатнаго Двора въ Москвѣ.

[1]) «Только дѣти высшихъ классовъ, — говорилъ по этому поводу Крижаничъ — и то не всѣ, а самыя богатыя, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъ называемыми *трудовыми*—математикой, астрономіей, медициной и проч.

Виньетка Петровскаго времени съ видомъ Московскаго Кремля.

Зачало изъ рукописнаго Евангелія 1587 г.

Эта рукопись XVI вѣка принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ рукописнымъ сокровищамъ и, по красотѣ письма, по изяществу, богатству и разнообразію украшеній, внесенныхъ въ текстъ, можетъ быть названа перломъ нашей древней письменности.

Текстъ приводимаго нами зачала читается такъ:

Отъ Матѳея святое благовѣствованіе глава

Книга родства іисусъ христова сына давидова,
сына авраамля, авраамь роди
ісаака, ісаакъ же роди яко
ва, яковъ же роди іуду
и братію его, іуда же роди
фареса и зара отъ ѳамары.
фаресъ-же роди есрома
есромъ-же роди арама, арамъ же

недѣля предъ рождьствомъ христовѣмь св. отецъ.

[illegible]

Книга родства ІС ХВА СНА ДВДОВА,
сна авраамля . авраамъ ро
ісаака . ісаакже, родиіак
ва . іаковъже роди, іоуда
и братію его . іоудаже роди
фареса и зара ѿ ѳамары .
Фаресже роди, єсрома.
єсромже роди, арама . арамже

[illegible]

„ЗАЧАЛО" ИЗЪ РУКОПИСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ 1537 Г.
(Уменьшено въ два раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

Другое зачало изъ того же Евангелія 1537 года.

Текстъ приводимаго нами зачала читается такъ:

Отъ Луки святое благовѣствованіе глава 1-я:

Понеже убо мнози начаша
чините повѣсть о извѣ
стованыхъ въ насъ вещехъ яко
же предаша намъ иже испе
рва самовидцы и слугы бы
вшеи словеси, изволи
ся и мнѣ послѣдовавшу
выше всѣхъ испытно поря

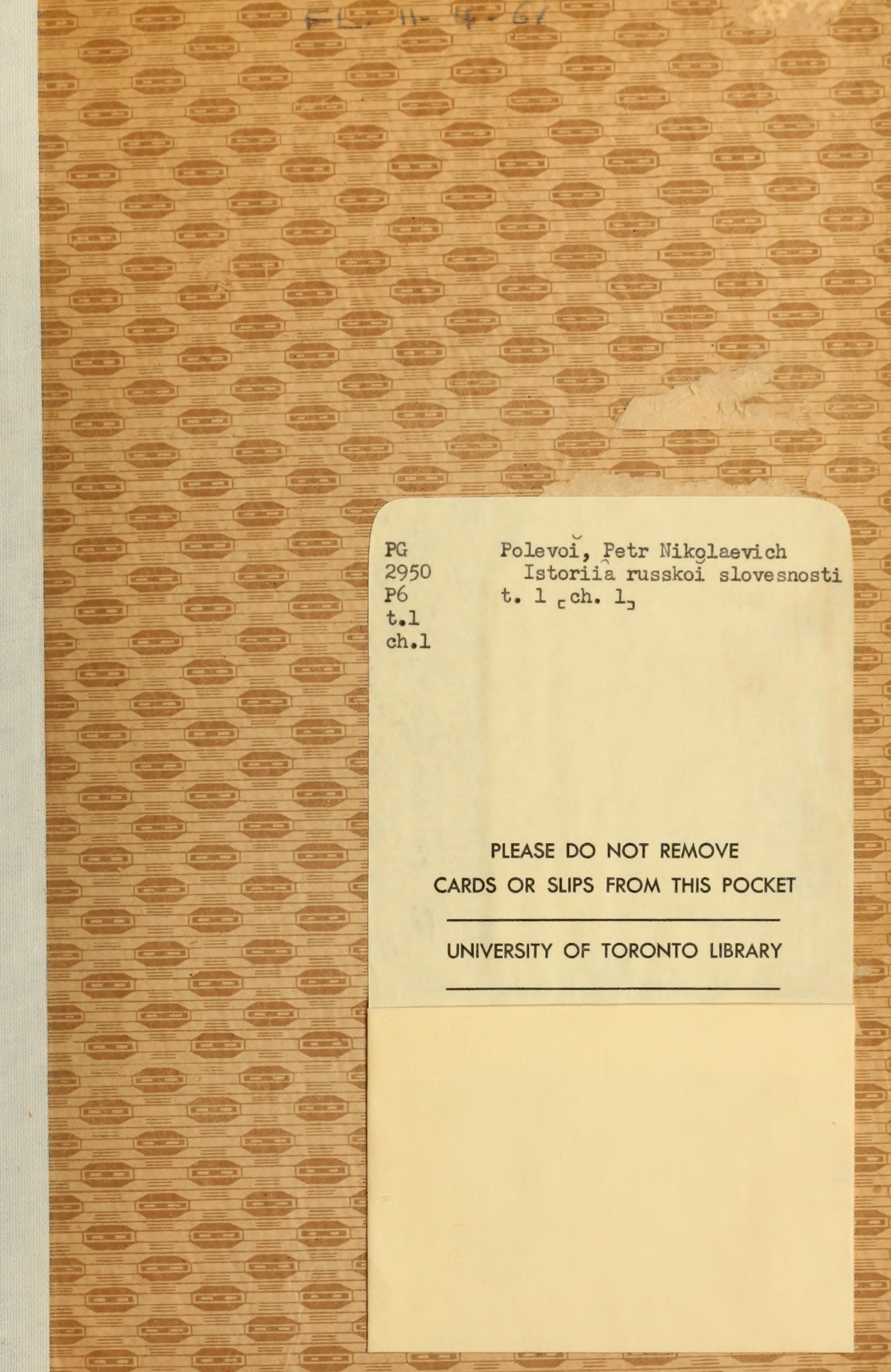
На рождество честнаго предтечя и крестителя іоанна лит.

ДРУГОЕ „ЗАЧАЛО“ ИЗЪ РУКОПИСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ 1537 Г.
(Уменьшено въ два раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

FL. 11-14-61
PG
2950
P6
t.1
ch.1
Polevoi, Petr Nikolaevich
Istoriia russkoi slovesnosti
t. 1 [ch. 1]
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY